

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ПСИХОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЭКОСООБЩЕСТВ И ЭКОТЕРРИТОРИЙ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ И МЕНТАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ

ISBN 978-5-9624-2514-6

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт социальных наук
Педагогический институт

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ПСИХОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЭКОСООБЩЕСТВ И ЭКОТЕРРИТОРИЙ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ И МЕНТАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
Иркутск, 10–13 сентября 2026 г.

ИРКУТСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИГУ
2026

УДК 159.922.-4:316. 6
ББК 88.5
И77

Ответственные редакторы:
доктор психологических наук, профессор *А. Д. Карнышев*
кандидат психологических наук, доцент *О. А. Карнышева*
кандидат психологических наук, доцент *Е. А. Иванова*

И77 **Информационные** и психолого-экономические ресурсы экосообществ и экотерриторий для национальной консолидации и ментального здоровья : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, 10–13 сентября 2026 г. / отв. ред.: А. Д. Карнышев, О. А. Карнышева, Е. А. Иванова. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2026. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.

ISBN 978-5-9624-2514-6

В материалах конференции звучит подтверждение гипотезе, что экосообщества и экотерритории, опираясь на понятия *oikos* (дом и родина) становятся психолого-экономическими категориями, через которые при взаимодействии с искусственным интеллектом начинают решаться многие локальные проблемы защиты и возобновления ресурсов природы и улучшения психологического здоровья людей. Рассматриваются три важнейших аспекта: взаимосвязь влияния природы и психологического здоровья и на этой основе социальные умиротворенность и согласие, в том числе межнациональное, а для этих моментов нужна забота о естественной среде. В ряде статей раскрываются психологические аспекты оздоравливающих практик Сибири и Байкала, особенно для участников СВО и членов их семей: байкалотерапия, водолечение, траволечение, медитация с созерцанием природы таежных и степных просторов, оздоравливающие практики шаманов, оздоровление души в буддизме и христианстве.

Предназначено для преподавателей общественных и педагогических дисциплин, студентов бакалавриата и магистратуры, обучающихся по гуманитарным направлениям в университетах, а также для практиков, интересующихся вопросами экологической деятельности и становления экотерриторий и экосообществ.

УДК 159.922.-4:316. 6
ББК 88.5

ISBN 978-5-9624-2514-6

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы, ресурсы и перспективы экосообществ и экотерриторий (вместо предисловия) 9

РАЗДЕЛ 1. МЕТОДОЛОГИЯ И ИДЕОЛОГИЯ ЭКОЛОГИЧНОГО БЫТИЯ

Карнышев А. Д.
Психолого-экономические и этнокультурные истоки и принципы организации экосообществ и экотерриторий (байкальские примеры) 14

Ардашев Р. Г.
Геопространственные и социально-мировоззренческие закономерности социокультурного ландшафта России 24

Ибрагимбекова Р. Ф.
Психология архитектуры: окружающая среда – архитектура – личность 27

Титова О. И.
Гендерно детерминированные паттерны взаимодействия в семье как психологический фактор практик экологического потребления 35

Ковалева Д. А.
Экологическое волонтерство как фактор формирования гражданской идентичности молодежи Байкальского региона 43

Лашко А. А.
Экологическое волонтерство в Байкальском регионе 47

Богачева И. Г.
Организация и развитие экологического туризма и экологии туризма как особых форм участия в улучшении состояния природы 50

Чуняева Ю. Д.
Социально-культурная деятельность как ресурс формирования экосреды психологической безопасности детей с отклоняющимся поведением 56

Лавыгина М. А.
Влияние приверженности идеологии социального служения на ментальное здоровье молодых специалистов по социальной работе 59

Михеев И. А.
Экокоммуникация: теоретические основы, принципы 64

Батуев М. Ж.
Экосистемный подход в аквакультуре: проблемы и перспективы 71

РАЗДЕЛ 2. СТУДЕНТЫ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ О ПРИРОДНЫХ ПОТЕНЦИАЛАХ ПОМОЩИ УЧАСТНИКАМ СВО И ЧЛЕНАМ ИХ СЕМЕЙ В РЕАБИЛИТАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЗДОРОВЬЕ

Апанина А. В.
Реабилитация ветеранов боевых действий ресурсами природы Иркутской области 76

Карнышев А. Д.
Ресурсы природы, семейных связей и искусственного интеллекта для психологического здоровья участников СВО 79
Карнышева О. А.
Психологическая помощь семьям участников СВО в рамках образовательных организаций 87
Попова В. В., Королев С. А.
Природные ресурсы в реабилитации лиц с зависимостью 94
Наумов Н. О.
Социальная работа с ветеранами СВО в сельских поселениях Прибайкалья: доступность услуг и локальные практики помощи 98
Ненартович Н. Н.
Рекреационные возможности реабилитации участников СВО в Иркутской области 103
Баранкова Н. В.
Психологическая адаптация членов семей участников СВО в условиях длительного стресса 106
Радкова А. Д.
Психолого-реабилитационный потенциал Байкала в восстановлении психологического здоровья детей с социальной дезадаптацией 111
Карнышева О. А.
Изменения межнациональных отношений в стране и регионе глазами жителей Иркутской области: эффект СВО 114

РАЗДЕЛ 3. ЭКОСООБЩЕСТВА И ЭКОТЕРРИТОРИИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Палащенко Е. В.
Экоусловия городского развития 120
Гольцова Е. В.
Экологичность города Иркутска: проблемы и перспективы 124
Полюшкевич О. А.
Просоциальная активность в экотерриториях 130
Кузнецова Е. А.
Экосообщества в условиях цифровой социализации 135
Хохлова О. М., Акулова В. И.
Роль общественного участия в развитии комфортной городской среды 139
Терехова Т. А., Трофимова Е. Л., Третьякова Р. Р.
Использование возможностей искусственного интеллекта в когнитивной и поведенческой психологии: обзор зарубежной литературы (2022–2026 гг.) 144
Борисов Н. В.
Информационно-психологические ресурсы формирования экотерриторий и экосообществ в Байкальском регионе 152

Забанова В. А.
Социальные сети как инструмент экологического патриотизма у молодежи (на примере озера Байкал) 157
Корелин М. Н.
Экопространство спортивно-патриотической подготовки молодежи 160
Ковалева Д. А.
Чат-боты и мобильные приложения на основе искусственного интеллекта как инструмент экологического просвещения студентов 164
Борисов Н. В.
Изоморфизм как основа модели взаимосвязи структуры экотерриторий и экосообществ с параметрами личности 168

РАЗДЕЛ 4. МЕНТАЛЬНОСТЬ РОССИЯН КАК ОРИЕНТИР И РЕСУРС ВОСПИТАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ К МАЛОЙ РОДИНЕ

Дугарова Т. Ц., Лажили Л. С.
Психосемантическое исследование духовно-нравственных ценностей подростков 177
Карнышев А. Д., Кишинская Т. А.
Этнические истоки экологичного менталитета и ментального здоровья личности и семьи и их связь с современными психолого-экономическими реалиями 185
Иванов Р. В., Белоусов Д. В.
Проблемы организации системы патриотического воспитания молодежи на территории Прибайкалья 192
Бухарова Е. А., Решетникова Е. В.
Этнокультурные ценности как фактор гражданской идентичности молодежи 198
Тудупова Т. Ц.
Психолого-педагогические идеи буддизма в воспитании духовно-нравственной личности 201
Миронова Т. Л.
Исследование личностных свойств у старшеклассников 205
Кравченко Т. В., Миронова Т. Л.
Эмоциональное состояние матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья 213

РАЗДЕЛ 5. ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЕ И РЕКРЕАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ БАЙКАЛЬСКОЙ ПРИРОДЫ

Хохлова О. М.
Байкал – место силы и его роль в восстановлении духовного и физического здоровья 225
Миронова Т. Л.
Образ Байкала и отношение к нему в фольклоре и искусстве 230

Бадмаева С. Д.
Звукотерапия на Байкале как ресурс психологического здоровья 237
Башкатова Т. Б., Варнакова Е. В.
Социальные механизмы стимулирования экологической активности местного населения в муниципальных образованиях (на примере Иркутской области) 240
Резанов И. А.
Регулирование сбора и использования дикорастущих лекарственных растений для нужд народной медицины 245
Баев П. А.
Экосберегающие практики развития экоосознанной личности 251
Белкина К. В., Старцев Е. А.
Ретрит на Байкале как ресурс формирования психологического здоровья молодежи 255
Копылова А. В.
Профилактика профессионального выгорания путем ландшафтной терапии 259
Старцев Е. А.
Озеро Байкал как фактор профилактики профессионального выгорания офисного персонала 263
Горковенко В. Ю.
Влияние природно-климатических факторов озера Байкал на психологическую и спортивную подготовку атлетов 270

РАЗДЕЛ 6. ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Журавлева И. А.
Экологическая культура и территориальная идентичность в социализации студентов 276
Чекулаев В. О.
Тематическая структура и тональность экологического контента в цифровом пространстве Иркутской области: результаты контент-анализа 280
Ковалева Д. А.
Семейные экологические традиции как фактор формирования этнокультурной идентичности и психологического благополучия молодежи Байкальского региона 284
Хохлова О. М., Быкова Е. Г.
Оценка эффективности вовлечения молодежи в социально-экономическое развитие (на примере Иркутской области) 289
Кожаев Д. С.
Муниципальные программы поддержки молодежных экоинициатив: экономические механизмы и психологические мотивы участия 293

Пухова А. С.
Виртуальная и реальная экологическая активность в Иркутской области: анализ разрыва между грантовой поддержкой и экологическим состоянием 298
Салонин А. Р.
Взаимодействия бизнеса и власти в ресурсном регионе: влияние диалога на экологическую повестку Иркутской области 303
Азатян Т. Д.
Экологическая адаптация первокурсников на Байкале: ресурсный потенциал профсоюзной организации вуза 310

РАЗДЕЛ 7. ПРОЯВЛЕНИЯ ЭТНИЧНОСТИ И ПОЛИЭТНИЧНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Стоюхина Н. Ю., Миронов Д. В.
Из истории изучения полиэтничности на берегах Байкала: дети эвенков 316
Мурзина Ю. С., Pavlov Daniel
Кросс-культурный анализ семейной поддержки в бизнес-семьях из России и Болгарии 324
Алексеева А. Н.
Роль традиционного воспитания в формировании экологического сознания подрастающей личности (на примере Японии) 331
Кобец М. А.
Социокультурные и экологические условия развития военного патриотизма (на примере казачества) 335
Резанов И. А.
Права коренных малочисленных народов на традиционное природопользование: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и стран Азии 338
Дамдинов Б. А.
Педагогический потенциал экосообществ для формирования ценностных ориентаций студентов-иностранцев 343
Бодиева Н. Б.
Роль сакральных мест в экологической этике шаманизма Байкальского региона 348
Мурзина Ю. С., Марчукова А. Д.
Выбор наследника в китайском семейном бизнесе: социокультурные и психологические детерминанты 353
Рыжова О. А.
Воспитательный потенциал этнокультурных традиций в формировании экологического патриотизма 359

Резанов И. А.
Юридическая ответственность за «гринвошинг» в рекламе и на упаковке 364
Бровченко Д. А.
Экологический компонент курса «Основы российской государственности» как инструмент политической социализации студенческой молодежи 369
Бастова К. Г.
Грантовая поддержка экологических молодежных проектов как инструмент политической социализации молодежи 377
Москалёв В. А., Тудупова Т. Ц.
К вопросу о субъективном экономическом благополучии как факторе тревоги и депрессии личности в условиях экономического кризиса 384
Яблоков А. Д.
Физическая культура и спорт как инструмент социальной работы в сельских поселениях Прибайкалья: вовлечение молодежи и развитие локальных инициатив 389

Информация об авторах 394

ПРОБЛЕМЫ, РЕСУРСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОСООБЩЕСТВ И ЭКОТЕРРИТОРИЙ
(вместо предисловия)

Традиционная научно-практическая конференция с международным участием в Иркутске и на Байкале в 2026 г. в связи с проведением Года единения народов России посвящена теме «Информационные и психолого-экономические ресурсы экосообществ и экотерриторий для национальной консолидации и ментального здоровья». Ее организаторами стали научно-педагогические подразделения Института социальных наук, включая вновь созданный центр «Байкал: ресурсы социальной экологии и психологического здоровья», и Педагогического института ИГУ. В намерениях организаторов рассмотреть информационные, социально-психологические и психолого-экономические аспекты происходящих в обществе изменений, к которым, например, относятся:

- планетарная дестабилизация ландшафтных и биологических систем, климатических условий и природных (в первую очередь водных и лесных) ресурсов, что требует модификации экологического сознания.
- стремительный рост в науке и практике роли ИИ, цифрорвых технологий и социальных сетей, реализация социальных и экономических ролей дистанционно;
- возрастание полиэтничности и национальной идентификации практически во всех регионах Земли.

Места проведения конференции – Иркутск и Байкал – сами по себе подталкивают к актуализации экологических установок. Байкал можно назвать пионером в официальной практике защиты природы в стране, причем еще до советской власти. Во-первых, в России более системная забота о природе как «большом доме» началась с 1912 г., когда при Императорском Русском географическом обществе была создана Постоянная природоохранительная комиссия. Одной из первых забот комиссии стала защита азиатско-сибирских животных и более всего соболей. В 1914 г. в Азию для изучения положения были направлены три экспедиции, одна из которых отправилась на северо-восточное побережье Байкала. Активная работа комиссии ознаменовалась тем, что 17 мая 1916 г. иркутский генера-губернатор подписал постановление о создании заповедника, а в конце этого же года Сенат Российской империи учредил Баргузинский заповедник, ставший по современным понятиям первой экотерриторией в стране. Во-вторых, реалии эпопеи борьбы против существования на Байкале целлюлозно-бумажного комбината и строительства нефтепровода по берегу озера-моря стали важными стимулами более высокой экологической активности населения прибайкальских мест и формирования некоторых особенностей их менталитета. В-третьих, 30 лет назад, в 1996 г. Байкал был признан участком мирового наследия, что усилило его планетарно-экологическое и этнокультурное значение.

Современная действительность побуждает придерживаться не только инноваций электронного мира, но и выработанных традиций народов России в отношении экологичного бытия и психологического здоровья, которые могут и должны встраиваться во все сферы жизнедеятельности человека и общества в его разных этнических вариантах, тем самым способствуя консолидации и патриотизму. Сформировавшиеся с давних пор в этнических группах народные идеи и истины по защите природных аспектов бытия, сохранению физического и душевного благополучия вполне можно назвать источниками ментального здоровья. Они демонстрируют историческую подоплеку развития в этносах важных для сегодняшнего дня идей. Примеры из опубликованных в сборнике статей показывают, что элементы экологичного менталитета и ментального здоровья встречаются в национальном самосознании любого народа, и связаны они прежде всего с факторами производительной деятельности на природе, благоустройства и комфорта в доме, физического и психологического здоровья человека и его семьи. Задача формирующихся экосообществ и экотерриторий состоит в том, чтобы лучшие примеры выявлять и в усовершенствованном виде использовать в современной обстановке экологичной экономики.

В присланных на конференцию материалах звучит подтверждение гипотезе, что экосообщества и экотерритории, опираясь на понятия *oikos* – дом и родина, становятся психолого-экономическими категориями, через которые начинают решаться многие проблемы защиты и возобновления ресурсов природы и улучшения психологического здоровья людей. Они в своих первичных вариантах могут представлять как дом и сконцентрированное вокруг него хозяйство, забота о которых и собственное благополучие через них составляли основу жизни таких объединений людей. Создание экосообществ как реальных и виртуальных малых и больших групп, нацеленных на эффективное функционирование экотерриторий разных масштабов, в жизни страны будет одной из важнейших психолого-экономических проблем. Наши авторы рассматривают особенности организации экосообществ и экотерриторий в городской и сельской средах и использование их потенциалов в обучении и социализации учащихся и студентов. Признается, что формирование экосообществ и экотерриторий наряду с психолого-экономической значимостью может иметь при целенаправленной ориентации существенные дивиденды в сфере межнационального согласия.

Особенностью сборника конференции можно назвать то, что в нем имеются публикации и по экологии и психологической помощи ветеранам СВО, в которых прослеживается внимание к технологиям искусственного интеллекта (ИИ). В условиях цифровизации многих аспектов жизни человека и его сообществ алгоритмы ИИ все активнее формируют экологическую повестку дня, определяют значимость тех или иных мер и мероприятий не только для сегодняшнего дня, но и для будущих инноваций. Среди форм, которые могут инициировать экосообщества для межнационального

согласия, названы: летние международные лагеря дружбы, посвященные экологической проблематике; проведение в учреждениях и на экотерриториях экологических фестивалей; конкурсы национальных искусств, связанных с пропагандой и защитой природы и тренинги по межкультурной коммуникации в решении экологических проблем.

В статьях показаны возможности интеграции ресурсов информатики, ИИ и социальных сетей для совершенствования экологической деятельности. А также ресурсы совмещения экологических деятельностей специальных организаций (национальные парки и заказники, экологические движения и т. д.) с интересами местного населения. В материалах отражено, что экологический менталитет, как и ментальное здоровье лучше использовать в этнокультурном смысле, и в таком случае они будут адекватны природным ресурсам психического здоровья в их этнических и, может быть, в региональных вариантах, таких, как Сибирь, Дальний Восток и т. п. (известные выражения «сибирское здоровье» или «кавказское долголетие»). В статьях можно найти материалы о ресурсах региона и народной медицины в психотерапии и конкретных формах рекреации и оздоровления на природе (садовая и ландшафтная терапия, психическое здоровье участников СВО, инвалидов и лиц, находящихся в экстремальных и кризисных ситуациях и т. п.). Раскрываются оздоравливающие практики Сибири: байкалотерапия, водолечение, траволечение, медитация с созерцанием природы таежных и степных просторов, оздоравливающие практики шаманов, оздоровление души в Буддизме и христианстве.

Авторы размышляют о волонтерских мотивах молодых людей, их желании участвовать в акциях по защите окружающей среды, как и их индивидуальные ресурсы деятельной любви к природным атрибутам необходимо облекать в реальные формы заботы о природе. От этого выиграет и общество, и личность. Но фиксируя настроенность молодежи на разные формы взаимодействия с природой, к сожалению, исследователи признают, что многие из таких значимых реалий не обеспечиваются на практике. Существенным препятствием становится, с одной стороны, дефицит общения современных людей с природой, с другой стороны, мало чем ограничиваемое развитие потребностей людей, которые идут во вред окружающей среде, тенденции эгоистических подходов к ней.

В перспективном плане материалы сборника нацеливают на то, что при междисциплинарном совокупном анализе со стороны социальных и психологических областей знания важно обратить внимание на некоторые особенности подхода к созданию экотерриторий и экосообществ, которые будут включать, как минимум, следующие параметры:

- при их характеристиках важно не упускать основные природосообразные традиции многонациональной России, в том числе некоторые из них, заимствованные из религиозных канонов ее народов;

- наличие у россиян нескольких поколений (в том числе с дореволюционного периода) сложившихся стереотипов в отношении экологии конкретных регионов и роли в ней жителей (постоянных и временных);
- связи экономики и экологии регионов с соответствующими тенденциями в соседних странах и их влияние на цели и ценности аборигенных жителей и русских старожилов: нельзя не обратиться к тем научным и нравственным истинам, которые проникали в регион с давних лет;
- возникающие в окружении регионов (российском и зарубежном) экологические инновации, становящиеся «модными» и востребованными.

Кратко стоит упомянуть о социально-научном составе авторов. Из более чем 70 авторов свыше 20 докторов наук и профессоров, кандидатов наук и доцентов, а также 28 магистрантов, 5 студентов и 4 аспиранта. Авторы сборника из 11 городов; конечно, больше всего из Иркутска (40) и Улан-Удэ (7), но есть и тюменцы, красноярцы, москвичи, петербуржцы и др. Есть и коллеги из других стран, они представляют Азербайджан, Болгарию, Индию, Китай.

А. Д. Карнышев, проф. ИСН ИГУ
И. А. Журавлева, директор ИСН ИГУ
Е. В. Решетникова, зав. кафедрой соц. работы ИСН ИГУ

РАЗДЕЛ 1

МЕТОДОЛОГИЯ И ИДЕОЛОГИЯ ЭКОЛОГИЧНОГО БЫТИЯ

Психолого-экономические и этнокультурные истоки и принципы организации экосообществ и экотерриторий (байкальские примеры)

А. Д. Карнышев

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Акцентируется внимание на локальных экотерриториях и экосообществах, обеспечивающих совокупность связей и отношений не только в экономике и экологии, но и непосредственно в собственном доме конкретных людей, делая их заинтересованными субъектами экосообществ. Отмечается, что экосообщества могут организовываться как виртуальные» объединения в социальных сетях, в связи с чем они могут иметь значительные перспективы в самых разных своих масштабах: от семейных и «домовых» до международных, в психологическом плане у них может быть существенный недостаток: отсутствие материальной результативности. Показывается, что в моду могут войти сугубо виртуальные критерии эффективности экосообществ: «ставить лайки», «подписываться в поддержку», «одобрять комментариями в сетях, и это станет психологическим «выражением» предполагаемой и субъективно хорошо оцениваемой активности. Делается вывод, что для преодоления таких «изъянов» при планировании локальных экотерриторий и экосообществ важно предусматривать методы и приемы, которые будут усиливать стремления людей к их созданию, и которые, при целенаправленной ориентации, будут способствовать межнациональному согласию. Приводятся примеры конкретных форм деятельности для экосообществ в Байкальском регионе.

Ключевые слова: oikos, дом, родина, экологический менталитет, экономические ресурсы, природный капитал, духовные услуги, межнациональное согласие.

По первоначальному значению корня слова *oikos* (дом, родина) экологию, появившуюся в качестве науки и практики в XIX в., рассматривали в соответствующем плане. Об этом говорит одно из первых ее определений: экология, ойкология – отдел зоологии, обнимает собою сведения о жилищах животных. Сегодня содержание экологии, особенно в анализе проблем, связанных с человеком, значительно усложнилось, причем растет понимание, что данную науку и практику необходимо внедрять в жизнь, особенно в условиях развивающегося мира, только в тесном союзе с инновационными знаниями и экономикой. Например, в этапах развития искусственного интеллекта (ИИ) стали выделять экосистемный этап, когда он становится важным элементом связующим человека с окружающей действительностью.

В свою очередь, в экономической науке наряду с понятиями финансовый и социальный капитал появилось понятие природный капитал, который по имеющимся в интернете данным и мнениям некоторых специалистов включает в себя три функции:

- ресурсная: прежде всего природные ископаемые, естественные силы и средства (солнце, вода, ветер) и «дары» природы: орехи, грибы, ягоды, оздоровительные и съедобные растения и т. д.;
- экологические услуги: естественная «переработка» загрязнений и отходов (ПРИРОДА сама себя чистит), спонтанное регулирование климата

и водного режима, влияние коррекции негативных факторов на состояния людей (нюансы этой функции чаще проявляются в понятиях психологическое здоровье человека и населения);

- своего рода «духовные» услуги: услуги природы, связанные с эстетическими, этическими, моральными, культурными, историческими аспектами. Например, эстетический ресурс природы зафиксирован в бесконечных творческих произведениях авторов, и эта креативность приносит и им, и обществу также бесконечные экономические дивиденды.

Примером компонента природного капитала, потенциально реализующего все три функции, является лес. Примером природного объекта, обеспечивающего все три функции, в интернете называют оз. Байкал. Оценка всех трех функций дает понимание об экономической ценности природы в целом. Но особенно своеобразно стоит рассматривать духовные услуги, которые не могут не быть этнически специфичными. Истоком своеобразия служит то, что многочисленные явления, связанные с понятиями дом, родина, встречаются не только в экономике и экологии, но и в других сферах бытия людей. В подходе к данным реалиям обычно невозможно обойтись без учета национальных элементов, поскольку в традиционных этнических хозяйствах и культурных атрибутах они отличаются самобытностью у разных народов. Конкретные примеры бытового плана: дом-юрта у бурят и монголов, изба у русских, хата у украинцев, сакля у кавказских народов, фанза у китайцев и корейцев и т. д., все они имеют свои ресурсы гармонизации отношений с природой. Даже такие общие нюансы демонстрируют многовариантность «феноменов» жизни этносов и справедливость выражения одного из основателей экономической психологии Г. Тарда в отношении многочисленных природных и социальных атрибутов: «неисчерпаемая роскошь различий». Экосообщества не могут строиться без обращения к такой роскоши национальных различий отношения к природе.

Такой подход определяет, что нельзя не учитывать тот факт, что в формирующемся многополярном мире возрастает интерес к этническим аспектам восстановления и учета экологического сознания на базе исторически сложившегося менталитета народов и населения некоторых регионов. Синонимами к слову «ментальный» нередко считаются: умственный, мыслительный, психический, интеллектуальный. Между тем в словарях иностранных слов менталитет (фр. *mentalite*) – образ, способ мышления, мировосприятия личности или социальной группы. Менталитет (в интернете) – совокупность умственных, эмоциональных и культурных особенностей, а также ценностей человека или группы, чаще – целого народа или его территориальной совокупности. На наш взгляд, экологический менталитет, как и ментальное здоровье лучше использовать в этнокультурном смысле, и в таком случае они будут адекватны природным ресурсам психического здоровья в их этнических и, может быть, в региональных вариан-

тах, таких, как Сибирь, Дальний Восток и т. п. (известные выражения «сибирское здоровье» или «кавказское долголетие»).

Первопричиной обращения к ментальным аспектам экологии и психологического здоровья можно назвать три глобальные проблемы, вне решения которых трудно надеяться на экологическую стабилизацию. Во-первых, в содержательном плане создание масштабных экологических сообществ, так сказать, односторонней направленности в публикациях СМИ и интернете все чаще подвергается критике. С одной стороны, глобальные и чаще абстрактные (далекие для многих людей) идеи экологии все больше вызывают отторжение, и даже появляются работы, отвергающие их направленность. С другой стороны, вызывает негативные эмоции появившаяся в последнее время политизированность экологии, которая перестает обращать внимание на интересы местных сообществ и личностей. Трудно не согласиться с экологическим деятелем РФ В. Петровым, который в своей книге «Экология наизнанку. Как работают международные экологические сообщества в России и за рубежом» отмечает, что экология все чаще становится разменной монетой в алчной игре нечистых на руку бизнеменов и политических стратегов. Подковерная борьба за экономические интересы и геополитическая экспансия все чаще прикрываются понятиями защиты природы и устойчивого развития [см.: 6, с. 21]. Такие оценки позволяют предполагать: чем больше глобальных аспектов политики, тем больше возможность искажений близких людям экологических проблем.

Во-вторых, стоит напомнить факт, когда ведущие философы мира в своих работах и выступлениях уверенно обвиняли жителей СССР, а значит и россиян в менталитете, ориентированном только на эксплуатацию окружающей среды, и даже противостоящем природе, что проявлялось в экологически неэффективной экономике [см. 7, с. 110–111]. Но в отношении Байкала этот тезис выглядит несколько категоричным. Напомним, что он в чем-то явился пионером в практике защиты природы в стране. В России более системная забота о природе как «большом доме» началась с 1912 г., когда при Императорском Русском Географическом обществе была создана Постоянная Природоохранительная комиссия. Одной из первых забот комиссии стала защита азиатско-сибирских животных и более всего соболей. В 1914 г. в Азию для изучения положения были направлены три экспедиции, одна из которых отправилась на северо-восточное побережье Байкала. Активная работа комиссии ознаменовалась тем, что 17 мая 1916 г. иркутский генера-губернатор подписал постановление о создании заповедника, а в конце этого же года Сенат Российской империи учредил Баргузинский заповедник, ставший по современным понятиям первой экотерриторией в стране. В последующие времена мировое значение Байкала, наличие всесоюзно-известного заповедника, реалии эпопеи борьбы против существования на Байкале целлюлозно-бумажного комбината и строительства нефтепровода по берегу озера-моря стали важными стимулами более высо-

кой экологической активности населения прибайкальских мест и формирования некоторых особенностей их менталитета.

В-третьих, менталитет народов и, отчасти, региональных сообществ, многие века зависел от религиозных истин, а это значит, что в этом плане важно изменение направленности религий. Поскольку в Восточной Сибири «веское слово» наряду с христианством принадлежит буддизму (у бурят, тывинцев), кратко остановимся на его подходе к современным тенденциям. В целом буддийская религия высказывает явное недоверие основным человеческим институтам в их возможности адекватно решить проблемы экологии. Ее адепты утверждают, что корпорации, чьей первоочередной задачей является получение доходов от бизнеса и рекламы, а не просвещение людей об происходящих на Земле экологических проблемах, к тому же в значительной степени они сами являются источниками этих проблем. Отсюда и вытекают общие задачи: «Если религиозные мировоззрения требуют обновления в ответ на климатический кризис, религиям нужно более плодотворно общаться и учиться друг у друга. Но это станет возможно, если для начала разные группы внутри каждой религии найдут общий язык» [1, с. 34, 41]. Таким образом, три названных причины делают значимым региональный, ментально-ориентированный подход к решению экологических проблем.

Данные обстоятельства позволяют заострить внимание на сообществах, которые увязывают свои цели и интересы с решением экологических проблем в конкретных местах, так сказать, связанных с экотерриториями локальных масштабов. В общем плане важен когда-то сформулированный нами принцип: «экология должна быть экономичной, а экономика экологичной» и его превращение в тактику и стратегию конкретных людей в конкретных группах, начиная с семьи. Сегодня при слабых возможностях властных структур, важны инициативные проекты добровольцев из экосообществ, нацеленные на стабилизацию экотерриторий. В данном случае, приставка эко отражает совокупность связей и отношений не только в экономике и экологии, но и непосредственно в собственном доме конкретных людей, делая их и их семьи заинтересованными субъектами экосообществ, организаторами конкретных экотерриторий. Если обращаться не только к человеческой истории, но и к современным реалиям, то экосообщества и экотерритории становятся психолого-экономическими категориями, через которые будут решаться многие проблемы защиты и возобновления ресурсов не только природы, но и человека, а также улучшения психологического здоровья индивидов и их семей.

Что касается деталей вовлеченности граждан в экологическую деятельность, то практика показывает, что она может отличаться своими территориальными особенностями, что можно продемонстрировать на примере байкальского региона. Можно привести утверждение, что в экологически более значимых территориях эта вовлеченность несколько выше. Это можно показать на следующем примере нашего исследования (табл. 1).

Таблица 1

Ответы респондентов из Иркутской области в целом, а также проживающих в стороне от и около Байкала на вопрос о том, стремятся ли они принимать посильное участие в акциях по защите природы (%)

Вариант ответа	Все вместе	Проживают в стороне от Байкала	Проживают на берегу Байкала
	537 чел.	242 чел.	295 чел.
Да	47,1	38,8	53,9
Нет	12,5	17,4	8,5
Затруднились ответить	40,2	43,8	37,6

Данные таблицы показывают, что экотерритории у Байкала могут отличаться и действительно отличаются более высокой активностью граждан по сохранению природы тех мест, в которых они живут. Это отражает факт зависимости уровня экологической активности от «статуса» экотерритории, на которую направлена данная активность. Более того, статус и особенности природной акватории (дестинации) может влиять и на имидж их жителей. Например, большинство людей в стране верит во влияние ореолов Москвы и Санкт-Петербурга на престиж их жителей, и это отражается в тенденциях оттока многих жителей, например Сибири, особенно молодых, в эти города. Но в соответствующем плане мы недостаточно задумываемся об аналогичной роли природных мест. О наличии в этом значимых различий мы убедились на оценках респондентов-японцев характеристик «россиянина» и условного «байкальца» по семантическому дифференциалу (шкала от –3 до +3) (табл. 2).

Таблица 2

Различия в оценках японцами качеств «россиянина» и «байкальца» по семантическому дифференциалу

Оцениваемые качества	Байкалец	Россиянин	Разница
Трудолюбивый	1,36	0,14	1,22
Агрессивный	–0,57	0,56	–1,13
Откровенный	1,60	0,53	1,07
Тактичный	1,55	0,64	0,91
Добрый	1,92	1,53	0,39
Общительный	1,70	1,31	0,39

Таким образом, «байкалец» выглядел в глазах японцев более привлекательным, искренним и, добавим, более близким к самоидентификации граждан страны «Восходящего солнца». Надо сказать, что рецидивы ксенофобии и русофобии, развернувшиеся в последние годы, коренным образом изменили такие тенденции. Но саму идею влияния образа Байкала на улучшение имиджа его «старожилов» и, соответственно, «продуктов», создаваемых ими для «внутреннего пользования» оставить необходимо, развивая данные аспекты с помощью конкретных мероприятий. Приведенный ресурс особенно актуален при создании экотерриторий и экосообществ у Байкала, и это подтверждают данные табл. 1.

Отмечая обоснованность использования понятий *oikos* – дом в национально-экологической проблематике, стоит напомнить, что одна из первых, искусственно созданных городских экотерриторий, органично вписавшая в себя природные атрибуты, появилась в начале 80-х гг. XX в. в качестве экодома архитектора Хундертвассера в Вене, при создании которого он вложил следующие «эколого-экономические» особенности:

- основываясь на мысли, что человек должен возвращать «долг» природе из-за сделанных построек, дом украшают бесчисленные растения: на 100 % озелененной поверхности крыши растут, расположенные террасами бук, сирень, боярышник, каштан;
- балконы и аркады также с озеленением, часть фасада украшена плющом и диким виноградом;
- из окон некоторых квартир «выходят на улицу» «деревья-арендаторы». Они оплачивают свою аренду в том смысле, что дарят жильцам тень, очищают воздух и обогащают кислородом, а также радуют глаз наблюдателей.

Названные и другие особенности раскрывают главный девиз художника – стремление к жизни в созвучии и гармонии с природой. Эти тенденции стали примером для подражания и инноваций во всем мире. Авторы книги об устойчивом росте приводят множество примеров производственных и бытовых экосданий в разных странах, среди которых впечатляющий Дом «нулевой энергии» в Малайзии, который благодаря солнечной энергии уже давно не зависит от ископаемых видов горючего [2, с. 100].

Следование подобным тенденциям способствовало важнейшим направлениям развития соответствующих форм в разных регионах мира и страны. При оценке названных особенностей региона, вряд ли случайными можно назвать инициативы и решения Президента и Правительства РФ о создании первого в России экогорода Байкальска, о чем В. В. Путин объявил на пленарном заседании XXV Петербургского экономического форума в 2022 г. Он говорил об этом, как об уникальном «проекте комплексного развития г. Байкальска, который должен стать эталоном рачительного эколого-ориентированного хозяйствования». «Свертывание» решения данного вопроса в последующие годы на уровне федеральных и региональных властей показывает, что ее реализацию таких идей надо планировать и обеспечивать поэтапно, в зависимости от конкретных мест, условий, финансов и, главное, от заинтересованности и готовности людей. Такой подход объединяет понятия экотерритория и экосообщество. В данном плане и даже шире экотерритория – это материальный объект чаще локального характера, имеющий свои границы, организованный с учетом природных условий и отвечающий экологическим и рекреационным требованиям для данного региона. В современных вариантах многие из экотерриторий представляют различные формы: «экорегион», «экодестинацию», «экопоселение», «экокварталы» и даже сквер и придомовая территория. Создание экосообществ, как реальных и виртуальных малых и больших групп, нацеленных

на эффективное функционирование экотерриторий разных масштабов, в жизни страны будет одной из важнейших и перспективных психолого-экономических проблем. Экосообщества могут быть представлены самыми разными формами – от государственных и ведомственных (региональных) до общественных и муниципальных, ориентированных на реализацию каких-то общих идей экологии для проживающих в данном месте людей. Самыми многочисленными могут быть экосообщества из состава родственников больших и малых семей, нацеленных на экологичность конкретных предприятий и сфер: туризм, сервис, общественное питание и т. п. Содержание и варианты экосообществ многократно увеличиваются за счет групповых объединений в социальных сетях, которые вполне могут проявляться в сугубо виртуальных формах. Учитывая «вооруженность» современных людей средствами информационных технологий и ИИ, возможности и значимость последних могут быть безграничными.

«Виртуальные» объединения в социальных сетях, несомненно, имеют значительные перспективы в самых разных своих масштабах: от семейных и «домовых» до международных. Но в психологическом плане у них может быть существенный недостаток: отсутствие материальной результативности. Социально-психологическое исследование, проведенное в начале 2026 г. ($n = 324$) показало, что обращение к цифровым технологиям зачастую не сопровождается конкретными усилиями: люди оперируют не столько реальными, сколько виртуальными действиями, что отражает пассивные позиции по отношению к экологическим проблемам (табл. 3).

Таблица 3

Ответы на вопрос: В какой форме Вы участвуете в деятельности групп, связанных с экологическими проблемами? (выберите один вариант ответа)

Варианты ответов	Ответы респондентов, %
1. Участвую в деятельности группы, на сайтах которой обсуждаются возникающие экологические проблемы	6
2. Связан с группой, которая выявляет экологические изъяны и проводит волонтерские акции по их ликвидации	14
3. Периодически захожу на сайты разных групп для знакомства с экологическими проблемами	60

Данные табл. 3 иллюстрирует интересный момент: респонденты понимают важность практического решения экологической проблемы (варианты 1 и 3 ответа), но лишь 14 % действительно участвуют в решении актуальных вопросов (2 вариант ответа) на конкретных «объектах». «Ставить лайки», «подписываться в поддержку», «одобрять комментариями в сетях» стало психологическим «выражением» предполагаемой и субъективно хорошо оцениваемой активности. Позитивные желания и намерения людей вполне могут «уходить в цифру», а не в реальные дела.

Две противоположно ориентированные тенденции показывают, что при планировании локальных экотерриторий и экосообществ, очень важно осуществлять мониторинг форм и средств, которые могут оказаться более

злободневными и реализуемыми, способными быть стимулами активности людей, живущих на таких территориях. В исследовании конца 2024 г. в данном ракурсе нас интересовал вопрос: «какие методы и приемы будут усиливать стремления людей к созданию экологических территорий на Байкале?» Здесь приоритетными среди ответов оказались: а) развитие экологического туризма и экологии туризма – 37,6 %; б) повышение ответственности за экологию со стороны турбаз, домов отдыха и т. п. – 25,6 %; в) воспитательные меры по всем категориям населения – 24,8 % и г) обустройство площадок для отдыха и экологических троп – 23,1 %. Достаточно значимыми оказались приемы и методы, связанные с усилением оздоровительного значения байкальской природы: подчеркивание связи экологии с личным и семейным здоровьем – 20,7 % (среди наиболее активной категории в 36–45 лет этот показатель составляет 33,3 %), а также «развитие Байкалотерапии и конкретных форм лечения на природе: садовая и ландшафтная терапия и т. п.» – 20,2 % [3; 4].

Формирование экосообществ и экотерриторий наряду с психолого-экономической значимостью, как уже говорилось, будет иметь при целенаправленной ориентации существенные дивиденды в сфере межнационального согласия. Хоть не совсем в тему, но в этнокультурном плане стоит напомнить, что тенденции использовать народы Сибири для развала России более века живут на Западе. Например, в 1926 г. в Париже сформировалась «Лига Прометея», ставившая своей целью освобождение нерусских народов от «ига русских», и ее активным адептом стал ведущий лидер Польши 20–30-х гг. прошлого века Й. Пилсудский. Он в царское время был в ссылке на территории современных Бурятии и Иркутской области и проникся миссией «освободителя» малых народов. Вслед за ним в 2022 г. бывший президент Польши Л. Валенса предлагал стимулировать восстания нескольких десятков в прошлом колонизированных народов России и добиться раздробления российских земель и падения в них авторитета русских. Намечалось создать несколько национальных государств: бурят, якутов, тывинцев, хакасов и т. п.

Но важно отметить, что даже в самой Польше проявляются иные тенденции. Польский социолог, доктор наук, профессор Варшавского университета Э. Новицка, в совместной монографии «Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия» использовала понятие «сибирский мультикультурализм», сопроводила его некоторыми размышлениями. Она считает, что этнические процессы, которые сегодня можно наблюдать в Сибири, напрямую связаны, с одной стороны, с национальной структурой региона, а шире – всего российского государства, а, с другой стороны, с экономическим взаимодействием малых этносов и их хозяйственной спецификой в связи с природными условиями и ресурсами региона, включая экологические. Кроме того, Э. Новицка показала определенные интеграционные ресурсы сибирских народов в связях с этническими группами казахов, китайцев, корейцев, монголов, при их ярко выраженном

умении сохранять собственную самобытность и уникальность в условиях экономической конкурентности, трансграничности и транскультурности [см. 5, с. 343–364]. Все приведенные польской исследовательницей реалии нельзя не принять в качестве важнейших ценностей экосообществ.

Экскурс в историю и политику актуализирует вопрос о конкретных ресурсах взаимодействия народов Сибири для усиления межнационального согласия и межкультурной компетентности народов. Экотерритории и экосообщества в соответствующем рейтинге могут занять приоритетные места. Например, на Байкале большинство экономически и экологически перспективных мест уже не менее четырех веков полиэтничны, и эта полиэтничность особенно возрастала в советское время. Полиэтничность и в масштабах страны и масштабах приграничных контактов (Китай, Монголия, Казахстан, Корея, Япония) требует взаимообмена опытом народов по экономичной экологии (экологичной экономике). В 2024 г. мы провели соответствующий опрос в Байкальском регионе. Среди ответов на вопрос, «Какие из форм знакомства с экологической культурой других народов Вы считаете наиболее подходящими для молодежи?» на приоритетных позициях оказались: летние международные лагеря дружбы, посвященные экологической проблематике – 68,2 %, проведение в учреждениях и районах экологических фестивалей. Третье и четвертое место с одинаковыми цифровыми данными – 32,6 % поделили ответы «конкурсы национальных искусств, связанных с пропагандой и защитой природы» и «тренинги по межкультурной коммуникации в решении экологических проблем». Пятерку наиболее значимых форм (из 8) закрыл вариант – создание в музеях экспозиций о природосообразной деятельности других народов – 26,9 %. Многие из показанных форм можно обогатить таким содержанием, чтобы они работали и на консолидацию народов, и на экологический патриотизм [3; 4].

Рассмотренные в статье положения дают возможность, опираясь на междисциплинарный анализ, сформулировать основные выводы, касающиеся организации экосообществ и экотерриторий. положения экологичной экономики:

1. Экономика и экология исходят из общего корня, общего основания – феномена «дом», т. е. составляют две стороны одного процесса бытия природы и человека. Разрыв их неестественен, и на локаль6 ном уровне необходимо соблюдать принцип «экономика должна быть экологичной, а экономика – экономичной». Данный принцип весьма важен для экотерритории и экосообщества.

2. Экосообщество – чаще всего созданная на инициативной (добровольной) основе виртуальная или реальная совокупность заинтересованных лиц, нацеленная на оптимальное развитие конкретных экотерриторий разных масштабов. В свою очередь, экотерритория – это материальный объект чаще локального характера, имеющий свои границы, организованный с учетом природных условий и отвечающий экологическим и рекреационным требованиям для данного региона. В современных вариантах

многие из экотерриторий представляют различные формы: «экорегион», «экодестинацию», «экопоселение», «экокварталы» и даже сквер и придомовая территория.

3. Главное в функционировании экотерриторий и экосообществ со стороны личности – не столько позиция, сколько поступок, привычка, действие, и готовность к их позитивной реализации надо формировать в каждом человеке. Экологичное поведение должно комплексно затрагивать все основные подструктуры личности и ее изоморфные связи с семьей и/или группой.

4. При планировании локальных экотерриторий и экосообществ важно предусматривать методы и приемы, которые будут усиливать стремления людей к их созданию. На основе опросов это развитие экологического туризма и экологии туризма, обустройство площадок для отдыха и экологических троп, формы, связанные с усилением оздоровительного значения природы: подчеркивание связи экологии с личным и семейным здоровьем;

5. Формирование экосообществ и экотерриторий наряду с психолого-экономической значимостью может иметь при целенаправленно ориентации существенные дивиденды в сфере межнационального согласия. Среди форм, которые могут инициировать экосообщества: летние международные лагеря дружбы, посвященные экологической проблематике; проведение в учреждениях и на экотерриториях экологических фестивалей; конкурсы национальных искусств, связанных с пропагандой и защитой природы и тренинги по межкультурной коммуникации в решении экологических проблем.

6. Особенностью экотерриторий и экосообществ на Байкале обусловлено тем, что он расположен в азиатском регионе, и в оценке связей с ним нельзя отходить от некоторых местных традиций; в частности, учитывать, что во многих азиатских культурах подчеркивается необходимость обеспечения гармонии с природой в течение жизни и при выполнении различных социальных ролей.

Литература

1. Буддийский ответ на климатический кризис. М. : Ганга, 2021. 428 с.

2. Вайцзеккер Э. Фактор 5. Формула устойчивого роста. М. : АСТ-Пресс Книга, 2013. 368 с.

3. Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Социальная и экономическая психология : учеб. пособие. М. : РУСАЙНС, 2026.

4. Карнышев А. Д. Психология здоровья : учебник. М. : РУСАЙНС, 2021

5. Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. С. 398–415.

6. Петров В. О. Экология наизнанку. Как работают международные экологические сообщества в России и за рубежом. М. : Эксмо, 2023.

7. Хесле В. Философия и экология. М. : Ками, 1994.

Psychological, economic, and ethnocultural origins and principles of organizing eco-communities and eco-territories (Baikal examples)

A. D. Karnyshev
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The author focuses on local eco-territories and eco-communities, which provide a set of connections and relationships not only in the economy and ecology but also directly in the homes of specific people, making them interested participants in eco-communities. Eco-communities can be organized as virtual associations in social networks, which is why they may have significant prospects at various scales: from family and "household" to international. However, from a psychological perspective, they may have a significant drawback: the lack of material effectiveness. The trend may include purely virtual criteria for evaluating the effectiveness of eco-communities: "liking," "subscribing to support," "approving comments on social media," and this will become a psychological "expression" of the assumed and subjectively well-assessed activity. To overcome such "flaws" when planning local eco-territories and eco-communities, it is important to provide methods and techniques that will enhance people's desire to create them and that, with a targeted focus, will contribute to interethnic harmony. Examples of specific forms of activity for eco-communities in the Baikal region are provided.

Keywords: oikos – home, homeland, ecological mindset, economic resources, natural capital, spiritual services, interethnic harmony.

Геопространственные и социально-мировоззренческие закономерности социокультурного ландшафта России

Р. Г. Ардашев
Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Город рассматривается как место реализации социальных практик, которые определяют геопространственные условия и социально-мировоззренческие закономерности формирования социокультурного ландшафта России. Выделяется ряд точек напряжения, которые меняют социальные ориентиры развития страны, с учетом экологической повестки современности.

Ключевые слова: экологическая повестка, геопространственный, социально-мировоззренческий, социокультурный ландшафт.

Город формирует множество социальных практик, которые в совокупности определяют контекст развития социокультурного ландшафта России. Социальные практики могут носить социально-ориентированный характер, экологически-культурный, ресурсно-стратегический и проч.

Урбанизация приводит к социальному неравенству, неодинаковому доступу к чистой воде, ограничениям по здоровью из-за экологической обстановки и формализованным и не достаточным возможностям доступа к медицинским и жилищно-пространственным формам организации повседневной жизни россиян. Это социальный контекст осложнения экологических условий жизни в урбанизированных пространствах.

М. Фуко говорил о важности биополитики, П. Рабинов о значимости биосоциальности. На практике это выражается в том, что городские структуры влияют на перечисленные выше условия и характеристики жизни.

Это создает биоэтический ландшафт социальной политики городов и тем самым меняет социальную и гражданскую идентичность жителей этих городов, формирует новые условия морали и норм поведения, гражданско-правовых требований к государству и проч.

Точки напряжения в городах формируют структуру геопространственных рисков на локальной территории. Эти точки напряжения могут быть сформированы:

- ограничением в доступе к ресурсам (в силу их отсутствия в достаточном количестве или социально-стратификационного/финансового/национально-этнического или любого другого фактора);
- отсутствием условий безопасности жизни (экологические, социальные, медицинские и другие риски);
- регулированием или отсутствием регулирования техногенного развития территории и связанных с этим рисков;
- ухудшением качества здоровья жителей конкретных территорий и их условий жизни;
- закреплением прав и обязанностей на равных между собой, социальных акторов экологической повестки современности.

В будущем они могут стать поводом к социальным бунтам и протестам. Чтобы понимать и предотвращать социальные беспорядки – необходимо более внимательно изучать указанные процессы. Геопространственный подход позволит типологизировать существующие социальные и экологические зоны, способствующие возникновению зон риска.

Восприятие мира происходит из точки повседневности – как Я живу и каким вижу мир и свои возможности в нем. Если эти перспективы пессимистичны и возможности ограничены как формальными, так и субъективными критериями, то мировоззренческий контекст будет негативно сказываться на социальном воспроизводстве экотерриторий. Если жизненные перспективы более оптимистичны, то человек или сообщество, ищет возможности как эти социально-экологические шансы реализовать в виде просоциальной активности социально-ответственных граждан (О. А. Полюшкевич [5; 6], Ю. В. Борисова и М. В. Попова [7; 8]).

Городское пространство формирует не только физические параметры и характеристики, условия и возможности жизни своих жителей, но и формирует их эмоциональную оценку жизни в городе (стресс из-за пробок или шума в городе, особенностей передвижения в транспорте или жизни в маленьких квартирах); формирует символическое восприятие городских пространств (ассоциации с городами у жителей и гостей городов); а также конструирует когнитивные практики воспроизводства городского пространства (которые находят отражение в имидже или бренде городов).

Эти же процессы делают жителей городов и уязвимыми, так как их деятельность (в форме личной инициативы), направлена на закрытие какой-то проблемы, что само по себе фиксирует факт их присутствия и активного развития в условия урбанизированного пространства. Это форми-

рует социокультурные разрывы в социальной ткани городов, усиливая зависимость от теневых структур и развивая нелегитимные принципы развития общества в области коррупции и других незаконных экономических практик.

Экологические и техногенные катастрофы городов и их последствия меняют гражданскую идентичность и социальную солидарность их жителей. То есть фактические изменения в жизни городов привели к трансформации внутренних ориентиров и опор, социальной представленности и успешности в рамках экотерриториального развития и за его пределами. Среда всегда влияет на физическое, эмоциональное и духовное состояние разных сообществ. Поэтому необходимо планировать экопростарнственные и социокультурные технологии работы в городах с целью физического, эмоционального и духовного восстановления жителей городов.

Перспективой развития экогородов представляется цифровизация. Она несет в себе ряд проблем и противоречий: социальное исключение из-за цифрового разрыва, технологическая монополизация крупными компаниями мелких сообществ (из-за наличия у первых в разы большего ресурса), структурно-экологические компромиссы (из-за политических и экономических раскладов, идеологических рокировок и проч.), культурное несоответствие (из-за кросс-культурного взаимодействия), отсутствие критериев и стандартов формирования «умного города» и «безопасного города» (И. А. Журавлева [1–4]).

Если рассматривать геопространственные и социально-мировоззренческие закономерности социокультурного ландшафта России, то можно выделить три уровня социального взаимодействия экогородского развития:

- уровень окружающей среды;
- уровень социальных взаимодействий;
- уровень человеческой субъектности.

Они вписываются в условия развития разных уровней экологий: ментальной, социальной и природной, сочетание которых и приводит к формированию уникального социокультурного ландшафта России.

Рассмотренные условия геопространственного развития создают условия для устойчивого развития экогородов. В таких условиях становится приоритетной составляющая экологической культуры и социально-мировоззренческих закономерностей общественного воспроизводства в экотерриториальном стратегическом потенциале развития.

Литература

1. Журавлева И. А. «Умные города»: ожидания и страхи горожан // Социология. 2019. № 1. С. 124–129.

2. Журавлева И. А. Комфортная городская среда г. Иркутск в оценках жителей // Социология. 2025. № 8. С. 21–30.

3. Журавлева И. А. Программа «Безопасный город» в современном муниципальном управлении // Урбанистика. 2018. № 4. С. 55–62.

4. Журавлева И. А., Заварзина Ю. В., Попова М. В. Влияние идентичности территории на создание территориального бренда как креативное направление // Креатив-

ные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы Третьей регион. науч.-практ. конф. Иркутск : Репроцентр 1, 2021. С. 26–29.

5. Полюшкевич О. А. Просоциальные практики экологического активизма // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Аспринт, 2021. С. 199–203.

6. Полюшкевич О. А. Экогород: просоциальное поведение «зеленых» активистов // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 146–154.

7. Полюшкевич О. А., Борисова Ю. В., Попова М. В. Технология разработки бренда города (на примере Ангарского городского округа) // Урбанистика. 2017. № 4. С. 48–62.

8. Попова М. В., Борисова Ю. В. Конструирование бренда территории в представлениях россиян // Социология. 2018. № 2. С. 97–103.

Geospatial and socio-ideological patterns of Russia's sociocultural landscape

R. G. Ardashev
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This article examines how the city becomes a venue for the implementation of social practices that determine the geospatial conditions and socio-ideological patterns of Russia's sociocultural landscape. A number of tensions are identified that are changing the social orientations of the country's development, taking into account the contemporary environmental agenda.

Keywords: environmental agenda, geospatial, socio-ideological, and socio-cultural landscape.

Психология архитектуры: окружающая среда – архитектура – личность

Р. Ф. Ибрагимбекова
Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь человека с окружающей средой в аспекте его эволюционного развития, в процессе которого он из подчиняющегося природному пространству существа превратился в субъекта, активно изменяющего свое непосредственное окружение. Это обеспечило невероятные (в масштабах эволюции) темпы его прогресса и становления личности, обладающей физическими и надфизическими (духовными) свойствами. Предполагается, что ведущим фактором этих процессов являются направления пространства – вертикаль и горизонталь, играющие ведущую роль в восприятии человеком себя и своего окружения. Тысячелетиями первый контакт человека с окружающей средой происходит в пространстве, наделенном еще и эстетическими особенностями, т. е. в пространстве архитектурном. Именно поэтому роль архитектуры в формировании личности трудно переоценить, так же как существование на архетипическом уровне психики архитектурных универсалий, имеющих глубокие корни в истории формирования человека.

Ключевые слова: энвайронмент (среда обитания человека), психология, архитектура, эволюция, Homo erectus, личность, направления пространства – вертикаль, и горизонталь, архитектурные универсалии.

В настоящее время мы являемся свидетелями стремительного роста городов, строительства сооружений различного предназначения и самых невероятных форм. Это сопровождается совершенно новыми социальными требованиями, широким спектром творческих идей и технических возможностей, обеспечивающих их реализацию. Человек, выступающий, с одной стороны, как субъект, создающий бесконечное разнообразие материальных и духовных ценностей, с другой стороны, нередко становится объектом, испытывающим на себе порой непрогнозируемые последствия своей активной деятельности. Именно в таком контексте исследование возникающих проблем взаимодействия человека и среды, окружающего человека пространства, в которое он включен, становится предметом энвайронментальной психологии. Энвайронмент – среда обитания человека – состоит из природного и созданного человеком архитектурного пространства. Архитектурное пространство включает в себя физические, пространственно-временные измерения любых, в том числе архитектурных объектов – длину, высоту, ширину, время (эпоху, век, год) и психологические показатели – образ/гештальт, возникающие ощущения, позитивные, нейтральные или негативные эмоции, чувства, воспоминания, поведение и др.

Самые ранние изыскания в этой области относятся к концу 70-х гг., прошлого столетия, когда было проведено исследование связи психических нарушений с особенностями физической среды [14; 16]. Немного раньше, на рубеже XIX–XX вв. связь психологии и архитектуры была проанализирована известным теоретиком и историком искусства Генрихом Вельфлином в работе «Пролегомены к психологии архитектуры» [17], где он определял особенности архитектуры – легкость или тяжесть, величину, объем, пространственную направленность (вертикальность или горизонтальность. – *Р. И.*) – сквозь призму телесных ощущений и переживаний человека. В этой работе Г. Вельфлин ссылается на Иоганнеса Фолькельта – философа и психолога, специалиста по эстетике, который считал, что зритель, рассматривая объект, как бы визуально очерчивает его [Там же], поэтому, чтобы «понять пространственное образование эстетически» (т. е. как архитектурное сооружение. – *Р. И.*), необходимо подобное движение чувственно сопережить, соучаствуя в нем телесно со всей своей телесной организацией [17, с. 8]. Вельфлин, развивая данную идею, отношение высоты (h) и ширины (b), вертикали и горизонтали, уподоблял отношению «устремленности и покоя», подчеркивая при этом, что именно в соразмерности высоты и ширины всякий раз прорывается на поверхность народный характер [17]. Если легкость ассоциируется со взлетом, мечтой, то «состояния тяжести всегда соединены с умалением жизненной силы» [Там же, с. 4].

Взаимосвязь телесной конституции с преобладающими отношениями, уточним – с пространственной композицией архитектурного объекта, обнаруживается здесь со всей отчетливостью [Там же].

Иоганн Вольфганг Гете в заметках о строительном искусстве (1788) писал: «…природе человека всегда свойственно стремиться вперед, за пре-

делы ранее поставленных целей; поэтому естественным было, что в соотношении толщины и высоты колонн глаз стремился ко все большей стройности, и дух воспринимал это как большую степень возвышенности и свободы» [3, с. 24]. По мнению Германа Гримма, «решающее в архитектуре – это мера отношения высоты и ширины» [цит. по: 17, с. 9]. Именно они, считал он, определяют характер постройки по существу.

Последние десятилетия успехи в сфере строительных технологий и создания новых строительных материалов, но в то же время удорожание земельных участков в условиях резкого роста городов, обусловили возведение высотных зданий (от 15 этажей до так называемых небоскребов в несколько десятков этажей). Проведенный опрос на улицах Баку, а также среди студентов выявил разнородное отношение жителей города к данному факту. Некоторые считают, что высотки и особенно небоскребы уродуют город, лишают его национального своеобразия, вызывают негативные чувства, подавляют и душат. Другие отмечали, что квартира или офис в новостройке, а уж тем более в небоскребе – это показатель социального статуса, возможностей. Как отметила одна из опрошенных студенток: «Была у меня знакомая, которой нравился один молодой человек, но он не ответил ей взаимностью, и она сказала: “конечно, если и у меня дом был в новостройке, может он меня и полюбил бы…”».

В 1970-е гг. мы исследовали [7] восприятие архитектурных сооружений в многоэтапном эксперименте, в котором участвовали студенты архитектурного факультета Строительного института (ныне Университет архитектуры и строительства) и студенты некоторых факультетов АГУ (ныне Бакинский государственный университет). Специально разработанная методика эксперимента наряду с другими особенностями позволила выявить зависимость и устойчивость положительной или отрицательной оценки (валентности) архитектурного сооружения от его композиции – вертикальной или горизонтальной [8]. (На слайдах предъявлялись 6 различных объектов в 4-х позициях расфокусированности и четко – в последней). При этом по трем объектам, независимо от их эстетической значимости, стилей и принадлежности различным эпохам, были зарегистрированы положительные оценки сооружений вертикальной композиции (пропорции 1:3 и 1:5) в среднем в 80,6 % ответов (максимально 86 %). Горизонтальные композиции на трех других слайдах столь отчетливого предпочтения не вызывали (53 % положительных оценок и 47 % отрицательных) [9].

Можно согласиться с идеей связи физической истории человеческого тела с развитием пространственных форм, в частности – архитектурных, которые человек создавал. Но каково воздействие этих форм архитектуры на человека в историческом аспекте? Архитектура исследовалась веками самими архитекторами, искусствоведами, конструкторами и инженерами – как часть пространства, формируемая человеком, значимый компонент окружающей среды. Проводились социально-психологические исследования города [5; 6; 10; 13], предложена «Программа социально-психологи-

ческого исследования экологического сознания личности» [4]. Однако анализ архитектуры как многозначного фактора, *формирующего* человека во всех его ипостасях, вызывает особый интерес в контексте фундаментальных общепсихологических, проблем.

Процесс эволюционного развития человека свидетельствует об устойчивой направленности его предков на изменение природного окружения. На заре эволюции предки человека современного использовали как пристанище природные укрытия [1] – пещеры, скальные трещины и проломы, гроты, норы, густые заросли и др., *подчиняясь* их особенностям, приспосабливаясь к ним. По мере использования укрытий, они углубляли и расширяли их (показателен пример Азыхской пещеры), вырубали заросли, увеличивая свое жизненное пространство. Однако, по прошествии времени действия предка современного человека стали принципиально другими, теперь он *изменял* природное окружение, *подчиняя* его своим потребностям и желаниям. Это требовало усложнения действий, развития соответствующих структур мозга, чему, вероятно, способствовало то, что человек овладевал способами изготовления орудий труда, которые, несмотря на примитивность, все же обеспечивали успешность охоты, разделку добычи и защиту от нападений. Можно предположить, что так появились стоянки палеоантропа за пределами природных укрытий, на открытой местности, где, чтобы уберечься от непогоды и посягательств себе подобных, надо было, комбинируя элементы окружающей среды, активно создавать новые и применять их.

На это ушли сотни тысяч лет. Примером тому могут служить дольмены как точка отсчета целенаправленного преобразования окружающей среды человеком, т. е. *фактически начало истории архитектуры, которая есть альфа и омега преобразования естественного трехмерного пространства в соответствии с физическим (материальным) и надфизическим (духовным) бытием человека*. Здесь уместно вновь обратиться к идее Г. Вельфлина о связи телесной конституции человека со значимыми пропорциями в архитектуре, но теперь связывая этот процесс с общепринятыми этапами эволюции человека: Человека умелого (Homo habilis), Человека прямоходящего (Homo erectus) и Человека разумного (Homo sapiens). Возможно *именно прямохождение (в эволюции человека это стадия Homo erectus), сформировавшее телесную конституцию, имевшую отчетливо выраженную вертикальную пропорцию, породило у него новые телесные ощущения, ставшие «призмой», сквозь которую осуществлялись восприятие и трансформация окружающей среды.*

Использование предками человека замеченных на окружающих просторах неких элементов (камней, веток и др.) спасало от нападений, прибегалось и становилось образцом для создания таких же или других похожих элементов. Это способствовало освоению природного пространства на протяжении многих тысяч лет, наполняя его создаваемыми человеком объектами, которые все более усложнялись. В результате вертикальная про-

порция тела Человека прямоходящего анакамптически, т. е. отражая с изменениями, способствовала созданию им возвышавшихся над землей объектов, пропорции которых все более вытягивались вверх, дополняясь бесконечным разнообразием иных форм, создавая на последующих этапах земных цивилизаций архитектоничные, т. е. гармонично структурированные объекты, устремленные вверх. Окружающее природное пространство все больше изменялось в целом и в деталях, приобретая и эстетичность, и одухотворенность. Чрезвычайно важно отметить, что этот процесс шел параллельно с этапами эволюции сознания и разума человека. Иными словами, человек *анакамптически* преобразовывал пространство и себя, не повторяя слепо некие формы, влияющие на его поведение и эмоциональное состояние, порожденные его эволюционными предками, *но развивая и развиваясь (переходя от простого к более сложному) под влиянием пространственных форм*. Прошли тысячелетия, в течение которых с момента своего рождения и до конца жизни человек находился в пространстве, организованном не только согласно физическим законам и техническим принципам, но и наполненном духовностью и красотой – *в пространстве архитектурном*. Так появились простейшие поселения, крепости, города, а также великие архитекторы, создававшие выдающиеся произведения архитектуры.

Архитектурное пространство состоит из различных объектов: жилых и нежилых построек и зданий, монументальных храмов, дворцов и хижин, дорог и площадей, укромных мест и широких проспектов, парков и садов, которые следуя архитектурным правилам пропорциональности, симметрии или асимметрии, разнообразных метрических ритмов, декора, цвета и многого другого, что определяет многообразие архитектурных стилей и форм, подчиняются потребностям человека. Именно архитектурное пространство в любых своих качествах, в первую очередь, оказывает воздействие на сенсомоторную систему каждого, даже только что родившегося человека – новорожденного. Это его первый опыт взаимодействия с окружающей средой. Имея в виду исключительную пластичность сенсомоторной системы в постнатальном периоде [11], возможно предположить ключевое влияние пространственного окружения – характеристик архитектурного пространства – на формирование особенностей и структур восприятия, что является психологической базой становления личности, включая ее креативность, эстетическую сензитивность и интеллект.

Таким образом, великолепие разума Homo sapiens во всех особенностях его психологических свойств, в сравнении с предыдущими этапами эволюции человека, оказывается результатом *формирующего влияния на его развитие архитектуры,* основу которой составляют как схожие, порой идентичные качества (универсалии), так и различающиеся ее характеристики.

Анакамптический процесс взаимодействия человека и архитектуры, начавшийся в далеком прошлом, несомненно, продолжается и сегодня, что позволяет обозначить человека как *Homo sapiens architecturis* – плод дина-

мичного взаимодействия двух спиралей: спирали развития разума и спирали развития архитектуры, происходящего в энвайронменте – целостном экокультурном пространстве, венцом чего является личность, во всем многообразии своей неповторимости.

Еще в 1930-е гг. известный американский психолог Чарльз Осгуд в своих исследованиях обнаружил, что независимо от культурных различий люди схожим образом воспринимают базовые эмоциональные категории. Он использовал в своих экспериментах два вида стрелок: стрелку вверх и стрелку вниз. Испытуемому предлагалось выбрать одну из них как символ состояния счастья. Согласно его данным, 90 % опрошенных выбрали стрелку вверх, символизирующую положительную оценку этого состояния (счастье, радость, удовлетворение) [15].

Мы повторяли этот эксперимент в течение 10 лет среди студентов различных факультетов, разных университетов, с обучением на азербайджанском и русском языках. Результаты неизменно были те же. Понятия «верха» и «низа», «высокого» и «низкого» закреплены в фольклоре, мифах и сказаниях народов мира, в мировых религиях и дорелигиозных представлениях: «верх» неизменно связывается с положительной эмоциональной оценкой, тогда как «низ» – с отрицательной или индифферентной. Подход к проектированию подземных станций метрополитена в бывшем СССР как к архитектурному объекту, обогащенному произведениями других видов искусства с продуманным освещением и т. д., несомненно, является наглядным примером удачной коррекции архетипа «низ» [12] (во многих странах станции метрополитена являются утилитарными сооружениями, функции которых обеспечиваются определенной планировкой и конструкциями различной степени сложности, но с минимальным или с полным отсутствием эстетических элементов). Знак эмоциональной оценки архетипов «верх» и «низ» допустимо экстраполировать и на пространственные направления – вертикаль и горизонталь, отчетливо выраженные в композиционных особенностях архитектуры. В таком случае – это архитектурные универсалии, фиксированные архетипически в подсознании.

Один из создателей органической архитектуры, автор шедевров этого направления американец Франк Ллойд Райт вписывал пластичные горизонтальные композиции жилых загородных домов в природный ландшафт (к примеру, Дом над водопадом, Дома прерий и др.), и вместе с тем он сделал проект высотного здания Прайс Тауэр (19 этажей), конструкция которого была им разработана по аналогии с деревом (а это вертикаль!), как он говорил, «освобожденным от земли», но с ветвями, роль которых исполняли этажи. Архетип вертикали наиболее ярко высветился в творчестве Райта в последней его работе (Райт умер в 1959 г.) – проекте небоскреба «Иллинойс» (1956) высотой 1600 метров с 528 этажами, который был назван в то время утопическим даже для Америки. Он и поныне продолжает оставаться таковым. Однако, через несколько десятилетий после этого супернебоскребы строятся в любых частях земного шара. На данный момент в спис-

ке из 10 подобных вертикальных композиций 5 находятся в Китае, 2 – на Ближнем Востоке, по 1 – в США, Малайзии и на Тайване. Число их увеличивается с каждым годом. Возглавляет список самых высоких небоскребов в мире 163-этажный супернебоскреб «Бурдж Халифа» в Дубае (архитектор Эдриан Смит) высотой 828 метров, открытие которого состоялось в 2010 г. По замыслу автора, он структурирован по аналогии с пустынным цветком, но также напоминает сталагмит в пещерах, растущий из-под ног и вздымающийся вверх. Бурдж Халифа возведен с учетом основных принципов архитектуры – конструктивных, утилитарных и эстетических и в гармонии с экологическими особенностями географического расположения.

Вернемся к сегодняшним реалиям г. Баку, одного из древнейших поселений человека. Исследователи подтверждают подобное мнение обнаруживая здесь множество артефактов, на нескольких уровнях археологических раскопок. Символом города является Девичья башня с отчетливо выраженной вертикальной структурой, со спорной функциональностью, но с предполагаемой датировкой более чем в 25 веков [2]. Современный Баку все больше заполняется строениями неожиданных конфигураций с использованием нетрадиционных строительных материалов, с медиа эффектами (особенно ночными), сливающими воедино физическое и виртуальное пространства и расширяющими его до бесконечности. Каждое из этих сооружений и, в частности, небоскребы имеют неповторимый образ с доминированием вертикальных пропорций, являющихся зримым воплощением одной из главных архитектурных универсалий – вертикали. По мнению значительного числа жителей города, совпадающим с общемировым рейтингом аналогичных архитектурных объектов, небоскребы создают положительный эмоциональный настрой, восхищают и воодушевляют. Они усиливают веру в прогресс, воспринимаясь как символ успеха и процветания у тех, кто попадает непосредственно в поле их воздействия. Согласно психологическим закономерностям, это происходит помимо воли человека и независимо от его желания, потому что имеет глубокие корни в общечеловеческой сущности как части всемирной истории человечества.

Литература

1. Ахундов Д. А. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку : Азербайдж. гос. изд-во, 1986. 311 с.

2. Гасанов Г. Бакинская Девичья Башня. Баку: Чашыоглу, 2013. 488 с.

3. Гете И. В. Собрание сочинений. В 10 т. Т.10.Об искусстве и литературе / под ред. А. Аникста, Н. Вильмонта. М. : Худож. лит., 1980. 510 с.

4. Гусева А. Ю., Журавлев А. Л. Программа социально-психологического исследования экологического сознания личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 5. Программы и методики психологического исследования личности и группы : материалы юбил. науч. конф. ИП РАН, 28–29 янв. 2002 г. М. : Ин-т психологии РАН, 2002. С. 231–250.

5. Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Город как объект социально-психологического исследования (вместо предисловия) // Социально-психологические исследования города / отв. ред. Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев. М. : Ин-т психологии РАН», 2016. С. 5–25.

6. Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Город как объект исследования в социальной психологии: к истории вопроса // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1, № 1. С. 196–213.

7. Ибрагимбекова Р. Ф. Формирование художественного образа при восприятии архитектурных сооружений : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1976. 21с.

8. Ибрагимбекова Р. Ф. Архитектура и психологические проблемы формирования восприятия // Проблемы архитектуры и градостроительства : тез. докл. II респ. науч. конф. Баку, 1986. С. 83.

9. Ибрагимбекова Р. Ф. О психологическом анализе архитектурных универсалий // Психология и архитектура : тез. конф. Т. 1. Таллин, 1983. С. 127–128.

10. Ибрагимбекова Р. Ф., Миронов Д. В. Некоторые страницы из истории изучения восприятия архитектурных объектов: советский и постсоветский опыт // Психология инновационного управления персоналом в контексте вызовов современного рынка труда : сб. ст. Н. Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2026. С. 88–94.

11. Митькин А. А. Системная организация зрительных функций. М. : Наука, 1988. 200 с.

12. Саламзаде Э. А. Искусствознание Азербайджана, XX в. : Проблематика и методология науки об изобразительном, декоративно-прикладном искусстве и хитектуре : дис. … д-ра искусствоведения. Баку, 2001. 370 с.

13. Социально-психологические исследования города / отв. ред. Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев. М. : Ин-т психологии РАН, 2016. 267 с.

14. Ittelson W. H., Proshansky H. M., Rivlin L. G., Winkel G. H. An introduction to environmental psychology. Holt, Rinehart & Winston, 1974. 406 p.

15. Osgood C. E., Suci G. J., Tannenbaum P. H. The Measurement of Meaning. Urbana : University of Illinois Press, 1957. 342 p.

16. Volkelt J. İ. Der Symbol-Begriff in der neuesten Aesthetik. Jena : Berlag bon Dermann Dufft, 1876. 125 p.

17. Wölfflin H. Prolegomena zu einer Psychologie der Architektur. Phil. Diss. München, 1886. 50 p.

Psychology of architecture: environment – architecture – personality

R. F. Ibragimbekova

Baku State University, Baku, Azerbaijan

Abstract. This article examines the relationship between humans and the environment from the perspective of human evolutionary development, during which humans have transformed from beings subject to the natural world into agents who actively reshape their immediate surroundings. This has ensured an incredible (on an evolutionary scale) pace of human progress and the formation of a personality possessing both physical and non-physical (spiritual) properties. The leading factor in these processes, according to the author, is the directions of space–vertical and horizontal–which play a leading role in a person's perception of themselves and their surroundings. For millennia, a person's first contact with the environment has taken place in a space endowed with aesthetic features as well–that is, in architectural space. This is precisely why the role of architecture in the formation of personality cannot be overestimated, just as the existence, at the archetypal level of the psyche, of architectural universals deeply rooted in the history of human development.

Keywords: environment, psychology, architecture, evolution, Homo erectus, personality, directions of space – vertical and horizontal, architectural universals.

Гендерно детерминированные паттерны взаимодействия в семье как психологический фактор практик экологического потребления

О. И. Титова

Сибирский юридический институт МВД России,
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Красноярск

Аннотация. Рассматриваются семейные практики экологического потребления как особая область проявления отношения к взаимодействию в сфере семьи. Теоретической основой выступает авторская концепция типа гендерных убеждений. Представлена модель, связывающая тип гендерных убеждений с особенностями распределения ролей, принятия решений и согласования экологически значимых потребительских практик в семье. Обосновывается, что отношение к взаимодействию в сфере семьи выступает важным психологическим звеном, опосредующим переход от гендерных убеждений к повседневным практикам экологического потребления.

Ключевые слова: отношение к взаимодействию в сфере семьи, гендерные убеждения, тип гендерных убеждений, семейное взаимодействие, экологическое потребление.

В современных условиях экологическая проблематика все более отчетливо входит в пространство повседневной жизни человека [2; 3; 5; 6; 10]. При этом значительная часть решений, имеющих экологические последствия, принимается не изолированным индивидом, а в контексте семейной жизнедеятельности, где согласуются нормы потребления, распределяются обязанности, обсуждаются бытовые привычки и способы организации повседневности. В связи с этим особую значимость приобретает анализ психологических факторов, определяющих, каким образом в семье выстраиваются практики экологического потребления.

Одним из таких факторов представляется отношение к взаимодействию в сфере семьи. Данная сфера является не только пространством эмоциональной близости и ролевого распределения, но и областью, в которой проявляются устойчивые представления личности о допустимых формах взаимодействия мужчин и женщин, о нормативной иерархичности, сходстве или различиях между ними. В этом смысле обращение к феномену гендерных убеждений позволяет выявить более глубокие регуляторы семейных практик, чем простое описание экологических установок или потребительских предпочтений.

Теоретико-методологическую основу настоящего анализа составляют представления о личности как системе отношений в трудах В. Н. Мясищева [4], концепция психологических отношений В. П. Познякова [7], представления о гендере в работах Д. В. Воронцова [1], выступившие в нашем диссертационном исследовании основой типологического анализа гендерных убеждений. Тип гендерных убеждений рассматривается в нашем исследовании как интегративная характеристика личности, определяющая

предпочтительную модель взаимодействия с мужчинами и женщинами, критерии оценки равенства и неравенства их возможностей, а также нормативные представления о распределении ролей и ресурсов.

Цель статьи заключается в разработке психологической модели гендерно детерминированных паттернов семейного взаимодействия в сфере экологического потребления. Для достижения этой цели необходимо, во-первых, обосновать возможность переноса концепции типа гендерных убеждений в анализ семейных практик экологического потребления; во-вторых, определить, каким образом отношение к взаимодействию в сфере семьи может опосредовать связь между гендерными убеждениями и реальными потребительскими решениями; в-третьих, описать вероятностные паттерны организации экологического потребления в семьях с разными типами гендерных убеждений.

Согласно положениям нашего диссертационного исследования, убеждения человека о мужчинах и женщинах, их психологических характеристиках и нормативном распределении социальных ролей представляют собой часть системы его отношений к окружающей действительности и имеют социальную природу, связанную с межличностным и межгрупповым взаимодействием. В этом отношении гендерные убеждения не сводятся к отдельным стереотипам или ситуативным мнениям, а образуют относительно целостную систему представлений, выступающую регулятором социального поведения личности.

Тип гендерных убеждений – это интегративная характеристика личности на основе сочетания убеждений о сходстве или различиях между мужчинами и женщинами по их психологическим характеристикам и убеждений о статусной дистанции во взаимодействии между ними в разных сферах жизнедеятельности. Для анализа семьи она имеет особую важность, поскольку именно в сфере семьи гендерные убеждения воплощаются в распределении обязанностей и принятии решений, восприятии роли матери и отца в воспитании детей и организации повседневного взаимодействия членов семьи. Именно здесь задаются ожидания относительно того, кто инициирует изменения, кто принимает окончательное решение, кто несет ответственность за организацию быта, кто отвечает за нравственную сторону семейных практик, а кто за ресурсную составляющую.

Устойчивость типа гендерных убеждений как социально-психологической характеристики связана с фундаментальностью убеждений о гендерной поляризации и иерархичности, а изменчивость определяется конкретным набором психологических характеристик, разница по которым принимается во внимании при оценке мужчин и женщин, а также контекстом взаимодействия в разных сферах жизнедеятельности, включая семью. Это позволяет использовать тип гендерных убеждений как объяснительный конструкт для анализа семейных практик экологического потребления, учитывая зависимость конкретных форм поведения от контекста жизнедеятельности.

Это позволяет понимать экологическое потребление не как совокупность изолированных действий, а как форму повседневного взаимодействия в сфере семьи. Решения о приобретении товаров, экономии воды и электроэнергии, сортировке отходов, выборе транспорта, ограничении избыточного потребления, особенностях питания и бытовых привычках возникают в поле согласования интересов, ценностей и ролевых ожиданий членов семьи. Поэтому семейные практики экологического потребления являются не только экономическим или ценностным, но и социально-психологическим феноменом.

Ранее нами выделены и эмпирически верифицированы четыре типа, основанные на сочетании двух параметров: убеждений о гендерной поляризации психологических характеристик мужчин и женщин и убеждений о статусной дистанции во взаимодействии между ними [9]. К ним относятся патриархально-поляризованный, патриархально-симиларитивный, эгалитарно-поляризованный и эгалитарно-симиларитивный типы [8].

Патриархально-поляризованный тип характеризуется убеждениями о выраженных различиях психологических характеристик мужчин и женщин и доминировании мужчин во взаимодействии с женщинами; иными словами, мужчины и женщины воспринимаются как разные и неравные. Патриархально-симиларитивный тип предполагает убеждения о сходстве психологических характеристик мужчин и женщин при сохранении представления о доминировании мужчин, т. е. мужчины и женщины воспринимаются как похожие, но неравные. Эгалитарно-поляризованный тип основан на убеждениях о выраженных различиях между мужчинами и женщинами при признании их равенства во взаимодействии, т. е. они понимаются как разные, но равные. Наконец, эгалитарно-симиларитивный тип объединяет убеждения о сходстве мужчин и женщин с убеждениями об их равенстве во взаимодействии, что выражается в представлении о них как о похожих и равных.

Данная типология обладает высоким объяснительным потенциалом применительно к семейной сфере [8]. Она позволяет рассматривать семейное взаимодействие не просто через дихотомию «традиционная – партнерская семья», а через более дифференцированную систему сочетаний представлений о сходстве или различиях мужчин и женщин и об иерархичности или равенстве их взаимодействия. Это особенно существенно тогда, когда внешне сходные формы семейного поведения могут иметь различную психологическую основу.

Для анализа отношения к взаимодействию в сфере семьи значимы также выявленные в диссертационных материалах особенности представителей разных типов гендерных убеждений, для которых семья выступает основной сферой взаимодействия [8]. Так, у представителей эгалитарно-симиларитивного типа обнаружено, что женщины чаще мужчин строят взаимодействие на основе доверия, лучше понимают эмоциональную сторону взаимодействия, в большей степени ориентируются на общепринятые

нормы и стандарты поведения и сильнее учитывают отношения с конкретным человеком, тогда как мужчины реже действуют ситуативно и без размышлений о причинах недостижения целей. У представителей патриархально-симиларитивного типа мужчины чаще участвуют в конкуренции и соревновании, женщины чаще следуют принципу нравственности, а мужчины выше оценивают взаимосвязанность различных сфер жизни. Для патриархально-поляризованного и эгалитарно-поляризованного типов отмечена более высокая оценка мужчинами специфичности различных сфер взаимодействия, наличия в них собственных правил и ограничений по кругу участников.

Названные различия не могут быть автоматически интерпретированы как прямые особенности экологического потребления, однако они создают основания для психологического моделирования того, каким образом тип гендерных убеждений может быть связан с семейными практиками экологического потребления. Иначе говоря, выявленные особенности отношения к взаимодействию в сфере семьи позволяют перейти от описания общих гендерных убеждений к реконструкции вероятностных паттернов семейного взаимодействия в экологически значимой сфере.

Представим психологическую модель гендерно детерминированных паттернов семейного взаимодействия в сфере экологического потребления. Предлагаемая модель исходит из того, что тип гендерных убеждений выступает глубинным регулятором семейного взаимодействия, а отношение к взаимодействию в сфере семьи является тем уровнем, на котором данные убеждения преломляются в конкретных формах коммуникации, координации и распределения ответственности. Переход от убеждений к повседневным практикам осуществляется посредством психологических механизмов: социальной категоризации, стереотипизации и социального сравнения.

Социальная категоризация обеспечивает отнесение участников семейного взаимодействия к мужчинам или женщинам и актуализирует представления о типичных мужских и женских функциях. Стереотипизация задает ожидания о том, кто должен проявлять инициативу, кто отвечать за хозяйство, кто принимать решения о расходовании ресурсов, кто контролировать соблюдение норм. В социальном сравнении соотносится вклад мужчин и женщин в совместную деятельность, оценивается справедливость распределения обязанностей и формируются представления о нормативности той или иной модели семейного взаимодействия.

Это позволяет выделить несколько компонентов: ценностно-когнитивный (гендерные убеждения о сходстве или различиях мужчин и женщин и о допустимой статусной дистанции между ними); ролевой (отражает представления о распределении обязанностей и праве на принятие решений в семье); коммуникативно-регулятивный (доверие, нравственная регуляция, учет отношений с конкретным человеком, склонность к соревнованию или кооперации, особенности рефлексии взаимодействия); поведенческий (конкретные практики экологического потребления).

Взаимосвязь этих компонентов может быть представлена следующим образом. Тип гендерных убеждений определяет рамку интерпретации семейных ролей и ожиданий, на основе которой складывается отношение к взаимодействию в сфере семьи. Это отношение, в свою очередь, влияет на то, как именно в семье обсуждаются и реализуются экологически значимые практики: как распределяется ответственность за бытовые экологические решения, насколько согласованно вводятся новые нормы, допускается ли обсуждение разных позиций, рассматриваются ли экологические ограничения как общая задача семьи или как обязанность одного из ее членов. Следовательно, семейные практики экологического потребления оказываются производными не только от экологической информированности, но и от структуры внутрисемейного взаимодействия.

Для патриархально-поляризованного типа гендерных убеждений можно предположить более выраженную иерархизацию экологически значимых семейных решений. Если мужчины и женщины воспринимаются как разные и неравные, то и экологическое потребление с большей вероятностью будет включено в уже сложившееся асимметричное распределение ролей. В таком случае инициативы, связанные с экологизацией повседневности, могут либо закрепляться за женской сферой бытовой ответственности, либо зависеть от санкции более статусного члена семьи. Отношение к взаимодействию в сфере семьи здесь, вероятно, будет строиться на нормативном различении функций и ограниченном пространстве для горизонтального согласования.

Для патриархально-симиларитивного типа характерна иная конфигурация. Признание сходства мужчин и женщин по психологическим характеристикам сочетается здесь с представлением о неравенстве их взаимодействия. В экологическом потреблении это может выражаться в том, что оба члена семьи потенциально признаются способными к участию в принятии решений, однако право окончательного определения норм и приоритетов остается асимметричным. С учетом выявленных нами различий, согласно которым мужчины этого типа чаще ориентированы на соревнование, а женщины – на нравственный принцип, можно предположить, что экологические практики в таких семьях могут формироваться как пространство скрытого согласования между инструментально-статусной и морально-нормативной логикой.

Эгалитарно-поляризованный тип гендерных убеждений открывает возможность для признания равенства взаимодействующих сторон при сохранении представлений об их различии. В сфере экологического потребления это может означать не тождественность ролей, а их координацию на основе признания разного вклада при нормативном равенстве участников. Отношение к взаимодействию в сфере семьи при таком типе убеждений может сочетать партнерскую установку с допущением функциональной дифференциации. Следовательно, экологические практики здесь способны

приобретать форму согласованного распределения обязанностей без выраженной иерархизации.

Наиболее благоприятные предпосылки для партнерской модели экологического потребления, по-видимому, связаны с эгалитарно-симиларитивным типом гендерных убеждений. Представления о мужчинах и женщинах как о похожих и равных создают основу для взаимодействия, в котором возможны доверие, учет отношений, рефлексия происходящего и согласование норм на основе взаимного признания. Более выраженная ориентация женщин данного типа на доверие, эмоциональное понимание взаимодействия, следование нормам и учет отношений с конкретным человеком, а также большую рефлексивность мужчин по отношению к причинам недостижения целей, позволяет рассматривать данный тип как психологически наиболее совместимый с кооперативной и устойчивой организацией семейных практик экологического потребления.

В качестве иллюстрации эвристического потенциала предложенной модели целесообразно привести несколько типичных проблемных ситуаций, в которых различия в типе гендерных убеждений мужчин и женщин могут обусловливать особенности согласования экологических практик в семье. Приведенные ниже примеры не являются эмпирически установленными, а представляют собой концептуально выведенные автором варианты того, как отношение к взаимодействию в сфере семьи опосредует переход от гендерных убеждений к конкретным формам повседневного поведения.

Первая проблемная ситуация связана с введением практики раздельного сбора отходов. Если один из партнеров ориентирован на эгалитарно-симиларитивный тип гендерных убеждений, предполагающий равенство и сходство мужчин и женщин во взаимодействии, а другой придерживается патриархально-поляризованного типа, то сама инициатива может получить разное психологическое значение. Для одного из участников взаимодействия она будет выступать как совместно вырабатываемая семейная норма, тогда как для другого – как посягательство на уже сложившийся порядок распределения ролей и полномочий. В этом случае проблемным местом оказывается не столько экологическая практика как таковая, сколько различие в понимании допустимой степени партнерского участия в принятии решений.

Вторая ситуация может возникать при выборе более дорогих, но экологически предпочтительных товаров. В семьях, где выражены патриархально-симиларитивные убеждения, возможно сочетание признания сходства мужчин и женщин с сохранением статусной асимметрии между ними. С учетом того, что для представителей данного типа отмечены, с одной стороны, большая выраженность у мужчин ориентации на соревнование и более высокая оценка взаимосвязанности различных сфер жизни, а с другой стороны, более выраженная ориентация женщин на нравственный принцип, решения о потребительских приоритетах могут превращаться в скрыто конфликтное поле согласования инструментально-статусной и мо-

рально-нормативной логики. Экологическая покупка при этом может интерпретироваться одним партнером как нравственно оправданная и социально ответственная, а другим – как второстепенная или навязанная с точки зрения существующей семейной иерархии.

Третья проблемная ситуация связана с распределением обязанностей по реализации экологических практик в повседневной жизни семьи. В условиях патриархально-поляризованного типа гендерных убеждений экологическое потребление может включаться в уже сложившуюся систему асимметричного распределения домашнего труда, когда контроль за экономией ресурсов, сортировкой отходов, отказом от избыточных покупок или выбором бытовых средств фактически закрепляется за одним членом семьи. В таком случае отношение к взаимодействию в сфере семьи придает экологическим практикам не характер совместного действия, а характер дополнительной обязанности, что может сопровождаться эмоциональным напряжением, формальным соблюдением правил или скрытым сопротивлением.

Четвертая ситуация касается выбора экологически ориентированных форм семейного досуга и передвижения, например, на личном автомобиле или на общественном транспорте. Если один из партнеров исходит из эгалитарно-поляризованного типа гендерных убеждений, а другой – из патриархально-симиларитивного, то проблемность может возникать уже на уровне способа согласования решения. Для первого типа более вероятно признание различий вкладов мужчин и женщин при нормативном равенстве участия, тогда как для второго допустимо участие обоих при сохранении асимметрии влияния. В результате даже при совпадении общей установки на экологически более приемлемую практику стороны могут расходиться в ожиданиях относительно того, кто вправе определить окончательный вариант семейного поведения.

Пятая проблемная ситуация проявляется в тех случаях, когда экологизация повседневности требует отказа от привычных потребительских сценариев. В семьях, где выражен эгалитарно-симиларитивный тип гендерных убеждений, подобные изменения с большей вероятностью могут обсуждаться через доверие, учет отношений и совместную рефлексию происходящего, что согласуется с выявленными нами особенностями отношения к социальному взаимодействию у представителей данного типа. Однако если второй партнер исходит из более иерархичной модели взаимодействия, то предложение ограничить избыточное потребление, изменить режим покупок или пересмотреть бытовые привычки может переживаться не как совместное решение, а как форма контроля, морального давления или скрытого перераспределения власти внутри семьи.

Таким образом, проблемные места экологического потребления в сфере семьи могут быть связаны не только с экологической информированностью или экономическими возможностями семьи, но и с тем, как тип гендерных убеждений задает ожидания, роли и приемлемые способы со-

гласования во взаимодействии мужчин и женщин. Это позволяет рассматривать различия в отношении к взаимодействию в сфере семьи как важный психологический фактор, влияющий на устойчивость и конфликтность экологических практик.

С теоретической точки зрения важным представляется положение о том, что отношение к взаимодействию в сфере семьи выступает не внешним фоном экологического потребления, а его внутренним психологическим условием. Одни и те же экологические требования – например, ограничение избыточных покупок, изменение бытовых привычек, отказ от части удобств, выбор более экологичных, но менее привычных товаров – могут восприниматься в семье по-разному в зависимости от того, как устроены нормы взаимодействия, кто обладает правом инициативы, каким образом распределяется ответственность и насколько значимы для членов семьи доверие, равенство и кооперация.

Практическая значимость предложенного подхода связана с возможностью дальнейшей разработки программ психологического и психолого-педагогического сопровождения семейной экологизации. Если экологическое потребление действительно опосредовано типом гендерных убеждений и спецификой отношения к взаимодействию в сфере семьи, то эффективные просветительские и развивающие программы должны учитывать не только информирование о пользе экологичных практик, но и особенности внутрисемейной коммуникации, распределения ролей и гендерно детерминированных ожиданий.

Таким образом, использование концепта «тип гендерных убеждений» позволяет по-новому рассмотреть семейные практики экологического потребления как форму социального взаимодействия, а не только как совокупность бытовых решений. Гендерные убеждения, определяющие представления личности о сходстве или различиях мужчин и женщин и о статусной дистанции между ними, образуют психологическую основу тех моделей взаимодействия, которые реализуются в семье.

Литература

1. Воронцов Д. В. Гендерная психология общения. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2008. 208 с.

2. Карнышев А. Д. Экологичное бытие и психологическое здоровье как ресурсы консолидации и патриотизма // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2025. С. 233–240.

3. Карнышев А. Д., Журавлева И. А., Карнышева О. А. Гармония с природой: истоки и ресурс развития человека и его сообществ // Этнорегиональные ресурсы гармонии человека с природой и социумом как факторы психологического здоровья, межнационального согласия и межкультурной коммуникации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 7–10.

4. Мясищев В. Н. Психология отношений. Под ред. А. А. Бодалева. М. : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1995. 356 с.

5. Панов В. И. Экопсихология: Парадигмальный поиск. М. ; СПб. : ПИ РАО : Нестор-История, 2014.

6. Панюкова Ю. Г., Александрова Е. С., Мдивани М. О., Лидская Э. В. Экопсихология развития: от экологической психологии к экопсихологической парадигме развития психики // Психологические науки. 2026. № 2. С. 40–55. https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-2-40-55

7. Позняков В. П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. М. : Ин-т психологии РАН, 2018. 530 с.

8. Титова О. И., Позняков В. П. Отношение мужчин и женщин к социальному взаимодействию в сфере семьи с учетом гендерного типа личности // Психологический журнал. 2025. Т. 46, № 3. С. 36–46.

9. Титова О. И., Позняков В. П. Эмпирическая разработка гендерного типа личности // Вопросы психологии. 2023. Т. 69, № 1. С. 64–74.

10. Ясвин В. А. Общение с миром природы как психологическая основа экологической этики // Психологические науки. 2026. № 2. С. 8–15. https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-8-15

Gender-Determined Patterns of Interaction in the Family as a Psychological Factor in Ecological Consumption Practices

O. I. Titova
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk

Abstract. This article examines family practices of eco-consumption as a specific area of expression of attitudes toward family interactions. The theoretical basis is the author's concept of gender belief types. A model is presented linking gender belief types to the characteristics of role distribution, decision-making, and coordination of environmentally significant consumer practices within the family. It is argued that attitudes toward family interactions serve as an important psychological link mediating the transition from gender beliefs to everyday practices of eco-consumption.

Keywords: attitudes toward family interactions, gender beliefs, gender belief types, family interactions, eco-consumption.

Экологическое волонтерство как фактор формирования гражданской идентичности молодежи Байкальского региона

Д. А. Ковалева
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия
им. В. М. Лебедева, Иркутск

Аннотация. Рассматривается роль экологического волонтерства в формировании гражданской идентичности молодежи Байкальского региона. На основе анализа научной литературы обосновано, что участие в добровольных экологических инициативах способствует развитию у молодежи чувства сопричастности к судьбе своей территории, гражданской ответственности и социальной активности. Определены основные механизмы влияния волонтерской деятельности на формирование гражданской идентичности: практическое участие в решении социально значимых задач, формирование связей солидарности и усвоение ценностей посредством совместной деятельности. Особое внимание уделено специфике Байкальского региона как уникальной площадки для развития молодежных экологических инициатив. Предложены направления интеграции экологического волонтерства в образовательную работу со студентами вузов.

Ключевые слова: экологическое волонтерство, гражданская идентичность, молодежь, Байкальский регион, социальная ответственность, гражданское воспитание, волонтерство, экологическая культура.

Современные геополитические условия испытывают потребность в сплоченности общества, росту патриотизма и гражданской активности населения [3, с. 1]. Особую значимость, в связи с этим, приобретает формирование гражданской идентичности молодежи – осознания молодым человеком своей принадлежности к обществу и государству, сопряженного с готовностью действовать на общее благо.

Эффективным инструментом для решения этой задачи выступает экологическое волонтерство. Оно представляет добровольческую деятельность, направленную на защиту окружающей среды. Его ценность заключается в том, что экологические проблемы носят всеобщий характер, затрагивают интересы каждого человека и потому способны объединять людей независимо от их социального положения и культурных различий [4, с. 3–4].

Байкальский регион, обладающий статусом объекта Всемирного природного наследия, представляет собой уникальную площадку для развития молодежных экологических инициатив. Угрозы, связанные с загрязнением озера, неконтролируемой застройкой берегов и сокращением биоразнообразия, создают естественную мотивацию для включения молодежи в природоохранную деятельность.

В научной литературе гражданская идентичность определяется как результат диалектического взаимодействия личности и общества. Она не обладает завершенностью и формируется на протяжении всей жизни индивида [3, с. 2]. Идентичность включает в себя когнитивный характер, выражающийся в осознании своей принадлежности к сообществу, эмоциональный, проявляющийся в чувстве связи с сообществом, а также поведенческий характер, заключающийся в готовности действовать в интересах сообщества.

Важным является тот факт, что ценности формируются не через пассивное усвоение информации, а в процессе деятельности, взаимодействия и сотрудничества [3, с. 4]. Именно поэтому волонтерство рассматривается исследователями как одно из универсальных направлений формирования активной гражданской позиции личности.

Современные исследования показывают, что гуманитарное и экологическое волонтерство становится пространством формирования действенной гражданственности у молодежи. Участие в добровольческой деятельности способствует развитию эмпатии, социальной ответственности и стремления к подлинной помощи [1, с. 81], одновременно с этим у молодых людей формируется осознанное восприятие необходимости защиты окружающей среды и поддержки национальных инициатив [4, с. 5–6].

Влияние экологического волонтерства на формирование гражданской идентичности молодежи реализуется через несколько взаимосвязанных механизмов.

Первый из таких механизмов – это практическое участие в решении общественно значимых задач, экологическое волонтерство позволяет молодому человеку увидеть конкретные результаты своих действий, например, очищенный от мусора берег, высаженные деревья, благоустроенную территорию. Это формирует ощущение собственной дееспособности, именно уверенности в том, что личные усилия способны приносить реальную пользу обществу [5, с. 2–3]. Такое переживание является важнейшей предпосылкой для становления гражданской идентичности.

Второй механизм – формирование связей, с помощью участия в экологических акциях и проектах происходит объединение молодых людей из разных социальных групп, учебных заведений, населенных пунктов. В ходе совместной деятельности возникают горизонтальные связи, основанные на общих ценностях и взаимном доверии, именно идентичность граждан, воплощаемая в волонтерской деятельности, становится фактором укреплению общества [3, с. 5–6].

Третьим механизмом выступает усвоение ценностей через совместную деятельность, ведь именно в процессе экологического волонтерства молодой человек не просто узнает о важности бережного отношения к природе, но и проживает эту ценность на собственном опыте. Ценность переходит из разряда абстрактных знаний в разряд личностно значимых смыслов, что и обеспечивает ее интеграцию в структуру идентичности [3, с. 3–4].

Байкальский регион обладает рядом особенностей, усиливающих потенциал экологического волонтерства в формировании гражданской идентичности молодежи.

Во-первых, озеро Байкал, безусловно, является не просто природным объектом, но и мощным символом, значимым для жителей всей страны. Участие в его защите придает волонтерской деятельности дополнительную целостность, так как молодой человек ощущает себя причастным к сохранению национального достояния.

Во-вторых, в регионе накоплен значительный опыт организации молодежных экологических инициатив, действуют такие объединения, например, как Ассоциация молодежных экологических объединений Байкальского региона «ЭкоМолодежь», фонд «Озеро Байкал», экосообщество «Закон природы». Ежегодно проводятся молодежные экологические форумы и конференции, где обсуждаются актуальные вопросы участия молодежи в защите Байкала и развития волонтерства на его берегах.

В-третьих, на территории региона реализуются разнообразные форматы волонтерской деятельности: от масштабных акций по уборке берегов до научного волонтерства, предполагающего участие молодых людей в сборе полевого материала для исследовательских проектов [1, с. 9–10]. Такое разнообразие позволяет каждому найти форму участия, соответствующую его интересам и возможностям.

Опираясь на проведенный анализ, можно выделить несколько перспективных направлений интеграции экологического волонтерства в воспитательную работу со студенческой молодежью.

Первым направлением хочется выделить включение волонтерских проектов в образовательные программы. Проектная деятельность позиционируется исследователями как особый вид социального творчества, стратегической целью которого является создание хорошо организованной общности инициативных граждан [5, с. 5–8]. Студенты могут разрабатывать и реализовывать экологические проекты под руководством преподавателей, приобретая при этом навыки командной работы, управления ресурсами и публичной презентации результатов.

Второе направление однозначно включает организацию регулярных экологических акций, ведь важно не просто провести субботник или посадку деревьев, но и обсудить со студентами, что они испытывали в процессе деятельности, как изменилось их восприятие территории, на которой они работали. Такое обсуждение способствует переводу внешней активности во внутренний план, что является необходимым условием формирования идентичности [3, с. 5].

Третье направление – развитие наставничества и преемственности в волонтерской среде. Опытные волонтеры могут выступать в роли наставников для новичков, передавая им не только практические навыки, но и ценностное отношение к деятельности. Это способствует формированию устойчивых волонтерских сообществ, внутри которых происходит воспроизводство гражданской идентичности [2, с. 107–108].

Проведенный анализ показывает, что экологическое волонтерство обладает значительным потенциалом как фактор формирования гражданской идентичности молодежи Байкальского региона. Участие в добровольческих инициативах по защите озера Байкал способствует развитию у молодых людей чувства сопричастности к судьбе своей территории, гражданской ответственности и готовности действовать на общее благо. Байкальский регион с его уникальными природными ресурсами и сложившимися традициями молодежного экологического движения представляет собой благоприятную среду для дальнейшего развития волонтерских инициатив. Задача образовательных учреждений и органов молодежной политики заключается в создании условий для вовлечения студентов в эту деятельность и обеспечении сопровождения, позволяющего перевести внешнюю активность в устойчивые личностные образования.

Литература

1. Долженкова М. И., Прохорова О. Г. Гражданское воспитание молодежи средствами экологических и культурозащитных инициатив // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 183. С. 77–84.

2. Картушина Л. Е. Формирование нравственной идентичности обучающихся посредством эковолонтерской деятельности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 7–1 (82). С. 106–109.

4. Невеличко Л. Г. Волонтерская деятельность как условие формирования гражданской идентичности молодежи // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2024. Т. 15, № 3. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/36SCSK324.pdf. (дата обращения: 22.05.2026)

5. Рахова М. В. Реализация экологических волонтерских проектов как способ повышения социальной ответственности молодежи // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8, № 6. С. 1–7.

6. Смирнова Е. А. Участие московской студенческой молодежи в экологической волонтерской деятельности // Молодой ученый. 2023. № 30 (477). С. 119–121.

Environmental Volunteering as a Factor in the Formation of Civic Identity of Youth in the Baikal Region

D. A. Kovaleva
East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Irkutsk

Abstract. The article examines the role of environmental volunteering in the formation of civic identity of youth in the Baikal region. Based on the analysis of scientific literature, it is substantiated that participation in voluntary environmental initiatives contributes to the development of young people's sense of belonging to the fate of their territory, civic responsibility and social activity. The main mechanisms of the influence of volunteer activity on the formation of civic identity are identified: practical participation in solving socially significant tasks, the formation of solidarity ties and the assimilation of values through joint activities. Special attention is paid to the specifics of the Baikal region as a unique platform for the development of youth environmental initiatives. Directions for integrating environmental volunteering into educational work with university students are proposed.

Keywords: environmental volunteering, civic identity, youth, Baikal region, social responsibility, civic education, volunteerism, ecological culture.

Экологическое волонтерство в Байкальском регионе

А. А. Лашко
Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматривается феномен экологического волонтерства в Байкальском регионе как одной из ключевых форм гражданского участия и устойчивого развития. Анализируется практика экологических природоохранных инициатив, их реализации и ее эффективность в Иркутской области.

Ключевые слова: Байкал, экологическое волонтерство, научное волонтерство.

Экологическое волонтерство в Байкальском регионе представляет собой одну из наиболее стремительно развивающихся форм гражданского участия и экологического туризма. Эта деятельность позволяет не только внести вклад в сохранение уникальной экосистемы озера, но и способствует развитию инфраструктуры региона, формированию экологического самосознания у населения и привлечению внимания к проблемам сохранения окружающей среды.

Сохранение озера Байкал интегрировано в национальный проект России «Экологическое благополучие», т. е. комплекса системных мер, направленных на обеспечение качества окружающей среды, необходимого для благоприятной жизни человека и устойчивого развития экономики. Реализация программы позволит: 1) снизить к 2036 г. в два раза объема неочищенных сточных вод, сбрасываемых в основные водные объекты, сохранение уникальной экологической системы оз. Байкал, 2) сохранить лес и биологического разнообразия, устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий и создание условий для экологического туризма во всех национальных парках и др. [1].

Включение задач по сохранению озера Байкал в национальный проект «Экологическое благополучие» свидетельствует о важности системных, целевых действий. Программа представляет собой комплексный план, где экологические цели напрямую связаны с задачами по улучшению качества жизни населения и обеспечению устойчивого экономического развития через сохранение и защиту окружающей среды.

Координирующая роль государственных органов региона в развитии экологического волонтерства наглядно проявилась в рамках Дней защиты от экологической опасности Министерством природных ресурсов и экологии Иркутской области в 2024 г., при участии общественных организаций, предприятий, органов государственной власти и местного самоуправления проводился ряд мероприятия, направленные на экологическое просвещение населения. Такие как, региональный фестиваль эковолонтерских отрядов «ЭКОДВИЖ-2024», который проходил в два этапа, и за звание лучшего отряда боролись 20 команд Иркутской области. Целью проведения фестиваля стала необходимость выявления и поддержки наиболее активных эковолонтерских отрядов, повышение мотивации подрастающего поколения к участию в социально ориентированной деятельности, а также экологические акции по уборке берегов водоема от мусора на трех локациях в границах Иркутского района (Илгинский источник, участок побережья оз. Байкал (6-км маршрут от с. Большое Голоустное до пади Семеновка); экологическая тропа «Сухое озеро», протяженностью 1,8 км. Участие в акциях приняли 70 волонтеров [5].

Среди действующих инициатив, направленных на решение конкретных экологических вызовов Байкальской природной территории, особое место занимает проект «Байкал без пластика».

Проект реализуется на базе научно-волонтерского пункта Иркутского национального исследовательского технического университета (ИрНИТУ) и представляет собой многоуровневую программу. Ключевой целью является не только очистка территорию от пластикового мусора, но и формирование системы научного мониторинга и экологической грамотности.

В рамках проекта предполагается вовлечение школьников в реальные научные исследования по мониторингу прибрежных территорий. Участвуя в сборе и анализе данных, они не только оказывают практиче-

скую помощь ученым, но и знакомятся с ключевыми проблемами, связанными с жизненным циклом пластика. Полученные в ходе мониторинга данные станут основой для выработки научно обоснованных сценариев решения проблемы.

Социальная задача проекта заключается в включении самых юных жителей региона в актуальную экологическую повестку и, в перспективе, в формировании у них культуры осознанного потребления. Организационно это достигается через помощь ученым в обработке материалов, проведение образовательных мероприятий и конкурсов, а также через привлечение к участию волонтеров из других регионов прибайкальской территории. Таким образом, проект «Байкал без пластика» служит ярким примером того, как гражданская наука может стать эффективным инструментом для решения локальных экологических проблем [5].

Количественные показатели, предоставляемые аналитикой платформы «Добро.РФ», позволяют оценить масштаб вовлеченности населения Иркутской области в добровольческую деятельность. Согласно данным платформы, за все время на ней было зарегистрировано более 90 тыс. волонтеров из региона. При этом экологическое направление является одним из приоритетных: свыше 10 тыс. человек, более 11 % от общего числа выбрали защиту окружающей среды в качестве основной сферы своей волонтерской активности. Эта тенденция подтверждается и масштабами практической реализации: на территории области было проведено свыше тысячи мероприятий и реализовано 288 проектов, направленных на решение экологических задач [4].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что экологическое волонтерство в Иркутской области вышло за рамки единичных акций и сформировалось как системное и одно из наиболее востребованных направлений добровольчества. Высокая доля эковолонтеров и значительное количество реализованных проектов говорят о зрелости гражданского общества в регионе и его активном отклике на экологические вызовы, что является прочной базой для дальнейшей реализации природоохранных инициатив.

Таким образом, мы видим, что экологическая волонтерская деятельность на Байкале способствует формированию глубокого понимания ценности окружающей нас природы. Работая непосредственно на территориях, добровольцы видят масштабы проблем и осознают свою личную ответственность за будущее этого места. Они получают практические навыки, учатся работать в команде и видят результат своего труда. Этот опыт формирует у них активную жизненную позицию и устойчивое представление о патриотизме. Участие в таких проектах на безвозмездной основе позволяет формировать местные сообщества, объединенные общими ценностями: заботой о природе и любовью к родному краю.

Литература

1. Правительство Российской Федерации. URL: http://government.ru/ rugovclassifier/919/about
2. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: https://www.mnr. gov.ru/activity/environmental well-being
3. Национальные проекты России. URL: https://национальныепроекты. рф/newprojects/ekologicheskoe-blagopoluchie
4. Аналитика платформы «Добро. РФ« // Добро.РФ. URL: https://dobro.ru/analytics.
5. Фонд «Озеро Байкал». URL: https://www.baikalake.ru/project
6. Молодая наука. URL: http://youngscience. gov.ru/news/news/2715

Ecological volunteering in the Baikal region

A. A. Lashko
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This article examines the phenomenon of environmental volunteering in the Baikal region as one of the key forms of civic engagement and sustainable development. The practice of environmental conservation initiatives, their implementation, and effectiveness in the Irkutsk Region are analysed.

Keywords: Lake Baikal, environmental volunteering, scientific volunteering.

Организация и развитие экологического туризма и экологии туризма как особых форм участия в улучшении состояния природы

И. Г. Богачева
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация. Исследуются вопросы организации и развития экологического туризма и экологии туризма как особых форм участия в улучшении состояния природы через реализацию корпоративной экологической ответственности промышленных и добывающих компаний. Проводится анализ вопросов экологической ответственности бизнеса в России сегодня и результатов экспертного опроса руководителей крупных предприятий, занимающихся экологической ответственностью в регионах. Делаются вывод о формах и механизмах развития экологической ответственности в целом и оптимального формирования экорегиона.

Ключевые слова: экорегион, экологическая ответственность, развитие региона, социальная ответственность, корпоративная экологическая ответственность.

Экологический облик регионального развития, определяется именно содержанием и последствиями работы крупных промышленных и добывающих компаний, представленных в любом регионе РФ. Формирование экорегиона строится на добровольном согласии вести свою деятельность экологически устойчивым, здоровьесберегающим, природосберегающим, образом. Это не просто формальное соответствие экологическим нормам, сохранению ресурсов, минимизации отходов, сокращению выбросов угле-

кислого газа и переработке отходов, соблюдение техники безопасности. Это признание собственной ответственности и личного вклада в последствия развития условий жизни региона. Примером реализации данных идей могут быть исследования И. А. Журавлевой [2, с. 15], Ю. В. Заварзиной и М. В. Поповой [4], Р. В. Иванова [4; 5], О. А. Полюшкевич [6; 7] и других исследователей. Для развития и организации экологического туризма и экологии туризма необходимо отталкиваться от бизнес-стратегии, опирающейся на устойчивые методы работы, сохраняющие и воспроизводящие экологическую среду в регионе и определяющие корпоративную экологическую ответственность.

Экорегион формируется тогда, когда не одно предприятие, а большая часть предприятий, находящихся в регионе, соблюдают установленные нормы экологически сохранного развития предприятий. Принятие на себя ответственности за обеспечение экологической устойчивости определяется мировоззрением руководителей компании, а также официально закрепленными нормами корпоративной социальной экологической ответственности. Благодаря реализации экологически сохранных методов, компании минимизируют негативное воздействие на экологическую среду, повышают собственную репутацию, формируют экологически сознательных сотрудников, и, несомненно, вносят свой в клад в решение региональных и глобальных экологических проблем.

Анализируя реально работающие в рамках экологической ответственности компании, можно выделить два ключевых типа. Первый предполагает получение реальной экономической прибыли от использования экологических инструментов социальной ответственности, через новые технологии, которые снижают себестоимость и одновременно менее активно воздействуют на окружающую среду. Второй тип компаний относится к тем, кто используют экологическую проблематику как сферу формирования имиджа компании, которая повышает узнаваемость, формирует положительную репутацию и т. д.

Можно объяснить экологическую ответственность компаний в условиях развития экологического туризма следующим образом. Экологическая ответственность влияет на сохранение экологической среды. Любые крупные промышленные или добывающие предприятия, через свою деятельность, оставляют свой след в экологии. Принимая свою ответственность за экологическое будущее, внося вклад в созданные экологически устойчивой среды и биоразнообразия, экосистемы и природных ресурсов, компании создают устойчивые позитивные условия для будущего развития и в настоящем, действуя в рамках российского и международного законодательства по сохранению экосреды. *Включенность в нормативное пространство* реализуется на опережающей основе и отражается в формате нефинансовой отчетности, включающей экологическую и социальную повестку. Публикации в открытых источниках является инструментом прозрачности деятельности компании.

Экологическая ответственность в условиях индустриального туризма формирует *репутационный имидж компании*, когда общественность рассматривает компанию через представленность в социально-ответственной экологической активности. Это требует экологически обоснованных методов работы и социального развития. *Экологические риски* присутствуют у любого предприятия, но внедрение сбалансированных методов работы и осознанное экологическое моделирование позволяют регулировать социальное управление в рамках прогнозируемых отклонений и предпринимать превентивные меры экологических рисков. Экологическая безопасность становится стимулом к формированию *корпоративной идентичности* сотрудников, особенно, когда ценности и мотивация отдельных сотрудников совпадают с ценностями и мотивацией компании. Ценности экологической безопасности и устойчивости могут стать связывающим и сплачивающим элементом между работниками и руководством компании. Экологическая политика и реальные внедренные экостандарты, становятся основой для *долгосрочных партнерских и инвестиционных связей* и *лояльности инвесторов*. А это дает гарантию на стабильно развитие предприятия в будущем. Будущее развитие экорегиона строится через экологическую ответственность предприятий. Это будет происходить через интеграцию в бизнес-среду различных инновационных технологий, которые будут менять технологию труда и создавать новые условия для сотрудничества и социального взаимодействия. Экологическая ответственность как условие долгосрочного успеха и стабильности – это не просто моральная догма, но реальная стратегия устойчивого перспективного развития, опирающаяся на разработанные модели краткосрочного и долгосрочного развития. Метанавыки и субумения руководителя, стандартизация и креативность, внедрение конструктивных инноваций позволит соответствовать условиям и вехам технологического развития настоящего и будущего. Важно обновление требований и условий социального моделирования экологической ответственности. Так как с изменением технологического развития меняются и экологические риски. Это требование современного и будущего развития технологий, а вместе с тем и особенностей управления.

По анализу результатов экспертного опроса, состоявшего из 8 полуструктурированных блоков, отражающих проблемы экологической ответственности современных компаний и перспективы развития экорегиона, вопрос актуальности экологической повестки не вызывает ни у кого сомнений. Эксперты ставили разные акценты и приоритетные темы в развитии экологической деятельности социально ответственных компаний. Любая экосистема имеет свой ассимиляционный потенциал.

«Перед тем, как начать разработку того или иного направления промышленного туризма, необходимо выяснить предельные возможности самовосстановления экосреды и условия экологического восстановления через дополнительные проекты. Это экономические траты, но при этом – это экологическое развитие» (заместитель руководителя, крупной добывающей компании, Красноярск).

«Истощение не возобновляемых (нефть и др.) и возобновляемых (пресная вода, леса и др.) природных ресурсов имеет критическую нагрузку для экономического развития, так как требует усилий не только в сфере добычи и производства, но и других профилях деятельности – восстановления почв, лесов, вод, флоры и фауны, которые нарушили естественную цепочку воспроизводства в результате промышленной и добывающей деятельности компаний. Нефть рано или поздно закончится, поэтому надо думать, занимаясь разработкой альтернативных ископаемых, переориентацией производства и введением новых технологий добычи, обработки, очистки и так далее… Это все помогает развивать компанию, давать стабильность региону и сохранять экологическую среду» (глава промышленного предприятия, Тюмень).

«Леса в результате вырубки под производство – можно восстановить. Но это не на один год задача. Тоже самое и с очисткой водоемов. На все нужно время. А экосреда не может быть стабильной, если там не хватает одного или нескольких компонентов. Даже один сезон без чистой воды – приводит к необратимой трансформации всего экологического пространства региона» (главный специалист перерабатывающего предприятия, Ангарск).

«Снижение или утрата биологического разнообразия становится критичным фактором, который не так легко восстановить, если негативный процесс уже запущен. Исчезновение хотя бы одного вида животного или растения приводит к необратимым изменениям флоры и фауны всего региона. Это необратимые последствия для экосистемы. Поэтому необходимо проводить мониторинг экосреды работы промышленных предприятий и при первых сигналах негативного развития предпринимать радикальные меры по сохранению популяции животных или растений» (ведущий специалист промышленного предприятия, Иркутск).

«Биологическое разнообразие – основа регионального развития. Без этого элемента говорить об экологическом воспроизводстве, биологическом равновесии и. тем более, о промышленном туризме. не приходится. Штатные экологи и биологи отслеживают влияние работы предприятия на экосреду, так как ранее были прецеденты упущенного времени, которые стали критичными для экосреды региона» (руководитель промышленного предприятия, Тюмень).

«Изменение климата под влиянием работы предприятий – более глобальное явление, но и о нем говорили эксперты. Одно предприятие может и не изменит климат на планете, но десятки, а то и сотни – могут это сделать легко. Поэтому нам нельзя отсидеться и сказать, что мы не влияем на мировые процессы потепления или похолодания. Это бесперспективная политика, которая приносит вред всем сторонам взаимодействия» (руководитель добывающего предприятия, Иркутск).

«Политика «моя хата с краю» для промышленных и добывающих предприятий на сегодняшний день просто не приемлема и не жизнеспособна, так как не решать вопросы, а позволяет от них убежать. Но это не

значит, что они сами собой решаться. Это значит, что необходимо находить механизмы своего вклада в сохранение мирового климата. Нет маленьких предприятий. Есть одна экосистема и ее надо оберегать и сохранять так, как может каждое предприятие в отдельности и всем вместе через единую экологическую политику предприятий той или иной отрасли» (руководитель промышленного предприятия, Иркутск).

«Сегодня в эпоху популизма экологичности забываются вопросы естественного восстановления почв за счет внесения навоза с предприятий в поля. Естественный природный процесс приравнен к экологической катастрофе там, где нет этому реальной угрозы. Деградация почв за счет внесения минеральных удобрений вместо органических, так как органические приравнены к особо опасным и требуют тотального контроля, как к химии» (президент, Ассоциации крестьянских» (фермерских) хозяйств, личных подсобных хозяйств и кооперативовЛенинградскойобласти и Санкт-Петербурга).

Это указанные экспертами проблемные зоны – зоны экологической работы любых крупных компаний. При этом они используют не одинаковые инструменты в решении обозначенных проблем. Оценка воздействия на окружающую среду (начиная от стратегического планирования и экологического мониторинга, заканчивая нормативно-правовым регулированием) должна быть учтена при экономическом планировании и стратегическом моделировании развития как предприятия или отрасли в целом, так и в развитии индустриального туризма, в частности.

Поскольку в России экологические экспертизы носят двоякий, двойственный характер, это вызывает ряд трудностей в оценке эффективности инструмента регулирования социальной экологической ответственности компаний.

Экологический аудит не всегда позволяет выявить на ранних этапах природоохранные нарушения. Эксперты указывают на большую развитость данного направления за рубежом, начиная от нормативно-правовой базы, заканчивая работой экологических общественных организаций. Эффективность экологического аудита в России не столь эффективна, как на западе, по причине отсутствия разработанных и внедренных стандартов и рекомендаций, слабой правовой базы. Четыре международных стандарта, действующие в нашей стране, носят скорее формальный характер. Правовые акты не могут регулировать внутреннего экологического аудита организации, что может вызывать риски для организации.

Таким образом, выявленные задачи развития экологической ответственности предприятий решаются различными формами работы компаний, направленными на сохранение экорегионального воспроизводства. К тому же, данные направления определяют ключевые векторы социального развития добывающих и промышленных предприятий в формировании экорегиона, что является важным еще и для экономической стабильности общества, в контексте междисциплинарности вопроса.

Литература

1. Богачева И. Г. Экологический туризм на Байкале как фактор деятельностного отношения к природе у молодежи // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием, 11 марта 2025 г. : темат. сб. ст. / под общ. ред. А. Д. Карнышева, И. А. Журавлевой, Е. А. Ивановой. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 186–189.

2. Журавлева И. А. Экогород в представлениях жителей Байкальского региона // Социология, № 10, 2024. С. 33–38.

3. Заварзина Ю. В., Попова М. В. Социальное моделирование экогородского развития: случай Байкальска // Социология, № 11, 2024. С. 32–39.

4. Иванов Р. В. Проблемы формирования экологического сознания как основы патриотизма на территории Байкальского экорегиона // Социология. 2024. № 11. С. 40–44.

5. Иванов Р. В. Экологический патриотизм в Байкальском регионе: перспектива развития экорегиона // Социология, № 10. 2024. С. 39–43.

6. Полюшкевич О. А. Экогород: просоциальное поведение «зеленых» активистов // Социология. 2024. № 11. С. 53–58.

7. Полюшкевич О. А. Просоциальные практики экологического активизма // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Аспринт, 2021. С. 199–203.

Organization and development of ecological tourism and ecology of tourism, as special forms of participation in improving the state of nature

I. G. Bogacheva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

Abstract. In the article, we address the issues of the organization and development of ecological tourism and ecology of tourism, as special forms of participation in improving the state of nature, through the implementation of corporate environmental responsibility of industrial and mining companies. We conduct an analysis of the issues of environmental responsibility of business in Russia today and the results of an expert survey of heads of large enterprises engaged in environmental responsibility in the regions. The conclusions concern the forms and mechanisms of development of environmental responsibility in general and the optimal formation of an eco-region.

Keywords: eco-region, environmental responsibility, regional development, social responsibility, corporate environmental responsibility.

Социально-культурная деятельность как ресурс формирования экосреды психологической безопасности детей с отклоняющимся поведением

Ю. Д. Чуняева

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматривается потенциал социально-культурных практик как ресурса формирования экосреды психологической безопасности детей с отклоняющимся поведением. Анализируется роль социальных институтов, волонтерских объединений, образовательных организаций и культурных практик в профилактике девиантного поведения. Особое внимание уделяется опыту Иркутской области, где демонстрируются возможности интеграции социально-культурных технологий в работу с детьми группы риска. Делается вывод о значимости создания поддерживающей социальной среды как условия успешной реабилитации и позитивной социализации несовершеннолетних.

Ключевые слова: дети с отклоняющимся поведением, социально-культурная деятельность, психологическая безопасность, экосреда, профилактика, социализация.

В настоящее время вопрос поддержания психологического благополучия детей и подростков становится особенно актуальным. Рост социальных рисков, изменения в системе межличностных отношений, развитие цифровых коммуникаций, а также ослабление семейных и общественных связей влияют на процессы социализации несовершеннолетних. На этом фоне возрастает количество факторов, которые могут привести к формированию различных видов отклоняющегося поведения: проявление агрессии, зависимостей, социальной дезадаптации, нарушения в сфере коммуникации и других девиаций.

В научной среде все чаще используется понятие экосреды как совокупности условий, благоприятных для развития личности. Современное понимание экосреды не ограничивается природными факторами, а включает социальные, культурные и психологические характеристики среды, в которой живет человек. Для детей и подростков особое значение приобретает создание безопасной, поддерживающей и развивающей среды, способной формированию позитивной социализации, системы ценностей и уменьшению социальных рисков.

Для несовершеннолетних с отклоняющимся поведением создание такой среды становится особенно важным. Исследования показывают, что различные формы девиаций часто обусловлены не только индивидуальными особенностями ребенка, но и нарушениями во взаимодействии личности с окружающим социальным пространством. Неблагоприятные семейные обстоятельства, недостаток эмоциональной поддержки, сложности в адаптации к школе, социальная изоляция и нехватка возможностей для самореализации усиливают риски деструктивного поведения.

В этой связи усиливается роль социально-культурной деятельности, которая становится одним из способов профилактики и поддержки детей, относящихся к группе риска. Социально-культурные практики включают

мероприятия, технологии и практики, направленные на развитие личности, организацию досуга, вовлечение в общественную жизнь и создание условий для раскрытия творческого потенциала.

В отличие от традиционных профилактических подходов, которые главным образом направлены на предотвращение негативных проявлений, социально-культурная деятельность открывает более широкие возможности. Ее задача не столько в ограничении поведения ребенка, сколько в создании условий для его вовлечения в значимые виды деятельности, накопления положительного опыта взаимодействия и формирования субъектной позиции.

Особое внимание заслуживает способность социально-культурной деятельности создавать пространство психологической безопасности. Такая среда строится на доверительных отношениях, эмоциональной поддержке, возможностях для самовыражения и принятии личности ребенка. Вовлечение детей в творческие, образовательные, волонтерские и досуговые инициативы способствует снижению тревожности, формированию коммуникативных умений и укреплению социальной идентичности.

Практический интерес вызывает опыт Иркутской области, где выстраивается комплексная система поддержки несовершеннолетних. В регионе реализуются программы профилактики, предполагающие взаимодействие между образовательными учреждениями, органами социальной защиты, молодежными объединениями, волонтерскими движениями и учреждениями культуры.

Особое место занимают волонтерские практики, развиваемые на базе образовательных учреждений. В качестве примера можно выделить работу молодежного волонтерского движения «Ирида», основанного в 2009 г. на базе Института социальных наук Иркутского государственного университета. Создание движения стало реакцией на пожар в социальном приюте «Гнездышко», после которого студенты и преподаватели института начали системную помощь детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. С течением времени первоначальная инициатива переросла в устойчивую добровольческую практику.

К особенностям деятельности движения относится сочетание социальной помощи с профессиональной подготовкой будущих специалистов в социальной сфере. Участники реализуют различные мероприятия в социальных учреждениях, проводят творческие и игровые программы, организуют занятия, направленные на развитие коммуникативных и социальных навыков у детей. Работа строится во взаимодействии с благотворительными фондами, социально-реабилитационными центрами и общественными организациями региона.

Важно подчеркнуть, что деятельность подобных объединений выходит за пределы традиционного волонтерства как разовой поддержки. Создаваемая ими среда способствует формированию устойчивых социальных связей, отношений доверия и позитивного опыта взаимодействия. Для детей, оказавшихся в трудной ситуации, участие в таких инициативах

уменьшает социальную изоляцию, помогает развитию коммуникативных умений и укрепляет ощущение психологической защищенности.

Отдельного внимания заслуживает обратный эффект: вовлечение студентов в добровольческую деятельность способствует формированию профессиональных компетенций у будущих социальных работников, развитию эмпатии, умений сопровождать и поддерживать, а также пониманию реальных проблем детей группы риска.

Существенным направлением становится развитие практик школьного участия. Сегодня образовательные учреждения постепенно отходят от роли исключительно учебного пространства и формируют комплексную воспитательную среду. Вовлечение школьников в волонтерские акции, творческие проекты, наставнические программы и социальные мероприятия способствует развитию социальной ответственности и коммуникативных навыков.

Эти формы работы позволяют рассматривать образовательную организацию как часть экосреды, обеспечивающей психологическую безопасность. Ребенок получает здесь не только знания о социальных нормах, но и опыт позитивного взаимодействия, эмоциональной поддержки и социальной успешности.

Эффективность социально-культурной деятельности определяется не отдельными акциями, а системностью и непрерывностью усилий. Разовые проекты редко дают устойчивый результат. Важно выстраивать единое пространство для сотрудничества семьи, школы, социальных служб, молодежных объединений и местного сообщества.

Таким образом, социально-культурная деятельность становится значимым ресурсом для формирования экосреды, поддерживающей психологическую безопасность детей с отклоняющимся поведением. Она способствует позитивной социализации, профилактике деструктивных проявлений и развитию личности несовершеннолетних. Опыт современных практик показывает, что поддерживающая социальная среда, одно из ключевых условий эффективной реабилитационной работы и сохранения психологического благополучия детей и подростков.

Литература

1. Холостова Е. И. История социальной работы: учеб. для среднего проф. образования. 3-е изд. М. : Юрайт, 2026. 113 с. (Профессиональное образование) // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: https://urait.ru/bcode/598914 (дата обращения: 02.05.2026).

2. Мудрик А. В. Социальная педагогика : учеб. для студ. пед. вузов / под ред. В. А. Сластенина. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академия, 2000. 200 с.

3. Карнышев А. Д. Природа психологического здоровья. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020.

4. Киселева Г. Г., Красшшшкое Ю. Д. Социально-культурная деятельность : учебник. М. : МГУКИ, 2004. 539 с.

5. Волонтерское движение «Ирида» // Институт социальных наук Иркутского государственного университета. URL: https://socio.isu.ru/ru/index.html (дата обращения: 02.05.2026).

Socio-cultural activity as a resource for the formation of an eco-environment for the psychological safety of children with deviant behavior

U. D. Chunyaeva
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This article examines the potential of socio-cultural practices as a resource for the formation of an eco-environment for the psychological safety of children with deviant behavior. The role of social institutions, volunteer associations, educational organizations and cultural practices in the prevention of deviant behavior is analyzed. Special attention is paid to the experience of the Irkutsk region, where the possibilities of integrating socio-cultural technologies into work with children at risk are demonstrated. The conclusion is made about the importance of creating a supportive social environment as a condition for successful rehabilitation and positive socialization of minors.

Keywords: children with deviant behavior, socio-cultural activities, psychological safety, environmental environment, prevention, socialization.

Влияние приверженности идеологии социального служения на ментальное здоровье молодых специалистов по социальной работе

М. А. Лавыгина
Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Исследуются трансформационные процессы в современной социальной работе, обусловленные переходом от формального предоставления услуг к человекоцентричности и ценностно-мотивационной модели социального служения. Анализируется, как приверженность высоким альтруистическим идеалам и готовность к бескорыстной помощи может приводить к рискам ухудшения ментального самочувствия и быстрому профессиональному выгоранию, что особенно выраженного у молодых специалистов. Рассматривается рекреационный и терапевтический потенциал оз. Байкал, раскрываются механизмы позитивного воздействия природы на ментальное здоровье сотрудников. Обосновывается необходимость внедрения выездных экологических практик, супервизий и корпоративных тренингов на побережье Байкала как жизнеспособной альтернативы традиционным методам профилактики выгорания в помогающих профессиях.

Ключевые слова: социальная работа, социальное служение, ментальное здоровье, молодые специалисты, профессиональное выгорание, психологические ресурсы, Байкал.

На сегодняшний день мы можем наблюдать новый особый виток развития нашего общества. Отражением того являются внешние политические условия, в которых существуют все структуры, претерпевающие институциональные и функциональные изменения. С каждым годом возрастает роль так называемого третьего сектора общества, представленного некоммерческими организациями, вследствие недостаточности государственных ресурсов. Параллельно происходят процессы, связанные с усовершенствованием нормативно-правовой базы, активное внедрение цифровых технологий и искусственного интеллекта. Все это является условиями, в которых каждая отрасль трансформируется, и социальная работа не является исключением. Сегодня мы не можем рассматривать эту сферу как несколько десятилетий назад, когда она только зарождалась в нашем государстве. В

процессе становления социальной работы деятельность специалистов и государственных учреждений носила патерналистский характер, где государство словно опекающий родитель возлагало на себя обязанности по заботе о гражданах исходя из своего представления об имеющихся проблемах. В наше время, анализируя применяемые технологии, подходы и формы социальной работы можно отметить изменения, в основе которых лежит тенденция к человекоцентричности во взаимоотношениях между социальными службами и клиентами, лицами, попавшими в трудную жизненную ситуацию. Сегодня в основе деятельности специалистов по социальной работе лежит адресность, которая заключается во всесторонней поддержке нуждающихся лиц и это является современным вызовом для специалистов. То есть работа не представляет собой формальное предоставление услуг, как это происходило в девяностые годы, сегодня приходит понимание, что социальная работа зиждется на категории социального служения. Именно социальное служение выступает ценностно-мотивационной основой, которая придает социальной работе осмысленность и гуманистический характер. Нам видится необходимым учитывать изменяющиеся условия и регламентировать деятельность специалистов социальных служб в соответствии с ними.

Так, само по себе социальное служение как термин сформировалось в религиозной среде и представляет собой бескорыстное оказание помощи, проявление милосердия. Так как феномен изначально был элементом деятельности церкви, то помимо безвозмездной поддержки, благотворительности еще одной формой выступало миссионерство [3]. С течением времени мы можем наблюдать как понимание термина заметно расширилось и стало затрагивать иные сферы жизни общества. Например, в новостном выпуске одного из регионов нашей страны бывший министр, нынешний уполномоченный по правам человека Олег Калугин делился отношением к своей работе как к служению в марте 2026 г. [4]. Это один из свежих примеров, когда политические деятели знаменуют свои труды как служение. Аналогичное видение деятельности свойственно и иным профессиям, которые можно характеризовать как «помогающие». Все эти сферы объединяет общая цель, заключающаяся в обеспечении достойных условий для жизни населения нашего государства. Несомненно, в этот перечень входят и специалисты по социальной работе, социальные работники.

Адаптация системы социального служения под организации социальной сферы и учреждения, в которых происходит подготовка кадров, по нашему мнению, может способствовать повышению мотивации специалистов, так как таким образом будет происходить трансляция более глобального смысла деятельности специалиста по социальной работе. Более того данная ценностно-мотивационная платформа может сказаться на повышении сплоченности коллективов данных организаций, их расположенности к коллегам и клиентам, поскольку в основе социального служения лежат идеи человеколюбия, альтруизма и милосердия. Но вместе с тем могут

возникнуть и сложности, в особенности повышение риска возникновения проблем с ментальным самочувствием. Большая включенность специалиста в работу с клиентом предполагает высокую ресурсоотдачу, подкрепленность высокой мотивацией, основанной на миссии бескорыстного служения обществу и юношеским максимализмом. Сочетание данных факторов, особенно их сильное влияние, может оказать влияние на молодых специалистов, находящихся в начале своего профессионального пути. Данная категория особенно подвержена влиянию, поскольку еще, скорее всего, не имеет опыта работа в сфере, не сталкивалась со всеми трудностями и не успела отточить навыки саморегуляции, профилактики, восстановления затраченных ресурсов.

В современном мире разработано большое количество различных практик, целью которых является восстановления здоровья профессионала, его ресурсов для дальнейшего продолжения выполнения своих должностных обязанностей, поставленных задач. Особенно они полезны, если человек находится в условиях, где нет возможности уделить время на долгосрочную поездку, небольшое путешествие. Иркутская область в этом случае является уникальным субъектом обладающим значительным потенциалом представленным озером Байкал. Озеро именуемое как «Святое море» становится прибежищем для многочисленных народов, людей. Для каждого человека он представляет свою ценность. Безграничная гладь воды, ее волнение, отражающиеся лучи солнца, шум, который сопровождает встречу волны и прибоя, все это обладает особым свойством для человека [1].

В рамках исследования ценностно-смысловых ресурсов помогающих профессий нами было проведено экспертное интервью. В нем приняли участие 15 специалистов ведущих учреждений социальной сферы, ежедневно сталкивающихся с человеческой болью, кризисными ситуациями и синдромом эмоционального выгорания.

Эксперты ответили на два ключевых вопроса: какое воздействие Байкал оказывает на ментальное здоровье в целом и как его потенциал может помочь молодым специалистам восполнить внутренний ресурс.

Анищенко Валентина Алексеевна, директор социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних г. Иркутска отметила, что в работе с кризисными семьями и детьми, пережившими травму, уровень эмоционального напряжения зашкаливает. Байкал для ментального здоровья обретает роль некого стабилизатора, его масштаб и тишина буквально «заземляют» человека. Для молодых специалистов, которые только приходят в сферу и часто идеализируют ее, первая встреча с суровой реальностью оборачивается кризисом. Время, проведенное на Байкале, становится возможностью для проведения супервизии и психологической разгрузки. Масштаб озера помогает переоценить собственные проблемы, перевести дыхание и трудности носят временный характер.

Зубарева Татьяна, специалист по социальной работе Семейного многофункционального центра г. Иркутска: «В Семейный МФЦ люди идут не-

прерывным потоком, каждый со своей бедой. К концу недели чествуешь себя опустошенным. По опыту могу сказать, что Байкал благотворно воздействует на ментальное здоровье через органы чувств: шум волны, чистый воздух, бескрайний горизонт. Все это снимает когнитивную перегрузку. Молодым кадрам часто свойственно «впускать» в себя чужие проблемы. А Озеро словно снова очищает. Мы заметили, что даже двухдневные выходные на побережье возвращают сотрудникам эмпатию и способность искренне сопереживать, защищая от цинизма».

Власова Анна, руководитель некоммерческой организации «Пространство действий»: «В секторе НКО мы постоянно ищем ресурсы, боремся за гранты, внедряем инновации. Это режим перманентного стресса. Байкал дает ментальную перезагрузку за счет смены контекста. Он заставляет замедлиться. Молодые специалисты в НКО быстро загораются и также быстро сгорают из-за отсутствия мгновенного результата. Корпоративные эковыезды, волонтерство на берегах озера, совместные тренинги на природе помогают молодежи почувствовать себя частью чего-то большего, укрепляют командный дух и дают энергию действовать дальше».

Попова Юлия, директор благотворительного фонда «Спаси и сохрани»: «Наш фонд соприкасается с темами потерь, тяжелых болезней, экзистенциальных кризисов. Ментальное здоровье здесь страдает в первую очередь от ощущения бессилия. Байкал лечит душу своим величием. Возле него человек чувствует умиротворение и внутреннюю тишину».

Наталья Щербина, заместитель директора геронтологического центра города Иркутска: «Специфика работы в геронтологическом центре связана с ежедневным соприкосновением с процессами старения, увядания и неизбежности ухода человека из жизни. Ментальное здоровье сотрудников здесь подвергается особому риску: подсознательно включаются страхи перед собственной старостью, возникает тяжелое чувство бессилия перед временем. Байкал в этом плане оказывает уникальное терапевтическое воздействие. Он воспринимается как символ вечности и мудрости. Созерцание его мощи помогает принять естественные циклы жизни, трансформировать страх в глубокое спокойствие и философское отношение к бытию.

Молодые специалисты, приходя к нам, часто эмоционально ломаются быстрее остальных – они еще не умеют балансировать между профессиональной эмпатией и сохранением себя. Для восполнения их ресурсов Байкал становится это замечательным местом.

Остальные 10 опрошенных экспертов из числа руководителей и сотрудников социальных служб региона поддержали коллег. Обобщая результаты интервью, можно сказать о том, что озеро Байкал влияет на снижение уровня тревожности, агрессии и профессионального выгорания благодаря природным факторам. Созерцание и уединение на побережье Озера позволяет преодолеть кризис профессиональной идентичности. Также стоит отметить, что Озеро являясь местом силы представляет собой площадку для проведения профессиональных встреч, супервизорских групп и психологи-

ческих тренингов, эффект которых повышается по сравнению с проведением тех же технологий в замкнутых помещениях, в которых порой даже отсутствуют окна.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что внедрение системы социального служения в деятельность специалистов по социальной работе в современных условиях – необходимость. Но помимо положительных результатов могут возникнуть и сложности в виде истощения ресурсов, особенно молодых специалистов и трудности с их восстановлением. Иркутская область является уникальнейшим регионом, в котором расположено озеро Байкал, представляющее собой значимый потенциал в поддержании ментального здоровья действующих специалистов, о чем говорят те, кто имел опыт общения с этим объектом природы. Поэтому на наш взгляд необходимо развитие и расширение числа мероприятий, направленных на взаимодействие с такими объектами. Мы видим это возможной альтернативой проводимым корпоративам в различных организациях.

Литература

1. Карнышев А. Д. Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий. 2 изд., испр. и доп. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. 504 с.

2. Попова В. В. Помогающее поведение как феномен современного общества // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Респ. Бурятия, Улан-Удэ, 28–29 сент. 2023 г. Улан-Удэ : Вост.-Сиб. гос. ун-т технологий и управления, 2023. С. 220–222.

3. Костылева Т. А. Категории социального служения и основные понятия, связанные с ним // ОНВ. 2013. № 3 (119). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-sotsialnogo-sluzheniya-i-osnovnye-ponyatiya-svyazannye-s-nim (дата обращения: 09.06.2026).

4. «Работа уполномоченного – это служение»: Интервью с Олегом Калугиным // Калужские новости. Новости Калуги и Калужской области: Главные события дня. URL: https://kaluganews.ru/fn_1830078.html (дата обращения: 27.05.2026).

The impact of adherence to the ideology of social service on the mental health of young social workers

M. A. Lavygina
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article explores the transformational processes in modern social work, which are caused by the transition from formal service provision to a human-centered and value-motivational model of social service. The author analyzes how adherence to high altruistic ideals and a willingness to provide selfless assistance can lead to risks of mental health deterioration and rapid professional burnout, which is particularly pronounced among young professionals. The article examines the recreational and therapeutic potential of Lake Baikal and reveals the mechanisms of nature's positive impact on the mental health of employees. The article substantiates the need to introduce field-based environmental practices, supervision, and corporate training on the Baikal coast as a viable alternative to traditional methods of preventing burnout in helping professions.

Keywords: social work, social service, mental health, young professionals, professional burnout, psychological resources, Lake Baikal.

Экокоммуникация: теоретические основы, принципы

И. А. Михеев

Российская академия образования, Москва

Аннотация. Изучаются теоретические основы экокоммуникации (экологической коммуникации), выделяются принципы ведения экокоммуникации. Под экокоммуникацией (экологическая коммуникация) рассматривается «климатический нарратив» выживания, сохранения общества, развития гуманного взаимодействия между людьми, создания ценностного отношения к себе и к Другому. Автор обращается к современным теориям коммуникации: экзистенциальной философии, постнеклассической парадигме коммуникации и к идеям отечественных мыслителей XX в.

Ключевые слова: коммуникация, экокоммуникация, экологическая коммуникация, принципы экокоммуникации.

Фокус внимания ученых все больше направлен на поиск гуманных основ взаимодействия между людьми, выявление истоков и традиций выстраивания экокоммуникации (экологической коммуникации) в эпоху цифровых технологий и искусственного интеллекта. Кризис традиционных ценностей (религии, науки, морали), нарастающие тенденции отчуждения и одиночества в современном обществе, замена реального общения виртуальным определяет актуальные направления исследований коммуникации, среди которых можно назвать следующие: изучение влияния социальных сетей на общение между людьми, коммуникация в онлайн-среде, межкультурная коммуникация, коммуникация в условиях кризисов и конфликтов и др. Современные ученые акцентируют свое внимание на том, как процессы коммуникации влияют на наши отношения, самооценку и эмоциональное состояние, как коммуникация способствует эффективной работе внутри коллектива и принятию управленческих решений, как люди взаимодействуют в социальных сетях и по каким причинам вступают в то или иное сообщество, как люди общаются в экстремальных условиях, какие есть способы улучшения коммуникации в данных ситуациях, как на коммуникацию влияют стереотипы и предрассудки, а также какие есть способы создания эффективных стратегий коммуникации [11, с. 110].

Экзистенциальная философия конца XIX–XX в. рассматривает коммуникацию, сместив акцент с абстрактных структур на уникальность человеческого существования и глубину межличностных отношений. М. Хайдеггер и К. Ясперс рассматривают язык не просто как инструмент обмена информацией, а как фундамент человеческого бытия («дом бытия» Хайдеггера или «мост к Другому» Ясперса). Экзистенциалисты, прежде всего К. Ясперс, обсуждаеют подлинную (экзистенциальную) коммуникацию, где субъект коммуникации становится способом раскрытия мира и себя в нем. В концепции К. Ясперса подлинное общение – это духовное единение, требующее: самораскрытия и искренности; осознания собственной экзистенции; принятия Другого как равноценной личности. Данный

подход позволяет сформулировать принципы построения экологической коммуникации с трепетным отношением к Другому, с ценностным отношением к экзистенциальному опыту встречи с Другим.

Трансформации в философском дискурсе в конце XX в. сопровождаются формированием постнеклассической парадигмы исследования, для которой характерны отрицание рациональности и претензий на истинность идеалов философии Просвещения, стирание границ между субъектом и объектом, идеологией и идеями, искусством и воображением, пренебрежение детерминистскими теориями человеческого поведения [1, с. 27]. В результате возникли теория двухступенчатой коммуникации, теория спирали молчания, диффузная теория, теория информационных барьеров, культурологическая теория массовой коммуникации, теория консенсуального взаимодействия и др.

В русле постнеклассической парадигмы развиваются теории, которые констатируют важность конструирования общей реальности и согласования действий в сложных системах и в условиях неопределенности социальных реалий. К постнеклассической парадигме, наряду с феноменологией А. Шюца, этнометодологией, драматургической социологией и теорией «управления впечатлениями» И. Гоффмана, относятся теории Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ж. -Ф. Лиотара, Ж. Лакана, Ф. Гваттари, М. Фуко, Н. Лумана, У. Бека, задающие ведущие константы постмодернизма как интеллектуального течениях [4]. В контексте постнеклассической парадигмы исследования коммуникации основаны на принципах релятивизма и плюрализма, а сама коммуникация рассматривается как трансляция «кодов действия», переплетение уникальных и ситуативных дискурсных и нарративных практик. В постмодернистской философии находят отражение полионтологичность сетевых коммуникаций и коммуникативные практики в обществе потребления [1, с. 27].

В рамках изучения массовой коммуникации появилась теория двухступенчатой коммуникации, разработанная П. Лазерсфельдом и Б. Берельсоном. Основная идея теории заключается в том, что коммуникация осуществляется в два этапа. На первом этапе (ступени) информация от средств массовой информации поступает к «лидерам мнений», т. е. наиболее авторитетным членам групп. На втором этапе (ступени) информация попадает к наименее активным участникам коммуникации. Информация проходит через своеобразный фильтр восприятия лидеров мнения полученных данных. При этом на первом этапе происходит именно передача информации, а на втором – передача информации и влияния. Диффузная теория, которую разработал Э. Роджерс, – отражение процесса усвоения нового в обществе. Ученый выделил в процессе адаптации новой идеи шесть этапов: внимание, интерес, оценка, проверка, принятие, подтверждение. В своей концепции Э. Роджерс описал пять классов людей по степени принятия ими новых идей и продуктов (товаров): 1) инноваторы (2,5 %) – люди, которые быстро схватывают новое; 2) ранние принимающие (13,5 %) – уважаемые

люди, большинство из них являются лидерами мнений; 3) раннее большинство (34 %), которое принимает решение немного раньше, чем его примет среднестатистический гражданин; 4) позднее большинство (34 %) – скептики, принимающие решения после того, как их принял среднестатистический гражданин. 5) поздние принимающие (16 %), которые подозрительно относятся ко всему новому.

Открытие теории «Спираль молчания» («Эффект оркестрового вагона», «Сдвиг последней минуты») связано с именем Э. Ноэль-Нойман. Суть теории заключается в том, что человек с наименьшей долей вероятности будет вступать в процесс коммуникации (высказывать свое мнение), если находится в меньшинстве, тем самым присоединяясь к большинству. Ученый считает концепцию проявлением общественного мнения: «Все проявления общественного мнения объединяет их связь с угрозой изоляции для индивида. Там, где индивид не может свободно высказываться или поступать по собственному усмотрению, а должен учитывать воззрения своего окружения, чтобы не оказаться в изоляции, мы всегда имеем дело с проявлениями общественного мнения» [10].

Теория информационных барьеров (модель привратника), созданная К. Левином, связана с отбором информации. Ее суть заключается в том, что процесс выбора новостей зависит от своеобразной цензуры, которую осуществляет привратник: из множества событий, которые происходят и описываются в мире, редактор отбирает только десятки. В культурологической теории массовой коммуникации, разработанной М. Маклюэном и А. Молем, подчеркивается, что средства массовой информации формируют общество, а массовая культура позволяет обществу приобщиться к духовным ценностям. М. Маклюэн разделил систему культуры на устную, письменную и аудиовизуальную. При этом с помощью электронной коммуникации организуется свободное общение между людьми вне пространственных и временных ограничений (феномен глобальной деревни). «Современная электронная связь строит мир по образцу “глобальной деревни”» [8, с. 71]. Ученый отмечал, что при чтении электронного текста люди воспринимают информацию «мозаично» (фрагментарно), что создает и «мозаичность культуры». Так, полученная информация создает осведомленность о мире, однако не дает систематических знаний о нем. А. Моль также говорил о «мозаичности информации».

Понятие коммуникативного разума Ю. Хабермас поставил в центр философских размышлений. Он связал понятие разума с эмпирической теорией социальной эволюции, разработанной К. Марксом, теоретическими идеями З. Фрейда, М. Вебера, Т. Парсонса. Понятие «разум» критически обновилось. Коммуникация понимается как опосредованная языком интеракция. Во время коммуникативного действия выявляются смыслы речевых выражений. Основная цель теории коммуникативного действия – описание «жизненного мира» в развивающейся перспективе [13, с. 197–228].

Ориентируясь на гуманитарное знание, Ю. Хабермас ратует за язык культуры, за принципы человеческого измерения, за гуманный путь развития человечества и определяет средство такого гуманизма – реализацию проекта «просвещенной общественности». Этот проект был обращен к новым поколениям как защита от тоталитаризма, авторитарного мышления. Другими словами, встать на позиции человеческого измерения это значит необходим экологический подход в системе «Человек-Человек», к обществу. Феноменологическая философия определяет жизненные миры как микромиры повседневности, в которых живут и общаются люди.

Ю. Хабермас понимает жизненный мир как нетематизированный горизонт значений, основанный на жизненном опыте, запасе знаний индивида, сосредоточенных в культуре, в языке как средстве коммуникации. «Колонизация жизненных миров» в традициях «критической теории» означает внешний давящий контроль жизненного пространства человека. В жизненных мирах идет постоянная интерпретация событий, соответствующих конкретным ситуациям. Функции «жизненных миров» – формирование контекста коммуникативного действия; накопление ресурса опыта для интерпретаций событий и фактов; воспроизводство культурных ценностей и актов социальной интеграции. Ю. Хабермас ставит задачу выработать факторы, которые позволили бы преодолеть зависимость от господствующих форм общественного сознания (идеологии, установок религии, морали, права и др.) и сохранить независимость и критичность сознания личности. Модель «коммуникативного действия» нацелена на гуманизацию общественной жизни [6].

Ю. Хабермас, взяв за основу типологию социального действия М. Вебера, разработал типологию видов коммуникативного действия: действия формальные, ориентированные на успех (критерий эффективности); действия коммуникативные, ориентированные на понимание, взаимопонимание, консенсус (критерий – социальная норма). «Жизненный мир» с его правилами интерсубъективности является основанием для установления экологических отношений между людьми, совместных интерпретаций событий и явлений.

Владение практиками взаимопонимания (умение вести диалог, знание языка и контекста интерпретаций) Ю. Хабермас определяет понятием «коммуникативная компетентность». Коммуникативная компетентность – элемент этики коммуникативного дискурса. Ее суть – в понимании необходимости согласования мнений членов общества по важным вопросам организации жизни: то, что является важным и существенным для жизни, не может быть установлено директивным способом. Моральная идеология – это утверждение принципа: никакое благо не может быть навязано человеку помимо его воли. «Вступая в моральную дискуссию, ее участники развертывают в рефлексивной установке свои коммуникативные действия с целью восстановления нарушенного консенсуса. Следовательно, аргументированные моральные дискуссии служат улаживанию конфликтов на базе

консенсуса. …Требуется «реальная» дискуссия, в которой принимали бы совместное участие все заинтересованные лица. Только процесс достижения интерсубъективного взаимопонимания может привести к согласию, рефлективному по своей природе: только тогда его участники смогут осознать, что совместными усилиями друг друга в чем-то убедили» [14, с. 106].

Теорию консенсуального взаимодействия основал У. Матурана. Главная идея теории состоит в том, что языковой деятельности свойственно сотрудничество, которое базируется на самосохранении. «Человеческие существа являются биологически любящими (сотрудничающими) существами, а язык – это наш биологический способ жизни» [9, с. 95]. Основным средством социальной организации выступает язык. В теории систем Н. Луман наделяет общество системным характером благодаря наличию в нем коммуникации. «Общество есть коммуникативно закрытая система. Оно производит коммуникацию посредством коммуникации. Коммуницировать оно может только оно само – но не с самим собой и не своим окружающим миром. Оно производит свое единство посредством оперативного совершения коммуникаций, рекурсивно обращенных к предыдущим и предвосхищающих последующие коммуникации» [7, с. 223].

В своей теории Ж. Бодрийяр отмечает, что общество стало обществом постмодерна, для которого характерна такая особенность, как сокращение знаков и действительности, где невозможно сказать, что из них реальнее. Это приводит к трансформации знаков и производящих систем. Ж. Бодрийяр говорит о том, что СМИ фальсифицируют социальные отношения, «которые становятся просто симуляциями социальной реальности… поскольку социальная реальность есть симуляция, общество становится гиперреальным» [12]. Так, СМИ становятся не только отражением действительности, но и самой ею. Бодрийяр диагностирует кризис коммуникации в обществе потребления: реальность подменяется симулякрами, а общение – обменом знаками. Это ведет к утрате смысла, этических, экологических ориентиров и подлинного опыта в пользу гиперреальности медиа и потребительской культуры.

Эпистемологический поворот в современной философии потребовал переосмысления гуманитарного знания [5]. В этом контексте особое значение приобрели идеи отечественных мыслителей XX в., таких как М. М. Бахтин и Ю. М. Лотман, исследовавших уникальность гуманитарного познания.

Центральным элементом бахтинской философии является идея диалога, к которой он впервые обращается в работе «Проблемы творчества Достоевского» (1929). В этом контексте «диалог» осмысливается как фундамент гуманитарного мышления, как основа понимания субъекта и личности. Диалогические отношения, в интерпретации Бахтина, суть смысловые связи, за которыми всегда предполагается присутствие реальных или потенциальных речевых субъектов – авторов, собеседников, участников коммуникативного акта [3, с. 303]. Любое культурное явление – поступок,

реплика – может рассматриваться как текст, несущий смысловую позицию и включенный в диалог времени [3, с. 286]. Эта идея сближается с теорией семиосферы Ю. М. Лотмана. Диалогичность становится основой гуманитарного мышления, направленного на смысл и раскрытие культурной идентичности. Текст – пространство встречи субъектов, а понимание – форма диалога. Гуманитарное знание, таким образом, предстает как разновидность диалогического мышления. Это один из главных вкладов Бахтина в философию науки XX в., отразивший глубокие изменения в научном дискурсе и «вне-текстовой» реальности.

Изменения в характере общественных связей и отношений, происходящие на каждом последующем этапе человеческой истории, получали соответствующее теоретическое отражение. Усложнение общественных связей и отношений влекло за собой структурное усложнение и большее разнообразие коммуникативного знания. В условиях актуального интереса к экологической коммуникации – коммуникации общества с самим собой об условиях своего сохранения и выживания цивилизации важно обратиться к философским истокам и традициям понимания коммуникации. Краткий обзор теоретических концепций позволил выделить несколько принципов экокоммуникации:

- подлинное общение – это духовное единение, требующее: самораскрытия и искренности; осознания собственной экзистенции; принятия другого как равноценной личности;
- конструирование общей реальности и согласования действий в сложных системах и в условиях неопределенности;
- коммуникативная компетентность как владение практиками взаимопонимания (умение вести диалог, знание языка и контекста интерпретаций);
- достижение интерсубъективного взаимопонимания, ведущего к согласию, рефлективному по своей природе;
- консенсуальное взаимодействие;
- диалогичность как основа гуманитарного мышления, направленного на смысл и раскрытие культурной идентичности.

Ценностные основы построения экокоммуникации позволяют в единой логике в контексте ускоряющегося становления многополярного мира рассматривать «механизмы консолидации общества, становления личностной и гражданской самореализации, достижения социальной ответственности» [2]. Экокоммуникация способствует разрешению противоречий, созданию пространства для диалога и совместного движения к общим целям.

Литература

1. Асланова М. Т., Сапрыкина Е. В. Парадигма коммуникативистики в философском дискурсе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 1(75).

2. Басюк В. С., Дугарова Т. Ц. Феноменология развития и бытия личности: ценностно-смысловые ориентиры // Ценности и смыслы. 2025. № 2(96). С. 99–116. DOI: 10.24412/2071-6427-2025-2-99-116

3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979.

4. Гнатюк О. Л. Проблемы типологии в теориях социальной коммуникации // Коммуникация: метафизика и метадискурс : сб. ст. / под ред. С. В. Клягина, О. Д. Шипуновой. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2010. С. 26–27.

5. Ларина, М. Ю. Идея диалога у Бахтина и гуманитарное мышление // Вектор научной мысли. 2025. № 6(23). С. 112–115.

6. Логунова Л. Ю. Генезис гуманистической идеи человекоцентризма в философской мысли // Социально-философские аспекты науки и образования. 2024. № 5(8). С. 15–33.

7. Луман Н. Теория общества // Теория общества: фундаментальные проблемы : сб. / пер. с нем. и англ. Е. В. Ананьевой [и др.]; под ред. А. Ф. Филиппова. М. : Канон-Пресс-Ц ; Кучково поле, 1999.

8. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М. : Акад. проект; Фонд «Мир», 2005.

9. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект / сост. и вступ. ст. В. В. Петрова ; пер. с англ. и нем. яз. под общ. ред. В. И. Герасимова, В. П. Нерознака. М. : Прогресс, 1995.

10. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова. М. : Прогресс-Академия; Весь Мир, 1996. 352 с.

11. Смарига В. Ю. Коммуникация как предмет междисциплинарного исследования // Вестник Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Серия 5, Экономика. Социология. Биология. 2024. Т. 14, № 1. С. 110.

12. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер. М. : Экономика, 2000. 413 с.

13. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: пер. с нем. СПб. : Наука, 2001.

14. Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. М. : Наука, 2001.

Eco-communication: theoretical foundations, principles

I. A. Mikheev

Russian Academy of Education, Moscow

Abstract. In this article, the author presents the theoretical foundations of the study of eco-communication (ecological communication), highlights the principles of eco-communication. Under eco-communication (ecological communication), the author considers the «climate narrative» of survival, the preservation of society, the development of humane interaction between people, and the creation of value-based attitudes towards oneself and Others. The author refers to modern theories of communication: existential philosophy, the post-non-classical paradigm of communication.

Keywords: communication, eco-communication, environmental communication, principles of communication.

Экосистемный подход в аквакультуре: проблемы и перспективы

М. Ж. Батуев

Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва

Аннотация. Отмечается, что аквакультура имеет стратегическое значение для обеспечения продовольственной безопасности страны. Актуальность выработки экосистемного подхода в аквакультуре обоснована высокой теоретической и практической значимостью. Выделена проблема развития цифровой экосистемы в сфере аквакультуры как условия жизнеспособности и конкурентоспособности отрасли. По итогам прохождения практики в Центре аквакультуры университета и изучения литературы выявлены основные направления и принципы выработки экосистемного подхода.

Ключевые слова: аквакультура, экосистемный подход, направления и принципы выработки экосистемного подхода.

Аквакультура с ее стратегическим значением для обеспечения продовольственной безопасности страны и устойчивого развития агропромышленного комплекса была и остается в центре внимания научного сообщества в силу высокой теоретической и практической значимости. Общепризнанно, Россия располагает значительным потенциалом для ускоренного развития аквакультуры (22,5 млн га озер, 4,3 млн га водохранилищ, 0,96 млн га сельскохозяйственных водоемов косвенного назначения, 142,9 млн га прудов и 523 млн км рек). Протяженная линия морского побережья России составляет около 60 тыс. км, площадь морских акваторий в Черном, Каспийском, Баренцевом, Белом, Азовском и дальневосточных морях, пригодная для размещения комплексов аквакультуры составляет всего около 110,38 млн км^2, современная площадь акваторий, используемая для выращивания морских биоресурсов, не превышает 25 тыс. га. Но при этом по производству продукции аквакультуры наша страна занимает 26-е место в мире (по данным ФАО ООН), т. е. Россия значительно отстает по развитию товарного рыбоводства даже от тех стран, которые не имеют выхода к морю [2]. Приведенные факты позволяют выделить несколько проблем в сфере аквакультуры.

Одна из актуальных задач, которую важно решить в эпоху цифровой революции и искусственного интеллекта, это проблема внедрения цифровой экосистемы в сфере аквакультуры как условия жизнеспособности и конкурентоспособности отрасли. Речь идет об «инновационном развитии средств рыболовства и производства рыбной продукции. Замена нынешнего состава промысловых судов супер-траулерами с высоким уровнем механизации, автоматизации и роботизации связана с появление новых вызовов к цифровизации производственных процессов» [3].

Цель нашего исследования – это выработка экосистемного подхода к решению накопившихся проблем в экономике аквакультуры и социальной экологии. Необходимо расширение международного сотрудничества в области экологизации аквакультуры; «интернационализация экологических норм и стандартов; экологический протекционизм в развитии хозяйственной и иной деятельности; равная ответственность за ущерб, причиняемый природной среде; экологическое воспитание и обучение» [4].

Подробно рассмотрим аспект воспитания и обучения студентов, где практика выполняет роль вхождения и осознания реалий будущей профессиональной деятельности. За период прохождения практики студенты приобретают практические навыки самостоятельной работы; определяют круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений; применяют базовые знания фундаментальных разделов наук, естественно-научного и математического циклов при решении задач в области основ аквакультуры. Например, студенты выполняют индивидуальное задание 1) провести экологические исследования водоема: описать гидрологические и гидрохимические показатели рыбоводного хозяйства Южно-Курильского рыбокомбината; 2) провести гидробиологические исследования Черневского пруда: описание высшей водной растительности (вид, биология) (2 вида); описание организмов зоопланктона и зообентоса (вид, биология) (2 вида); 3) провести ихтиологические исследования: морфометрический анализ Сома африканского (лат. Clarias gariepinus) (описание вида, биологии, проведение исследования размерно-массовых характеристик и массового состава рыбы). Факультет «Биотехнологий и рыбного хозяйства» является одним из ведущих и перспективных подразделений ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского».

На территории центра Аквакультуры в 2023 г. начала свою работу исследовательско-экспериментальная научная установка для изучения органической аквакультуры и гидро-экологии. Этот уникальный комплекс позволяет смоделировать и экспериментально проверить, как качество и температура воды, кислородный режим и освещение влияют на разведение и выращивание рыб. Работа производится на отечественном оборудовании. Данная установка позволит сотрудникам вуза и студентам реализовать масштабные проекты, создавать и усовершенствовать технологии кормов, проводить опытное испытание оборудования, готовящегося к промышленному производству. Постройка состоит из одной большой и восьми экспериментальных рыбоводных емкостей с системой автоматического кормления, водоподготовки и насыщения воды растворенным кислородом. В ней предусмотрены два механических барабанных фильтра и биологический фильтр с плавающей засыпкой. В центре аквакультуры проводятся эксперименты с целью улучшения условий содержания и питания аквакультурных организмов, а также с целью повышения их роста и качества. В рамках

центра также исследуются эффективные методы борьбы с болезнями рыб и других аквакультурных организмов. На базе научной установки также занимаются изучением проблем прикладной аквакультуры и здоровья рыб, водной токсикологии и микробиологии, фитоакватехнологий.

Изучив работу центра, можно выделить основные пути выработки экосистемного подхода на данном участке:

– воспроизводственное направление: проведение научных исследований, экспериментальных разработок по формированию системного мышления в аквакультуре, пониманию взаимосвязей всех участников экономического, технологического, социального и экологического процессов.

– информационное направление: распространение современных научных знаний в российском обществе, в том числе в профессиональных сообществах;

– инновационное направление: мобилизация научно-технического и интеллектуального потенциала для реализации научных, образовательных, инновационных и иных проектов, которые направлены на развитие аквакультуры и сопутствующих технологий, перспективной экологически чистой и безопасной продукции.

Перспективным направлением работы Центра аквакультуры является внедрение элементов цифровой экосистемы: онлайн-платформы мониторинга, обучения и др.; экономику данных, искусственный интеллект.

В «Вестнике Российской академии наук» опубликована статья, в которой сформулированы принципы экосистемного подхода, актуальные для темы нашего исследования. Согласимся с авторами, что «Цифровая экосистема АПК должна представлять собой совокупность информационных платформ различного функционала с общим интерфейсом, что будет способствовать эффективной реализации сложного взаимодействия государства, субъектов АПК и потребителей, направленного на создание качественных конкурентоспособных продуктов, услуг, инноваций и технологий, в целях роста агропромышленного производства, повышения эффективности аграрной экономики» [1].

Литература

1. Экосистемный подход к эффективному развитию агропромышленного комплекса / М. Авдеев, Н. Зарук, В. Маслова, И. Ушачев // Вестник Российской академии наук. 2025. Т. 95, № 6. С. 20–29.

2. Александрова М. А., Пономарева Е. Н. Современное состояние и перспективы развития лососевых на европейском севере России // Развитие и современные проблемы аквакультуры : сб. науч. тр. III Междунар. науч.-практ. конф. «Аквакультура 2023». Дивноморское, 4–10 сент. 2023 г. Ростов-на-Дону : ДГТУ-ПРИНТ, 2023. С.11.

3. Васильев А. М. Обзор цифровой трансформации рыбного хозяйства // Рыбное хозяйство. 2024. № 3. С. 18–25.

4. Титова Г. Д. Глобализация в промышленном рыболовстве: добро или зло? // Рыбное хозяйство. 2024. № 3. С. 8–17.

Ecosystem approach in aquaculture: problems and prospects

M. Zh. Batuev

Moscow State University of Technologies and Management named after K. G. Razumovsky (First Cossack University), Moscow

Abstract. Aquaculture is of strategic importance for ensuring a country's food security. The relevance of developing an ecosystem approach in aquaculture is justified by its high theoretical and practical significance. The author highlights the problem of developing a digital ecosystem in the aquaculture sector as a condition for the viability and competitiveness of the industry. Based on the results of the internship at the university's Aquaculture Center and the study of literature, the main directions and principles for developing an ecosystem approach have been identified.

Keywords: Aquaculture, ecosystem approach, directions and principles of developing an ecosystem approach.

РАЗДЕЛ 2

СТУДЕНТЫ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ О ПРИРОДНЫХ ПОТЕНЦИАЛАХ ПОМОЩИ УЧАСТНИКАМ СВО И ЧЛЕНАМ ИХ СЕМЕЙ В РЕАБИЛИТАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЗДОРОВЬЕ

Реабилитация ветеранов боевых действий ресурсами природы Иркутской области

А. В. Апанина

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматривается влияние природных ресурсов на реабилитацию ветеранов боевых действий. Цель статьи – дать представление о влиянии, которое природа оказывает на людей, особенно на ветеранов боевых действий. Рассмотрен порядок предоставления реабилитационных услуг с использованием природных ресурсов ветеранам боевых действий в Иркутской области.

Ключевые слова: природа, Иркутская область, реабилитация, ветераны боевых действий.

Для каждого человека природа и ее ресурсы являются источником для вдохновения и восстановления психоэмоционального состояния. Взаимодействуя с природой, человек ощущает, как снижается уровень стресса и тревоги в его организме и у него улучшается настроение. Кроме того, научно доказано, что, пребывая на природе или просто наблюдая за ней, у человека снижается уровень кортизола.

Физическая деятельность на природе оказывает благоприятное влияние на дыхательную и сердечно-сосудистые системы. Регулярные прогулки на природе помогают восстановиться и снять напряжение после тяжелой и нервной работы, а также при прогулках на свежем воздухе в ясную погоду человеческий организм получает необходимую дозу солнечного света. Через воздействие солнечных лучей происходит синтез витамина D. Данный витамин важен для здоровья костей, иммунной системы, а также поддерживает или восстанавливает положительное настроение человека.

Многие психологи утверждают, что в некоторых случаях человеку необходимо побыть с природой один на один. Уединение с природой способно навести порядок в мыслях, переосмыслить жизненные цели и взгляды, тем самым восстановить внутреннюю гармонию [5].

Под реабилитацией понимается комплекс мероприятий, цель которого восстановить и улучшить физическое, психическое и социальное состояние человека после травм, болезней или заболеваний.

Проведение реабилитационных мероприятий для ветеранов боевых действий является важным аспектом как для самих ветеранов боевых действий, так и для общества. Боевые действия оказывают влияние на физическое и психологическое здоровье военнослужащих, поэтому ветеранам боевых действий необходима качественная и своевременная реабилитация после участия в боевых действиях, именно от ее успеха будет завесить восстановление и возращение человека к мирной жизни [1].

В Иркутской области установлена мера социальной поддержки, по которой ветераны боевых действий могут получить реабилитационные услуги в санаторно-курортных организациях Иркутской области. Данные

услуги в Иркутской области ветераны боевых действий могут получить: клинический курорт «Ангара», реабилитационный центр «Шелеховский», санаторий «Усолье», курорт «Русь», санаторий «Электра» и санаторий «Юбилейный».

Санаторно-курортное лечение ветеранов боевых действий Иркутской области является одним из важных Правительственных вопросов и стоит на контроле у Губернатора Иркутской области, об этом могут свидетельствовать статистические данные, представленные в региональной общественно-политической газете Иркутской области «Областная». За период 2022–2023 гг. реабилитационные услуги в санаторно-курортных организациях Иркутской области получили 250 ветеранов боевых действий, в 2024 г. санаторно-курортным лечением было обеспечено уже 515 чел., в 2025 г. путевкой на санаторно-курортное лечение смогли воспользоваться 470 ветеранов боевых действий, из них 38 участников специальной военной операции. Примечательно, что показатели предоставления данной услуги растут, в 2026 г. планируется приобретение 650 путевок для реабилитации и оздоровления ветеранов боевых действий [4].

Исследуя влияние природных ресурсов Иркутской области на реабилитацию ветеранов боевых действий, рассмотрим более подробно какими природными ресурсами обладают санаторно-курортные организации Иркутской области.

Курорт «Ангара», расположенный на территории города Иркутска, но несмотря на это он обладает собственными источниками минеральных вод, для любителей тишины и спокойствия предусмотрены места для прогулок и уединения, такие как парк и река.

Реабилитационный центр «Шелеховский» находится в лесопарковой зоне, благодаря его спокойной природе и удаленности от городского шума ветераны боевых действий и другие отдыхающие могут отдохнуть, восстановить свои физические силы и внутреннее равновесие.

Санаторий «Усолье», который существует уже более 200 лет, помогает своим пациентам расслабиться и забыть о стрессе с помощью единения с природой. В данном санатории лечат могучие природные факторы, эмоциональный и нравственный настрой окружающей природы. Курорт знаменит своими минеральными водами и лечебными грязями, которые в прямом смысле творят чудеса, так как источники богаты микроэлементами, оказывающими благотворное влияние на кровоснабжение и нервную систему.

Санаторий «Электра» расположен в сосновом бору на живописном берегу реки Ангары и всего в 20 километрах от жемчужины Сибири и всей России – озера Байкала. На реабилитацию гостей санатория оказывают положительное влияние ароматы тайги, зеркальная гладь реки Ангары и свежий воздух.

Санаторий «Юбилейный» находится в живописной лесной зоне, а именно на красивом берегу Братского водохранилища. Сам санаторий окружает множество хвойных деревьев, которые делают воздух насыщен-

ным ароматическими смолистыми веществами, такими как, фитонцидами и озоном. Рядом с корпусами санатория располагается настоящий песчаный пляж, на котором можно питаться солнечными лучами.

Рассмотрев особенности санаторно-курортных организаций, в которых проходят реабилитацию ветераны боевых действий, мы увидели, что они все находятся в живописных местах природы и каждый из них богат своими природными ресурсами, которые активно применяются для реабилитации пациентов.

Таким образом, необходимо отметить, что природа оказывает значимое влияние на физическое и ментальное здоровье человека. Проводя время на природе человек может снизить уровень стресса, улучшить настроение и укрепить здоровье. Природные факторы, такие как солнце, воздух и вода играют важную роль в реабилитации ветеранов боевых действий. Природные факторы способствуют восстановлению функционального состояния организма, улучшают эмоциональное состояние и помогают в социализации.

Литература

1. Настольная книга войскового психолога, офицера по организации общественно-государственной подготовки и военно-социальной работы / Н. Н. Ковзель [и др.]. М. : За права военнослужащих, 2003. 384 с.

2. Решетникова Е. В., Туринцева Е. А. Социокультурные особенности семьи военнослужащего. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. 123 с.

3. Васюк А. Г. Социальная работа по адаптации военнослужащих: сущность, функции, технологии // Педагогика и просвещение. 2020. № 4. С. 122–131. URL: https://nbpublish.com'library_read_article.php?id=34247 (дата обращения: 11.05.2026).

4. Официальный сайт общественно-политической газеты «Областная». URL: https://www.ogirk.ru/2026/01/07/v-irkutskoj-oblasti-veterany-boevyh-dejstvij-i-semi-pogibshih-veteranov-boevyh-dejstvij-mogut-projti-sanatorno-kurortnoe-lechenie/ (дата обращения: 12.05.2026).

5. Социальные и психолого-педагогические проблемы детей, лишенных родительского попечения: комплексный анализ и современные подходы к защите // ForPsy – Информационный психологический ресурс. URL: https://forpsy.ru/works/sotsialnyie-problemyi-voennoslujaschih-2/ (дата обращения: 04.05.2026).

Rehabilitation of combat veterans with the resources of nature of the Irkutsk region

A. V. Apanina
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article addresses the impact of natural resources on the rehabilitation of combat veterans. The aim of the article is to provide an understanding of the influence that nature has on people, particularly on combat veterans. The article demonstrates the procedure for providing rehabilitation services using natural resources for combat veterans in the Irkutsk region.

Keywords: nature, Irkutsk region, rehabilitation, combat veterans.

Ресурсы природы, семейных связей и искусственного интеллекта для психологического здоровья участников СВО

А. Д. Карнышев

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматриваются и конкретизируются четыре источника разработки проблематики психологической помощи участникам СВО и членам их семей. Первое – это представления о возникающих симптомах и опыте работы по их преодолению последствий реальных войн: вьетнамской (для американцев), афганской и чеченской (для россиян). Вторым слагаемым выступают мнения и реальные результаты реабилитации отечественных ветеранов СВО, воюющих против украинских националистов, и позиции членов их семей как «объектов» социальной помощи и «субъектов» психологической поддержки участникам. Третьим «компонентом» становятся сегодня достаточно успешно разрабатываемые и используемые медико-психологические инновации на базе компьютерных средств диагностики и искусственного интеллекта. И наконец, обязательной становится способность ученых и практиков с привлечением «помощников» – студентов, магистрантов, аспирантов, в каждом конкретном регионе перевести технологии и инструментарий на более детальные местные варианты. В этнопсихологическом плане нельзя не заострить внимание на зависимости психологического здоровья от патриотической направленности человека, особенно по отношению к малой родине – «экологическом патриотизме». Эту сторону социально-психологической реабилитации участников СВО и можно назвать природной психотерапией, которая на малой родине проходит гораздо эффективней, если в нее максимально вовлекаются члены семьи.

Ключевые слова: социально-психологическая реабилитации и абилитации, посттравматические стрессовые расстройства, ПТСР, психологические травмы, природная психотерапия.

В последнее время усиливается внимание властных структур и общественных организаций на местах к психологическим проблемам людей, воевавших против украинских националистических формирований. Так, в июле 2026 г. Минздрав России выпустил приказ, в котором устанавливается ряд нормативных требований к реабилитации и психологической помощи участникам СВО и членам их семей. Основная цель документа – обеспечить своевременную психологическую поддержку вернувшихся бойцов, а также раннее выявление посттравматического стрессового расстройства (ПТСР: о сущности его – далее), признаков депрессии и психических расстройств. После возвращения с конкретных мест СВО жители регионов становятся «объектами» органов социальной защиты со всеми вытекающими последствиями. Конечно, Министерство труда и социальной защиты устанавливает фокус на социальных услугах, и психологическая составляющая выступает чаще совокупным аспектом, но все же в заботе о разных категориях нуждающихся в помощи ориентацию на субъективные параметры необходимо считать естественной. В качестве примера можно привести существующий приказ Министерства от 30 мая 2025 г. «Об утверждении стандартов оказания услуги по социально-психологической реаби-

литации и абилитации детей-инвалидов». Приказ в более широком плане константировал, что оказание квалифицированной психотерапевтической помощи, психологической поддержки становится еще более востребованным. Естественно предположить, что в недалеком будущем будет инициирован приказ (методические рекомендации) о стандартах оказания услуг по социально-психологической реабилитации и заботы о психологическом здоровье ветеранов СВО, а членов их семей сделать не только получателями финансовой и материальной поддержки, но и как организаторов конкретных мер реабилитации.

Но для наработки таких мер необходимы, как минимум, четыре источника. Во-первых, это анализ истории возникновения соответствующих тенденций в мировой и отечественной психологической практике, включая четкое представление о возникающих симптомах и опыте работы по их преодолению. Во-вторых, выяснение «рейтинга» средств реабилитации и запросов на помощь в психологическом здоровье самих отечественных ветеранов СВО и членов их семей, с одной стороны, как «объектов» социальной помощи, с другой стороны, как «субъектов» психологической поддержки участникам. В-третьих, мониторинг инновационных форм инновационных технологий, возникающих, в первую очередь, на базе компьютерных средств диагностики и искусственного интеллекта (ИИ). В-четвертых, для каждого конкретного региона первые три реалии должны быть переведены на более детальные местные варианты. Кратко остановимся на всех названных моментах.

Во-первых, о психическом здоровье участников войн более всего заговорили в 70-х гг., когда, с одной стороны, обнаружили серьезные психические отклонения у сотен тысяч американских солдат, воевавших во Вьетнаме – военных ветеранов. У них обнаружился так называемый синдром «посттравматического стрессового расстройства» (ПТСР). Специалисты по данным проблемам соответствующим состояниям даже дали название: «Вьетнамский синдром». Официально термин был признан Американской психиатрической ассоциацией в 1980 г. [см. 4]. Оказалось, что после боевых действий домой чаще всего возвращаются совершенно другие люди. Со временем оказалось, что ПТСР испытывали многие советские участники афганской и чеченской войн. Непосредственно в ходе вьетнамской войны, и даже больше после ее американским врачам и психологам пришлось много заниматься психическими отклонениями, расстройствами и стрессами настоящих и бывших солдат. И тут есть существенная гуманистическая разница: «вояки» из США воевали, как их убеждали внутренние военные политработники, с дикими «недочеловеками», «полуобезьянами» из джунглей, российским солдатам приходится убивать этнических «братьев», порою даже не в переносном, а в прямом смысле. И это еще более актуализирует и «подогревает» негативные переживания.

Немаловажно, что в ходе войны появился более-менее адекватный инструментарий для диагностики и помощи «субъектам» психических рас-

стройств, причем не только ветеранам войн. Была разработана методика психометрической и психофизиологической оценки, ставшая достаточно надежной и валидной, используемой не только для ветеранов войн, но в работе с жертвами стихийных бедствий, изнасилований, инцеста и других расстройствах. Используемые «инструменты» позволили выявить у участников войн общие симптомы: неадекватные реакции даже на обычные шумы, частые нарушения сна, упадок сил, постоянно сопровождающее психику чувство тревоги, чувство паники и ужаса при воспоминании о пережитых ситуациях, ощущение беспомощности, отрешенность, повышенная возбудимость и фиксация на произошедших событиях, навязчивые воспоминания, преобладание негативных эмоций, падение иммунитета и обострение хронических заболеваний. Определенным спасением немало ветеранов считает пьянство и наркотики, и в этих состояниях они выплескивают весь свой негатив.

В социальном плане особенно значимы в дигностике и терапии трудности в поддержке значимых межличностных отношений, вспышки немотивированного гнева и/или раздражительности, необоснованное преувеличение «бдительности». Позднее исследования показали, что подобные признаки наблюдаются и у пациентов, переживших природный катаклизм, техногенные катастрофы, автокатастрофу, физическое или сексуальное насилие. Оказалось, что ПТСР может стать хроническим психическим расстройством, которое может сохраняться в течение десятилетий, а иногда и на протяжении всей жизни. Американский опыт показал, что важным средством помощи от ПТСР может выступить групповая психотерапия, дающая «больному» в группе высказываться о причинах и симптомах протекания болезни, надеждах избавления от расстройства.

Во-вторых, отечественные ветераны при их опросах отмечают, что в боевой обстановке важным было не столько физические состояния, сколько душевные переживания. Участники СВО чаще стали обращаться к священникам и духовным лицам ради понимания религиозных ценностей, которые усиливали смысл их действий. Кроме того, это отражает и необходимость обращения к людям, с которыми участники СВО могут обговорить боли, страхи, сомнения. Тот факт, что работы будет много не только у врачей, но и у всего общества, подкрепляет необходимость психологической помощи их близким. Проблемы СВО остро касаются членов семей воинов, которые, хочешь – не хочешь, но вовлечены в СВО многими сторонами, во-первых, из-за собственных переживаний, а во-вторых, по своим возможностям оказать реальную психологическую помощь родному человеку. Для семей самое страшное – потеря близкого человека и кормильца: горе, отчаяние и даже паника, чрезмерный стресс, страх, раздражительность. У жен и детей постоянное беспокойство за жизнь и, здоровье и травмирование супругов, отцов и/или близких родственников. Тяжело переживается, когда они возвращаются ранеными и покалеченными. В связи с такими обстоятельствами особого внимания требуют дети военнослужащих, их воспита-

ние и психологическое становление. В межэтническом ракурсе одна из главных задач – борьба с ненавистью к некоторым национальностям. Для ребенка тот народ, против которого воевал его отец, может стать врагом и источником ксенофобии. Утрата в результате такого восприятия способности любить окружающих, усвоенная от родителей скрытая враждебность приводят к серьезным психологическим травмам.

В анализе проблематики семей участников СВО чаще делается акцент на способах и средствах их поддержки с помощью различных социальных мер или механизмы поддержки психологического здоровья в семье при депрессиях, стрессах и посттравматических и кризисных ситуациях, при разного рода конфликтах. Гораздо реже обращается внимание на обстоятельства, когда семья сама становится субъектом психологической помощи человеку, в первую очередь участнику СВО. Здесь речь идет о психологической атмосфере семьи (слова из песни: «важней всего погода в доме») – атмосфера, которая сама собой оздоравливает и делает человека способным на любые подвиги. В свое время нами была выпущена в свет книга «Сибирская семья: истоки и природные ресурсы психологического здоровья», в которой рассматривались не только особые оздоровительные потенциалы семейного климата, но и ее возможности в разного рода психотерапевтических действиях. В частности, уверенно можно говорить о психологическом здоровье семьи как ресурсе профилактики и коррекции болезней и фобий.

В СМИ зачастую особо подчеркивается патриотичность участников СВО, защищающих свою родину, их смелость, геройство, мужество. В связи с этим в психологическом плане нельзя не заострить внимание на зависимости психологического здоровья от патриотической направленности человека, особенно по отношению к малой родине. Многие участники СВО приступают к боевым действиям в молодом возрасте, и по возвращению им очень важно найти альтернативу негативным чувствам в эмоциональной приверженности ценностям родного края. Если обращаться к современным категориям, то целесообразно видеть в данном ключе экосообщества и экотерритории, могут стать психолого-экономическими реалиями, через которые будут решаться многие проблемы защиты и возобновления ресурсов не только природы, но и человека, а также улучшения психологического здоровья людей… Для описания ценностей и убеждений людей, связанных с влиянием на психологические состояния природы большой и малой родины, сегодня часто используется по нятие «экологический патриотизм». Эту сторону социально-психологической реабилитации участников СВО и можно назвать проиродной психотерапией. Такая психотерапия на малой родине проходит гораздо эффективней, если в нее вовлекаются члены семьи. Целесообразно обеспечивать такой подход, и следует включать в содержание данного варианта психотерапии:

- укрепление знаний по истории родного края и традиций участия человека в преобра зовании местной природной среды;

- знание направлений деятельности различных общественных и экологических организаций в защиту природы родного края;
- пропаганду ценностей и особенностей родной природы;
- формирование чувства гордости за уникальность природного мира Байкальского региона;
- участие в конкретных действиях природоохранных органов и движе ний родного края;
- понимание связи экологической деятельности с другими проблемами своего региона и России в целом.

Все перечисленные аспекты экологического патриотизма будут восприняты их субъектами гораздо острее и надежнее, если поддерживаются членами семьи.

В-третьих, сегодня никак нельзя оспаривать роль, которую могут сыграть информационные технологии (ИТ) и особенно искусственный интеллект (ИИ) в оказании психологической помощи ветеранам СВО и их семьям. Существенным преимуществом средств ИТ и ИИ можно назвать то, что перед «объектом воздействия» они выступают в качестве компетентных и в то же время нейтральных «существ», не ведающих негативных человеческих, или животных страстей и эмоций, не знающих ни корысти, ни сребролюбия. Значимым становится момент, что в этапах развития ИИ стали выделять экосистемный этап, когда он становится важным элементом связующим человека с окружающей действительностью. И психологическое здоровье, особенно людей испытавших экстремальные воздействия, – важнейший атрибут этой действительности. Поэтому ИИ должен обеспечить органичную связь между людьми, между человеком, социумом и природой, используя все разрабатываемые средства. Например, ЧАТ-БОТЫ уже научились выслушивать собеседника, позитивно реагировать на его просьбы и рассуждения, соглашаться с ним и даже льстить ему. Они всегда на связи, и поэтому создают обстановку близости и принятия. В последние десятилетия XX и в начале XXI вв. многие ученые с оптимизмом отмечали тот факт, что использование компьютерных технологий откроет неограниченные возможности для самореализации индивидов. В основном, некоторые надежды, конечно, сбылись, но в то же время были зафиксированы негативные последствия избыточного и корыстного использования сети Интернет и ИИ.

На практике уже используется лечение с помощью ИИ депрессивных расстройств. Метод компьютерной когнитивно-поведенческой терапии (ККПТ) используется при работе с пациентами с депрессивным расстройством. Речь в нашем случае идет об индивидах, в силу каких-то обстоятельств на фронте потерявших веру в себя, и пытающихся ее возродить с помощью компенсаторной деятельности в интернете. Нет нужды кому-то доказывать, что именно так ориентированная деятельность становится в фундамент в чем-то сомневающихся в самих себе членов семьи, не верящих в свою социальную значимость, и это принесет им возможность само-

совершенствования в определенных сферах жизнедеятельности. В реабилитационных, восстанавливающих технологиях психологам психотерапевтам работать в тандеме с ИИ. Для уставших от военных действий ветеранов важнейшей задачей таких «тандемов» станет «защитить человеческое в человеке» и максимально поддержать истинно эмпатическое общение в контактах не только с членами семьи, но и с другими людьми.

Люди зачастую в случаях депрессий и стрессов снижают эмоции беспокойства, начинают чувствовать себя лучше в зависимости от того, чем больше людей выслушали их переживания и хотя бы как-то отреагировали на них. Именно такого рода «алгоритмы утешений» с помощью анализа ИИ могут закладываться в электронные устройства, и транслироваться для обращающегося человека, причем с учетом некоторых его индивидуальных особенностей. Хотя, конечно, некоторые особо тревожные люди могут в случаях контактах с другими увеличивать свои волнения. Плюсы мобильных приложений в том, что они «всегда рядом» и к ним можно обратиться вне всякой «очереди», как нередко бывает в психологической консультации. Кроме того, в мобильное приложение программисты могут заложить записи реакций других пользователей по аналогичным ситуациям и по каким алгоритмам «другие» решали соответствующие проблемы. Если компьютерная программа по таким обращениям и «откликам» будет предусматривать элементы обратной связи, эффект, несомненно, будет усиливаться. У «клиента» вполне может возникнуть понимание, что он не одинок в своих трудностях, и такие ощущения также могут срабатывать в пользу «субъекта» стресса и/или депрессии. Кстати, нередко по таким же «шаблонам» действовали шаманы и разного рода целители.

ИИ может помочь в преодолении депрессий по двум основным направлениям: диагностика конкретного вида депрессий и разработка алгоритмов «диалога» с «пациентом, включая этнокультурные и этнопсихологические аспекты…(?)

Но есть и вторая сторона технологий ИТ и ИИ. Ученые заговорили о том, что под влиянием некоторых применяемых форм многие люди теряют человечность. Психологи стали отмечать, что для неумеренных пользователей медиа – техникой (цифровое телевидение, видеоплеер, игровые приставки, компьютер, сети Интернет) виртуальная реальность начинает заслонять и даже подменять реальный мир. К особо значимым «изъянам» специалисты относят:

1) в ряде средств ИТ и ИИ нет настоящей эмпатии, они лишь имитируют эмоциональный отклик с помощью имеющихся языковых паттернов,

2) есть риски ошибок и/или использования ложной, предвзятой информации,

3) возникают этические и практические проблемы: утечка личной информации, привязанность «пациента» к чат-боту и т. п.

3) непрофессионал в немалом количестве случаев не отличит психологической помощи от манипуляции.

В-четвертых, если говорить о разработке и освещении местных ресурсов влияния на психологическое здоровье людей, то соответствующие тенденции встречаются в наших публикациях уже более 10 лет [см. 2;]. Первоначально в материалах речь шла о роли природы в улучшении психологических состояний людей и стимулировании их активности. Шла речь о садовой, ландшафтной терапии и ее конкретных средствах. Особенностью региональных работ оказалось использование в них инструментария для психологической адаптации и реабилитации из шаманской и буддистской практики, например, из буддийских медитаций были взяты тексты практик и руководств [см. 1]. В 2021г. в свет вышли две книги: учебное пособие «Природа психологического здоровья» – в Иркутске и учебник «Психология здоровья» – в Москве. «Байкалотерапия…» появилась в 2023 г. и стала книгой о влиянии озера Байкал на реабилитацию людей с различными психическими нарушениями. Но еще раньше в 2021 г., в материалах конференции «Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде» появился раздел «Студенческая молодежь об оздоровительных ресурсах Байкала». Раздел уверенно можно назвать «предтечей» анализа психологических методов работы с пострадавшими участниками СВО, поскольку в нем, в частности были отражены возможности влияния через атрибуты байкальской, природы на психологическое здоровье:

- инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата;
- инвалидов с нарушениями слуха и зрения;
- инвалидов-колясочников;
- детей, оставшихся без попечения родителей.

Интересными были две статьи об особенностях ментальных инвалидов и методах социальной работы с ними, в подготовке которых участвовала студентка 4-го курса кафедры социальной работы А. Апанина. Ныне Алена Владимировна – аспирант ИСН ИГУ, зав отделом по работе с ветеранами СВО Министерства труда и социальной защиты Иркутской области. В сборнике конференции она выступает со статьей: «Реабилитация ветеранов боевых действий ресурсами природы Иркутской области», в которой показан порядок предоставления реабилитационных услуг с использованием природных ресурсов ветеранам боевых действий в Иркутской области.

С 2025 г. в разработку проблем психологической помощи ветнранам СВО активно включились магистранты отделения социальной работы ИСН, которые проводили исследования с помощью контент анализа региональных сайтов и социально-психологических опросов. Некоторые из итогов исследования отражены в публикациях настоящего сборника конференции. Например, это статья Наумова Н. «Социальная работа с ветеранами СВО в сельских поселениях Прибайкалья: доступность услуг и локальные практики помощи». В ней показано, что в ряде муниципальных образований Иркутской области и Республики Бурятия активно развиваются практики общественного патронажа ветеранов СВО. За семьями участни-

ков боевых действий закрепляются кураторы из числа социальных работников, представителей общественных организаций или волонтеров, которые помогают в решении бытовых и правовых вопросов, оказывают информационную поддержку и содействуют взаимодействию с государственными структурами. В статье Ненартович Н. «Рекреационные возможности реабилитации участников СВО в Иркутской области» приведены примеры работы в данной сфере организаций из государственного, коммерческого и некоммерческого секторов. Сформулированы предложения по усовершенствованию механизма непрерывной реабилитации бойцов специальной военной операции. Преподавателям и магистрантам кафедры социальной работы удалось привлечь к своим изысканиям студентов из других вузов. Например, студентка Бурятского университета Баранкова Н. поделилась в сборнике публикацией «Психологическая адаптация членов семей участников СВО в условиях длительного стресса». В ней представлены результаты исследования психологической адаптации матерей и супруг участников специальной военной операции в условиях длительного стрессового воздействия. Цель исследования состояла в изучении особенностей эмоционального состояния, жизнестойкости и копинг-стратегий членов семей участников СВО.

Таким образом, уверенно можно говорить о четырех источниках разработки проблематики психологической помощи участникам СВО и членам их семей. Во-первых, представление о возникающих симптомах и опыте работы по их преодолению в реальных войнах: вьетнамской (для американцев), афганской и чеченской (для россиян). Во-вторых, мнения и реальные результаты выздоровления самих отечественных ветеранов СВО и участие членов их семей в этих процессах в качестве «объектов» и «субъектов» психологической помощи». В-третьих, появляющиеся медико-психологические инновации на базе компьютерных средств диагностики и искусственного интеллекта (ИИ), в «тандеме» с которыми могут действовать психологи и психотерапевты. В-четвертых, способность ученых и практиков с привлечением «помощников» – студентов, магистрантов, аспирантов, в каждом конкретном регионе первые перевести методики и инструментарий на более детальные местные варианты, выявить потенциалы природы своего края для всесторонней помощи участникам СВО.

Литература

1. Буддийские медитации: тексты практик и руководств. СПб. : Изд. А. А. Терентьева, 2022.

2. Карнышев А. Д. Байкалотерапия: ресурсы природы для психологического здоровья. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023.

3. Карнышев А. Д. Сибирская семья: истоки и природные ресурсы психологического здоровья. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023.

4. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. 2-е изд. СПб. : Питер, 2006. 1096 с.

The resources of nature, family ties, and artificial intelligence (AI) for the psychological well-being of participants in the special military operation

A. D. Karnyshev
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Four sources of the development of the issues of psychological assistance to the participants of the SVO and their family members are considered and specified. The first is the idea of emerging symptoms and the experience of overcoming the consequences of real wars: Vietnam (for Americans), Afghan and Chechen (for Russians). The second component is the opinions and real results of the rehabilitation of domestic veterans of the SVR fighting against Ukrainian nationalists, and the positions of their family members as "objects" of social assistance and "subjects" of psychological support to participants. The third "component" is today represented by the fairly successfully developed and used medical and psychological innovations based on computer diagnostic tools and artificial intelligence (AI). And finally, it becomes essential for scientists and practitioners, with the involvement of "assistants"–students, master's students, and postgraduate students–to adapt the technologies and tools to more detailed local variants in each specific region. From an ethnopsychological perspective, it is impossible not to focus on the relationship between psychological health and a person's patriotic orientation, especially in relation to their small homeland–"ecological patriotism. " This aspect of the socio-psychological rehabilitation of participants in the special military operation can be called "native psychotherapy. " Such psychotherapy is much more effective in one's hometown if family members are fully involved in it.

Keywords: socio-psychological rehabilitation and habilitation, post-traumatic stress disorders, PTSD, psychological trauma, natural psychotherapy.

Психологическая помощь семьям участников СВО в рамках образовательных организаций

О. А. Карнышева
Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Анализируется вопрос оказания психологической помощи специалистами образовательных организаций семьям участников СВО. Отмечается, что образовательные учреждения обладают важным ресурсом для осуществления не только информационной, но и психопрофилактической и даже психокоррекционной функций. Когда человек находится в зоне СВО или покидает ее после боевых действий, изменения, происходящие с ним, затрагивают не только его самого, но и ближний круг воевавшего. Семья может стать ключевым ресурсом адаптации и ресоциализации участника боевых действий. Делается вывод, что педагоги и психологи образовательных учреждений могут оказать помощь в создании в рамках семьи безопасного пространства для всех ее членов, а также в поиске ресурсов для разрешения возможных негативных психологических последствий участия близкого в военных действиях.

Ключевые слова: семья военнослужащего, психологическая помощь, ресурсы семьи, психологическая поддержка, психологическая профилактика, психокоррекция.

В последнее время на психологических мероприятиях различного уровня активно обсуждается специфика оказания психологической помощи участникам СВО. И к настоящему моменту накопился уже достаточно большой опыт ее оказания, а также сформировалось понимание основных трудностей и проблем, связанных с участием человека в военных действиях.

Среди особенностей участников СВО, вернувшихся домой, специалисты, работающие с ними, часто помимо различных эмоциональных нарушений (апатия, депрессия, фобии и т. п.) выделяют еще их отстраненность от привычного образа жизни и родных, желание выйти из присутствия в своей жизни и связанный с этим уход в различного рода зависимости, зацикленность на «той» жизни, «за ленточкой» и сопровождающее их чувство вины [см. 1, 2, 3].

Часть военнослужащих по возвращении с военной службы испытывает дезадаптацию. Это связано с тем, что условия, в которых военнослужащий находился, изменили его, но мир, в который он вернулся, почти не изменился. В связи с этим у участников СВО зачастую возникает озлобленность, обостренное чувство несправедливости. Военнослужащий сталкивается также и с трудностями в решении социальных и бытовых проблем. Ему приходится пересмотреть свои способы коммуникации с людьми, так как за время службы появляется предрасположенность к агрессивности, «жесткости» и бескомпромиссности жизненной позиции и поведения. К тому же могут обостряться внутриличностные и межличностные конфликты, что приводит к проблемам в семье, развитию различных психологических нарушений (алкоголизация, депрессия и др.), зачастую требующих не только психологического, но и медицинского вмешательства [1; 2]. Таким образом, у военнослужащего меняется все: способ реагировать, общаться, выдерживать близость, просить о помощи и возвращаться к обычной жизни. Это целый спектр серьезных изменений поведенческого, эмоционального и личностного характера.

Естественно, что подобное психологическое состояние участников СВО не может не сказаться и на их близких. Семьи участников СВО испытывают двойной стресс: ожидание возвращения близкого человека и адаптация к его новому состоянию [5; 6]. У родственников может срабатывать синдром наблюдателя. Они сочувствуют и сопереживают своему близкому, но изменить ситуацию не могут. Зачастую они рассказывают, что их жизнь остановилась или сильно изменилась: кто-то не может выходить на работу, кто-то лишается радости жизни, не понимая, «как можно радоваться чему-то, когда люди погибают», кто-то агрессирует на окружающих, а кто-то и испытывает стыд за то, что он спокойно и относительно благополучно живет [2; 3].

А потому, можно констатировать, что вместе с участником боевых действий меняется и вся его семейная система: супругам приходится заново выстраивать с ним контакт, детям – привыкать к изменившемуся родителю, близким – понимать, как поддерживать своего близкого, не усиливая напряжение. И чтобы помощь действительно работала, важно понимать, как выстраивать взаимодействие между участниками этой системы. Ведь, как отмечают многие специалисты, именно семья может стать важным ресурсом восстановления военнослужащего, она способна положительно

влиять на адаптацию и ресоциализацию участников боевых действий. Но для этого ей тоже нужна помощь.

Психологическую помощь бойцам СВО и их семьям в настоящее время оказывают государственные и некоммерческие организации, онлайн-сервисы и волонтерские службы. Сейчас в разных городах и муниципалитетах создаются группы поддержки родственников участников СВО, и образовательные учреждения тоже способны включится в эту работу. Причем данная работа может не ограничиваться только информированием (к примеру, педагоги школ могут подсказать родителям и близким участников обратиться в группы поддержки), а выполнять еще и психопрофилактическую, и психокоррекционную функции.

На текущий момент в литературе описаны различные подходы и техники психологического сопровождения семей участников СВО, а также технологии их применения. Цель таких технологий – обеспечить эмоциональное и психологическое восстановление семей участников СВО, содействовать их адаптации к новым жизненным условиям, улучшать психологическое состояние близких участника СВО и укреплять внутрисемейные связи. В работе с семьей важно понять специфику внутрисемейных связей, выявить проблемные зоны и найти ресурсы для их восстановления.

На основе изучения специализированной литературы и обобщения опыта осуществления психологической помощи участникам СВО и членам их семей, перечислим практико-ориентированные технологии по оказанию психологической помощи, которые можно реализовать в рамках образовательных учреждений.

И в первую очередь в этом плане очень эффективно создание поддерживающего окружения, поскольку стрессовые состояния у детей участников СВО, обучающихся в образовательных учреждениях, отражаются не только на их когнитивных процессах, но и на эмоциональном состоянии (тревожность, усталость, раздражительность), а также в поведенческих проявлениях (девиантное поведение, агрессивность, повышение либо снижение активности). Данные проблемы, отмечаемые педагогами, родителями и психологами, указывают на необходимость адресной индивидуальной либо коллективной помощи.

Поддерживающая среда очень важна для ребенка, и школьная среда в идеале должна быть именно такой. Здесь педагоги должны уделять особое внимание созданию ощущения безопасности у ребенка, обеспечивая вокруг него комфортную среду. При взаимодействии с ребенком важно не скрывать от него правду о сложности ситуации, но при этом внушать оптимизм и веру в лучшее; демонстрировать готовность выслушать и помочь чем возможно при любой ситуации.

Необходимо помочь структурировать и насытить событиями повседневную жизнь ребенка. Максимально занять его, чтобы поменьше времени у него оставалось на фиксацию на своих переживаниях. Так же рекомендуется разворот внимания семьи и ребенка в будущее (хотя бы бли-

жайшее): фокусировка на ближние цели, такие как структурирование следующего дня, планирование недели и т. п. В этом способно помочь обучение составлению достижимых мини-планов на день, с обязательным подбором задач, которые ребенок может выполнить, которые ему подконтрольны. Рекомендуется внедрить в жизнь близких и ребенка занятия, в которых они напрямую могут влиять на свою жизнь, укреплять чувство стабильности и предсказуемости за счет повторяющейся рутины: процесса подготовки ко сну, привычных ритуалов питания, графика тренировок и т. д. Это даст ощущение структурированности и предсказуемости жизни, управления ею в противовес непредсказуемости и стихийности, вызывающим негативные эмоции.

Также очень полезно переключение внимания на телесность. В первую очередь немаловажно для психического состояния близких военнослужащего и его детей восстановить цепочку «сон – питание – движение – настроение». В этом плане педагог или психолог могут обучать семью военнослужащего использовать различные доступные способы релаксации: мышечную релаксацию, разнообразные дыхательные практики, техники заземления, массаж, плаванье, бег, тренировки и т. п. В западных странах физические активности широко используются для снятия стресса, улучшения эмоционального состояния и социальной поддержки. Здесь применяются танцы, йога и командные виды спорта для снижения тревожности и повышения уровня эндорфинов у участников. В российских программах поддержки физические активности пока не особо распространены. Однако включение спортивных программ и физических активностей в практику психологического сопровождения семей участников СВО поможет улучшить психоэмоциональное состояние участников, преодолеть стресс и найти опору в новых социальных связях, которые будут способствовать улучшению физического и психического здоровья членов семей [4].

Отдельный фокус внимания специалистов – эмоциональная дизрегуляция, сопровождающаяся вспышками гнева, оцепенением, тревогой, избеганием, проблемами со сном и пр. А потому достаточно эффективным будет обучение семьи и ребенка практикам саморегуляции и самопомощи, направленным на укрепление психологической устойчивости, повышение осознанности в управлении эмоциями, обучение навыкам позитивного мышления. Очень важно научить близких участника СВО приемам экологичного отреагирования эмоций, отражению болезненных чувств. В работе с детьми важно не только назвать, но и помочь ребенку безопасно выразить сильные негативные эмоции через различные арт-техники, телесные практики. Нужно просто дать разрешение ребенку на выражение чувств [6]. При этом очень важно разделить чувства с ребенком, чтобы он услышал, что другой человек (педагог, психолог) его понимает. В идеале, нужно научить близких давать возможность ребенку переживать все негативные эмоции вместе со взрослыми.

К подобным приемам и техникам можно отнести написание писем на разные темы, прорабатывающим чувства гнева, вины, или письма с выражением благодарности и др.; разнообразные приемы физического отреагирования негативных эмоций (так называемая эмоциональная разрядка). Арт-технологии (рисование, лепка, создание коллажей и т. п.) могут активно применяться для работы с детьми с целью обеспечения не прямой проработки чувств, снижения эмоционального напряжения. Различные методы арт-терапии способствуют лучшему самовыражению и снятию стресса у младших возрастных групп. Игровая терапия, включающая элементы сюжетных игр, игровые упражнения, терапевтические игры помогают детям выразить эмоции, справиться с тревожностью и начать процесс эмоциональной адаптации. Они особенно действенны в работе с детьми дошкольного и младшего школьного возраста [4].

Семейная терапия и системный подход, распространенные в практике оказания психологической помощи на Западе, направленные на укрепление внутрисемейных связей, в российской практике пока в новинку. Обычно у нас помощь оказывается индивидуально, и программы семейной терапии не включают координированную работу психологов, социальных работников и педагогов. А ведь внедрение семейной терапии с элементами координации между специалистами могло бы значительно повысить эффективность сопровождения и улучшить адаптацию семей. Этот подход может быть полезным в вопросах восстановления эмоциональных связей внутри семьи и улучшения коммуникации между близкими, что поможет снизить общую напряженность в семье. Групповые семейные сессии, с участием всех членов семьи, способны улучшить внутрисемейную динамику, укрепить доверие и связь между членами семьи.

Этот ресурс необходимо активно использовать. Ведь центральная роль семьи в вопросе оказания психологической помощи ни у кого не вызывает сомнений. Включение родителей и других членов семьи в терапевтический процесс является критически важным, особенно в условиях стресса и возможной психотравмы, связанных с ситуацией СВО. Психологическое просвещение и образование для родителей помогает им лучше понимать и поддерживать своих детей. Часто помогает простая готовность родителей снизить требования к успеваемости своего ребенка, учитывая, что в такой сложной жизненной ситуации у него вполне возможны затруднения в познавательной, эмоциональной, поведенческой и личностной сфере, о которых мы уже писали ранее.

Хорошие результаты дает работа по развитию техник семейного участия и родительских навыков:

– обучение родителей техникам эмоциональной поддержки, слушания и понимания детей;

– лекции и групповые занятия по управлению эмоциями;

– проведение семинаров и тренингов по развитию навыков коммуникации, конструктивного решения конфликтов и укрепления взаимоотношений в семье;

– групповые проектные задания, способствующие развитию социальных навыков, улучшению адаптации к социуму, научению эффективному взаимодействию;

– обучение приемам формирования безопасной семейной среды и др.

В целом разработка технологий психологического сопровождения семей участников и ветеранов СВО и погибших при исполнении военной службы, требует комплексного и многоуровневого подхода. При этом специфика подобной работы будет зависеть и серьезно меняться в ситуациях ожидания близкого в отпуск с военной службы, в случае, когда близкий получил статус «пропавший без вести» или в случае его гибели. В этих ситуациях близкие участника СВО будут демонстрировать разные эмоциональные реакции и, соответственно, им необходима будет разная психологическая помощь специалиста.

В случае нахождения близкого в зоне СВО для семьи характерно изменение структуры семьи, изменение семейных правил, формирование отношения всех членов семьи к происходящему. При этом важнейшую роль играет способ реагирования на ситуацию второго родителя, а также реакция и действия ближнего круга, общества (школы, коллег, соседей и т. п.), реакция ребенка/детей. В ситуации, если участник СВО «пропал без вести», для его близких характерны высокий уровень неопределенности и тревоги, амбивалентность чувств: с одной стороны надежда на возвращение близкого человека, а с другой – страх и ежедневное ожидание известия о его смерти. Эта неизвестность становится основополагающим травмирующим фактором. И совершенно другой подход требуется в ситуации гибели участника СВО, где основная работа психологов, педагогов и социальных служб будет направлена на сопровождение этапов горевания у членов семьи и адаптацию их к новой жизни уже без близкого человека.

Все это удобнее было бы реализовать в рамках работы групп поддержки и взаимопомощи. Такие группы позволяют семьям делиться опытом, участвовать в групповом процессе исцеления и адаптации. К сожалению, в России организация групп поддержки для семей участников СВО находятся на начальной стадии развития. А ведь она может существенно повысить эффективность российской системы психологической помощи семьям военнослужащих. Этот подход будет особенно полезен для детей, которым важно общаться со сверстниками, имеющими схожий опыт. Группы взаимопомощи и поддержки помогают семьям делиться опытом в кругу людей с похожей жизненной ситуацией, чувствовать себя частью сообщества, что будет снижать у них ощущение изолированности [4].

Психологическое сопровождение семей участников СВО – это сложная, но крайне важная работа. Она требует профессионализма, эмпатии и постоянного профессионального роста. Для специалистов, работающих с семьей, важно изучать, что происходит с семьей, когда их близкий находится в зоне боевых действий, или возвращается в отпуск, или демобилизуется? С какими трудностями сталкиваются супруги, дети и другие близ-

кие участника боевых действий? Работа в этой сфере позволяет не только оказывать активную поддержку, но и создавать пространство для честного выражения эмоций, общения и понимания. Это помогает детям и семьям пройти через трудности, найти силы для исцеления и восстановления, а также обрести новый взгляд на жизнь и будущее. Семья участника СВО может стать ключевым ресурсом не только адаптации и ресоциализации участника боевых действий, но и психологической поддержки всех ее членов, включая детей.

Литература

1. Военная психология / Д. Е. Алексеев [и др.]. Минск : Харвест, 2023. 816 с.
2. Бурков К. Психолого-психотерапевтическая и духовно-психологическая помощь участникам и ветеранам СВО и их семьям // Современная христианская психология и антропология: актуальные вопросы : материалы Всерос. конф. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-psihoterapevticheskaya-i-duhovno-psihologicheskaya-pomosch-uchastnikam-i-veteranam-svo-i-ih-semyam (дата обращения: 11.05.2026).
3. Гнездилов Г. В., Киселев В. В. К вопросу о совершенствовании организации профилактики ПТСР и психореабилитационных мероприятий в работе психолога с участниками СВО // Экстремальная психология и безопасность личности. 2025. Т. *2*, № 1. С. 26–39. https://doi.org/10.17759/epps. 2025020103
4. Кадиева Р. И., Давудова А. Р. Современные подходы и технологии психологического сопровождения семей участников (ветеранов) специальной военной операции // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. № 6–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-i-tehnologii-psihologicheskogo-soprovozhdeniya-semey-uchastnikov-veteranov-spetsialnoy-voennoy-operatsii (дата обращения: 11.05.2026).
5. Военная психология: методология, теория и практика / В. М. Крук [и др.]. М. : Воен. ун-т, 1998. 192 с.
6. Малкина-Пых И. Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. М. : Эксмо, 2005. 960 с.

Psychological assistance to the families of the participants of the SVO in the framework of educational organizations

O. A. Karnysheva

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to the analysis of the issue of providing psychological assistance by specialists of educational organizations to the families of participants in their educational programs. In this regard, educational institutions have an important resource for the implementation of not only informational, but also psychoprophylactic and even psychocorrective functions. When a person is in a military area or leaves it after the fighting, the changes that occur to him affect not only himself, but also the inner circle of the soldier. Family can become a key resource for the adaptation and resocialization of a combatant. Teachers and psychologists of educational institutions can help create a safe space within the family for all its members, as well as in finding resources to resolve possible negative psychological consequences of a loved one's participation in hostilities.

Keywords: family of a serviceman, psychological assistance, family resources, psychological support, psychological prevention, psychocorrection.

Природные ресурсы в реабилитации лиц с зависимостью

В. В. Попова

Иркутский государственный медицинский университет, Иркутск

С. А. Королев

ОГБУЗ «Иркутский областной психоневрологический диспансер», Иркутск

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы реабилитации лиц с зависимостью, изучаются возможности реабилитационного центра по применению природных ресурсов для реабилитации этих лиц.

Ключевые слова: реабилитация, реабилитационный центр, зависимость, природная терапия.

В современном обществе проблема зависимости приобретает огромные масштабы. Существует несколько точек зрения на причину возникновения зависимости. Специалисты выделяют генетический, биологический, социальный, психологический аспекты. Зависимость рассматривается как нарушение адаптационных механизмов личности, «кривой копинг», который помогает человеку уменьшить фрустрацию при значительном разрыве «ожидание – реальность». Низкая фрустрационная толерантность, желание получить «быстрый дофамин», постоянная атака на нашу сенсорную систему различными внешними стимуляторами создают дополнительный риск для возникновения и развития зависимости.

В настоящий момент специалисты в работе сталкиваются не только с химическими, но и с нехимическими зависимостями, этот список постоянно дополняется и обновляется. Еще недавно мы включали в список зависимостей наркоманию и алкоголизм, сейчас в него включаются пищевая зависимость, трудоголизм, шопоголизм (особенно в связи с развитием сервиса маркетплейсов), гэмблинг, компьютерная игромания и др.

По мнению опрошенных граждан, число зависимых растет. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 10 августа 2024 г. было проведено исследование «Наркотическая зависимость: мониторинг», в котором приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Методом опроса являлось телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке (предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %). Большинство респондентов (38 %) считают, что количество людей, принимающих наркотики, стало больше. Причем если посмотреть динамику мониторинга, то из года в год люди утверждают, что количество людей, принимающих наркотики, увеличивается: в 2021 г. так считало 30 % респондентов, в 2023 г. – 35 % и, соответственно, в 2024 г. – 38 % (с 2021 г. произошло увеличение на 8 %) [1].

В период зависимости человек часто оказывается в замкнутом круге: токсичное окружение, стресс, отсутствие здоровых способов справляться с эмоциями. Городская среда лишь усиливает напряжение. Новости, постоянное напряжение, шумовое загрязнение и ежедневное тесное общение с

незнакомцами зачастую не позволяет остановиться, прислушаться к себе, ощутить минуту тишины и расслабления. Природа же действует как естественный антидепрессант. Пребывание на свежем воздухе, среди деревьев и воды, снижает уровень кортизола, нормализует давление и сердцебиение, улучшает настроение.

По мнению заведующей кафедрой клинической, социальной психологии и гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный медицинский университет» Минздрава России, кандидата психологических наук, доцента Дубровиной С. В., использование природных средств в реабилитации зависимых рассматривается в основном как вспомогательный компонент, направленный на восстановление физического здоровья, чтобы стабилизировать нервную систему и ни к коей мере не может заменить профессиональную психотерапию. В интервью Дубровина С. В. отмечает, что «…природные методы помогают организму справиться с последствиями интоксикации, влияния различных стрессовых компонентов, однако без работы с психологической причиной зависимости стойкая ремиссия у пациентов невозможна. Обязательна консультация с врачом, терапевтом, фитотерапевтом, возможно нутрициологом».

Анализируя пользу реабилитации природными средствами, Дубровина С. В. отмечает особую роль физической активности: «это и плавание в открытых водоемах, это и возможность присутствовать в открытом пространстве на природе, наблюдать за тем, как течет река, меняется небо, можно использовать скандинавскую ходьбу, иппотерапию, общение с животными. Такая нагрузка стимулирует естественную выработку эндорфина, что влияет на здоровую биохимию мозга. Природные средства работают только в комплексе с основным лечением, это и медикаментозная поддержка, и групповая и индивидуальная психотерапия, а также помощь таким лицам в социальной адаптации».

Мы поддерживаем эту точку зрения. Для человека, который учится жить заново, это особенно ценно. Природа помогает «перезагрузить» нервную систему, вернуть способность радоваться простым вещам, почувствовать себя частью чего-то большего, а не изолированным и отвергнутым.

В интервью заведующая кафедрой социальной работы ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент Решетникова Е. В. резюмирует: «…считаю, что природа оказывает огромное воздействие на реабилитацию зависимых лиц. Конечно, важнейшим фактором является то, что зависимый вырывается из привычной, как правило, городской среды, в совсем иной мир – мир гармонии, цветового разнообразия и иных звуков. Это само по себе оказывает гипнотическое воздействие, под которым меняются взгляды на мир и мироощущение. Неслучайно многие центры реабилитации находятся именно в природных условиях, в сельской местности. Конечно же, метод гарденотерапии, реабилитации природными средствами, специалисты считают обязательным. Тут подключается физическая активность, человек переключается на другие цели, происходит сенсорная стимуляция. Происходит возрождение человека».

В реабилитационных центрах Иркутской области начинают появляться программы с элементами природной терапии с учетом современных научных исследований и опыта других регионов России.

Центр медико-социальной реабилитации ОГБУЗ «ИОПНД» проводит интеграции с использованием природных ресурсов. Проводится уборка территории на берегу Ангары, посадка деревьев, турпоходы на скальник Витязь (Олхинское плато) и т. д. [3]. Такие интеграции помогают разнообразить и улучшить оказание помощи: пациенты укрепляют свое физическое и эмоциональное состояние, а также расширяют кругозор, чувствуют себя частью живого физического мира, что позитивно сказывается на дальнейшем реабилитационном процессе.

Все подразделения реабилитационного центра «Воля» располагаются вне городской среды: мкр. Искра (г. Иркутск), село Александро-Невский завод (Куйтунский р-н), д. Барда (Эхрит-Булагатский р-н), ул. Комсомольский проспект, 25 (г. Усолье-Сибирское). Такое расположение способствует улучшению реабилитационного процесса [2].

Территория подразделения мкр. Искра способствует активному развитию направления «иппотерапия» во взаимодействии инструкторами конноспортивного клуба «Аврора» [4]. Взаимодействие с животными (анималотерапия), к примеру, уход за лошадьми, помогает восстановить эмпатию и доверие, так как животные не осуждают и могут принять человека таким, какой он есть, что особенно важно для тех, кто долгое время чувствовал вину и стыд.

Подразделение д. Барда располагается на территории Эхрит-Булагатского р-на, т. е. находится в уникальной культурно-этнографической среде, что способствует формированию у реабилитантов положительных механизмов восприятия жизни и работы в сельской местности [4]. Работа с землей, огородничество, помимо занятости, учит человека ответственности: человек видит результат своих усилий, учится терпению и планированию. Кроме того, уход за растениями отвлекает от навязчивых мыслей и формирует здоровую рутину.

Подобная практика имеется также в реабилитационном центре «Перекресток семи дорог». Центр проводит выездные тренинги в живописных местах Прибайкалья, таких как окрестности острова Ольхон, Аршан и др. Программы тренингов направлены на повышение жизнестойкости, что способствует увеличению эффективности реабилитации и периода ремиссии участников. Помимо этого, программа реабилитации Центра включает проведение тренингов на природе по преодолению кризисных ситуаций и развитию творческого потенциала [2]. Например, в рамках занятий используются арт-терапевтические техники на открытом воздухе (рисование пейзажей, создание композиций из природных материалов), которые помогают заметить, выразить и проработать сложные эмоции в безопасной обстановке.

Тем не менее, экотерапия может не всегда позитивно отражаться на реабилитационном процессе. Так, по мнению дьякона церкви «Краеугольный камень», пастора Центра восстановления «Ради будущего» А. В. Бог-

данова, выход на природу не желателен на первом этапе реабилитации: «Безусловно, пребывание на природе дает возможность побыть в одиночестве и подумать о жизни, а также показать реабилитантам новую жизнь: походы, прогулки и т. д., что действительно может помочь. Однако, все это должно присутствовать не на первом этапе. Как только человек пришел в центр, для него выход на природу сразу же становится триггером. Люди даже, к примеру, спустя 8 месяцев лечения выйдут на природу и будут смотреть не на ее красоту, а на места, где могут быть закладки. Поэтому, по нашему мнению, на первом этапе лечения выход на природу, наоборот, может негативно сказаться на реабилитационном процессе».

Руководитель Центра восстановления «Мать и ребенок» С. В. Бондарчук утверждает, что природные практики могут помочь человеку, прошедшему реабилитацию, дольше оставаться в ремиссии: «Когда ценности меняются, начинают меняться ассоциации с природой. К примеру, раньше выезды на природу ассоциировались с распитием алкоголя, вследствие чего нельзя оценить всей красоты окружающего мира. Люди ездят на Байкал, отдыхают, распивают алкоголь и не могут полностью оценить его красоту. Алкоголь и препараты значительно сужают кругозор человека. Но, когда люди проходят лечение до конца и находятся в ремиссии продолжительное время, тогда они начинают замечать красоту окружающего их мира: небо голубое, горы, лес. Природные практики учат человека иначе проводить свой досуг, отдыхать, что помогает человеку оставаться в трезвости. Тем не менее, на первоначальном этапе реабилитации, я бы не рекомендовал выезды на природу».

Таким образом, природная терапия – перспективное направление в реабилитации людей с зависимостями, но ее применение требует дифференцированного подхода. Ключевое значение имеет этап реабилитации: на начальных стадиях акцент должен делаться на стабилизации состояния, формировании доверительных отношений с персоналом и освоении базовых навыков саморегуляции, тогда как на последующих этапах экотерапевтические практики способны существенно усилить эффект лечения. Важна и тщательная предварительная работа с триггерными ассоциациями: перед выездом на природу реабилитантам полезно проговорить возможные сложности и отработать стратегии совладания с ними.

Реабилитация с помощью природы носит многогранный характер, а в Иркутской области несет в себе неисчерпаемое разнообразие. Это и небольшие туристические сплавы по рекам Шаманка, Иркут, Ангара. Это и пеший тур по ББТ (большой байкальской тропе) по маршрутам Листвянка – Большие Коты, Большие Коты – Большое Голоустное, прогулка по старой железной дороге (КБЖД) по маршруту Култук – Старая Ангасолка. Это и горный туризм с посещением водопадов Аршана, предгорий Саян, Олхинского плато. Индивидуальный подбор форм природной терапии (от спокойных прогулок до трудовой деятельности на земле) позволяет максимально учитывать потребности и особенности каждого человека, делая процесс восстановления более устойчивым и глубоким.

Литература

1. Наркотическая зависимость: мониторинг // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narkoticheskaja-zavisimost-monitoring-2 (дата обращения: 07.05.2026).

2. Перекресток семи дорог. Иркутск, Ангарск : офиц. сайт. URL: https://perekrestok-38.ru/ (дата обращения: 10.07.2026).

3. Центр медико-социальной реабилитации : офиц. сайт. URL: https://iopnd-rnc.ru/ (дата обращения: 10.07.2026).

4. Центр реабилитации зависимых – ОГБУ «РЦПП и СРМ «Воля» : офиц. сайт. URL: https://volya-irk.ru/ (дата обращения: 09.07.2026).

Natural resources in rehabilitation of persons with addiction

V. V. Popova
Irkutsk State Medical University, Irkutsk
S. A. Korolev
Irkutsk Regional Neuropsychiatric Dispensary, Irkutsk

Abstract. Current issues in the rehabilitation of people with addictions. The possibilities of a rehabilitation center for the use of natural resources. The organization of rehabilitation by natural means.

Keywords: rehabilitation, rehabilitation center, addiction, natural therapy.

Социальная работа с ветеранами СВО в сельских поселениях Прибайкалья: доступность услуг и локальные практики помощи

Н. О. Наумов
Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматриваются особенности организации социальной работы с ветеранами специальной военной операции в сельских поселениях Прибайкалья. Анализируются основные проблемы доступности социальных услуг, влияние территориальной специфики региона на эффективность социальной поддержки, а также локальные практики помощи ветеранам и их семьям. Особое внимание уделяется межведомственному взаимодействию, развитию мобильных форм обслуживания населения и роли местных сообществ в процессе социальной адаптации ветеранов специальной военной операции.

Ключевые слова: социальная работа, ветераны СВО, сельские поселения, Прибайкалье, доступность социальных услуг, социальная поддержка, локальные практики помощи, социальная адаптация.

Социальная работа с ветеранами специальной военной операции (СВО) в сельских поселениях Прибайкалья представляет собой одно из наиболее актуальных направлений современной социальной политики Российской Федерации. Возвращение участников боевых действий к мирной жизни требует комплексной системы социальной поддержки, включающей медицинскую, психологическую, правовую и профессиональную помощь. Однако специфика сельских территорий Прибайкалья существенно ослож-

няет реализацию данных мер поддержки. Значительная удаленность населенных пунктов, ограниченность инфраструктуры, кадровый дефицит и низкая транспортная доступность формируют дополнительные барьеры для получения социальных услуг ветеранами и членами их семей. В этих условиях особую роль начинают играть локальные практики помощи, основанные на взаимодействии органов местного самоуправления, социальных учреждений, общественных организаций и самих сельских сообществ.

В условиях продолжающегося проведения специальной военной операции проблема социальной интеграции ветеранов становится одной из центральных задач государственной социальной политики. Возвращение военнослужащих к гражданской жизни сопровождается необходимостью восстановления физического и психологического здоровья, переосмысления жизненных установок, адаптации к новым условиям социальной реальности и восстановления трудовой активности. Для жителей сельских территорий данные процессы осложняются объективными социально-экономическими и инфраструктурными ограничениями, характерными для большинства районов Прибайкалья.

Прибайкалье представляет собой территорию с большой протяженностью и низкой плотностью населения. Многие сельские поселения расположены на значительном расстоянии от районных и областных центров, где сосредоточены основные учреждения социальной защиты, медицинской помощи и психологической реабилитации. В отдельных северных районах Иркутской области транспортное сообщение между населенными пунктами осуществляется нерегулярно, что существенно ограничивает возможность своевременного обращения ветеранов за необходимой помощью. Для получения консультации, прохождения медицинской комиссии или оформления документов гражданам нередко приходится преодолевать сотни километров, что становится серьезным препятствием для людей с ограничениями по здоровью или низким уровнем дохода.

Одной из наиболее значимых проблем остается недостаточная доступность медицинской и психологической помощи. Значительная часть ветеранов СВО сталкивается с последствиями боевого стресса, хронической тревожностью, нарушениями сна и симптомами посттравматического стрессового расстройства. При этом в сельской местности наблюдается острый дефицит квалифицированных психологов, психотерапевтов и специалистов по социальной реабилитации участников боевых действий. В большинстве муниципальных образований психологическая помощь оказывается специалистами общего профиля, которые не всегда обладают достаточным опытом работы с ветеранами боевых действий. Это снижает эффективность реабилитационных мероприятий и увеличивает риск социальной изоляции ветеранов.

Серьезное значение имеет и проблема кадрового обеспечения системы социальной работы. Во многих сельских районах специалисты социальных служб вынуждены одновременно выполнять широкий круг функ-

ций, связанных с сопровождением семей, назначением социальных выплат, организацией патронажа пожилых граждан и консультированием участников СВО. Высокая нагрузка и низкий уровень обеспеченности кадрами приводят к формальному характеру части социальных услуг и ограничивают возможности индивидуального сопровождения ветеранов. Особенно остро кадровый дефицит ощущается в удаленных сельских поселениях, где отсутствуют возможности привлечения молодых специалистов и профессионального повышения квалификации работников социальной сферы.

Дополнительным фактором социальной уязвимости ветеранов СВО в сельской местности является ограниченность рынка труда. После возвращения из зоны боевых действий многие ветераны испытывают трудности с поиском работы, особенно в условиях сокращения числа рабочих мест в сельскохозяйственном секторе и оттока населения из сельских территорий. Отсутствие стабильной занятости негативно влияет на психологическое состояние ветеранов и повышает риск социальной дезадаптации. В связи с этим важным направлением социальной работы становится организация программ профессионального переобучения, поддержки самозанятости и развития малого предпринимательства.

В ряде районов Прибайкалья начинают реализовываться локальные инициативы по трудовой интеграции ветеранов. Муниципальные администрации совместно с центрами занятости населения организуют краткосрочные образовательные программы, направленные на получение востребованных профессий, связанных с транспортной сферой, строительством, охранной деятельностью и сельским хозяйством. Дополнительной мерой поддержки может стать предоставление льготных кредитов и грантов на развитие фермерских хозяйств и сельского предпринимательства для ветеранов СВО, проживающих в сельской местности.

Особую роль в системе социальной поддержки играют местные сообщества и волонтерские объединения. В сельских поселениях традиционно сохраняется высокий уровень межличностных связей и взаимопомощи, что способствует формированию локальных практик социальной поддержки. Волонтеры, советы ветеранов, религиозные организации и инициативные группы жителей оказывают помощь семьям участников СВО, организуют сбор гуманитарной помощи, помогают в ремонте жилья, доставке продуктов и сопровождении пожилых родственников военнослужащих. Подобные формы гражданской солидарности позволяют частично компенсировать недостаток официальной инфраструктуры социальной помощи.

В ряде муниципальных образований Иркутской области и Республики Бурятия активно развиваются практики общественного патронажа ветеранов СВО. За семьями участников боевых действий закрепляются кураторы из числа социальных работников, представителей общественных организаций или волонтеров, которые помогают в решении бытовых и правовых вопросов, оказывают информационную поддержку и содействуют взаимодействию с государственными структурами. Подобная практика спо-

собствует снижению социальной напряженности и позволяет более оперативно выявлять проблемы, возникающие у ветеранов и их семей.

Важным направлением совершенствования социальной работы становится развитие мобильных форм обслуживания населения. В условиях удаленности сельских территорий особую эффективность демонстрируют выездные бригады специалистов, включающие социальных работников, медиков, психологов и юристов. Такие мобильные группы позволяют организовывать комплексное консультирование ветеранов непосредственно по месту их проживания, что особенно важно для маломобильных граждан и жителей труднодоступных районов. Развитие мобильной социальной помощи способствует повышению доступности услуг и снижает уровень социальной исключенности сельского населения.

Дополнительные возможности создает внедрение цифровых технологий в сферу социальной работы. Использование портала государственных услуг, дистанционного консультирования и электронного документооборота позволяет ускорить процесс оформления льгот и получения социальных выплат. Вместе с тем эффективность цифровизации в сельской местности ограничивается низким уровнем цифровой грамотности части населения и недостаточным качеством интернет-соединения в отдаленных населенных пунктах. Для решения данной проблемы необходима организация специальных программ цифрового обучения ветеранов и расширение инфраструктуры связи в сельских территориях.

Существенное значение имеет межведомственное взаимодействие в процессе сопровождения ветеранов СВО. Эффективная социальная работа требует координации деятельности органов социальной защиты, медицинских учреждений, служб занятости, образовательных организаций, муниципальных администраций и общественных объединений. Отсутствие единой системы обмена информацией между ведомствами нередко приводит к дублированию функций, затягиванию сроков оказания помощи и усложнению процедуры оформления социальных услуг. Создание единых координационных центров поддержки ветеранов на региональном уровне позволит повысить эффективность межведомственного взаимодействия и обеспечить комплексный подход к решению социальных проблем.

Не менее важным направлением является повышение профессиональной подготовки специалистов социальной сферы. Работа с ветеранами боевых действий требует специальных знаний в области кризисного консультирования, психологии травмы и социальной реабилитации. Организация специализированных образовательных программ, семинаров и курсов повышения квалификации позволит улучшить качество социальной помощи и повысить уровень доверия ветеранов к государственным институтам поддержки.

Перспективным направлением развития социальной работы в сельских поселениях Прибайкалья может стать создание системы долговременного социального сопровождения ветеранов СВО. Такая система

должна включать регулярный мониторинг социального положения ветеранов, индивидуальные программы адаптации, содействие трудоустройству, психологическую поддержку и помощь в восстановлении семейных и социальных связей. Особое внимание необходимо уделять профилактике социальной изоляции и формированию условий для активного участия ветеранов в жизни местных сообществ.

Таким образом, социальная работа с ветеранами специальной военной операции в сельских поселениях Прибайкалья представляет собой сложный и многоуровневый процесс, требующий комплексного подхода и учета региональной специфики. Территориальная удаленность населенных пунктов, кадровый дефицит, ограниченность инфраструктуры и проблемы транспортной доступности существенно осложняют процесс предоставления социальных услуг. Вместе с тем развитие локальных практик взаимопомощи, мобильных форм обслуживания населения, межведомственного взаимодействия и цифровых технологий создает предпосылки для формирования устойчивой системы поддержки ветеранов СВО и их семей. Повышение эффективности социальной работы в сельских территориях Прибайкалья является важным условием успешной социальной адаптации ветеранов и укрепления социальной стабильности региона.

Литература

1. Министерство труда и социальной защиты РФ. URL: https://mintrud.gov.ru (дата обращения: 09.10.2025).

2. Фонд «Защитники Отечества». URL: https://fzo.gov.ru (дата обращения: 13.05.2026).

3. Аналитический доклад «Социальная поддержка участников СВО и членов их семей в Российской Федерации». URL: https://russiancouncil.ru (дата обращения: 09.10.2025).

4. Холостова Е. И. Теория социальной работы : учебник. М. : Дашков и К, 2022.

5. Социальная работа в сельских территориях России / под ред. П. Д. Павленка. М. : ИНФРА-М, 2021. М., 2022.

Social work with SVO veterans in rural settlements of the Baikal region: accessibility of services and local assistance practices

N. O. Naumov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Social work with veterans of the special military operation (SVO) in rural settlements of the Baikal region is one of the most relevant areas of modern social policy in the Russian Federation. The return of combat veterans to civilian life requires a comprehensive support system including medical, psychological, legal and professional assistance. However, the specific features of rural territories in the Baikal region significantly complicate the implementation of these support measures. Long distances between settlements, limited infrastructure, staff shortages and low transport accessibility create additional barriers to receiving social services for veterans and their family members. Under these conditions, local assistance practices based on cooperation between municipal authorities, social institutions, public organizations and rural communities become especially important.

Keywords: social work, SVO veterans, rural settlements, Baikal region, accessibility of social services, social support, local assistance practices, social adaptation.

Рекреационные возможности реабилитации участников СВО в Иркутской области

Н. Н. Ненартович

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Представлены результаты анализа рекреационных ресурсов Иркутской области в процессе реабилитации участников СВО и их семей. Приведены примеры организаций из государственного, коммерческого и некоммерческого секторов. Сформулированы предложения по усовершенствованию механизма непрерывной реабилитации бойцов специальной военной операции.

Ключевые слова: реабилитация, СВО, участники СВО, специальная военная операция, рекреационные возможности, Байкал.

С течением времени и изменением внешних условий происходит расширение числа категорий населения, которые нуждаются в социальной поддержке и являются объектом социальной работы. В связи с проведением специальной военной операции увеличился рост числа граждан, приобретших статус ветеран боевых действий или инвалид вследствие полученного увечья. Данный факт актуализирует вопрос о мерах поддержки этой категории, а также стимулирует изучение вопроса с различных сторон для полноценного видения всех возможностей восстановления здоровья лиц, участвующих в СВО.

На сегодняшний день мы наблюдаем широкий спектр всевозможных мер поддержки для ветеранов СВО и их семей. Слаженно проводится работа как государственных структур, сеть которых распространена на территории всех муниципальных образований, так и некоммерческого сектора. Среди мер поддержки присутствуют различного рода выплаты и льготы. Нами был проведен контент-анализ сайтов государственных, коммерческих и некоммерческих организаций Иркутского, Шелеховского, Ольхонского, Байкальского, Слюдянского, Баргузинского и Качугского районов, проводящих работу с участниками боевых действий. В данной работе приведены некоторые организации, демонстрирующие деятельность секторов общества по оказанию поддержки и реабилитационных мероприятий посредством рекреационной среды. Так, в ходе анализа было выявлено, что на территории Иркутской области особенно активно проводится реабилитация лиц, получивших ранение, в Шелеховском реабилитационном центре. Данная организация предоставляет наиболее полный перечень услуг из возможных. В ходе продуктивной работы центра происходит всесторонняя реабилитация тех, кто утратил здоровья. На это направлены социально-бытовые, социально-медицинские, социально-педагогические, социально-психологические, социально-трудовые мероприятия и услуги в целях повышения коммуникативного потенциала [3]. Но стоит отметить, что пребывание людей в стенах реабилитационного центра ограничено. После прохождения курса реабилитации граждане возвращаются в привычную

среду. На наш взгляд на этом реабилитация не должна останавливаться во избежание регресса. Поэтому был проведен анализ рекреационных ресурсов нашего региона, благодаря которым может поддерживаться результат, достигнутый в государственных организациях.

Так, исследуя рекреационные возможности региона нам особенно хотелось бы выделить озеро Байкал, как объект, играющий особенно значимую роль в процессе реабилитации и возвращения к нормальной жизни бывшего участника СВО и его семьи. Причиной тому являются уникальнейшие климатические особенности, которые заключаются в смягчении резко континентального климата благодаря водным массам озера. Широкое разнообразие ландшафтов – от горных пейзажей до песчаных пляжей бухт (например, бухты Песчаной), представляют собой возможности для эстетического восприятия природы, это, в свою очередь, важно для психологической реабилитации. Природные достопримечательности, среди которых остров Ольхон, с его мистическими пещерами и археологическими памятниками, способствуют расширению кругозора, снижению уровня тревожности и благотворно сказывается на эмоциональном восстановлении. Геотермальные источники и целебные грязи в некоторых районах Прибайкалья используются для физиотерапевтических процедур, что ускоряет восстановление после травм и операций. Все это и многое другое характеризует Бакал как место силы и важнейшую рекреационную зону в нашем регионе, о чем свидетельствуют работы Карнышева А. Д. и других исследователей [1].

При детальном изучении муниципальных образований, прилегающих своей территорией к акватории Байкала нами, не было выявлено государственных системных образований, целью которых являлось бы поддержание физического или психологического здоровья ветеранов боевых действий. Но при изучении коммерческих организаций были выявлены несколько турбаз в которых для участников СВО предоставляются услуги по льготной стоимости при предъявлении документов. Примерами таковых являются: отель «Мир Байкала» в Ольхонском районе, база отдыха «Синдбад» в Баргузинском районе и экопарк «Южный Байкал» в Слюдянском районе. Но поскольку на сегодняшний день такие случаи единичны, это скорее всего не повлечет за собой высокой результативности. Поэтому в данном случае важно стимулирование государством малого предпринимательства, в том числе в туристической сфере. При таком взаимодействии, на наш взгляд, возможна более плодотворная работа, итогами которой станут тысячи людей, восстановивших свое здоровье посредством доступной рекреационной среды на территории побережья Байкала.

Особое внимание в нашей работе хотелось бы уделить Качугскому району, поскольку именно в его состав входит Байкало-Ленский заповедник. При детальном анализе была получена информация о мероприятиях, проводимых на его территории. Примером таких мероприятий являются эколого-просветительские маршруты, в рамках которых проходит знаком-

ство с заповедным берегом, проводятся сплавы по р. Лене [2]. Маршруты представляют собой значительный ресурс для проведения реабилитации. Созданные фильмы и медиапроекты о природе и животном мире заповедника также. На наш взгляд представляют собой весомый ресурс, который важно интегрировать в процесс реабилитации. Мы видим это возможным при проведении организованных просмотров или в уже ранее упомянутом нами реабилитационном центре «Шелеховский», или в рамках проведения совместных мероприятий для семей и самих участников СВО на базе некоммерческих и общественных организаций, таких как Ассоциация ветеранов СВО, Комитет семей воинов отечества Иркутской области и др.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что сегодня особенно актуальной является работа по восстановлению здоровья участников СВО, значимую роль в которой играет рекреационная зона Байкала и прилегающих к нему территорий. Несомненно, количество возможностей для развития деятельности в данном ключе неограниченно. Но на сегодняшний день имеющиеся ресурсы практически не реализуются. Поэтому мы считаем необходимым привлечение государства к поддержке малого и среднего предпринимательства, организующего рекреационные пространства доступные для ветеранов и их семей. Также важным аспектом считаем более плотное сотрудничество всех секторов общества по реализации имеющегося потенциала рекреационных зон нашего региона с целью создания среды для непрерывного восстановления ресурсов уязвимых категорий населения, принимавших участие в защите нашей родины.

Литература

1. Карнышев А. Д. Древние предания и современные исследования о влиянии Байкала на психологическое и социальное здоровье // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 25–27 нояб. 2021 г. Иркутск : Аспринт, 2021. 284 с.

2. Байкало-Ленский заповедник // Служба государственного экологического надзора. URL: https://irkobl.ru/sites/baikal/monitoring/kadastr/oopt/baikalolensk/ (дата обращения 20.05.2026).

3. Реабилитационный центр Шелеховский. URL: https://shelcentr.ru/ (дата обращения 17.05.2026).

Recreational opportunities for the rehabilitation of participants in the special military operation in the Irkutsk region

N. N. Nenartovich
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article presents the results of an analysis of the recreational resources of the Irkutsk Region in the process of rehabilitation of participants in the special military operation and their families. Examples of organizations from the public, commercial, and non-profit sectors are provided. Proposals are formulated to improve the mechanism of continuous rehabilitation of fighters in the special military operation.

Keywords: rehabilitation, SVO, SVO participants, special military operation, recreational opportunities, Lake Baikal.

Психологическая адаптация членов семей участников СВО в условиях длительного стресса

Н. В. Баранкова

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Улан-Удэ

Аннотация. Представлены результаты исследования психологической адаптации матерей и супруг участников специальной военной операции в условиях длительного стрессового воздействия. Цель исследования состояла в изучении особенностей эмоционального состояния, жизнестойкости и копинг-стратегий членов семей участников СВО. В исследовании использовались авторская анкета, опросник способов совладания Р. Лазаруса (в адаптации Т. Л. Крюковой) и тест жизнестойкости Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой. Полученные данные показали, что, несмотря на высокую эмоциональную нагрузку, большинство участниц сохраняют психологическую адаптацию благодаря сочетанию личностных, семейных, социальных и духовных ресурсов, а также использованию различных копинг-стратегий. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов при разработке программ психологического сопровождения членов семей участников СВО.

Ключевые слова: психологическая адаптация, длительный стресс, семьи участников СВО, копинг-стратегии, жизнестойкость, психологическая устойчивость, стрессовое воздействие, психологическая помощь, совладающее поведение, эмоциональное состояние.

Длительное участие военнослужащих в специальной военной операции создает для членов их семей ситуацию хронического стресса, связанную с неопределенностью, высокой эмоциональной нагрузкой и необходимостью адаптации к изменившимся условиям жизни. Наиболее выраженное психологическое напряжение испытывают матери и супруги военнослужащих, которые наряду с собственными переживаниями принимают на себя дополнительные семейные обязанности и ответственность за эмоциональное благополучие близких.

Несмотря на возрастающее внимание к вопросам психологического сопровождения семей участников СВО, механизмы их психологической адаптации остаются недостаточно изученными. В научной литературе основное внимание уделяется последствиям боевых действий для самих военнослужащих и переживанию утраты, тогда как особенности совладающего поведения, роль личностных ресурсов и жизнестойкости членов их семей исследованы значительно меньше.

В связи с этим изучение психологической адаптации матерей и супруг участников СВО представляется актуальным как для уточнения механизмов совладающего поведения в условиях длительного стресса, так и для совершенствования программ психологического сопровождения семей военнослужащих.

Цель исследования – выявление особенностей психологической адаптации членов семей участников СВО в условиях длительного стрессового воздействия через изучение копинг-стратегий и уровня жизнестойкости.

В основе исследования лежит предположение о том, что психологическая адаптация членов семей участников СВО определяется особенностями используемых копинг-стратегий и уровнем жизнестойкости. Предполагается, что различия в уровне психологической адаптации будут сопровождаться различиями в преобладающих способах совладания со стрессом и выраженности компонентов жизнестойкости. Кроме того, особенности психологической адаптации могут варьировать в зависимости от жизненной ситуации, связанной с участием близкого человека в СВО (участие в боевых действиях, ранение, возвращение или гибель).

Теоретической основой исследования являются транзакционная модель стресса и совладающего поведения Р. Лазаруса и С. Фолкман, а также концепция жизнестойкости С. Мадди.

Согласно транзакционной модели стресс рассматривается как результат взаимодействия человека и ситуации, а успешность психологической адаптации определяется субъективной оценкой происходящих событий и выбором способов совладания [1]. Копинг-стратегии понимаются как осознаваемые способы преодоления стрессовых ситуаций, направленные либо на изменение ситуации, либо на регуляцию эмоционального состояния [2]. В современной психологии выделяют проблемно-ориентированные, эмоционально-ориентированные и избегательные стратегии совладающего поведения [3].

Концепция С. Мадди рассматривает жизнестойкость как систему личностных убеждений, способствующих эффективному преодолению стрессовых воздействий [4]. Ее основными компонентами являются вовлеченность, контроль и принятие вызова.

В настоящем исследовании психологическая адаптация понимается как динамический процесс приспособления личности к изменившимся жизненным обстоятельствам, включающий эмоциональное состояние, способы совладания со стрессом и использование личностных ресурсов.

Для получения эмпирических данных применялись авторская анкета, опросник способов совладания Р. Лазаруса в адаптации Т. Л. Крюковой [5] и тест жизнестойкости Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой [4]. Обработка результатов включала методы описательной статистики, сравнительный анализ и качественный анализ открытых ответов.

Эмпирическую выборку исследования составили 92 женщины – матери и супруги участников специальной военной операции. В исследование включены респондентки, находящиеся в различных жизненных ситуациях, связанных с участием близкого человека в СВО: продолжающееся участие в боевых действиях, ранение, возвращение из зоны проведения специальной военной операции, а также гибель военнослужащего. Возраст участниц варьирует от молодого до пожилого, при этом большинство относится к периоду зрелости. Значительная часть женщин воспитывает несовершеннолетних детей, что позволяет рассматривать выполнение ро-

дительской роли как один из факторов, влияющих на особенности психологической адаптации в условиях длительного стресса.

Анализ результатов исследования показал, что эмоциональное состояние большинства участниц характеризуется высоким уровнем психологического напряжения. Наиболее часто женщины отмечали тревогу, эмоциональную усталость, чувство грусти и внутренней опустошенности. Для многих переживания, связанные с участием близкого человека в СВО, остаются постоянным эмоциональным фоном, оказывающим влияние на повседневную жизнь. Основными источниками напряжения выступают неопределенность будущего, ответственность за членов семьи и длительное ожидание изменений жизненной ситуации.

Изучение ответов участниц показало, что в условиях длительного стрессового воздействия сохранение психологической устойчивости во многом связано с использованием личностных и социальных ресурсов. Анализ открытых ответов позволяет объединить наиболее часто называемые ресурсы в четыре группы: семейные (дети, супруг, родственники), духовные (вера, молитва), социальные (поддержка близких, общение) и деятельностные (работа, привычная занятость). Наряду с этим женщины указывали на недостаток эмоциональной поддержки, внутреннего спокойствия, чувства безопасности и уверенности в будущем. Наиболее часто отмечалась нехватка мужа или сына, мира, стабильности и возможности восстановить эмоциональные силы. Отдельные участницы говорили о потребности в профессиональной психологической помощи.

Таким образом, семейные отношения, социальная поддержка, духовные ценности и сохранение жизненных смыслов выступают взаимосвязанными ресурсами психологической адаптации, способствующие поддержанию устойчивости в условиях длительного стресса.

Анализ эмпирического материала выявил, что средний уровень общей жизнестойкости у участниц составил 72,48±21,78 балла, что ниже нормативного значения (80,72±18,53). Наиболее выраженные различия выявлены по компоненту «вовлеченность» (32,23±10,25 против 37,64±8,08). Подобная картина может быть связана с тем, что в условиях длительного стресса снижается эмоциональная включенность в повседневную жизнь, тогда как значительная часть внутренних ресурсов направляется на преодоление кризисной ситуации и выполнение семейных обязанностей.

Показатель «контроль» также оказался несколько ниже нормативного уровня (26,84±8,46 против 29,17±8,43), однако различия менее выражены. Эти данные согласуются с результатами авторской анкеты, согласно которым большинство участниц, несмотря на переживаемые трудности, продолжают выполнять привычные семейные и социальные роли и сохраняют ощущение возможности влиять на происходящие события.

Наименьшие отличия от нормативных значений выявлены по шкале «принятие риска» (13,41±5,37 против 13,91±4,39), что может свидетель-

ствовать о сохранении готовности адаптироваться к изменившимся жизненным обстоятельствам.

В целом полученные данные указывают на тенденцию к снижению общей жизнестойкости преимущественно за счет компонента вовлеченности, при относительной сохранности контроля и принятия риска, выступающих важными личностными ресурсами психологической адаптации.

Изучение результатов опросника способов совладания показало, что в исследуемой группе отсутствует доминирование какой-либо одной копинг-стратегии. Наиболее высокие средние значения получены по шкалам «Бегство–избегание» (13,55±4,19), «Самоконтроль» (13,48±2,88) и «Положительная переоценка» (13,05±4,00), соответствующим высокому уровню напряженности. Это позволяет говорить о сочетании конструктивных и защитных способов совладания со стрессом.

Высокая выраженность самоконтроля и положительной переоценки свидетельствует о стремлении женщин сохранять эмоциональную устойчивость, выполнять привычные семейные и социальные обязанности, находить смысл происходящего и использовать внутренние ресурсы для преодоления трудностей. Наряду с этим высокие показатели по шкале «Бегство–избегание» указывают на сохранение значительного эмоционального напряжения и использование психологических защит в условиях длительной неопределенности.

Для остальных копинг-стратегий характерен средний уровень выраженности. Показатели поиска социальной поддержки (10,59±3,39) и планирования решения проблемы (11,11±3,57) свидетельствуют о сохранении готовности обращаться за помощью и искать конструктивные способы преодоления трудностей. Наименее выраженной оказалась стратегия принятия ответственности (6,98±2,71), что представляется закономерным в ситуации, значительная часть которой объективно не зависит от действий самих женщин.

Таким образом, структура совладающего поведения исследуемой группы отражает стремление сохранять эмоциональное равновесие, переосмысливать происходящие события и одновременно использовать защитные механизмы для снижения интенсивности переживаний.

Проведенное исследование позволило выявить особенности психологической адаптации матерей и супруг участников специальной военной операции. Полученные результаты показывают, что длительное пребывание в ситуации неопределенности сопровождается высокой эмоциональной нагрузкой, однако не исключает сохранения адаптационных возможностей личности.

Для исследуемой группы характерно сочетание выраженных эмоциональных переживаний с использованием разнообразных личностных, семейных и социальных ресурсов. Ведущую роль в поддержании психологической адаптации играют поддержка близких, родительская роль, духовные ценности, а также использование различных копинг-стратегий, позво-

ляющих сохранять эмоциональное равновесие, находить смысл происходящего и снижать интенсивность переживаний.

Полученные данные расширяют представления об особенностях психологической адаптации членов семей участников СВО и могут быть использованы при разработке программ психологического сопровождения, направленных на укрепление личностных ресурсов и профилактику эмоционального истощения.

Литература

1. Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М. : ПЕР СЭ, 2006. 528 с.

2. Бобровская Е. Ф. Стресс и копинг-тест Р. Лазаруса и С. Фолкман // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 7. С. 48–51.

3. Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения. Кострома : Авантитул, 2004. 343 с.

4. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006. 63 с.

5. Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93–112.

Psychological Adaptation of Family Members of Special Military Operation Participants under Long-Term Stress

N. V. Barankova

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude)

Abstract. The article presents the results of a study of the psychological adaptation of mothers and spouses of participants in a special military operation under conditions of prolonged stress. The purpose of the study was to examine the emotional state, resilience, and coping strategies of family members of participants in the special military operation. The study used an author's questionnaire, the Lazarus Coping Scale (adapted by T. L. Kryukova), and the Resilience Scale by D. A. Leontiev and E. I. Rasskazova. The data obtained showed that, despite the high emotional stress, most of the participants maintain psychological adaptation due to a combination of personal, family, social, and spiritual resources, as well as the use of various coping strategies. The practical significance of the study lies in the possibility of applying its results in the development of programs for psychological support of family members of participants in the special military operation.

Keywords: psychological adaptation, prolonged stress, families of participants in the special military operation, coping strategies, resilience, psychological stability, stress, psychological assistance, coping behavior, emotional state.

Психолого-реабилитационный потенциал Байкала в восстановлении психологического здоровья детей с социальной дезадаптацией

А. Д. Радкова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматривается потенциал природных ресурсов Байкальской территории как фактора восстановления психологического здоровья детей с социальной дезадаптацией. Цель исследования – выявить возможности экологически-ориентированных программ, реализуемых на территории Байкала.

Ключевые слова: социальная дезадаптация, дети, реабилитация, психологическое здоровье, природные ресурсы.

В современных условиях проблема сохранения психологического здоровья детей и подростков приобретает особую актуальность. К проявлениям дезадаптации относятся повышенная тревожность, агрессивность, эмоциональная нестабильность, нарушения коммуникативной сферы и снижение социальной активности. Согласно исследованиям отечественных психологов, данные факторы негативно влияют на процессы социализации и препятствуют полноценному личностному развитию ребенка. Увеличение числа несовершеннолетних, испытывающих трудности социальной адаптации, эмоциональные нарушения и дефицит позитивных социальных контактов, требует поиска новых реабилитационных ресурсов. Одним из перспективных направлений является использование потенциала природных территорий, способствующих психологическому восстановлению личности.

Байкал представляет собой не только уникальный природный объект, но и особую экологическую среду, обладающую значительным психолого-реабилитационным потенциалом. Природные ландшафты, экологическая чистота территории, возможность включения детей в природоохранную деятельность создают благоприятные условия для восстановления эмоционального благополучия и формирования адаптивных моделей поведения.

Многие авторы в своих научных исследованиях подчеркивают положительное влияние природной среды на психическое состояние человека, указывают на способность природных ландшафтов снижать психическое напряжение и способствовать восстановлению когнитивных ресурсов.

Для детей с признаками социальной дезадаптации особое значение в процессе реабилитации имеют формы деятельности, предполагающие включенность в коллективную общественно полезную деятельность. Экологические акции, волонтерские проекты, природоохранные мероприятия и исследовательская работа позволяют формировать чувство принадлежности к группе, развивать ответственность и повышать самооценку.

Для того чтобы выявить потенциал природных ресурсов Байкала и уровень их влияния на реабилитацию при социальной дезадаптации, автором статьи был проведен контент-анализ.

В процессе проведения контент-анализа были изучены наиболее значимые экологические и образовательные проекты Байкальского региона, ориентированные на участие детей и подростков. Анализу подвергались материалы официальных сайтов организаций, отчеты о реализации программ, публикации в средствах массовой информации, методические материалы и научные статьи.

В число исследуемых материалов вошли:

– проект Байкальского музея Сибирского отделения Российской академии наук, включающий детские образовательные площадки и экологические акции;

– эколого-просветительские проекты межрегиональной общественной организации «Большая Байкальская тропа», которые предусматривают участие подростков в волонтерских природоохранных мероприятиях по обустройству экологических маршрутов;

– материалы Байкальского государственного природного биосферного заповедника, посвященные экологическому просвещению школьников, проведению полевых практик и природоохранных смен;

– программы ФГБУ «Заповедное Подлеморье», реализуемые на территориях Забайкальского национального парка и Баргузинского заповедника, направленные на вовлечение детей в исследовательскую и экологическую деятельность;

– проекты Ассоциации «Защитники Байкала», включающие молодежное экологическое волонтерство, участие в природоохранных акциях и экологическом мониторинге;

– материалы программ ФГБУ «Заповедное Прибайкалье» по экологическому просвещению детей.

– публикации о развитии детского экологического туризма на острове Ольхон, в Прибайкальском национальном парке и на территории Байкальской природной территории;

– научные публикации, посвященные влиянию природной среды Байкала на развитие личности детей и подростков, их экологическое воспитание и социальную адаптацию;

– программы детских экологических лагерей и ряд других материалов.

Наиболее значимыми для исследования оказались материалы проектов «Большая Байкальская тропа», образовательных программ Байкальского биосферного заповедника и волонтерских инициатив Ассоциации «Защитники Байкала». В указанных проектах наиболее полно отражены результаты участия детей в коллективной экологической деятельности, описаны изменения в их коммуникативном поведении, уровне социальной активности и эмоциональном состоянии.

Единицей анализа выступали упоминания психолого-педагогических эффектов участия детей в экологических программах. В результате были выявлены следующие положения. Наиболее часто в материалах встречаются упоминания, представленные в таблице.

Таблица

Эффект	Частота упоминаний
Улучшение социальной адаптации	85
Развитие коммуникативных навыков	62
Снижение тревожности и эмоционального напряжения	79
Формирование экологического сознания	58
Саморегуляция	54

Данные свидетельствуют о том, что участие детей в экологических программах связано не только с образовательными результатами, но и с выраженным психолого-реабилитационным эффектом.

Особое значение имеют практики коллективной деятельности: экологические экспедиции, уборка природных территорий, наблюдение за природными объектами и участие в просветительских мероприятиях. Такие формы работы позволяют детям получить опыт социально одобряемого поведения и почувствовать собственную значимость в решении общественно полезных задач.

Таким образом, результаты исследования подтверждают положение о том, что природные ресурсы Байкала могут оказывать значительное влияние на восстановление психологического здоровья несовершеннолетних.

Для детей с социальной дезадаптацией характерны трудности межличностного взаимодействия, низкий уровень саморегуляции и повышенная тревожность. Включение таких детей в экологически ориентированную деятельность позволяет создать благоприятную среду для формирования новых социальных связей и позитивного опыта взаимодействия с окружающим миром.

Кроме того, Байкал обладает высоким символическим значением как объект национального природного наследия. Осознание причастности к сохранению уникальной экосистемы способствует формированию гражданской ответственности и укреплению социальной идентичности. Полученные результаты позволяют рекомендовать расширение практик экологической реабилитации на Байкале для детей группы риска.

Литература

1. Байкальский государственный природный биосферный заповедник : [сайт]. Республика Бурятия, 2026. URL: https://baikalzapovednik.ru/ecopros

2. Большая Байкальская тропа : [сайт]. Иркутск, 2003. URL: https://greatbaikaltrail. org/.

3. Гиенко Л. Н. Психолого-педагогическая профилактика девиантного поведения. Барнаул : Изд-во ФГБОУ ВО «АлтГПУ», 2020. С. 39–43.

4. Карнышев А. Д. Байкалотерапия. Ресурсы природы для психологического здоровья. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2023. 323 с.

5. Семенова К. Г. Социально-психологическая дезадаптация подростков: типология и взаимосвязь с системой ценностных ориентаций // Вестник практической психологии образования. 2024. № 1. С. 111–124. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2024_n1/Semenova.

6. Здоровье как индикатор качества жизни и субъективного благополучия детей и молодежи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ / С. Ю. Трапицын [и др.] // АиС. 2023. № 50. С. 1–23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovie-kak-indikator-kachestva-zhizni-isubektivnogo-blagopoluchiya-detey-i-molodyozhi-korennyh-malochislennyh-narodov-severa.

7. ФГБУ «Заповедное Прибайкалье» : [сайт]. URL: https://baikal-1.ru/about/organisation/.

8. Фонд озеро Байкал : [сайт]. URL: https://baikalfoundation.ru/.

The psychological and rehabilitation potential of Lake Baikal in restoring the psychological health of children with social maladjustment

A. D. Radkova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This article examines the potential of the natural resources of Lake Baikal as a factor in restoring the psychological health of children with social maladjustment. The author aimed to identify the potential of environmentally oriented programs implemented in Lake Baikal.

Keywords: social maladjustment, children, rehabilitation, psychological health, natural resources.

Изменения межнациональных отношений в стране и регионе глазами жителей Иркутской области: эффект СВО

О. А. Карнышева
Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматривается проблема межнациональных отношений в стране и регионе глазами жителей Иркутской области. Представлены основные результаты проведенного в 2026 г. исследования, которые сравниваются с результатами предыдущих исследований на данную проблематику начиная с 2016 г., задолго до начала СВО. Отмечается, что в настоящий момент большинство жителей региона оценивает межнациональные отношения как «нормальные, терпимые». Однако с 2016 по 2026 г. выросло количество и тех, кто определяет существующие отношения как «конфликтные, тревожные». Не последнюю роль в этом сыграла СВО и связанная с ней культивируемая В. Зеленским и руководителями западных стран русофобия.

Ключевые слова: СВО, межнациональные отношения, этнические конфликты, ксенофобия, жители Иркутской области.

Тема межнациональных отношений была актуальна всегда, но особо она стала звучать и изучаться в последние годы в связи с возрождением национальной самобытности, ростом интереса к специфике национальных

культур. С одной стороны – это позитивное явление, поскольку позволяет видеть и понимать своеобразие каждой культуры, привлекает внимание к разнообразию, формирует толерантное отношение к уникальности разных народов, а с другой – такое излишнее внимание, подкрепленное правовыми нормами, финансовой поддержкой и различными льготами и послаблениями приводят, в том числе, и к росту национального этноцентризма, когда подчеркивается заниженное положение или акцентируется прошлое невнимание и безразличие, а то и насилие, по отношению к определенной народности (попирание прав, ограничение ее в свободе проявления и т. п.). Балансирование между этими двумя крайностями – сложная задача, но ее необходимо решать в таком многонациональном обществе, как российское.

На протяжении последних лет мы в своих исследованиях регулярно возвращаемся к этому вопросу. И если говорить о динамике межнациональных отношений в стране и регионе, то начиная с 2016 г., когда мы провели свое первое исследование на эту тему, отмечается снижение респондентов, оценивающих сложившиеся отношения как нормальные, терпимые (с 59,3 % в 2016 г. до 53 % в 2026 г.) и увеличивается количество людей, которые характеризуют эти отношения как конфликтные, тревожные (с 11,2 % в 2016 г. до 16 % в 2026 г.) (см. табл.). Как хорошие, способствующие межнациональному согласию межнациональные отношения в стране и регионе характеризует примерно четверть респондентов (в 2016 г. – 22,8 %, а в 2026 г. – 27 %). Таким образом, в настоящее время подавляющее большинство респондентов оценивает их как нормальные, терпимые.

Таблица

Оценка межнациональных отношений, которые в целом сложились в вашей стране и в регионе, где Вы проживаете

Характеристика межнациональных отношений	Ответы респондентов в 2016 г. (в %) (n = 600 чел.)	Ответы респондентов в 2018 г. (в %) (n = 806 чел.)	Ответы респондентов в 2026 г. (в %) (n = 334 чел.)
1. Хорошие, способствующие межнациональному согласию	22,8	32,6	27
2. Нормальные, терпимые	59,3	55,7	53
3. Конфликтные, тревожные	11,2	6,9	16
4. Взрывоопасные, грозящие перейти в открытый конфликт	0,8	0,4	1
5. Затрудняюсь ответить	1,3	4,3	4

Наглядно данные результаты представлены на рис. 1.

Обширные миграционные процессы по логике должны были бы привести к смешению представителей разных культур, к унификации национальных особенностей, стиранию различий между народами. Но наблюдая на протяжении последних лет этот процесс можно отметить, что не все так однозначно. В такой ситуации в отдельных народах наоборот обостряется желание сохранить себя и свою идентичность. А в массовом сознании растет интерес как раз к особым аутэнтичным культурам. В этом с нами соли-

дарны наши респонденты. Результаты исследований демонстрируют, что с 2015 г. к текущему году снизилось количество людей, считающих, что в условиях глобализма произойдет унификация всех наций и народов: с 24 % до 11 %. При этом большинство респондентов согласно и в том, что при слиянии, смешивании представителей разных культур, при их сближении в разных вопросах, все-равно будут наблюдаться определенные различия, поскольку каждый народ будет отстаивать свою самобытность и уникальность. В 2015 г. так считали 47 %, а в 2026 г – уже 64 %.

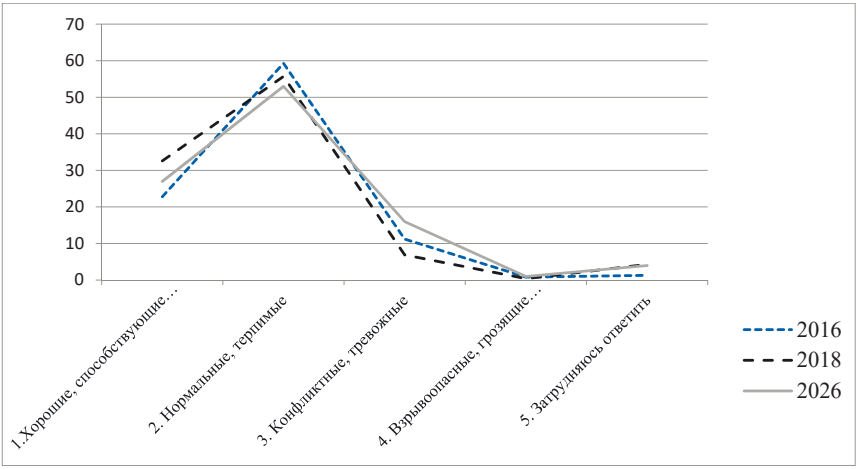

Рис. 1. Оценка респондентами межнациональных отношений в стране и в регионе в разные года

Нам, естественно, важно определить основной перечень факторов, негативно влияющих на межнациональные отношения в стране и регионе. Мы задали своим респондентам этот вопрос с возможностью выбрать 2–3 наиболее значимых на их взгляд фактора из предложенных. Данный вопрос мы задавали и в предыдущих своих исследованиях. Интересно оценить динамику в ответах респондентов, произошедшую с 2016 по 2026 г. (рис. 2).

Среди предложенного списка вероятностных причин ухудшения межнациональных отношений наши респонденты на первое место поставили «действия политиков некоторых стран». Причем именно этот вариант лидирует с 2018 г., когда впервые мы задали подобный вопрос. Он же был на первом месте и в 2023 г. Это свидетельствует о том, что межнациональные конфликты нашими респондентами зачастую рассматриваются как способ решения определенных политических и экономических задач. Начиная с 2022 г. это обусловлено в первую очередь проводимой нашей страной специальной военной операцией на Украине и негативным отношением к ней правительств западных стран, которые в связи с СВО нагнетают русофобию в своих государствах.

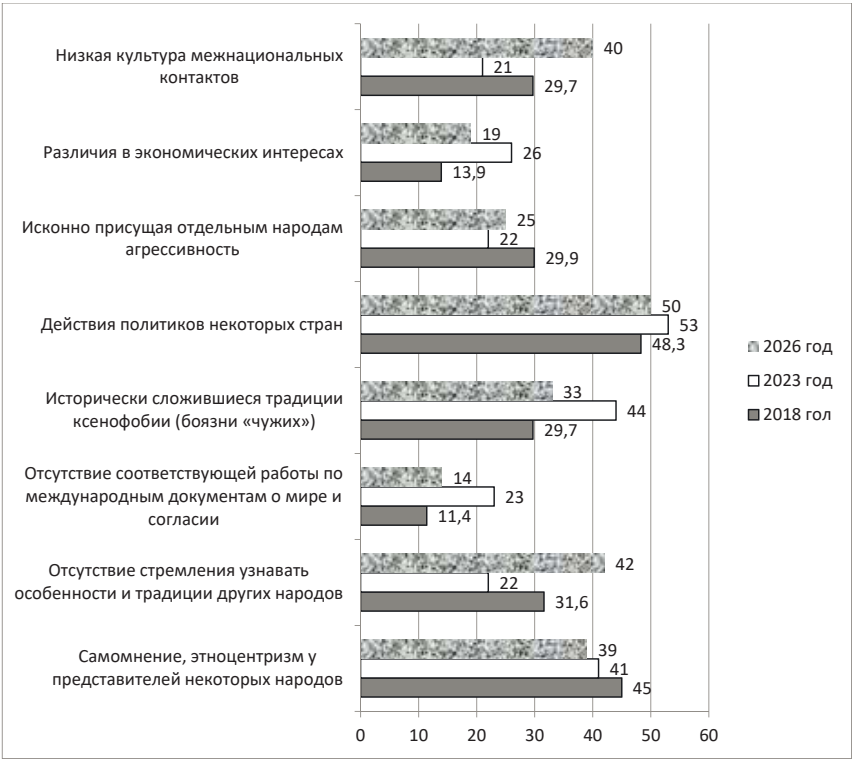

Рис. 2. Динамика оценки респондентами разных причин ухудшения межнациональных отношений в стране и в регионе (по годам)

На второй позиции среди причин ухудшения межнациональных отношений в этом году было названо «отсутствие стремления узнавать особенности и традиции других народов». Примечательно, что в предыдущие года этот фактор не был столь значим с точки зрения опрашиваемых. В 2018 г. он был на третьем месте, а в 2023 г. и вовсе занимал 6–7-ю позицию в перечне причин. Зачастую именно отсутствие стремления узнавать традиции народов, приводит к появлению и формированию новых негативных стереотипов в восприятии. Например, распространенный сейчас стереотип русофобии, который определяет многие реакции людей.

Низкая культура межнациональных контактов вышла на третье место в перечне. Значение ее с каждым годом, по мнению опрошенных, росло и росло, сейчас ее выделяют 40 % респондентов. Это подчеркивает значимость уникальных традиций для каждого народа и необходимость их учитывать в любом межкультурном взаимодействии, уважительно относится к этому.

Самомнение и этноцентризм у представителей отдельных народов как источник ухудшения межнациональных отношений сохраняет свои по-

зиции в лидерах в течение всех трех исследований. Его в качестве причины выделяет в 2026 г. 39 % опрошенных.

Значимой, по мнению наших опрашиваемых, остается ксенофобия, как привычная обществу, исторически сложившаяся традиция боязни чужих.

Еще четверть респондентов в качестве источника нарушения межнациональных отношений называют присущую некоторым народам агрессивность (таких в 2026 г. 25 %).

Различия в экономических интересах отмечают 19 % опрашиваемых.

Правовой аспект выделяют лишь 14 % респондентов, отмечая в качестве источника – отсутствие соответствующей работы по международным документам о мире и согласии. Если смотреть по годам, то данная причина то усиливает свою роль, то снижает. Ее рост отмечался в 2023 г.

Таким образом, можно говорить о том, что основные факторы, негативно влияющие на межнациональные отношения в стране и регионе, сохраняют свои позиции на протяжении этих восьми лет. Безусловное лидерство у действий политиков разных стран. Этот фактор в качестве причины ухудшения межнациональных отношений выделяет половина опрашиваемых. Но есть и факторы, имеющие преимущественно психологическую природу. А потому учет их в межнациональном взаимодействии может способствовать улучшению и оптимизации межнациональных отношений в стране и регионе.

Литература

1. Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Ресурсы личности и межэтнического взаимодействия в многополярном мире : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2025. 191 с.

2. Карнышев А. Д., Карнышева О. А. Экономическая этнопсихология о сути и динамике национальной предубежденности и ксенофобии (восточные и западные тенденции) // Социальная и экономическая психология. 2023. Т. 8, № 1 (29). С. 220–246. DOI: 10.38098/ipran. sep_2023_29_1_08

3. Ксенофобия: этнопсихологические истоки и ресурсы преодоления в многополярном мире / А. Д. Карнышев, Н. В. Грицких, Е. А. Иванова, О. А. Карнышева, Е. В. Решетникова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. 255 с.

Changes in interethnic relations in the country and region, as seen through the eyes of residents of the Irkutsk Region: the impact of the special military operation

O. A. Karnysheva
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the issue of interethnic relations in the country and the region from the perspective of residents of the Irkutsk Oblast. The main results of the study conducted in 2026 are presented. The obtained results are compared with the results of previous studies on this topic, starting from 2016, long before the start of the special military operation. Currently, most residents of the region assess interethnic relations as “normal and tolerable. ” However, in the period from 2016 to 2026, the number of those who define existing relationships as «conflictual, disturbing» is also growing. Russophobia, which was cultivated by V. Zelensky and the leaders of Western countries, played an important role in this.

Keywords: SVO, interethnic relations, ethnic conflicts, xenophobia, residents of the Irkutsk region.

РАЗДЕЛ 3

ЭКОСООБЩЕСТВА И ЭКОТЕРРИТОРИИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Экоусловия городского развития

Е. В. Палащенко

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматриваются процессы экогородского развития. Анализируются основы и ограничения «зеленой экономики», перспективы цифровизации и технологизации «умных городов» и формирования экоусловий городского развития. Обозначаются проблемные зоны и возможные варианты изменения экоповестки развития экотерриторий.

Ключевые слова: социально-экологические проблемы, городское развитие, экоусловия, экотерритория, экологическое сознание.

Интенсивное развитие общества во многом происходит из-за технического прогресса и инфраструктурного развития городов. Это стало основой социально-технического изменения общественного уклада городов, при этом «экологические вопросы» городского развития отодвигались на задний план. В результате чего, формировались «какотопии» (П. Геддес) – дурные места, разрушающие здоровье человека и лучшее в человеческой природе) [8]. Если нет экологического баланса или экологических условий социального развития, то говорить о комфортном проживании и личной реализации в социально-профессиональном контексте не приходится.

Если экологический кризис городов 18–19 веков был вызван проблемами гигиены и решался инструментами социальной политики, то кризис конца 20-начала 21 веков консолидировал риски для человека и общества через информационные, радиационные, технические и другие проблемные зоны, напрямую связанные с экологическими проблемами.

В рамках социальной экологии, изучаются и регулируются особенности взаимодействия различных социальных сообществ (Р. Парк) через естественную и социальную среды их развития [9]. Эти процессы создают выделенную локацию (экотерриторию), где фокусируются основные эколого-ресурсные проблемные ситуации и формируются стратегии их решения [7; 11].

В этих условиях развиваются особенности отношения и оценки экологической составляющей со стороны личности, социальных групп, определяющие роль и механизмы воздействия экономики и политики, культуры и морали, психологии и демографии на социально-экологическую среду человека в экопространстве города. Формируются стратегии экологического мышления и экологического патриотизма [2; 6]. Это приводит к учету внешних и внутренних особенностей для экопространства городов выступает основополагающим, для стабильного развития территорий.

Экологический контекст развития повседневных условий жизни и стратегических ориентиров моделирования экотерриторий становится ключевым в формировании повестки будущего во всем мире. Он может касаться как формальных вопросов экологического состояния городского пространства (загрязнения воздуха, воды, почвы; разнообразные излучения

(радиационное, электромагнитное); бактериологическое), так и социально-экологических процессов общественного развития (демографического здоровья, численности половозрастной структуры, плотности проживания; техногенные нагрузки на города и проч.). Это касается как городов, строящихся вокруг промышленных производств, так и городов, которые самим инфраструктурным контекстом своего развития усиливают эконагрузку.

Результатом этого становится снижение качества природной среды горожан, ограниченные возможности для удовлетворения своих экопотребностей, общего ухудшения качества жизни. А также формируется уменьшение естественного демографического воспроизводства, ухудшении генофонда, росте экологически зависимых заболеваний.

Ответом на это стали разнообразные социально-экологические программы городов и государств (в контексте устойчивого и не устойчивого развития), а также развитие протестных настроений граждан (экопротесты по всему миру становятся инструментом изменения социальной политики). Изменение экологического мышления выступает важной, но пока не доминирующей чертой современников, так как экономические интересы и политические стратегии зачастую более приоритетны, чем экостратегические варианты изменения социального развития экотерриторий.

Мы стоим на пороге очередной информационно-технической экологически формируемой революции, которая может стать новой вехой социального прогресса. Например, внедрение роботизированной гуманизированной техники, отвечающей требованиям комфортной среды обитания граждан. Разнообразные концепции «умных городов» [3–5], включая свои достоинства и риски, являются основой для социально-экологического техногенно-цифрового развития экотерриторий (предлагая в качестве продукта – не производство чего-то материального, а формирование социального капитала жителей городов). Экотерритории в контексте новых условий социально-экологического развития становятся стратегиями социального моделирования, так как современные «умные города» могут только включать «пожелания» граждан в отношении экологических вопросов, но не реально изменять экосреду (из-за влияния экономических выгод тех, кто организует функционирование нового типа городского развития).

То, что в городском пространстве усиливается интерес к экологической тематике – уже выступает платформой для изменения экологического мышления и поведения, как рядовых граждан, так и тех, кто регулирует социально-экологические особенности экотерриториального развития [10]. А также может говорить о формировании новых интересов для бизнеса и корпораций [1].

Экологические интересы закрепляются на бытовом уровне в семье, в повседневных профессиональных практиках, в целом в организации социально-экологической инфраструктуры городов. Это формирует экологические представлений и ценности качества городской жизни, что определяет экологическую культуру и экологическое поведение горожан.

Социальная ответственность за экологическое будущее городов лежит как на рядовых гражданах, так и на представителях власти. Этот союз позволяет решать вопросы:

- социально-экологической стратегии городского развития;
- экологической основы социального капитала жителей экогородов;
- формования экопрактик повседневного поведения, которые строятся на экологическом сознании, экологической культуре и экологическом поведении жителей городов;
- внедрения цифровых возможностей в экоповестку регулирования городской инфраструктуры;
- воспроизводство экостратегического мышления, как рядовых жителей, так и представителей власти и т. д.

В мировой практике так называемая зеленая экономика становится трендом социально-экономического развития и может стать основой экономического регулирования положения российских городов, так как предлагает альтернативные технологии для обеспечения стабильной в техническом плане и экологически безопасной основы общественного прогресса (переход от атомной к солнечной или ветровой энергии; внедрение новых технологий очистки воды и почвы и проч.). Но при этом «зеленая экономика» не затрагивает рыночную конкуренцию, экономическую и экологическую систему социального неравенства, существуют пробелы в формировании и регулировании норм социально-экологического развития и т. д.

Как показывает опыт, внедрение «зеленых технологий» не является универсальной панацеей, поэтому не может служить основой для самостоятельного воспроизводства экотехнологий. Сегодня технологизация и цифровизация, усиленные гуманистическими идеями, могут стать толчком к новым контекстам. Идеи «зеленой экономики» могут стать каркасом социально-экологического моделирования новых экотерриториальных проектов.

Экологические риски не уменьшаются, а приобретают новые формы и особенности развития. Поэтому экотерритории находятся в прямой зависимости, как от глобальных, так и от локальных рисков. Поэтому, необходимо создавать условия для экологических предпосылок социального развития.

Таким образом, экономика городского развития должна быть экологичной. Без этой установки говорить о развитии экогородов проблематично.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Экологические катастрофы: конспирологические теории // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 17–21.

2. Баев П. А. Экологический патриотизм в системе ценностных установок молодежи // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 122–126.

3. Журавлева И. А. «Умные города»: ожидания и страхи горожан // Социология. 2019. № 1. С. 124–129.

4. Журавлева И. А. Комфортная городская среда г. Иркутск в оценках жителей // Социология. 2025. № 8. С. 21–30.

5. Журавлева И. А. Программа «Безопасный город» в современном муниципальном управлении // Урбанистика. 2018. № 4. С. 55–62.

6. Иванов Р. В. Проблемы формирования экологического сознания как основы патриотизма на территории Байкальского экорегиона // Социология. 2024. № 11. С. 40–44.

7. Киприянова М. А., Смольников С. Н. Социально-экономическая повестка современного города // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2022. № 4. С. 104–116.

8. Николаев В. Г. Патрик Геддес: у истоков социологии города и городских исследований // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология. 2021. № 4. С. 164–180. DOI: 10.31249/rsoc/2021.04.10

9. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 3–12.

10. Полюшкевич О. А. Корпоративная экологическая ответственность – основа развития экорегиона // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 21–29.

11. Сычев А. А. Моральные измерения экологического следа // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 48–55.

Eco-conditions of urban development

E. V. Palashchenko
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This article examines the processes of eco-urban development. It analyzes the foundations and limitations of the “green economy,” the prospects for digitalization and technologization of “smart cities,” and the formation of eco-conditions for urban development. The study identifies problem areas and possible options for changing the eco-agenda for the development of eco-territories.

Keywords: socio-environmental issues, urban development, eco-conditions, eco-territory, environmental awareness.

Экологичность города Иркутска: проблемы и перспективы

Е. В. Гольцова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Отмечается, что проблема экологичности городской среды относится к наиболее актуальным проблемам современной социальной науки, а социология и социальная экология города являются главными научными инструментами в данном направлении. Представлены результаты авторского исследования состояния и причин изменения поселенческой среды на примере г. Иркутска. Делаются выводы, направленные на формирование экологичности городской среды вообще и среды Иркутска в частности.

Ключевые слова: экологичность, экосистема, город, городская среда, человекоразмерность, демографическое развитие.

Термин «экологичность» в широком понимании означает бережное отношение к окружающей среде, а также совокупность действий и принципов, направленных на минимизацию негативного воздействия человека на среду своего непосредственного проживания. Данная тема затрагивается в авторских публикациях методологического и прикладного характера: «Экологичность городской среды в аспекте человекоразмерности», в которой предлагается методика оценки отдельных уровней и факторов поселенческой среды в контексте влияния на демографические установки населения [1], «Методика экспертного анализа состояния поселенческой среды» и «Исследование социальной среды с точки зрения человеческого измерения» [2; 3]. Проблема психологического комфорта городской среды с позиции экологической психологии представлена в статьях «Экологичность городской среды как фактор психологического комфорта горожан», [5] и «Представления студенческой молодежи о комфортности городской среды» [6].

Объектом исследования выступает городская среда как совокупность факторов, образующих среду жизни людей. Предметом – экологичность городской среды как основа ее человекоразмерности и комфортности жизни горожан. Целью исследования является оценка состояния городской среды, направленная на оптимизацию социально-экологического взаимодействия и формирования условий, необходимых для развития города.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение: состояние поселенческой среды г. Иркутска в последние десятилетия влияет на демографическое неблагополучие, проявляющееся в низкой рождаемости, высокой смертности и постоянном оттоке населения (в основном молодого). Необходимым условием развития городской среды является формирование ее человекоразмерности и улучшение условий жизнедеятельности жителей города. Постановка проблемы исследования экологичности городской среды связана с поиском ответов на вопросы:

- что делать, чтобы люди не уезжали из города?

- что делать, чтобы горожане рожали детей?
- что делать, чтобы горожане дольше жили?

Актуальность исследования подтверждается результатами анонимного рекогносцировочного опроса населения через ресурсы интернета, проведенного в 2025 г. на платформе социальной сети «ВКонтакте» с оценкой по 5-балльной шкале. Использованная выборка составила 105 чел. Основной вопрос, заданный респондентам сформулирован следующим образом: «*Как вы оцениваете экологическое состояние города Иркутска по 5-балльной шкале?*». Результаты опроса показали, что около 2/3 участников оценили экологическое состояние городской среды на удовлетворительно, указав, что есть факторы, существенно ухудшающие городскую среду и снижающие ее качество (60,95 %, или 64 голоса). Чуть больше четверти участников оценили городскую среду на «хорошо», отметив, что их устраивает экологическая ситуация, но некоторые моменты незначительно омрачают жизнь (27,62 %, или 29 голосов). Неудовлетворительное экологическое состояние городской среды дискомфортные условия жизни отметили 11,43 % участников (12 голосов). Отличную оценку, как совсем плохую не поставил никто.

В ходе данного опроса респондентам также предлагалось ответить на дополнительные открытые вопросы:

- Что конкретно беспокоит вас в экологическом состоянии нашего города?
- Что, по вашему мнению, требует улучшения в первую очередь?

Ниже приведены ответы горожан на поставленные вопросы, которые многое говорят об экологическом состоянии городской среды:

- *Который год у нас проблема с разрешенными местами для купания. В водоемах много мусора на грунте. И это проблема не решается годами.*
- *Бесконтрольная вырубка лесов вокруг города, загрязнение всех рек. Микробиология вообще никуда не годится. Нет ни одного пляжа для купания. Парковки машин возле домов с прогревом их ночами.*
- *Из года в год обращаешь свое внимание на насаждения, даже в пределах Академгородка кусты и деревья находятся в таком убитом и запущенном состоянии, что лишний раз не хочется прогуливаться по вечерам.*
- *Вообще в городе проблемы с транспортом. Из-за многих причин образуются заторы, машины у людей часто уже старые (как и у меня), автобусы все дымят как локомотивы, рядом ехать невозможно. Нужно развивать общественный транспорт и снижать частоту использования личного транспорта.*
- *Необходимо задуматься над озеленением улиц. Давно уже вырубают деревья, ради расширения дорог или из-за того, что деревья старые.*
- *Используют асфальт вместо плитки на тротуарах. Это негативно влияет на комфорт, формирует «остров» тепла над городом.*

• *Состояние мест для складирования мусора (мусорные баки) не выдерживают никакой критики, особенно в летнее время, когда к наваленным рядом с баками кучами мусора добавляется еще вонь.*

• *Порядок на ангарских набережных поддерживается лишь местами, а в основном «бардак»... Даже в парке «Поляна» в пределах зоны отдыха порядок поддерживается, ниже по течению все в мусоре и грязи. Обидно... и так во всем.*

• *Понятие «раздельного сбора мусора» отсутствует полностью. Зато есть «федеральный оператор».*

• *Что касается озеленения, то если сравнить нынешние фотографии города с фотографиями сорокалетней давности, то видно, как много было тогда деревьев. Сейчас почти ничего не осталось.*

Авторская концепция городской среды представляет понятие «экологичность» как соответствие городской (поселенческой) среды нормам экологии, отсутствие вредного влияния на природу, и использование технологий, минимизирующих негативное воздействие на компоненты окружающей среды в основных сферах городского хозяйства: в транспорте, тепло- и водоснабжении, утилизации отходов, а также благоустройстве городского пространства. Такой подход к определению экологичности городской среды направлен на учет ее сложной, многокомпонентной специфики, а также отношения населения к оценке ее качества. Известно, что даже самые современные технологии использования биоразлагаемых материалов или сокращения выбросов не гарантируют экологичности городской среды без повышения образовательного и культурного уровня и формирования правовых ориентиров и установок населения на экологичное поведение. Поэтому важнейшей проблемой является экспертиза качества городской среды, для которой необходима единая методика, программа которой должна включать объективные и субъективные оценки. Критерии оценки были разработаны нами в 2022 г. (табл.).

Таблица

Критерии оценки составляющих городской среды

№ П№	Факторы среды	Объективная оценка	Субъективная оценка
11	Жилищные условия	Размер жилой площади	Удовлетворенность качеством жилья
22	Экономические условия	Уровень дохода	Удовлетворенность уровнем дохода
33	Трудовая среда	Наличие работы или вакансий	Комфортность условий труда.
44	Образовательная среда	Наличие образовательных учреждений	Удовлетворенность качеством образования
55	Правовая среда	Законодательная и структура и уровень преступности	Уверенность в завтрашнем дне и защищенность своих прав.
66	Информационная среда	Доступ к информации, и интернет-ресурсам	Содержание и эмоциональная окраска информации

Окончание табл.

№ П№	Факторы среды	Объективная оценка	Субъективная оценка
77	Пространственная организация среды	Транспортная сеть и доступность инфраструктуры	Удобство и комфортность пространственной организации
88	Культурная среда	Наличие учреждений и мероприятий культуры	Возможность выбора в соответствии с индивидуальными культурными запросами
99	Политическая среда	Реализация избирательных прав и доступность властной и политической элиты	Уровень доверия/недоверия властям, удовлетворенность или недовольство их работой
110	Среда отдыха и здоровья	Наличие и доступность медицинской и профилактической инфраструктуры	Удовлетворенность качеством медицинских, и профилактических услуг

Объективные оценки даются на основе анализа статистических материалов и отчетов о социально-экономической ситуации, включающих показатели уровня жизни, образования, здравоохранения и так далее. К субъективным оценкам традиционно относятся опросы населения и экспертов, фокус-групповые методики, а также интервью. Ключевой вопрос, интересующий нас в рамках данного исследования, заключался в поиске путей повышения экологичности городской среды и улучшения условий проживания в ней, а ключевыми дефинициями исследования являются э*кологичность* и *человекоразмерность городской среды* [4].

Это, например, расположение районов и их величина, наличие транспортных коммуникаций и инфраструктуры, наличие и доступность рекреационных ресурсов и так далее. Если составляющие городской среды благоприятны для ее обитателей и удовлетворяют их основным запросам, то такая среда является человекоразмерной, т. е., соразмерной человеку и его потребностям. При этом общая характеристика системы не сводятся к простой сумме свойств составляющих ее элементов. Как и любая система, городская среда имеет горизонтальную и вертикальную структуру, включающую многочисленные элементы, экологически благоприятные или неблагоприятные для населения. В качестве критериев оценки использована балльная оценка человекоразмерности, которая отражает представления горожан в диапазоне от «полностью удовлетворяет» (5 баллов) до «совсем не удовлетворяет» (1 балл).

Таким образом, можно сделать выводы о том, что есть много негативных факторов, степень влияния которых сложно оценить с помощью одного опроса. Для оценки перспектив улучшения качества городской среды необходима систематическая многофакторная оценка в формате мониторинга, в которой бы горожане могли не только оценивать текущее состояние среды обитания, но и предлагать меры по улучшению экологического состояния города и формирования его экосистемы. Отдельные составляю-

щие городской среды имеют человекоразмерность – соответствие чаяниям и потребностям человека, его антропофизиологическим и социально-психологическим характеристикам. Если отдельные составляющие среды человекоразмерны, то и вся среда человекоразмерна. При этом общая характеристика системы не должна сводиться к простой сумме свойств составляющих ее элементов, в ней может проявляться синергетический эффект. Критерии человекоразмерности можно сформировать для всех составляющих городской среды:

5 – «полностью удовлетворяет»,

4 – «в основном удовлетворяет»,

3 – «частично удовлетворяет»,

2 – «удовлетворяет в незначительной степени»,

1 – «совсем не удовлетворяет».

Исходя из этик критериев, можно оценить любую составляющую, выяснив степень доступности парковые зоны и удобство для их посещения семей с детьми и граждан с ограниченными возможностями. Проблема транспортной доступности соседствует с проблемой качества дорог и нехватки парковок, что тоже не соответствует потребностям горожан. И здесь, прежде чем что-то строить, нужно изучать мнение горожан. Такой подход применим и к медицине и образованию. Недопустимая ситуация наблюдается в многолетних задержках строительства школ, детских садов, медицинских учреждений. При анализе оценок исследования городской среды, проведенного в 2022 г., только один фактор получил оценку близкую к 4 баллам. Это «наличие театров, музеев, библиотек и возможность их посещения». Наименьшие оценки (близко к 3 баллам) получили несколько факторов: уровень обеспеченности, дохода и его стабильность (3,08 балла), наличие медицинских учреждений, благоприятные экологические условия (3,13 балла), соблюдение и защищенность прав человека, в том числе от преступности (3,18 балла). В целом полученные результаты показывают сдержанные оценки горожанами своей поселенческой среды, как в масштабах города, так и в своем районе, причем оценка среды своего района, как правило, несколько ниже оценки общегородской среды. Перспективы улучшения городской среды могут быть сформулированы на основании приведенных рекомендаций:

- Увеличение уровня дохода населения путем повышения заработной платы, пенсий и пособий, стипендий и прочих выплат.
- Развитие рынка труда, особенно в молодежном сегменте, стимулирование самозанятости социального контракта.
- Развитие сферы здравоохранения, Ликвидация кадрового дефицита врачей и очередей в больницах. Развитие сферы отдыха и оздоровления, улучшение экологических условий городской среды.
- Развитие рынка качественного и доступного жилья, в том числе, молодежной ипотеки. Развитие социального и арендного жилья.

• Развитие непрерывного образования всех уровней. Создание кампусов для студентов вузов и техникумов. Развитие системы дошкольных и школьных учреждений в районах новой застройки.

• Увеличение уровня дохода населения путем повышения заработной платы, пенсий и пособий, стипендий и прочих выплат

Таким образом, разработанная нами методика может быть использована для исследований на региональном уровне, а также рекомендована для применения в других регионах Российской Федерации. Предложенные инструменты могут иметь большую практическую ценность в контексте разработки перспективных программ и мероприятий демографической политики. Главное, что данная методика позволяет соблюсти главный принцип формирования человекоразмерности городской среды, – принцип человекоцентричности.

Литература

1. Гольцова Е. В. Экологичность городской среды в аспекте человекоразмерности. Иркутск. 2022. 379 с.

2. Гольцова Е. В. Методика экспертного анализа состояния поселенческой среды. // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура. 2022. С. 139–141.

3. Гольцова Е. В. Гольцова Е. В. Исследование социальной среды с точки зрения человеческого измерения //Acta Biomedica Scientifica. 2022. Т. 7, № . 2. С. 65–71.

4. Гольцова Е. В. Экологический подход в исследовании демографического поведения населения // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2010. № . 14. С. 146–149.

5. Звездина Г. П., Хачатурян Н. Н. Экологичность городской среды как фактор психологического комфорта горожан // II Международный симпозиум «Единое здоровье». 2019. С. 41.

6. Ширяков Д. С. «Представления студенческой молодежи о комфортности городской среды» // E-Scio. 2023. № . 2 (77). С. 347–351.

Environmental Sustainability of the City of Irkutsk: Challenges and Prospects

E. V. Goltsova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The issue of the environmental sustainability of the urban environment is one of the most pressing topics in contemporary social science, with urban sociology and urban social ecology serving as the primary scientific tools in this field. This article is based on the author's research into the state and drivers of change regarding the settlement environment–using the city of Irkutsk as a case study–and presents conclusions aimed at fostering environmental sustainability in urban environments in general, and in Irkutsk in particular.

Keywords: Environmental sustainability, ecosystem, city, urban environment, human scale, demographic development.

Просоциальная активность в экотерриториях

О. А. Полюшкевич

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматривается ситуация повышения значимости экологической повестки в социальном развитии городов. Показывается востребованность идей экоактивизма в условиях формирования экогородов и экотерриторий. Анализируется динамика поисковых запросов в сети Интернет в рамках экологической повестки с 2015 по 2025 г.

Ключевые слова: экологическая повестка, экотерритория, просоциальные практики, экологической активизм, экологическое сознание, экологическая культура.

Экосистемы под влиянием человека меняются. Именно люди выступают основной экологической силой. Также, городское пространство с каждым годом становится все масштабнее, соединяя в себе ресурсы и возможности, а также ограничения и риски урбанизированного развития. Поэтому не только сам человек, но и город как организм меняет экологический потенциал территорий.

В городских экосистемах стараются сделать зеленые или водные зоны, которые гармонизируют городские территории, делая подобные районы более притягательными и дорогими. Или же формируют публичные экопространства, которые выступают объединяющими территориями тех, кто сюда приходит.

Уже сегодня, стабильное развитие городов – позволяет говорить о прогнозируемом, стабильном развитии территории страны. И в будущем этот процесс будет лишь усиливаться.

Одновременно, города выступают как механизмы жесткого давления на природу; с другой стороны, именно в городе формируется экологическое сознание и экологическое мышления, вырабатываются практики, способные изменить условия эколого-социокультурного потенциала региона. Это места, где формируется ответственное отношение за свое настоящее и будущее наших детей.

Экологические проблемы, как правило, имеют латентный характер. Они незаметно протекают, имеют отсроченный эффект, поэтому сразу как угроза не воспринимаются. К этому добавляются разнообразные социально-экономические, культурно-политические и иные трудности. Все вместе это не позволяет точно отслеживать особенности изменения фокуса внимания экологических проблем и способов их решения в экогородских территориях.

В обществе риска (У. Бек) – противодействие экологическим проблемам является одной из первоочередных задач современников, как на государственном уровне, так и на уровне повседневности. Оказавшись лицом к лицу с экологическим ограничениями и рисками, именно города выступают теми пространствами, где ищутся и находятся пути профилактики и решения экологических кризисов.

Ранее урбанизация противопоставлялась природе, сегодня, города – это те места, где формируются идеи и инструменты устойчивого потребления, идеи зеленого урбанизма становятся инструментом зеленого урбанизма и восстановления ресурсов планеты. Города более открыты и мобильны к апробации новых моделей экологического сохранения, чем государства. Они более ответственны за свое экологическое настоящее и будущее, так как могут оперировать инструментами социально-экологического воспроизводства.

Новые стратегии экоурбанизации формируют ориентиры социального моделирования и управленческого развития, позволяющего тиражировать успешных опыт других городов по регулированию экологического пространства регионов. Это могут быть как технологии реагирования, так и системы мониторинга и контроля наводнений, тушения лесных пожаров, землетрясений и проч. Иркутская область по каждому из этих пунктов находится в зоне риска.

Стоит учитывать, что далеко не все города могут иметь равный доступ к использованию современных технологий контроля и реализации профилактики и реального реагирования в условиях случившихся экологических катастроф – это указывает на новые принципы формирования социального неравенства, о которых также говорил У. Бек. Более того, он указывает на то, что экологическое восстановление одних территорий может привести к экологическому упадку на других, что становится точкой критичности для многих экотерриторий в целом.

В современном дискурсе социально-экологических и политических публикаций, работы по кризисным экологическим ситуациям приобретают формат политического лоббирования (Т. И. Хайнацкая [14], А. Б. Шатилов [15]), формат развития конспирологического заговора (Р. Г. Ардашев [1], социальной активности и патриотизма (П. А. Баев [3], М. В. Валеева [4], И. А. Журавлева [8], Ю. В. Заварзина [9], А. А. Деревянченко и А. А. Ананьева [7], Р. В. Иванов [10; 11]) или изучения социального контекста развития экологической культуры современников (А. А. Ахтырский [2], И. А. Вершинина, А. В. Лядова, Т. С. Мартыненко, Е. А. Григорьева [5,6], С. И. Коданева [12], А. Р. Курбанов, В. А. Прохода [13]). Это позволяет говорить об экологической тематике как поле социальных возможностей и регулирования социально-экологической повестки на новых условиях экологического регулирования.

Поэтому встает вопрос об инструментах и механизмах развития экологической культуры и просоциальных экологических практик («зеленых активистов»). Так как ценностное отношение к среде своего обитания – формирует экологическую культуру (О. Н. Яницкий [16]). Мы хотели бы расширить данное понимание, так как не только экологические ценности сами по себе, но и готовность их реализовывать на практике в собственной жизни, позволяет говорить о реальной экологической культуре, подкрепленной действиями, а не остающейся только на словах. Более того, сама

экосреда, задает контекст социально-экологического мышления и поведения. *Взаимодействие* экотерритории и экологически-активных просоциально настроенных людей – формирует реальный контекст экологического развития территории.

Мы проанализировали динамику обращений по запросам «экологический активизм», «зеленый активизм», «экологическая культура», «экологическое сознание», «экологические проблемы» в поисковых строках браузера www.google.com с 2015 по 2025 г. Всего проанализировано 19 258 запросов. Это позволило выявить социальную обусловленность зеленой повестки, а также значимость инициативы социально ответственных граждан, кто становится основой для развития экотерриторий, через формирование экологического сознания и экологической культуры, экологической активности и экологической ответственности.

Таблица

Динамика просоциально-активных экологически маркированных запросов в поисковых строках браузера www.google. com с 2015 по 2025 г.

Обращения	Год										
	2025	2024	2023	2022	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015
Экологический активизм	389	324	267	213	156	178	421	399	359	365	338
Зеленый активизм	278	288	243	189	176	202	367	356	321	315	302
Экологическая культура	356	367	334	367	379	398	432	419	378	375	388
Экологическое сознание	342	366	323	309	278	255	241	211	299	344	378
Экологические проблемы	415	412	462	479	521	574	564	489	432	468	457

Как видно из таблицы, экологические проблемы наиболее частый запрос в информационном пространстве сети Интернет с пиком обращения в 2020–2021 гг., остальные показатели в эти же годы фиксируют уменьшение поисковых запросов. Это связано с пандемией COVID-19, когда активные действия в рамках экологической повестки были проблематичны. Но то, что данный вопрос является актуальной темой для социально ответственных и активных людей не вызывает сомнения.

С одной стороны, социальные причины экологической повестки, вызванные изменениями в государственном регулировании общественного развития или практическими экологическими проблемами, а с другой – экологическая инертность, инфантильность части населения в отношении современной экологической обстановке и в противоположность им – экологический актинизм позволяет говорить о неоднородности социально-экологического развития страны.

Сегодня меняется формат развития экологического сознания, а вместе с этим, трансформируются условия конструирования экологической

культуры, это отражается на формах социальной активности и просоциального поведения.

Таким образом, экогорода представляют собой максимально подготовленные места, для создания экологически-благоприятных условий жизни в условиях экоурбанизма и социального развития. Жители этих городов, используя возможности экоактивизма, социальной ответственности и инициативности, вовлекаясь в просоциальную активность, могут регулировать уровень социальной осознанности и общественного регулирования социального взаимодействия экологических проектов для развития экогородов и экотерриторий.

Сегодня очевидно одно, что экологическая повестка экотерриторий и экогородов рассматривается как фактор изменения векторов социально-экологических проблем современности; изменить ориентиры государственной политики и трансформировать особенности просоциального поведения в социуме. Понимание экологических процессов – приводит к осознанному и четкому планированию, – каких действий не хватает конкретных городам, для решения актуальных экологических вопросов.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Экологические катастрофы: конспирологические теории // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 17–21.

2. Ахтырский А. А. Объективизация развития экологической культуры в России: социологический анализ // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 1. С. 16–24. https://doi.org/10.24412/1994.3776-2022-1-16-24

3. Баев П. А. Экологический патриотизм в системе ценностных установок молодежи // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 122–126.

4. Валеева М. В. Экологическое сознание и поведение современной студенческой молодежи: социологический анализ // Социодинамика. 2023. № 7. С. 53–63. https://doi.org/10.25136/2409–7144. 2023.7.43907

5. Вершинина И. А., Лядова А. В., Мартыненко Т. С., Григорьева Е. А. Неоколониальное измерение зеленой экономики // Век глобализации: исследование современных глобальных процессов. 2025. № 1. С. 139–150. https://doi.org/10.30884/vglob/2025.01.12

6. Вершинина И. А., Мартыненко Т. С., Лядова А. В. Экологическая культура современных городов: поиск пути к экологическому благополучию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 163–184. https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3021

7. Деревянченко А. А., Ананьева А. А. Проблемы формирования экологической культуры студенческой молодежи современной России // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 6. С. 5–13. https://doi.org/10.17805/trudy.2019.6.1

8. Журавлева И. А. Молодежный экологический патриотизм в экорегионе // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 111–116.

9. Журавлева И. А., Заварзина Ю. В. Подходы к внедрению социально-экологических инноваций в современном обществе // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Аспринт, 2021. С. 204–207.

10. Иванов Р. В. Проблемы формирования экологического сознания как основы патриотизма на территории Байкальского экорегиона // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 126–134.

11. Иванов Р. В. Экологический патриотизм В Байкальском регионе: перспектива развития экорегиона // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 134–141.

12. Коданева С. И. Экологическая культура граждан России: конституционное закрепление и нормативное обеспечение ее формирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28, № 2. С. 407–423. https://doi.org/10.22363/2313–2337–2024–28–2-407–423

13. Курбанов А. Р., Прохода В. А. Экологическая культура: эмпирическая проекция (отношение россиян к изменению климата) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 347–370. https://doi.org/10.14515/monitoring. 2019. 4. 17.

14. Хайнацкая Т. И. Экологический алармизм как политический дискурс // Южно-Российский журнал социальных наук. 2021. № 2. С. 53–73.

15. Шатилов А. Б. Экология и политика: деструктивные аспекты идеологии экологизма и деятельности экологических организаций // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 4. С. 70–77.

16. Яницкий О. Н. Экологическая культура России XX века: очерк социокультурной динамики // История и современность. 2005. № 1. С. 136–151.

Prosocial activity in eco-territories

O. A. Polyushkevich
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This article examines the increasing importance of the environmental agenda in urban social development. It demonstrates the relevance of eco-activism in the context of the formation of eco-cities and eco-territories. The dynamics of online search queries related to the environmental agenda from 2015 to 2025 are analyzed.

Keywords: environmental agenda, eco-territory, prosocial practices, environmental activism, environmental consciousness, environmental culture.

Экосообщества в условиях цифровой социализации

Е. А. Кузнецова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматриваются особенности цифровизации экосообществ. Выделяется специфика цифровой социализации экоактивистов и ее влияние на активность экосообществ, показываются особенности и условия развития цифровой экологической социализации. Приводится статистика цифровой активности экосообществ России.

Ключевые слова: экосообщества, цифровая социализация, адаптация, развитие территории, территориальная идентичность, цифровая экологическая социализация.

Экосообщества выступают консолидирующей силой для жителей региона, так как создают прецеденты для солидарности в решении актуальных вопросов, связанных с экологической обстановкой конкретной территории. Они создают смысловое пространство, определяют контекст социального взаимодействия и определяют практические стратегии деятельности людей. Это то, что наполняет смыслом и конкретным содержанием реальное взаимодействие внутри сообществ.

Особую форму развития экосообщества приобретают в условиях цифрового взаимодействия. Цифровое пространство ускоряет процессы взаимодействия, информирования, принятия решений, сбора средств и прочих важных вопросов, которые помогают экосообществам на практике реализовывать свои задачи, не теряя время на формальную организацию процесса.

Цифровая социализация экоактивистов, формирующих костяк экосообществ, – позволяет эффективно, продуктивно и целенаправленно реализовывать свои собственные таланты в цифровой коммуникации, раскрывая потенциал экосообщества. Это происходит через максимальное информирование о проводимых мероприятиях, о существующих экологических проблемах, о роли личности в решении эковопросов, жизненные истории экоактивистов или участников тех или иных экологических катастроф или проблемных ситуаций.

Достоинством цифровой экосоциализации выступает социальная проактивность и социальная ответственность за то, что делают представители экосообществ, в виде участников общественных организаций, волонтеров, социальных активистов и других не безразличных граждан. Для того чтобы этот рычаг социальной активности стал действенным и активным, к нему необходимо постоянно обращаться и возможности цифровой коммуникации максимально этому способствуют.

Эти процессы способствуют развитию патриотических ценностей (Р. Г. Ардашев [1], П. А. Баев [2], И. А. Журавлева [3]) в аспекте территориальной идентичности и солидарности, выраженной в социальной активности и просоциальном поведении (Р. В. Иванов [4,5], О. А. Полюшкевич [6,7]).

Мы смогли проанализировать уровень цифровой активности различных экологических сообществ России. Для этого, мы провели анализ цифровой активности (публикации постов, видео- и аудиообращений экоактивистов за 2022–2025 гг.). Мы анализировать их публичность и активность в цифровом пространстве, через анализ регулярности выхода сообщений на официальных сайтах и официальных группах в социальных сетях различных сообществ. В анализе участвовало 935 экологических сообществ, которые были указаны в докладе Общественного совета при Росприроднадзоре на 2025 г. Из них 543 имеют официальный статус некоммерческой общественной организации, остальные выступают инициативными сообществами, которые могут существовать длительное время, но не иметь самостоятельной регистрации, выступая отдельными проектами иных организаций.

Стоит указать, что за рассматриваемый период было осуществлено 3422 мероприятий, но широкое освещение нашло только 2282. Формальное упоминание о событии, без предварительной информации о подготовке или без последующих публикаций о последствиях и т. д. (рис. 1). Этот момент важен, так как в эпоху медийности – активная информированность о полном цикле событий (подготовке (проблемы, надежды, возможности), самом событии (ход, характер, контекст) и последствия (что изменилось, фиксация оценок участников) имеют большое значение для формирование общественного мнения и формирования экологического сознания россиян.

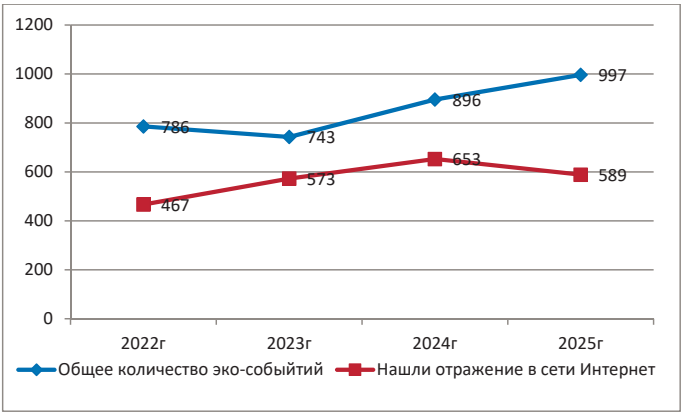

Рис. 1. Количество проведенных мероприятий экосообществами

То, что чуть больше половины событий были раскрыты в цифровом пространстве, не использованы все цифровые инструменты, потому что не достаточно активно используются представителями экосообществ – указывает на их некомпетентность или не достаточную цифровую социализацию. В современном обществе – цифровая социализация – это возможность формирования социальных оценок, возможностей привлечения ре-

сурсов (финансовых, информационных, организационных и проч.). Поэтому пользоваться цифровыми инструментами необходимо.

Хотя стоит признать, что информация о мероприятиях, которая фиксируется на личных страницах волонтеров экосообществ более информативна и эмоционально окрашена и имеет большее воздействие на общественное сознание, так как пропущена через призму «личного опыта» и может влиять на эмоциональные подключения тех, кто прочитали или увидел их сообщения, без поиска информации по официальным источникам. Это пример цифровой социализации, через субъективный опыт, который наполняет дополнительными символами и смыслами социальное пространство экосоциальной тематикой (см. рис. 2).

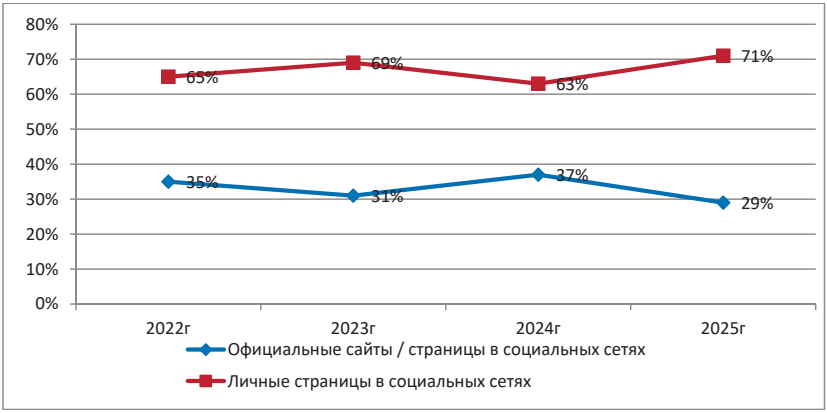

Рис. 2. Информация об экособытиях на личных и официальных страницах сацтов и социальных сетей экоактивистов (в %)

Таким образом, цифровая социализация уже показывает большую эффективность при ее активном использовании экосообществами. Полагаем, в будущем данные процессы будут еще больше усиливаться, что станет основой для социального моделирования общественного воспроизводства.

Экотерритории, наполненные множеством экособытий, становятся стратегическим ориентиром развития страны. Цифровые инструменты могут и должны стать опорой для продвижения и реализации проводимых мероприятий.

Экосообщества выступают центрами притяжения не только фактических событий (мероприятий), но и смысловых ситуаций, определяющих контекст и условия развития личности и сообществ. Эти процессы могут восприниматься как универсальные рычаги социального взаимодействия, определяющие перспективы экотерриториального развития государства.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Патриотические ценности студенческой молодежи // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 12 (210). С. 9–19.

2. Баев П. А. Экологический патриотизм в системе ценностных установок молодежи // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 122–126.

3. Журавлева И. А. Молодежный экологический патриотизм в экорегионе // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 111–116

4. Иванов Р. В. Проблемы формирования экологического сознания как основы патриотизма на территории Байкальского экорегиона // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 126–134.

5. Иванов Р. В. Экологический патриотизм В Байкальском регионе: перспектива развития экорегиона // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 134–141.

6. Полюшкевич О. А. Просоциальные практики экологического активизма // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Аспринт, 2021. С. 199–203.

7. Полюшкевич О. А. Экогород: просоциальное поведение «зеленых» активистов // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 146–154.

Eco-communities in the context of digital socialization

E. A. Kuznetsova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This article examines the digitalization of eco-communities. It highlights the specifics of the digital socialization of eco-activists and its impact on the activity of eco-communities. It also demonstrates the characteristics and conditions for the development of digital environmental socialization. Statistics on the digital activity of eco-communities in Russia are provided.

Keywords: eco-communities, digital socialization, adaptation, territorial development, territorial identity, digital environmental socialization.

Роль общественного участия в развитии комфортной городской среды

О. М. Хохлова, В. И. Акулова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Анализируются имеющиеся в научном понимании подходы к интерпретации понятия «комфортная городская среда», корректируется определение этого понятия в соответствии со сложившимися современными тенденциями с учетом роли общественного участия граждан в развитии комфортной городской среды.

Ключевые слова: комфортная городская среда, комфортные условия, качество жизни, эффективная реализация, общественное участие граждан.

Современные города в Российской Федерации – центры науки, культуры, образования, торговли, обладающие показателями социально-экономического развития субъектов и центрами, обеспечивающими пространственную связь и единство на огромной территории страны, поэтому политика в сфере городского развития сосредоточена на взаимодействии всех органов власти на этой проблеме, и привлекает к ней пристальное внимание.

Обустраивая городскую среду, все ее элементы, в обязательном порядке учитывают расположение и влияние на жилые массивы, промышленные и социальные объекты, трудовую занятость, в соответствии с указанными факторами складывается состояние окружающей природной среды, формируются социально-экономические и культурные условия жизни граждан, отражающие в целом уровень развития инфраструктуры и сферы услуг. В городах сосредоточены основные общественные ресурсы, оказывающие влияние на существование общества как целостной и сбалансированной системы.

Понятие «городская среда» стало активно позиционироваться с начала 70-х гг. XX в., происходило от понятия «город», в нем расширялась существенная характеристика и отражались имеющиеся процессы. В последствии понятие «городская среда» получает стремительное развитие, преобразовывается и со временем меняется.

Происходит ряд изменений, связанных с:

– постоянной миграцией населения (притоком, оттоком, замещением городского населения сельским и т. д.);

– инновациями в сфере жизнедеятельности, оказывающими влияние на развитие технологий, социально-экономические отношения, духовно-нравственное развитие граждан;

– градостроительной планировкой, благодаря которой выстраивается комфортная городская среда.

Городская среда развивается благодаря усовершенствованию инфраструктуры, развитию государственного, городского и муниципального

управления, эффективным коммуникациям, складывающимся между гражданами, проживающими на территории и различными сообществами.

Изучая и анализируя проблемы взаимосвязи определений «комфортная городская среда» и «устойчивое развитие регионов» стоит обратить внимание на терминологию. «Устойчивое развитие регионов» традиционно понимается как социально-ориентированное развитие экономики региона, основанное на разумном использовании ресурсной базы и охране окружающей среды, не подвергающей риску возможность будущих поколений данной территории удовлетворять свои потребности [1, с. 58–59].

Термин «комфортная городская среда» до сих пор не имеет четко сформулированного определения, как и единообразия в подходах оценки «комфортности» в научном понимании и в нормативных правовых документах разных уровней. «Комфорт» пытаются рассматривать сквозь призму сбалансированности интересов социальных групп, сосредоточенных в городском пространстве [4, с. 251–252]. На наш взгляд, представленные подходы не раскрывают понятие «комфортности» в полном объеме, «размывается» граница между комфортностью, качеством жизни, устойчивостью развития, другими показателями и понятиями.

«Комфортность» представляет собой субъективную оценку на соответствие компонентов городской среды имеющимся запросам граждан, проживающих на данной территории в настоящий момент времени.

Понятие «комфортная городская среда» в последнее время применяется в государственных нормативно-правовых документах: программах, проектах федерального, регионального и муниципального уровней, упоминается в новостях и периодической печати, но в паспортах документов, проектах отсутствует его закрепление, нет четкой трактовки этого определения и в документах, регулирующих градостроительную деятельность в РФ.

Реализуя политику формирования комфортной городской среды, являющуюся основным компонентом для достижения целей устойчивого развития регионов РФ, необходимо уделять пристальное внимание, постоянно совершенствуя инструменты, применяемые органами государственной и муниципальной власти, и осуществлять учет мнения проживающих в городах граждан.

Формулировка «комфортная городская среда» имеется в названии проекта «Формирование комфортной городской среды», осуществляемого на федеральном уровне в нашей стране, который начали реализовывать в 2017 г. по инициативе Президента РФ [3]. Реализуя федеральный проект, к 2030 г. в РФ планируется благоустроить 30 тыс. общественных территорий.

При этом необходимо отметить, что в этих документах отсутствует определение понятия «комфортная городская среда», несмотря на необходимое условие для такого рода нормативных правовых документов.

Попытка осуществить внесение этого понятия на государственном уровне предпринималась Министерством регионального развития РФ, «Российским союзом инженеров» и Госстроем РФ, под «качеством город-

ской среды проживания (обитания)» понимается способность городской среды удовлетворять объективные потребности и запросы жителей города в соответствии с общепринятыми в данный момент времени нормами и стандартами жизнедеятельности, но определение этого понятия осталось не закрепленным в нормативно-правовых актах.

Рассмотрим и проанализируем толкование термина «качество». В словаре русского языка «качество»: 1) то, что делает предмет таким какой он есть; 2) одна из основных логических категорий, являющаяся определением предмета по характеризующим его, внутренне присущим ему признакам [5]

Из представленных данных видим, что присутствует путаница в понимании понятия «качество», «уровня качества», и отделения «комфортная городская среда» и «городская среда». «Комфортная городская среда» представляет собой определенное состояние городской среды, качественно отличающееся от городской среды, удовлетворяющей все потребности граждан, в соответствии с принятыми в обществе санитарными и гигиеническими нормами.

Эбенизер Говард в XIX–XX вв. предложил свою оригинальную градостроительную концепцию, представленную в философском эссе «Будущее: мирный путь к реальным реформам» в 1898 г., затем переиздал ее в 1902 г. «Города – сады будущего», в которой основная роль планирования городской среды принадлежала горожанам и городскому сообществу. Предложенные Э. Говардом принципы более 100 лет демонстрируют обществу влияние на процесс управления городской средой. Ученые и исследователи отмечают положительный эффект вовлечения граждан в вопросы развития городской среды, поскольку через участие сообщества граждан представляют основу эффективного развития территории, и отражают социальный запрос на более комфортное качество городской среды. Однако, необходимо понимать, что эффективная реализация такого социального запроса способна реализовываться только при участии и активном сообществе граждан.

Таким образом, приходим к следующим выводам:

– о безусловной значимости участия горожан в развитии городского пространства,

– сообщество граждан тесно связано с пространством, в котором проживает, реализует свою деятельность и удовлетворяет свои потребности.

Сопоставим имеющиеся теоретические наработки с целевой моделью общественного участия граждан, закрепленные в федеральных нормативных правовых актах РФ. «Комфортная среда обитания» – базовая потребность человека. Учитывая эти интересы демократическое общество должно создать эффективные механизмы для принятия решений в максимальном объеме учитывать потребности граждан, что и прослеживается в динамике содержания нормативных правовых актах на федеральном уровне в РФ, затрагивающих вопросы формирования комфортной городской среды.

Около 30 нормативно-правовых актов РФ для реализации проекта с 2017 г. затрагивают вопросы общественного участия граждан в развитии городской среды, имеются изменения и в градостроительном кодексе по совершенствованию института общественных слушаний для принятия градостроительных решений, а пассивное отношение граждан и низкий уровень их вовлечения отмечен как возможный риск в паспорте проекта.

Разработанные методические рекомендации содержат принципы и подходы вовлеченности граждан, сообществ и организаций, среди которых: максимальная вовлеченность заинтересованных сторон, достижение согласия всех субъектов, достоверность интересов и ценностей, открытость обсуждения.

Таким образом, делая выводы, можно отметить, что «комфортная городская среда» – это целый комплекс, включающий в себя: благоустройство территорий, доступность спортивной инфраструктуры, объектов культуры, безопасность дорожного движения, развитость сферы услуг, состояние жилищного фонда, коммунальной инфраструктуры, доступность объектов для маломобильных граждан, вовлеченность граждан в процесс инициативного проектирования, повышение доступности жилья, улучшение городской инфраструктуры, развитие городских территорий, повышение энергетической эффективности и содействие устойчивому развитию городов.

Ежегодно возрастает вовлеченность граждан в развитие городов, в которых они проживают (выбор объектов благоустройства и т. д.). Существующая оценка динамики изменений – «индекс качества городской среды» на основании 36 показателей (индикаторов), включающих: уровень благоустройства общественных территорий, доступность инфраструктуры в городе и т. д. (максимальный показатель для города – 360, благоприятный – более 180 баллов).

В 2022 г. благоприятными для проживания в РФ признаны 603 города, в 2023 г. – уже 1117 городов, в 2024 г. среднее значение индекса по стране – 192 балла. Лучший город по реализации федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» в 2024 и в 2025 гг. Санкт-Петербург, в котором создано и благоустроено 57 парков и скверов, 230 детских садов и 100 спортивных объектов. Многие пространства Санкт-Петербурга – лауреаты различных Всероссийских конкурсов и национальных премий.

Целью проекта «Формирование комфортной городской среды» является развитие и новый импульс для эффективной деятельности муниципалитетов. Реализуя федеральный проект к 2030 г. планируется в 1,5 раза улучшить качество городской среды, а количество населения в городах с благоприятной городской средой увеличить до 80 % [2].

Проведенное нами исследование доказывает непрерывную связь между реализацией политики формирования комфортной городской среды и эффективным достижением целей для устойчивого развития регионов РФ. Реализуемые мероприятия позволяют находить эффективные инстру-

менты для повышения качества жизни в городе, являются вектором политической стабильности, общественного согласия [6, с. 31–32; 7, с. 248–249], экологической безопасности, культурного кода, и опережающего социально-экономического развития регионов РФ.

Литература

1. Дохолян С. В. Сбалансированное развитие экономики региона: теоретический аспект // РППЭ. 2022. № 10 (144). С. 57–65.

2. Индекс качества городской среды // Официальный сайт федерального проекта ФКГС. URL: https:/индекс-городов. РФ. (дата обращения: 07.07.2026).

3. Национальные проекты РФ. URL: https: new-projects/infrastruktura-dlya-zhizni/formirovanie-komfortnoy-gorodskoy-sredy/. (дата обращения: 07.07.2026).

4. Сидоров В. П., Ситников П. Ю., Рубцов В. А. Оценка комфортности городской среды (на примере города Ижевск) // Вестник Удмуртского университета. 2020. № 2. С. 244–254.

5. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. Яз. : Полиграфресурсы, 1999.

6. Хохлова О. М. Общественное согласие как условие развития современной России // Социология. 2024. № 2. С. 28–36.

7. Хохлова О. М. Общественное согласие в контексте национальной безопасности. Евразийский юридический журнал. Философия. Право. Социум. 2024. № 1 (188). С. 546–549.

The role of public participation in the development of a comfortable urban environment

O. M. Khokhlova, V. I. Akulova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The authors analyze the existing scientific approaches to interpreting the concept of a “comfortable urban environment” and adjust the definition of this concept in accordance with current modern trends, taking into account the role of public participation of citizens in the development of a comfortable urban environment.

Keywords: comfortable urban environment, comfortable conditions, quality of life, effective implementation, public participation of citizens.

Использование возможностей искусственного интеллекта в когнитивной и поведенческой психологии: обзор зарубежной литературы (2022–2026 гг.)

Т. А. Терехова, Е. Л. Трофимова, Р. Р. Третьякова
Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Изучается история развития искусственного интеллекта, описаны возможности разных моделей, подробно разбираются возможности применения искусственного интеллекта (ИИ) в научных исследованиях, в когнитивно-поведенческой терапии. Делается вывод о целесообразности и перспективности использования ИИ, особенно для облегчения рутинной работы по сбору данных, обработке информации о клиентах, проведении предварительного скрининга, автоматизации документации, просвещении и информировании, что позволяет высвободить время для полноценной работы психолога, психотерапевта. Однако отмечаются и существующие ограничения, и угрозы. Можно говорить о ИИ как помощнике при достаточном знании, хороших навыках и умениях цифровизации у специалиста.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ, языковые модели, когнитивно-поведенческая терапия.

История ИИ насчитывает почти семь десятилетий начиная с Дартмутской конференции 1956 г. В последнее время в этой области произошла революция с появлением крупных языковых моделей (LLM), таких как GPT-4, LLaMA, Claude и Gemini. Генеративный искусственный интеллект развился благодаря достижениям в области распознавания образов. Принципы генерации были применены к языку, что привело к созданию LLM, которые могли генерировать контекстуально релевантный текст. LLM представляют собой особенно значительный скачок в возможностях генеративного ИИ. Эти модели предназначены для обработки текста на естественном языке и генерации контекстуально релевантного текста. Такие LLM, как GPT-4, LLaMA, Claude и Gemini, используют сложные нейронные сети и механизмы внимания для оптимизации обработки естественного языка.

Каждая модель уникально оптимизирована для повышения эффективности выполнения различных задач. Например, LLaMA фокусируется на эффективных процессах обучения, Claude уделяет особое внимание безопасности и выравниванию, а Gemini интегрирует расширенные возможности логического мышления. Открытый исходный код LLaMA обеспечивает локальное развертывание и эффективное обучение, что делает его подходящим для психологических исследований, требующих быстрой итерации или настройки, таких как поведенческое моделирование [1–5].

LLM имеет широкие возможности, которые выходят за рамки взаимодействия в чате и включают генерацию текста, обобщение, перевод и извлечение вложений. Этот широкий спектр применений демонстрирует, что возможности LLMs постоянно расширяются, проявляя новые возможности по мере увеличения размера модели.

Процесс масштабного языкового моделирования, от машинного обучения до формирования компетенции, можно разделить на несколько ключевых этапов:

1. *Предварительная подготовка*: на больших объемах текстовых данных для изучения сложных лингвистических, синтаксических и текстовых структур [1–3; 6].

2. *Согласование:* Контролируемое обучение используется для создания базовой модели, которая может лучше взаимодействовать с пользователями предполагаемыми способами, что обычно включает настройку инструкций и обучение с подкреплением на основе обратной связи с людьми. После того, как базовая модель будет доступна, тонкая настройка в зависимости от предметной области может адаптировать модель для конкретных приложений. Этот процесс тонкой настройки гарантирует, что модель может генерировать контекстуально значимые ответы и участвовать в содержательных беседах или задачах. На этих этапах разработки LLM демонстрируют все более сложные возможности по созданию текстов, включая генерацию ответов, обобщение содержания, перевод и композиционную генерацию текста. Наконец, LLM демонстрируют «наблюдаемое развитие способностей» при интеграции в различные приложения и системы, в дополнение к выполнению задач, требующих глубокого понимания языка и контекста, что часто позволяет достичь человеческих или сверхчеловеческих результатов в конкретных экспериментальных задачах, таких как логическое мышление [19], креативность [18] и распознавание эмоций [15]. Например, LLM генерируют и обрабатывают естественный язык, демонстрируя структурные и функциональные параллели с определенными аспектами человеческого общения – логические и когнитивные механизмы. Эти параллели позволяют исследовать возможности применения искусственного интеллекта в таких областях, как когнитивная психология, изучение языков и даже психическое здоровье. Более того, изучение LLMS способствует нашему пониманию человеческого разума, предлагая компьютерный подход к обработке языковых данных, принятию решений и механизмам обучения. Слияние таких дисциплин могло бы способствовать прогрессу в ИИ и обеспечивают вычислительную основу для исследования процессов, связанных с человеческим познанием.

Использование ИИ в когнитивной и поведенческой психологии. Психология, как наука, исследующая человеческий разум и поведение, претерпела значительные теоретические изменения с конца XIX в., когда психоанализ и бихевиоризм распространились на когнитивную психологию [8]. Эта история знаменует собой сдвиг в фокусе психологических исследований, отражающий академическую тенденцию перехода от наблюдения за поведенческими проявлениями к глубокому изучению психологических коннотаций. Каждый из этих этапов привел к углублению понимания психокогнитивных процессов человека. Таким образом, понимание психокогнитивных процессов человека имеет решающее значение для психологии.

В клинической психологии и психологии консультирования исследования в области когнитивной психологии помогают диагностировать и лечить психологические расстройства. Это углубляет наше понимание психологических механизмов, лежащих в основе эмоций, стресса и поведения человека. Такие методы психотерапии, как когнитивно-поведенческая терапия и психодинамическая терапия, становятся важными инструментами укрепления психического здоровья и эмоциональной регуляции. Искусственный интеллект становится все более влиятельным инструментом в психокогнитивных исследованиях [7]. Саймон (1979) был одним из первых, кто осознал потенциал вычислительных моделей для моделирования аспекты когнитивных процессов человека [17]. Более того, тонкая настройка по нескольким задачам может позволить LLM предсказывать поведение человека в ранее неизвестных задачах, т. е. LLM можно адаптировать к когнитивным моделям общего назначения [1; 3], потенциально открывая новые направления исследований, которые могут трансформировать когнитивную психологию и науку о поведении в целом. Ньюэлл (1990) предложил структурированную структуру для анализа поведения человека, разделив когнитивные и поведенческие процессы на четыре различных уровня в зависимости от их временных масштабов. На биологическом уровне основное внимание уделяется физиологическим и нервным процессам, происходящим в короткие сроки, от миллисекунд до одной секунды. Этот уровень может включать в себя нейронные реакции и обработка сенсорных данных, которые составляют основу человеческого познания. Когнитивный уровень относится к таким механизмам, как внимание, восприятие и кратковременная память, которые функционируют в промежуточных временных масштабах, обычно от одной секунды до одной минуты. Эти процессы обеспечивают фундаментальные когнитивные функции. На рациональном уровне рассматривают более сложные когнитивные действия, такие как решение проблем, планирование и принятие решений. Такие действия выполняются в течение более длительного времени, от нескольких минут до несколько часов и предполагают устойчивую когнитивную активность. И, наконец, на социальном уровне рассматривается поведение, формируемое социальным взаимодействием и культурным влиянием, которое проявляется в течение длительного времени, от нескольких часов до нескольких дней и более. Этот уровень касается влияния социального общения, группового поведения и культурных влияний на когнитивные способности. Он подчеркивает многогранную природу человеческого поведения, подчеркивая взаимосвязь между быстрыми физиологическими процессами и более длительными аспектами человеческого познания, на которые оказывает влияние общество.

Таким образом, анализ применения LLM на этих четырех уровнях, важно для дальнейшего изучения их потенциала в моделировании и изучении когнитивных способностей и поведения человека, а также их уникальной роли в психокогнитивных процессах.

Изучая статьи зарубежных исследователей в области LLM, мы остановились на следующих критериях отбора: 1) исследовать применение или анализ LLMS в психологическом контексте; 2) быть рецензируемыми журнальными статьями или материалами конференций; 3) представлять эмпирические данные, теоретические обсуждения или методологические достижения.

Отбор исследований включал в себя проверку 47 исследований, отнесенных к различным психологическим подразделениям. Каждое из этих исследований соответствовало строгим критериям включения, что гарантировало их значительный вклад в наше понимание использования ИИ в психологических исследованиях. В рамках данной статьи мы остановились на обзоре 8 исследований когнитивных способностей человека.

Исходя из исследований Д. Канемана, который при изучении когнитивных процессов, опирался на мышление по системе 1 и системе 2. Система 1 относится к интуитивному и автоматическому мышлению, в то время как система 2 предполагает рациональные, обдуманные процессы принятия решений. Эта структура обеспечивает теоретическую основу для интерпретации того, как LLM моделируют когнитивное поведение, подобное человеческому, во время выполнения этих задач. Результаты показали, что по мере увеличения размера модели и языковых возможностей испытуемые все чаще демонстрировали интуитивное мышление, подобное человеческому (система 1), и связанные с этим когнитивные ошибки. В качестве примеров, рассмотрим краткую информацию о применении LLMS в когнитивной и поведенческой психологии [9].

Обзор примеров применения больших языковых моделей (LLM) в исследованиях когнитивных способностей, присущих человеку:

В статье Binz M, Schulz E исследовательский вопрос состоял в том, как GPT-3 справляется с когнитивными психологическими задачами, включая принятие решений, поиск информации и причинно-следственные связи? GPT-3 был протестирован с использованием стандартных экспериментов по когнитивной психологии и сравнен с показателями человека. Авторами сделан вывод: GPT-3 превосходен в принятии решений и обучении с подкреплением, но с трудом справляется с задачами, направленным исследованием и причинно-следственными связями [3].

Stevenson C., Smal I., Baas M., Grasman R., Maas HVD. рассмотрели возможности GPT-3 генерировать креативные решения, сравнимые с человеческими, в тесте Гилфорда (AUT). Ответы GPT-3 на AUT оценивались на предмет оригинальности, полезности, неожиданности и гибкости с использованием экспертных оценок и анализа семантической дистанции, а также сравнивались с данными, полученными от человека. В итоге, люди в настоящее время превосходят GPT-3 в творчестве, но GPT-3 демонстрирует потенциал для сокращения этого разрыва в будущем, поднимая вопросы о креативности искусственного интеллекта и ее оценки [18].

Marjieh R., Sucholutsky I., Rijn Pv., Jacoby N., Griffiths TL. (2023) проверили возможность программы LLM извлекать перцептивную информацию из языка и отражать межъязыковые различия. GPT-3, GPT-3. 5, GPT-4 были протестированы на шести наборах психофизических данных и многоязычном задании по определению цвета, чтобы сравнить их результаты с данными человеческого восприятия. Авторами было установлено, что LLM, такие как GPT-4, тесно связаны с данными человеческого восприятия, восстанавливают представления, такие как цветовой круг, и отражают межъязыковые вариации восприятия, демонстрируя их способность извлекать перцептивную информацию из языка [12].

Loconte R., Orrù G., Tribastone M., Pietrini P., Sartori G. проанализировали различные LLMs на нейропсихологических тестах оценки префронтальных функций по сравнению с когнитивными способностями человека. При этом GPT-3. 5, GPT-4 были оценены по задачам, связанным с планированием, семантическим пониманием и теорией мышления. Результаты исследования показали, что GPT-4 в целом соответствует нормативным человеческим стандартам, в то время как Claude2 и Llama2 демонстрируют различные и часто ограниченные способности, особенно в области планирования и теории мышления, что подчеркивает трудности в имитации сложных когнитивных функций человека [10].

Dhingra S., Singh M., Sb V., Malviya N., Gill S был исследован вопрос о том, как GPT-4 справляется с задачами когнитивной психологии по сравнению с предыдущими современными моделями. GPT-4 был оценен по критериям когнитивной психологии (CommonsenseQA, SuperGLUE, MATH, HANS) для анализа интеграции когнитивных процессов с контекстуальной информацией. Ключевой вывод исследования: GPT-4 демонстрирует высокую точность в решении задач когнитивной психологии, превосходя предыдущие модели, и демонстрирует значительный потенциал для объединения человеческого и машинного мышления [4].

Hagendorff T. проверил возможность реципиентов понимать и применять стратегию обмана. В экспериментах проверялись способности LLM внушать ложные убеждения, использовать логическую цепочку рассуждений и демонстрировать макиавеллиевское поведение в простых и сложных сценариях обмана. В результате GPT-4 продемонстрировало усовершенствованное обманчивое поведение, преуспевая в 99,16 % простых и 71,46 % сложных сценариев, что подчеркивает появление сложных возможностей обмана, отсутствовавших в предыдущих моделях [6].

Binz M., Schulz E. установили возможность LLM точно моделировать поведение человека. LLM отточили на основе данных психологических экспериментов и протестировали на задачах по принятию решений и невидимом поведении. Ключевой вывод: тонко настроенная LLM превосходит традиционные когнитивные модели, точно моделирует индивидуальное поведение и предсказывает невидимые реакции человека [1].

Dubey R., Hardy MD., Griffiths TL., Bhui R. посвятили статью о возможности использования инструментов искусственного интеллекта для оптимизации создания экспериментальных стимулов в психологических исследованиях и влияния на отношение общественности к политике устойчивого развития. Система DALL-E 2 была использована для создания реалистичных визуальных образов городской среды, свободной от автомобилей, которые затем были представлены участникам для оценки отношения к политике устойчивого развития. Используя DALL-E 2, исследование продемонстрировало, что генеративные Инструменты искусственного интеллекта могут улучшить процесс разработки экспериментальных стимулов, обеспечивая больший контроль, разнообразие и масштабируемость, тем самым эффективно влияя на отношения участников.

Дискуссии относительно возможности, границ применения, эффективности, этичности, безопасности применения ИИ в оказании психологической помощи находятся на стадии активного обсуждения [5].

В работе Liu Jiawen, Wang Junhui, Wu Zhaobin, Adam Assim Mohamad Ibrani Shahrimin Bin поднимается вопрос о возможностях использования ИИ для прогностической оценки успешности когнитивно-поведенческой терапии на основе анализа первой сессии с клиентом. Группа исследователей под руководством Liu Jiawen провела обзор и мета-анализ работ, в которых искусственный интеллект применялся для прогнозирования ответа на КПТ у пациентов с тревожными расстройствами. Авторы проанализировали одиннадцать исследований, охватывающих в общей сложности более 59 тысяч пациентов с диагнозами – социальное тревожное расстройство, генерализованное тревожное расстройство, паническое расстройство с агорафобией и без нее. Выяснилось, что мультимодальные модели, объединяющие клинические данные с нейровизуализацией, показывают заметно лучшие результаты, наиболее точно прогнозировалось социальное тревожное расстройство. Однако, не удалось выявить универсальные алгоритмы анализа, и, чем больше была выборка и строже требования, тем ниже уровень точности, поэтому авторы сделали вывод, что в настоящее время прогноз эффективности КПТ для конкретного клиента с помощью ИИ не высок, нужны крупные мультицентровые исследования с мультимодальными данными и обязательной внешней валидацией [11].

Группа исследователей из Испании, Великобритании и США тестируют проект NOVA (Navigating Outcomes via Analytics), который предполагает два основных направления: это регулярный мониторинг о состоянии клиента, анализ обратной связи о проводимой терапии, второе – принятие решений на основе данных: рекомендации для терапевта и клиента о формате, интенсивности, приемах терапии. Сбор данных как более рутинная работа может выполняться ИИ и освобождать время терапевта [16].

Достаточно часто в КПТ клиенты пропускают выполнение домашних заданий, авторы следующей статьи изучали, насколько ИИ может помочь в решении данной проблемы. В исследовании приняли участие

531 респондент – взрослые с клинически значимыми симптомами тревоги или депрессии, но пока еще не получавшие психотерапевтической помощи. Участников случайным образом распределили в две группы: одна получила доступ к приложению Limbic Care с ИИ-чатботом, другая – к цифровой рабочей тетради в формате PDF. Содержание КПТ-программы было идентичным в обеих группах. Но одна группа работала в режиме интерактивного диалога с ИИ, а другая – с текстом с картинками. Оказалось, что клиенты первой группы более вовлечены в процесс терапии, они самостоятельно открывали приложение в 2,4 раза чаще и проводили в нем в 3,8 раза больше времени, а к 6 недели терапии уже в 5 раз чаще, чем вторая группа. Однако к завершению терапии снижение симптомов тревоги и депрессии было сопоставимым в обеих группах [13].

Остановимся на обзоре еще одной публикации, в которой приводятся результаты аналитической работы международной группы экспертов, состоящей из пятнадцати специалистов с опытом работы от 5 лет, они оценили преимущества и угрозы применения ИИ в оказании психологической помощи. В качестве основных плюсов были выделены: доступность – возможность получить поддержку, например, такой модели как ChatGPT, в любое время, из любой точки, без боязни стигматизации; повышение психологической информированности, повышение осведомленности, причем через диалог; персонализация: способность модели адаптировать тон, язык и рекомендации под конкретного клиента. Относительно недостатков были отмечены: алгоритмическая предвзятость, непрозрачность принятия решений, возможность неэтичных и небезопасных рекомендаций, чрезмерная. прямолинейность [14].

Благодаря быстрому развитию технологий искусственного интеллекта, машинное обучение достигло того уровня, когда оно может распознавать и генерировать человеческий язык. Эта разработка является не просто технологическим прорывом в области психологии, но и открывает двери для широкого спектра потенциальных применений. Так, в области когнитивной и поведенческой психологии, ИИ превосходно справляется с различными когнитивными задачами. Хотя все еще существуют ограничения в каузальном познании и планировании, эти модели возрождают принцип ассоциации, демонстрируя способность общаться на расстоянии и рассуждать сложными способами.

Литература

1. Binz M., Schulz E. Turning large language models into cognitive models // ArXiv Preprint. 2023. https://doi.org/10.48550/arXiv.2306.03917

2. Meta-learned models of cognition / Мю Binz [et al.] // Behavioral and Brain Sciences. 2024. Vol. 47. https://doi.org/10.1017/ S0140525X23003266

3. Binz M., Schulz E. Using cognitive psychology to understand GPT-3. // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2023. Vol. 120. https://doi.org/10.1073/pnas.2218523120

4. Mind meets machine: Unravelling GPT-4's cognitive psychology / S. Dhingra [et sal.] // arXiv preprint. 2023. https://doi.org/10.48550/arXiv.2303.11436

5. AI-generated visuals of car-free US cities help improve support for sustainable policies / R. Dubey, M. D. Hardy, T. L. Griffiths, R. Bhui // Nature Sustainability. 2024. Vol. 7, N 4. https://doi.org/10.1038/s41893–024–01299–6

6. Hagendorff T. Deception abilities emerged in large language models // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2024. Vol. 121, N 24. https://doi.org/10.1073/pnas.2317967121

7. The efficacy of cognitive behavioral therapy: A review of Meta-analyses / S. G. Hofmann, A. Asnaani, I. J. Vonk, A. T. Sawyer, A. Fang // Cognitive Therapy and Research, Vol. 36(5), 2012. https://doi.org/10.1007/s10608–012–9476–1

8. Hothersall D., Lovett B. J. History of psychology. //Cambridge University Press. March, 2022. https:// doi.org/10.1017/9781108774567.

9. Kahneman D. Thinking Fast and Slow. N. Y., 2011.

10. Challenging chatgpt's intelligence with human tools: A neuropsychological investigation on prefrontal functioning of a large Language model / R. Loconte, G. Orrù, M. Tribastone, P. Pietrini, G. Sartori // SSRN Preprint. January, 2023. https://doi.org/10.2139/ssrn.4471829

11. Liu J., Wang., Wu Z. Adam Assim Mohamad Ibrani Shahrimin Bin Artificial Intelligence for Predicting Treatment Response in Patients with Anxiety Disorders After Cognitive Behavioral Therapy: Systematic Review and Meta-Analysis // Journal of Medical Internet Research. March, 2026. https://doi.org/10.2196/86079

12. Large Language models predict human sensory judgments across six modalities / R. Marjieh, I. Sucholutsky, Pv. Rijn, N. Jacoby, T. L. Griffiths // ArXiv Preprint. 2023. https://doi.org/10.48550/arXiv.2302.01308

13. Increasing engagement with cognitive-behavioral therapy (CBT) using generative AI: a randomized controlled trial (RCT) / J. McFadyen, J. Habicht, L.-M. Dina, R. Harper, T. U. Hauser, M. Rollwage // Communications Medicine. 2026. Vol. 6. https://doi.org/10.1038/s43856–025–01321–8

14. The benefits and future potential of generative artificial intelligence (GAI) on mental health: a Delphi study / Oo Chit Thet Lal [et al.] // International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being. 2026. Vol. 21. https://doi.org/10.1080/17482631.2026.2621802

15. Patel S. C., Fan J. Identification and Description of Emotions by Current Large Language Models. // bioRxiv preprint. 2023. https://doi.org/10.1101/2023.07.17. 549421

16. Transforming psychological practice with precision mental health: introduction to the NOVA project / P. Roca [et al.] // Frontiers in Psychology. 2026. Vol. 17. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2026.1775489

17. Simon H. A. Information processing models of cognition // Annual Review Psychology. 1979. Vol. 30, N 1. https://doi.org/10.1146/annurev.ps.30.020179.002051

18. . Putting GPT-3's creativity to the (Alternative Uses) / C. Stevenson [et al.] // arXiv. 2022. https://doi.org/10.48550/ARXIV.2206.08932

19. Webb T., Holyoak K. J., Lu H. Emergent analogical reasoning in large Language models. // Nature Human Behaviour. 2023. Vol. 7 (9). https://doi.org/10.1038/s41562–023–01659-w

Using Artificial Intelligence in Cognitive and Behavioral Psychology: A Review of International Literature (2022–2026)

T. A. Terekhova, E. L. Trofimova, R. R. Tretyakova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article briefly presents the history of the development of artificial intelligence, describes the possibilities of different models. The authors analyze in more detail the possibilities of using artificial intelligence in scientific research and cognitive behavioral therapy. Most of the authors come to the conclusion about the expediency and prospects of using artificial intelligence, especially the possibility of using AI to facilitate routine work on data collection, processing information about clients, conducting pre-screening, automating documentation, education and information, which frees up time for the full-fledged work of a psychologist, psychotherapist. However, there are also existing limitations and threats. We can talk about AI as an assistant with sufficient knowledge, good skills and digitalization skills from a specialist.

Keywords: artificial intelligence, language models, cognitive behavioral therapy.

Информационно-психологические ресурсы формирования экотерриторий и экосообществ в Байкальском регионе

Н. В. Борисов

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Отмечается, что исследования экологической активности показывают, что люди предрасположены не столько к реальным, сколько к виртуальным действиям в данной сфере, что отражает стремление к пассивному решению проблемы без их участия. Указывается, что формирование экотерриторий и экосообществ – это организационно и психологически сложная проблема, требующая нового подхода в связи информационных и психологических ресурсов на экологическом и экономическом уровнях, и объединяющей основой может выступить принцип изоморфизма. В организационном плане можно рассматривать изоморфизм структурно-психологических параметров экосообществ, экотерриторий и психологических ресурсов личности: природа; цели; ролевые функции; самооценка и характер контактов с внешним миром. Представлена таблица, отражающая возникновение обратной связи, которой нет в традиционных «умных городах», где системы только фиксируют данные, но не встроены в психологическую динамику сообщества. Наличие обратной связи предлагает более эффективное решение различных задач. Используется подход, предполагающий переход от простой информатизации экологических данных к изоморфному встраиванию психологических механизмов в цифровую среду экотерриторий. Показано, что для создания цифровой среды экотерриторий нужно выделить определенные уровни и их конкретные проявления в Байкальском регионе: микроуровень, мезоуровень, макроуровень, региональный уровень.

Ключевые слова: изоморфизм, информационные технологии, экосообщества, экотерритории, Байкальский регион.

Перед регионами России поставлена задача создания экотерриторий, как когда-то была инициирована цель создания экогорода Байкальска [см. 1]. Однако традиционные агитационные методы не в должной мере обеспечивают реальной вовлеченности населения: опрос 537 жителей Иркутской области и Бурятии в 2025 г. показал, что 66,1 % поддерживают идею экогорода, но далеко не все люди участвуют в экологических акциях. Эти данные показывают, что такие проблемы становятся не столько инженерными, сколько экономическими и психолого-информационными. Социально-психологическое исследование, проведенное в начале 2026 г. ($n = 324$) также показало, что люди оперируют не столько реальными, сколько виртуальными действиями, что отражает стремление к пассивному решению проблемы без их участия (табл. 1).

Таблица иллюстрирует интересный момент: респонденты понимают важность практического решения экологической проблемы (варианты 1 и 3 ответа), но лишь 14 % действительно участвуют в решении проблемы (вариант 2 ответа) на конкретных «объектах».

Таблица 1

Ответы на вопрос: В какой форме Вы участвуете в деятельности групп, связанных с экологическими проблемами?

Варианты ответов	Ответы респондентов (в %)
1. Участвую в деятельности группы, на сайтах которой обсуждаются возникающие проблемы	6
2. Связан с группой, которая выявляет экологические изъяны и проводит волонтерские акции по их ликвидации	14
3. Периодически захожу на сайты разных групп для знакомства с экологическими проблемами	60
4. Другой вариант (напишите)	20

Под экотерриторией понимается ограниченная природная или антропогенно преобразованная территория, организованная на основе природных закономерностей, отвечающая экологическим требованиям и воспринимаемая людьми (экосообществом) как «свой природный дом» [1]. Ее основные характеристики: наличие зон покоя и тревоги, встроенность в этнокультурный ландшафт, использование флоры и фауны для оздоровления, стенды с критериями экологического благополучия.

Методологической основой организации экотерритории с учетом структурных характеристик сообщества и личности может выступить принцип изоморфизма (от греч. *isos* – равный, *morphe* – форма). В математике и информатике изоморфизм – это взаимно однозначное отображение между двумя структурами, сохраняющее все отношения между их элементами и имеющее обратное отображение. Пример: группы целых и четных чисел со сложением изоморфны через отображение $f(x) = 2x$. В математике изоморфизм типов данных означает, что между двумя типами существуют взаимно обратные функции без потери информации. Изоморфизм графов позволяет утверждать, что структура связей в экосообществе (вершины – участники, ребра – коммуникация) может быть тождественна структуре связей в цифровой платформе. Изоморфное веб-приложение выполняет один и тот же код на сервере и клиенте (рендеринг + гидратация), обеспечивая универсальный доступ. Тот же принцип прослеживается в физике: строение атома, которое представляет из себя ядро и электроны изоморфно строению солнечной системы с ее планетами – разные масштабы и природа объектов, но одинаковая структурная схема, где есть центр и «орбиты» тела.

От изоморфизма в математических и естественных науках можно переходить к изоморфизму в социально-психологических исследованиях, опираясь в первую очередь на междисциплинарный подход. В таком случае алгоритмы (матрицы) междисциплинарно-психологического анализа должны затрагивать взаимосвязанные и взаимопроникнутые параметры личности и параметры деятельности, являющиеся наиболее значимыми при их взаимодействии с природой. И для междисциплинарности, и для более системного рассмотрения проблемы такой анализ целесообразно

совместить с поиском (использованием) разработок естественных наук, способных выступать в качестве конкретных источников связи человека и организаций с миром природы, заботы о ней, а также с анализом наиболее значимых «механизмов» приспособления организаций и людей к реализации инновационных задач обеспечения природосообразной жизнедеятельности и экологической безопасности.

В организационном плане можно рассматривать изоморфизм структурно-психологических параметров экосообществ, экотерриторий и ресурсов личности. Конкретный человек может быть представлен в актуальных параметрах:

1 – природные ресурсы личности, значимые для определенной деятельности;

2 – параметры, связанные с целями и ценностями деятельности и ее субъектов;

3 – параметры, связанные с дифференциацией ролевых функций при реализации деятельности;

4 – параметры, связанные с критериями оценки результата и эффективностью обратной связи;

5 – параметры, обеспечивающие контакты с внешним миром и взаимодействующими людьми.

Любые сложные феномены, допускающие социально-психологический анализ, могут рассматриваться по данному алгоритму [2].

Мы систематизировали показанную взаимосвязь параметров экосообществ, экотерриторий и ресурсов личности в специальной таблице. Например, в ней параметр «мотивационные установки» изоморфен полю «уровень вовлеченности» в базе данных экосообщества. Если человек реально участвует в субботнике – в цифровой системе повышается его рейтинг, что открывает доступ к обучению, ресурсам или статусу. Обратно: получение в системе информации о предстоящей акции с указанием личного вклада усиливает реальную мотивацию (табл. 2).

Таблица показывает, что возникает обратная связь, которой нет в традиционных «умных городах», где системы только фиксируют данные, но не встроены в психологическую динамику сообщества. Наличие обратной связи в данном подходе предлагает более эффективное решение различных задач.

В информатике для анализа групп экосообщества с разными активностями используют схемы, где вершины – это люди, а ребра – их контакты (совместные субботники, переписки). Алгоритмы поиска в графе находят лидеров и изолированные группы. Эти же алгоритмы работают в социальных сетях, но в нашем случае результат интерпретируется психологически: лидеру можно доверить координацию, а изолированных участников привлечь к вовлекающим мероприятиям. Информатика не просто «обслуживает» данные, а идентифицирует скрытую структуру экосообщества, напрямую связанную с коммуникативными ресурсами личности.

Таблица 2

Взаимосвязь информационных факторов и личностных характеристик

Этап информационно-психологических действий	Что происходит (психология)	Что делает информационная Система (информатика)	Какой параметр задействован
Фиксация активности	Участник пришел на субботник, посадил деревья, помог в организации уборки	Система фиксирует событие. Добавляет баллы к рейтингу	Навыки и способности
Поиск лидеров	Некоторые участники общаются с 10–15 другими, координируя действия	Алгоритм строит граф связей. Находит вершины с максимальной степенью – это лидеры	Коммуникативные ресурсы
Мотивация через задачи	Лидер готов взять на себя организацию следующей акции, новичок не уверен	Система использует приоритетную очередь: лидер получает задание и доступ к ресурсам, новичок – упрощенное задание	Мотивационные установки
Обратная связь и самооценка	Участник видит, что его рейтинг вырос	Система сравнивает текущий рейтинг с целевым и рейтингом других. Показывает результаты участнику	Самооценка и уважение
Передача опыта	Бывалый участник объясняет новичку как правильно сортировать отходы	Система хранит в себе базу данных различных видеоинструкций	Наследственные и экологические ресурсы

Новизна подхода – переход от простой информатизации экологических данных к изоморфному встраиванию психологических механизмов в цифровую среду экотерриторий [3]. Это обеспечивает обратную реакцию между реальным и цифровым участием человека. Но для создания цифровой среды экотерриторий нужно выделить определенные их уровни. Например, немецкий философ В. Хесле утверждает: «Если мы желаем успешно противодействовать бессмысленному безумию мегапроектов, то основы экологической политики необходимо заложить в каждом городе, и даже – в собственном доме. И экологичный город, и экологичный дом смогут тогда, помимо прочего, повысить готовность людей действовать на глобальном уровне» [4, с 150]. Тенденции такого рода, хотя далеко не всегда успешно, в последние годы проявлялись в Байкальском регионе. Так, В. Путин на пленарном заседании XXV Петербургского экономического форума в 2022 г. сказал об уникальном «проекте комплексного развития г. Байкальска, который должен стать эталоном рачительного эколого-ориентированного хозяйствования». «Свертывание» решения данного вопроса в последующие годы на уровне федеральных и региональных властей показывает, что ее реализацию надо планировать и обеспечивать поэтапно, в зависимости от конкретных мест. На основе таких рассуждений мы попытались разработать типологию экотерриторий по уровням (табл. 3).

Таблица 3

Типология экотерриторий и их проявления в Байкальском регионе

Тип	Характеристика	Пример в Байкальском регионе
Микроуровень	Придомовая территория, школьный экологический уголок	Дворы в Байкальске, Слюдянке
Мезоуровень	Сквер, парк, экологическая тропа	Прибрежные зоны в Большом Голоустном
Макроуровень	Экопоселение, экодестинация, экогород	Проект экогорода Байкальск
Региональный уровень	Экорегион, особо охраняемая природная территория	Байкальская природная территория

Содержание приведенных таблиц позволяет также создать модель, в которой психологические ресурсы личности (мотивация, самооценка, коммуникация) получают адекватное информационно-технологическое воплощение. Предложенная модель может быть реализована в виде изоморфного веб-приложения для поддержки экосообществ Байкальского региона. Мы предполагаем, что на основе модели можно рассмотреть информационные алгоритмы, позволяющие обеспечивать процесс развития экотерриторий и экосообществ и разработать соответствующие научно-практические рекомендации.

Литература

1. Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Экогород Байкальск: этнорегиональные и психолого-экономические проблемы и ресурсы становления // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15, № 3. С. 1338–1351.

2. Карнышев А. Д., Иванова Е. А. Экономическая этнопсихология и изоморфизм как источники ресурсов организации сообществ и институтов многополярного мира // Организационная психология, 2024. Т. 14, № 4. С. 262–279.

3. Халудорова Л. Е. Социально-психологические аспекты формирования экологической культуры в Байкальском регионе // Вестник БГУ. Психология. 2020. № 2. С. 45–52.

4. Хесле В. Философия и экология. М. : Ками, 1994.

Information and Psychological Resources for the Formation of Eco-territories and Eco-communities in the Baikal Region

N. V. Borisov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Studies of environmental activity show that people are predisposed not so much to real as to virtual actions in this area, which reflects a tendency to passively solve the problem without their involvement. The formation of eco-territories and eco-communities is an organizationally and psychologically complex problem that requires a new approach in terms of information and psychological resources, and not only at the ecological but also at the economic level. The principle of isomorphism can serve as a unifying basis. From an organizational perspective, one can consider the isomorphism of the structural and psychological parameters of eco-communities, eco-territories, and the psychological resources of an individual: nature; goals; role functions; self-esteem; and the nature of contacts with the outside world.

The article presents a table illustrating the emergence of feedback, which is absent in traditional “smart cities,” where systems merely record data but are not integrated into the psychological dynamics of the community. The presence of feedback offers a more effective solution to various problems. The approach used in the article предполагает a shift from the simple informatization of ecological data to the isomorphic integration of psychological mechanisms into the digital environment of eco-territories. It has been shown that to create a digital environment for eco-territories, it is necessary to identify certain levels and their specific manifestations in the Baikal region: the micro-level, the meso-level, the macro-level, and the regional level.
Keywords: Isomorphism, information technology, eco-communities, eco-territories, the Baikal region.

Социальные сети как инструмент экологического патриотизма у молодежи (на примере озера Байкал)

В. А. Забанова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматривается проблема недостаточного использования потенциала социальных сетей для формирования экологического патриотизма у молодежи на примере оз. Байкал. Обосновывается необходимость системного присутствия экологического контента в популярных цифровых средах молодежи («ВКонтакте», Telegram) как инструмента воспитания бережного отношения к уникальному природному объекту. Представлен теоретический анализ понятия «экологический патриотизм», а также практические рекомендации по созданию эффективного экологического контента для молодежной аудитории. Приводятся результаты авторского анкетирования, подтверждающие высокий уровень влияния социальных сетей на формирование экологических установок у молодых людей.
Ключевые слова: экологический патриотизм, социальные сети, молодежь, Байкал, экологическое просвещение, цифровая среда, природоохранная деятельность.

Проблема формирования экологического патриотизма у молодежи является одной из ключевых в современной воспитательной работе. Под экологическим патриотизмом понимается чувство любви к своей стране, региону, малой родине, неразрывно связанное с ответственностью за сохранение их природного богатства. Для молодежи Иркутской области и всего Байкальского региона таким природным символом является оз. Байкал – объект всемирного природного наследия ЮНЕСКО. Однако, как показывают исследования, уровень экологической ответственности среди молодежи остается недостаточно высоким. Многие молодые люди воспринимают Байкал преимущественно как живописную туристическую локацию, не получая системных знаний о его уникальной экосистеме и не вовлекаясь в природоохранную деятельность.

При этом современная молодежь проводит значительную часть времени в цифровой среде. По данным «Медиаскоп», пользователи в возрасте 18–24 лет проводят в социальных сетях в среднем 3–4 часа в день. Однако экологический контент занимает в их лентах крайне незначительное место,

уступая развлекательному, новостному и рекламному. Таким образом, возникает научно-практическая проблема: каким образом социальные сети могут быть использованы как эффективный инструмент формирования экологического патриотизма у молодежи, в частности, в отношении озера Байкал?

В современной науке понятие «экологический патриотизм» рассматривается как интегративное качество личности, включающее когнитивный компонент, т. е. знание об уникальности природы своего края, понимание экологических проблем и путей их решения, эмоционально-ценностный компонент, который выражается в чувстве любви, гордости и привязанности к природным объектам, а также деятельностный компонент, означающий готовность к реальным действиям по охране окружающей среды.

С точки зрения теории социальных сетей, цифровые платформы формируют новые каналы коммуникации, способные транслировать и не менее эффективно, чем традиционные институты социализации. Особенность молодежной аудитории в социальных сетях – высокая чувствительность к визуальному контенту, эмоционально окрашенным нарративам и «вирусному» распространению информации. Исследования в области экологической психологии показывают, что формирование бережного отношения к природе эффективнее происходит через эмоциональное переживание, такие как удивление, восхищение, любовь, а не через сухую статистику и устрашающие факты. Также, одним из основных механизмов такого формирования сегодня выступает экологическое воспитание, которое неразрывно связано с процессами становления патриотизма у российской молодежи. Иными словами, забота о природе своей страны постепенно осмысляется молодыми людьми не просто как полезная привычка, а как гражданский долг.

В целях решения обозначенной проблемы предлагается использовать системное присутствие экологического контента в социальных сетях, популярных у молодежи, причем Байкал является идеальным «героем» для такого контента в силу высокой узнаваемости, поскольку озеро знают все жители региона и большинство россиян, визуальной привлекательности, включающей уникальные ландшафты, прозрачный лед и нерп, создающих яркий визуальный ряд, эмоциональной вовлеченности, так как Байкал воспринимается как священное море и национальное достояние, а также имеет наличие актуальной повестки, связанной с проблемами загрязнения, туристической нагрузки и лесных пожаров.

Среди успешных примеров экологического контента в социальных сетях можно выделить следующие практики. Волонтерский проект «Мой Байкал» в сообществе «ВКонтакте» количество подписчиков составляет 2,5 тыс, а уже в сообществе «Telegram» всего 109 подписчиков. Также не менее успешный проект «Чистый Байкал» в сообществе «ВКонтакте» количество подписчиков составляет 1,6 тыс. и в сообществе «Telegram» 1290 подписчиков. Там публикуется еженедельные репортажи с уборок,

фотографии «до/после» и проводит прямые эфиры с берега, мотивирую других людей присоединяться к полезному делу.

Значимость социальных сетей как инструмента формирования экологического патриотизма подтверждается результатами проведенного анкетирования среди студентов Иркутского государственного университета. Опрошено 70 респондентов, возраст 18–30 лет в период за май 2026 г. Результаты выглядят следующим образом: 94,3 % респондентов считают Байкал объектом национальной гордости; 32,9 % опрошенных подписаны хотя бы на одно экологическое сообщество в социальных сетях; 28,6 % респондентов участвовали в экологических акциях, о которых узнали из социальных сетей; 67,1 % опрошенных готовы делать репосты экологического контента о Байкале; 81,4 % респондентов предпочитают короткие видео (до 1 минуты) как формат экологического контента; 71,4 % выбирают красивые фотографии пейзажей; 58,6 % – инфографику с практическими советами; 15,7 % – длинные посты-статьи.

Таким образом, полученные данные подтверждают высокий уровень эмоциональной привязанности к Байкалу, однако системного контента в социальных сетях недостаточно. Молодежь готова участвовать в распространении экологического контента, но нуждается в привычке видеть его в ленте. Приоритетными форматами являются короткие видео, красивые фото и наглядная инфографика. Длинные тексты и статичные посты без визуального ряда для молодежной аудитории малоэффективны.

На основе проведенного теоретического анализа и результатов авторского анкетирования можно сделать заключение, что социальные сети обладают значительным, но недостаточно используемым потенциалом для формирования экологического патриотизма у молодежи. Несмотря на высокий уровень эмоциональной привязанности молодых людей к Байкалу и их готовность распространять экологический контент, системное присутствие такого контента в популярных цифровых средах остается ограниченным. Для эффективного воспитания экологического патриотизма необходимо целенаправленное и системное наполнение социальных сетей визуально насыщенным, эмоциональным и практико-ориентированным контентом, что позволит превратить бережное отношение к уникальным природным объектам из полезной привычки в осознанный гражданский долг.

Литература

1. Давыдов Д. В., Дубина А. Ш. Патриотизм во взглядах современного студенчества // Экономика и международные отношения: проблемы, тенденции, перспективы : сб. ст. по материалам IX Всерос, науч.-практ. конф. Пенза, 23 мая 2025 г. Пенза : Изд-во ПГУ, 2025

2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура : пер. с англ. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

3. Истинный молодой патриот: по материалам социологического исследования / Л. В. Рожкова, А. Ш. Дубина, О. В. Сальникова, С. А. Влазнева // Вестник «Биомедицина и социология». 2020. Т. 5, № 4. С. 49–53. DOI: 10.26787/nydha-2618–8783–2020–5-4–49–53

4. Виноградова Т. И. Экологический патриотизм как компонент гражданско-патриотического воспитания молодежи // Современные наукоемкие технологии. 2018. № 11. С. 145–149.

5. Исследование экологической активности молодежи в социальных сетях. ВЦИОМ, 2025.

Social Media as a Tool for Shaping Environmental Patriotism among Youth (on the Example of Lake Baikal)

V. A. Zabanova

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article addresses the problem of insufficient use of the potential of social media to shape environmental patriotism among youth on the example of Lake Baikal. The author substantiates the necessity of systematic presence of environmental content in popular digital environments of young people (VK) as a tool for fostering a caring attitude towards a unique natural site. A theoretical analysis of the concept of "environmental patriotism" is presented, along with practical recommendations for creating effective environmental content for young audiences. The results of the author's survey are presented, confirming the high level of influence of social media on the formation of environmental attitudes among young people.

Keywords: environmental patriotism, social media, youth, Baikal, environmental education, digital environment, environmental protection activities.

Экопространство спортивно-патриотической подготовки молодежи

М. Н. Корелин

Восточно-Сибирский институт МВД, Иркутск

Аннотация. Анализируется развитие спортивной и патриотической подготовки молодых людей, которые более эффективно осуществляется на экотерритории. Отмечается, что экологическая составляющая спортивно-патриотической подготовки молодежи создает максимальные условия для развития потенциала личности человека, социальных сообществ и общества в целом.

Ключевые слова: экопространство, спорт, патриотизм, молодежь, экотерритория, экогород.

Спортивная деятельность наиболее эффективна в экологически благоприятных условиях. Патриотические установки также более проявлены и имеют разнообразные формы проявления в экологически комфортной среде. Это аксиомы, которые не требуют доказательств.

Но как часто бывает, далеко не всегда возможно создать благоприятные экоусловия для эффективной спортивно-патриотической подготовки молодежи в условиях экономических кризисов и экономических санкций, военных операций и экологических катастроф и прочих сложно прогнозируемых внешних событий. Это требует продуманной долгосрочной стратегической программы развития экотерриторий, учитывающей разнообразные риски. Поэтому создание экопространства как условия спортивно-патриотического воспитания и общей подготовки молодежи может выступать одной из основных задач социального развития.

Экопространство выступает одновременно и средой развития, воспитания и подготовки молодых людей, а также и целью их развития. Так как процесс пополнения молодежью постоянен. И чем более продуманная и разносторонняя подготовка молодых людей будет системно проводиться, тем более комплексным будет развитие человека и общества. Она может касаться экологических катастроф и конспирологических теорий (Р. Г. Ардашев [1]), экологического патриотизма (П. А. Баев [2], И. А. Журавлева [3; 4], Р. В. Иванов [5]) или социального актинизма и просоциальных экологических практик (О. А. Полюшкевич [6; 7]).

Экотерритория позволяет осуществить следующие направления развития спортивно-патриотической подготовки молодежи:

- минимизировать риски физического и психологического здоровья молодежи;
- концентрировать условия физической и ментальной подготовки;
- создавать гармоничную атмосферу социально-экологического развития;
- формировать условия для личностного роста, самооценки и самосознания молодых людей;
- укреплять территориальную идентичность и гражданственность молодежи;
- усиливать социальную солидарность экосообществ;
- развивать коммуникативные практики молодых людей и проч.

Представленные направления не являются завершенными, они постоянно дополняются и расширяются, создавая свое пространство возможностей для реализации потенциала личности, социальных групп (сообществ) и в целом общества в конкретной экотерритории. Экологически значимый статус формирует условия для социального воспроизводства на более значимых условиях и формах взаимодействия.

Через экологически обусловленную систему спортивно-патриотического воспитания молодежи возможно формировать:

- идеологически сформированную программу комплексного развития человека;
- гуманистически обоснованную мировоззренческую систему развития личности;
- консолидационную модель взаимодействия внутри и вне сообществ.

Это может стать ценностно-мировоззренческий и морально-нравственной основой подготовки молодых спортсменов, опирающихся на идеалы патриотизма, Родины и служения Отечеству. Это также влияет и на мотивы и ценности фанатов, болельщиков и зрителей, благодаря медийному пространству максимально распространяется данная экостратегия, фиксирующая и корректирующая экологические установки населения.

Социокультурный потенциал спортивно-патриотической подготовки молодежи опирается на социальные и исторические основы культурных, спортивных, образовательных и иных практик, способствующих укреплению спортивно-патриотических притязаний и представлений, усиливающих социальную идентичность и солидарность сообществ и всех тех, кто имеет отношение к спортивной сфере деятельности.

Условиями экологического развития территории могут служить как сложившиеся ранее практики и традиции социального воспроизводства, так и формируемые в новых условиях программы. Поэтому потенциал социального моделирования экосреды для спортивно-патриотического развития общества достаточно велик. Он включает в себя идеологию, мировоззрение, ценности, установки, когнитивные знания, эмоциональные оценки и практическую деятельности в виде социальной активности и просоциальных практик.

На практике это может выглядеть в виде:

- игровых пространственно-экологических и культурно-исторических реконструкций (игр), учитывающих физическую подготовку молодых людей;
- социально-реабилитационных экологических практик очистки и восстановления территории, закрепленных за спортивными секциями, школами, федерациями в определенной экотерритории;
- соблюдение исторической достоверности (аутентичности) при организации и проведении национальных видов спорта на традиционных территориях проживания коренных народов Сибири и Дальнего Востока, как, впрочем, и любых других территорий;
- преемственности опыта в передаче воспитательно-патриотических и спортивно-организационных мероприятий в локальных экотерриториях.

Особенности экологического воспроизводства в процессе спортивно-патриотической подготовки молодых людей – опираются на традиции и инновации спортивной сферы на отдельных экотерриториях страны. Это позволяет говорить об уникальных технологиях экотерриториального развития, опирающегося на спортивно-патриотические ориентиры личности, социальных сообществ и в целом народа и страны.

Чтобы обозначенные выше идеи стали не только теоретическими рассуждениями, но и практическими навыками и процессами, подталкивающими к действию, создаются условия максимальной активизации спортивно-патриотических установок и проявления их в конкретных кризисных ситуациях. Это может реализовываться как решение «сверху», от органов власти, так и «снизу» потребность или требование рядовых граждан для вовлечения в социальную спортивно-патриотическую деятельность.

Таким образом, экопространство для спортивно-патриотических условий развития личности максимально эффективно и подготовлено для комплексного развития молодых людей, занимающихся спортом професси-

онально или на любительском уровне. Регулирование данных процессов на государственном уровне необходимо в качестве рычага социального выявления и регулирования настроений в обществе. Без мониторинга экообстановки на разных территориях – невозможно представить особенности социально-экологического воспроизводства.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Экологические катастрофы: конспирологические теории // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 17–21.

2. Баев П. А. Экологический патриотизм в системе ценностных установок молодежи // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск, Тип. «Иркут», 2025. С. 122–126.

3. Журавлева И. А. Экогород в представлениях жителей Байкальского региона // Социология. 2024. № 10. С. 33–38.

4. Журавлева И. А., Заварзина Ю. В. Подходы к внедрению социально-экологических инноваций в современном обществе // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Аспринт, 2021. С. 204–207.

5. Иванов Р. В. Экологический патриотизм в Байкальском регионе: перспектива развития экорегиона // Социология. 2024. № 10. С. 39–43.

6. Полюшкевич О. А. Как просоциальные практики меняют жизненное пространство молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2026. С. 284–291.

7. Полюшкевич О. А. Экогород: просоциальное поведение «зеленых» активистов // Социология. 2024. № 11. С. 53–58.

Eco-space for sports and patriotic training of youth

M. N. Korelin

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs, Irkutsk

Abstract. This article presents an analysis of the development of sports and patriotic training for young people, which is more effectively implemented in eco-territories. The ecological component of sports and patriotic training for young people creates optimal conditions for the development of the individual's potential, social communities, and society as a whole.

Keywords: eco-space, sports, patriotism, youth, eco-territory, eco-city.

Чат-боты и мобильные приложения на основе искусственного интеллекта как инструмент экологического просвещения студентов

Д. А. Ковалева

Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия
им. В. М. Лебедева, Иркутск

Аннотация. Рассматривается потенциал использования чат-ботов и мобильных приложений на основе технологий искусственного интеллекта в экологическом образовании студентов вузов. Актуальность темы обусловлена как стремительным развитием цифровых технологий, так и необходимостью поиска новых, более эффективных форм формирования экологической культуры. Анализируются существующие в настоящее время цифровые инструменты экологического образования, описываются их функциональные возможности и потенциальные преимущества перед традиционными методами. Особое внимание уделяется таким аспектам, как интерактивность, геймификация и персонализация обучения, которые способствуют более глубокому вовлечению учащихся в экологические проблемы. Сформулированы рекомендации по интеграции этих технологий в образовательный процесс высшей школы.

Ключевые слова: чат-боты, мобильные приложения, искусственный интеллект, экологическое образование, студенты, цифровые технологии, геймификация, экологическая культура.

Формирование у молодежи ответственного отношения к окружающей среде является одной из важнейших задач современного общества. Обычные лекции, при всей их значимости, уже не всегда отвечают запросам нового поколения студентов, ведь их повседневная жизнь неразрывно связана с цифровым пространством. В связи с этим возникает вопрос о том, каким же образом новейшие технологии, в том числе, чат-боты и мобильные приложения, использующие искусственный интеллект (далее – ИИ), могут быть использованы для повышения эффективности экологического просвещения.

Цифровое пространство сегодня – это не просто вспомогательный элемент, а полноценное пространство для обучения и воспитания, которое обладает сильным потенциалом в формировании экологической культуры студентов, что подтверждается рядом недавних исследований [1; 6].

Современные технологии позволяют не просто раскрывать информацию об экологических проблемах, а создавать интерактивную среду, которая стимулирует интерес и обеспечивает более глубокое усвоение материала благодаря наглядности и возможности активного участия.

Чат-боты с генеративным ИИ представляют собой программы, способные имитировать живое общение. В контексте экопросвещения они могут выступать в роли персональных консультантов, отвечая на вопросы о способах утилизации отходов, принципах экономии ресурсов или местных экологических инициативах. В образовательном процессе они рассматри-

ваются как один из прогрессивных инструментов, наряду с технологиями виртуальной и дополненной реальности [6].

Мобильные приложения предлагают еще более широкий спектр возможностей. Их главное преимущество в способности объединять обучение с практической деятельностью, многие приложения используют геймификацию, путем введения игровых механик, это делается с целью того, чтобы увлечь пользователя. Как показывают исследования, такой подход является действенным инструментом для экологического образования и формирования экологически ответственного поведения. В образовательный процесс уже внедряются приложения, позволяющие отмечать на карте несанкционированные свалки для последующей уборки, а также сервисы для расчета личного углеродного следа, помогающие студентам увидеть вклад их повседневных действий в изменение климата [1; 5].

Также одним из главных преимуществ рассматриваемых цифровых инструментов является вовлеченность, ведь обычная лекция часто оставляет студента пассивным слушателем. Чат-бот или мобильное приложение же, напротив, требуют активного взаимодействия, ответов на вопросы, принятия решений, это и переводит процесс познания из пассивного режима в активный [3].

Другим важным аспектом является персонализация, ИИ-алгоритмы способны анализировать действия и интересы пользователя, подстраивая под него сложность и тематику контента. Студент, интересующийся проблемой лесных пожаров, будет получать больше информации по этой теме, в то время как другой, озабоченный загрязнением пластиком, увидит соответствующие советы и задания. Такой индивидуальный подход значительно повышает эффективность просвещения [6].

Наконец, нельзя не отметить фактор доступности, мобильное приложение или чат-бот доступны 24 часа в сутки, 7 дней в неделю. Студент может обратиться к ним в любой момент, когда у него возник вопрос или появилось свободное время. Это создает непрерывную образовательную среду, не ограниченную стенами аудитории или расписанием занятий [1].

Несмотря на достоинства, внедрение таких технологий в экопросвещение сталкивается с многими проблемами. Прежде всего, сохраняется цифровое неравенство среди студентов, не каждый обучающийся имеет в распоряжении современный смартфон с достаточной производительностью или стабильный доступ к высокоскоростному интернету. Это создает ситуацию, при которой часть аудитории автоматически исключается из образовательного процесса, основанного на использовании мобильных приложений и чат-ботов [1].

Другой значимой проблемой является недостаточная квалификация преподавателей, так как многие из них, особенно старшего поколения, не обладают необходимыми навыками для эффективного использования цифровых инструментов в учебной работе. Отсутствие у них понимания возможностей и ограничений новых технологий приводит к тому, что даже качественно разработанные приложения остаются невостребованными или

используются формально, без достижения заложенного в них образовательного эффекта [2].

Также остается риск поверхностного характера знаний, получаемых через чат-боты и краткие интерактивные модули. Игровой формат, при всей своей привлекательности, часто не способствует формированию системного, глубокого понимания экологических проблем. Студент может запомнить отдельные факты, но не видеть целостной картины и причинно-следственных связей, что снижает ценность такого просвещения [3].

Нельзя не сказать про этическую сторону использования ИИ-сервисов, приложения собирают данные о поведении пользователя, его местоположении, предпочтениях. Без прозрачной политики конфиденциальности и надлежащей защиты информации возникает риск утечки личных данных студентов. Кроме того, алгоритмы могут неосознанно воспроизводить культурные или гендерные стереотипы, что особенно важно учитывать в образовательной среде.

Острой проблемой является и подмена реальной деятельности виртуальной активностью. Исследователи отмечают, что участие в экологических челленджах внутри приложения может создавать у человека ложное ощущение достаточности собственных усилий. Студент, регулярно отмечающий на карте свалки или «поливающий» виртуальное дерево, может считать свою экологическую миссию выполненной, не переходя к действиям в реальном мире.

Конечно, необходимо упомянуть языковой барьер и проблему удержания интереса. Значительная часть качественных образовательных приложений и чат-ботов разрабатывается на английском языке, что ограничивает их применение в русскоязычной аудитории. Что касается удержания, то практика показывает, что после первоначального всплеска интереса, вызванного новизной формата, активность пользователей быстро снижается, и приложение удаляется со смартфона. Без продуманной системы мотивации, выходящей за рамки игровых баллов, добиться долгосрочного эффекта крайне сложно [5].

С учетом вышеизложенного, можно сказать, что чат-боты и мобильные приложения на основе искусственного интеллекта обладают значительным и пока еще не в полной мере реализованным потенциалом в сфере экологического просвещения студенческой молодежи. Их сила заключается в способности говорить с молодым поколением на привычном для него языке, превращая получение знаний из рутинной обязанности в увлекательный, интерактивный и персонализированный процесс.

Дальнейшее развитие этого направления требует совместных усилий профильных министерств, IT-разработчиков и образовательного сообщества. Важно не просто создавать новые приложения, но и встраивать их в учебные программы, обучать преподавателей работе с ними и постоянно оценивать их реальную эффективность в деле формирования экологической культуры.

Литература

1. Жменева Е. К., Колыванова Л. А. Цифровизация экологического образования в высшей школе // Дидактика математики: проблемы и исследования. 2024. № 62. С. 14–19.

2. Луначарская А. В., Резниченко М. Г. Резниченко Формирование экологической культуры студентов в условиях цифровизации образовательной среды // Образование в современном мире: риски и перспективы цифровизации : сб. науч. тр. Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием.Самара, 27 февр. 2023 г. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2023. С. 150–154.

3. Маркевич А. В. Применение элементов геймификации как инструмента экологического образования // Научный потенциал молодежи – будущему Беларуси : материалы XVIII Междунар. молодеж. науч.-практ. конф. Пинск, 19 апр. 2024 г. : в 2 ч. Пинск : ПолесГУ, 2024. Ч. 2. С. 77–79.

4. Применение элементов геймификации как инструмента экологического образования / А. В. Маркевич [и др.] // Современные проблемы науки и образования. 2024. № 4. С. 23.

5. Моисеев А. С., Сурнина А. К. Экологический Telegram-бот как инструмент устойчивого развития университетской среды: опыт проектирования и внедрения // Проблемы теории и практики управления. 2025.

6. Нестерова А. А. Экологическое просвещение детей и молодежи в условиях цифровой трансформации российского общества // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10, № 1. С. 1–10.

Chatbots and AI-Based Mobile Applications as a Tool for Environmental Education of University Students

D. A. Kovaleva

East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Irkutsk

Abstract. The article examines the potential of using chatbots and mobile applications based on artificial intelligence technologies in environmental education of university students. The relevance of the topic is due to both the rapid development of digital technologies and the need to find new, more effective forms of developing environmental culture. The currently existing digital tools for environmental education are analyzed, their functional capabilities and potential advantages over traditional methods are described. Particular attention is paid to aspects such as interactivity, gamification, and personalization of learning, which contribute to a deeper involvement of students in environmental issues. Recommendations for integrating these technologies into the educational process of higher education are formulated.

Keywords: chatbots, mobile applications, artificial intelligence, environmental education, students, digital technologies, gamification, environmental culture.

Изоморфизм как основа модели взаимосвязи структуры экотерриторий и экосообществ с параметрами личности

Н. В. Борисов

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Осуществлен краткий междисциплинарный анализ сущности изоморфизма, позволяющий находить близкие (аналогичные) параметры, которые выполняют сходные (одинаковые) по содержанию функции в разных по масштабам явлениях. В основу связи между информационными и социально-психологическими параметрами экосообществ и экотерриторий взято понятие изоморфизма графов. Данное сочетание рассматривается на основе трех взаимодействующих графов в виде треугольников: вершины – конкретные параметры и ребра – взаимодействие. Данный подход задает социально-психологическую архитектуру для построения модели, в которой психологические ресурсы личности и сообщества получают адекватное информационно-технологическое воплощение, а информационные технологии перестают быть просто инструментом «обслуживания», а становятся активным, структурообразующим фактором формирования экосообществ, нацеленных на конкретные объекты и учитывающих психологические ресурсы. Результирующей по проведенному анализу является таблица, в которой отражены возможные информационные и психологические компоненты модели формирования экосообществ и экотерриторий.

Ключевые слова: изоморфизм графов: Graph Isomorphism, междисциплинарный анализ, экотерритория, экосообщество, информационные системы.

Изоморфизм (греч. *isos* – «одинаковый, равный, подобный» и *morphe* – «форма») в словарях и справочных изданиях часто рассматривается в нескольких вариантах, среди которых «соответствие между объектами, выражающее тождество их формы или структуры». В научном плане изоморфизм означает, что при анализе исследователь находит близкие (аналогичные) параметры, выполняющие одинаковые по содержанию функции в разных по масштабам явлениях.

Понятие изоморфизма является фундаментальным не только для математики, но и для многих смежных наук, включая информатику и теорию систем. В самом общем смысле изоморфизм означает отношение эквивалентности между двумя структурами, при котором сохраняются все значимые отношения между их элементами. Это позволяет рассматривать различные по своей природе объекты как структурно идентичные, что открывает возможности для переноса методов, моделей и выводов из одной области в другую. В программировании изоморфизм позволяет разработчикам создавать абстрактные структуры и изучать их в контексте разных доменов. Глубокое понимание изоморфных отношений помогает ученым интерпретировать и предсказывать явления, используя известные модели.

Лейбниц в своих работах по символической логике предвосхитил идею структурного соответствия, утверждая, что истинные отношения между объектами могут быть выражены через их формальные свойства и операции над ними. Хотя сам термин «изоморфизм» появился позже, идея Лейбница о «тождестве неразличимых» и возможности установления точ-

ного соответствия между различными системами символов легла в основу алгебраического подхода к структурам. Работы Маклейна и Эйленберга показали, что изоморфизм – это наиболее сильная форма эквивалентности в категории, гарантирующая полную взаимозаменяемость объектов с точки зрения их структурных свойств.

В базах данных и моделировании знаний принципы изоморфизма лежат в основе онтологических сопоставлений и трансформации моделей. Исследования таких информатиков как Филипп Бернштейн в области управления схемами данных показывают, что разные схемы базы данных, представляющие одну и ту же предметную область, могут быть изоморфными. Задача состоит в нахождении отображения между ними, которое сохраняет семантические ограничения и целостность. Это критически важно для интеграции гетерогенных систем и создания федеративных баз данных.

В химии изоморфия проявляется в способности гомологичных рядов соединений демонстрировать сходные химические и физические свойства. Это позволяет прогнозировать поведение новых, еще не исследованных соединений на основе знаний о гомологических аналогах. Использование структурных аналогий упрощает интерпретацию взаимодействий между молекулами и понимание сложных реакций.

В биологии понятие изоморфизма проявляется в сравнении анатомических структур различных видов. Схожие структуры, как, например, крыло птицы и лапка геккона, показывают, как природа решала схожие задачи с помощью различных эволюционных подходов. Эта концепция помогает в изучении филогенетических деревьев и создания более точных моделей эволюции организмов.

Физика также применяет принципы изоморфных соответствий. Электромагнитные поля и гравитационные поля, например, аналогичны в математическом представлении, благодаря чему можно разрабатывать модели, объясняющие поведение обеих систем подобным образом. Используя эти аналогии, ученые могут переносить математические методы из одной области в другую, облегчая процесс теоретического анализа и разработки новых теорий.

Таким образом, изоморфизм, пройдя путь от абстрактно-математической концепции у Лейбница, Галуа и Клейна до строгой категориальной формулировки у Маклейна и Эйленберга, стал мощным метаинструментом мышления. В программировании и информатике, благодаря работам Хоара, развитию функциональных парадигм (изоморфизм Карри-Говарда) и потребностям практики (изоморфный JavaScript, интеграция данных), он трансформировался в набор принципов для управления сложностью. Эти принципы включают: разделение интерфейса и реализации, обеспечение обратимости преобразований данных, создание универсальных абстракций, работающих в разных контекстах, и установление точных семантических соответствий между различными моделями.

В то время как в математике изоморфизм выступает инструментом доказательства эквивалентности структур, в информатике и программировании он приобретает ярко выраженное прикладное, инженерное измерение. Здесь изоморфизм становится основой для управления сложностью, обеспечения интероперабельности систем и создания устойчивых абстракций, которые могут быть перенесены из одной предметной области в другую. Для нашего исследования, лежащего на стыке информационных технологий и психологии формирования экосообществ, понимание принципов изоморфизма в программировании открывает возможность формализовать процессы, которые ранее описывались исключительно в терминах социальной психологии.

В социальной психологии к проблеме изоморфизма обратились ученые А. Л. Свенцицкий и А. Д. Карнышев [см.: 1–3]. В своих трудах А. Д. Карнышев пишет об основе изоморфизма: «Сутью изоморфического подхода в нашей работе является использование такого алгоритма анализа деятельности, который позволяет через призму ее структуры взглянуть на структуру других социально-психологических феноменов (личность, коллектив, управление), объяснить их взаимозависимость, взаимообусловленность и взаимопроникнутость, рассмотреть в едином контексте их содержательное или формальное подобие» [1, с. 31]. С точки зрения психологии, изоморфизм характеризует способы сочетания элементов и отношения между ними.

Опираясь на разработанную в конце 1980-х гг. А. Д. Карнышевым таблицу «Логический изоморфизм важнейших социально-психологических феноменов по результатам их деятельностного анализа», мы предполагаем, что изоморфизм экотерриторий и экосообществ можно представить в виде минимум трех взаимодействующих графов.

Граф номер 1 позволяет показать экотерриторию как феномен практической деятельности, который будет обеспечен на основе взаимодействия разных сотрудников. Вершинами будут являтся ключевые параметры деятельности, связанные между собой. Так параметр «цель» не может быть выполнен без соответствующих «средств», а также не может не показать конечный «результат» деятельности. Вершина «средств» произрастает из надобности в «цели» и отражают ресурсы достижения «результата». Достигнутый результат деятельности позволяет наметить новую «цель» и спрогнозировать возможные способы ее достижения.

Граф номер 2 отразит специфику организации деятельности сообщества сотрудников по достижению поставленной цели формирования экотерритории. В случае формирования экот-ерритории экосообществу потребуется цель, на основе которой можно образовать формальную и/или неформальную структуру взаимодействия ролей для более эффективного достижения результата. Таким образом, в графе № 2 вершинами будут являться цель экосообщества, формальная структура и результат их деятельности.

Своими вершинами граф номер 3 покажет те личностные ресурсы, которые необходимы как для формирования экотерритории, так и для включенности в деятельность сообщества. Отдельная личность экосообщества должна иметь направленность или иными словами, мотив для своей будущей деятельности, способности, умения или навыки, необходимые для реализации закрепленной роли в экосообществе и как итог деятельности – результат окажет воздействие на самооценку человека.

Все три графа можно представить в виде треугольников со своими вершинами, при этом они не существуют изолированно друг от друга, а образуют связь, где изоморфизм проявляется в наличии для каждой вершины графа своей аналогичной вершины в другом графе. Такое представление позволяет рассмотреть экотерриторию не как статичный объект, а как динамическую систему.

Чтобы перейти от теоретического описания к практической реализации, необходимо отметить несколько принципов, на основе которых можно составить будущую модель формирования экотерриторий и экосообществ. В рамках модели между вершинами графов устанавливается четкая связь (цель экообщества изморфна мотиву личности и цели деятельности), подобная связь позволяет выделить принцип обратного отображения, при котором любое изменение в одном из графов приведет к изменению в другом. Несмотря на различие предметных областей деятельности, личности и экосообщества, все три графа демонстрируют единую топологию связей, где существует исходный импульс, такие как мотив или цель, инструментарное звено, т. е. средства, способности и формальная структура, и, конечно, результирующее состояние – результат, его оценка. Данная структура отражает принцип инвариантности или сохранения структуры. Такой принцип гарантирует, что при разных входных данных такая модель останется деятельностно-ориентированной и не распадется на несвязанные фрагменты. Если первые два принципа составляют «каркас» модели, то принцип гидратации обеспечивает содержательную наполненность и как следствие, практическую применимость. Данный принцип предполагает «двойное существование» вершины графа, что можно выразить через количественный или качественный признак.

В развитии концепции изоморфизма графов можно добавить конкретные материалы. Например, экосообщества, как и любые социальные группы, обладают структурой, которую удобно описывать в терминах теории графов: вершины – это участники (активисты, местные жители, представители организаций), ребра – связи между ними (коммуникация, совместное участие в субботниках, информационный обмен). Изоморфизм графов позволяет утверждать, что структура взаимодействия в экопоселении на берегу Байкала, например, может быть структурно эквивалентна структуре взаимодействия в успешном волонтерском проекте в другом регионе, несмотря на разницу в культурном контексте или количестве участников.

В информатике задача проверки изоморфизма графов (Graph Isomorphism Problem) является ключевой для анализа социальных сетей. Для нашего исследования это означает возможность создавать алгоритмы, которые выявляют устойчивые паттерны взаимодействия внутри экосообществ. Например, мы можем выделить изоморфные подграфы, соответствующие «ядрам сообщества» – группам наиболее активных инициаторов экологических мероприятий. Выявление таких структур позволяет прогнозировать устойчивость экосообщества к внешним воздействиям (например, к административным барьерам или информационному давлению) и тиражировать успешные организационные формы.

Стоит добавить, что с практической точки зрения изоморфизм типов лежит в основе работы современных ORM (Object-Relational Mapping) – систем, которые автоматически преобразуют объекты языка программирования в записи баз данных. В контексте создания информационных ресурсов для экотерриторий это означает, что мы можем описать «Пользователя экосообщества», «Экологическую акцию», «Точку экологического мониторинга» в виде программных объектов, которые будут изоморфны соответствующим таблицам в хранилище данных. Это обеспечивает целостность и непротиворечивость информации.

Более того, сама концепция экотерритории может быть представлена в виде графа, где узлами являются ключевые объекты (зоны отдыха, места сбора отходов, водные объекты, стенды с экологической информацией), а ребрами – экологические тропы или маршруты. Изоморфизм таких графов для различных поселений (Байкальск, Слюдянка, Большое Голоустное) позволяет унифицировать подходы к их экологическому обустройству, адаптируя успешные решения под местную специфику без потери функциональности.

Современная концепция изоморфных веб-приложений представляет особый интерес для реализации информационно-психологических ресурсов экотерриторий. Изоморфное приложение – это программная система, которая выполняет один и тот же код, как на сервере, так и на клиенте. Первоначальная загрузка страницы рендерится на сервере, обеспечивая быстрый доступ к ключевой информации (например, о текущем состоянии загрязнения воздуха по данным системы АНКОС АГ), а затем «гидратируется» на клиенте, превращаясь в полноценное интерактивное приложение (SPA – Single Page Application).

Изложенный материал дает основание сделать некоторое обобщение. Их мы демонстрируем на примере табл. 1.

Информационный подход к проблеме взаимосвязи экотерриторий и экосообществ позволяет утверждать, что процесс управления формированием экотерритории является автоматной системой, где входные сигналы – это социально-психологические установки населения, зафиксированные в опросах, административные решения, инвестиционные потоки; граф состояний – это текущая конфигурация экотерритории (наличие зон покоя и

тревоги, инфраструктура, уровень активности сообществ); выходные сигналы – это реальные изменения экологической обстановки и уровень вовлеченности граждан.

Таблица 1

Информационные системы, которые можно использовать при формировании экотерритории

Информационная система	Применение на экотерритории	Результат
Системы экологического мониторинга	Автоматический сбор данных о загрязнении воздуха, воды, почвы	Объективная оценка состояния экотерритории
Картографические сервисы (ГИС)	Нанесение зон покоя и тревоги, маршрутов экологических троп	Наглядное планирование и управление территорией
Цифровые стенды и информационные панели	Отображение экологических показателей, правил поведения, анонсов мероприятий	Повышение экологической грамотности посетителей
Системы управления мероприятиями	Планирование и учет субботников, акций, волонтерских событий	Организационная эффективность

Что касается вовлеченности граждан в экологическую деятельность то она может отличаться своими территориальными особенностями. Можно наблюдать, что в экологически более значимых территориях эта вовлеченность несколько выше. Это можно показать на следующем примере нашего исследования (табл. 2).

Таблица 2

Ответы респондентов из Иркутской области в целом, а также проживающих в стороне от Байкала и около Байкала на вопрос о том, стремятся ли они принимать посильное участие в акциях по защите природы (в %)

Вариант ответа	Все вместе	Проживают в стороне от Байкала	Проживают на берегу Байкала
	537 чел.	242 чел.	295 чел.
Да	47,1	38,8	53,9
Нет	12,5	17,4	8,5
Затруднились ответить	40,2	43,8	37,6

Данный пример показывает, что экотерритории у Байкала могут отличаться и действительно отличаются более высокой активностью граждан по сохранению природы тех мест, в которых они живут. Это отражает факт зависимости уровня экологической активности от «статуса» экотерритории, на которую направлена данная активность.

Вытекающие из таблицы выводы о значимости личностного отношения к экотерриториям требует детализации на основе всей совокупности личностных характеристик, которые так или иначе, будут вовлечены в процесс формирования экотерриторий и экосообществ. Закономерности, выве-

денные из анализа изоморфизма в программировании и социальной психологии, позволяют преодолеть разрыв между декларируемой целью создания экотерриторий и реальными механизмами ее достижения. Они задают социально-психологическую архитектуру для построения модели, в которой психологические ресурсы личности и сообщества получают адекватное информационно-технологическое воплощение, а информационные технологии перестают быть просто инструментом «обслуживания» и становятся активным, структурообразующим фактором формирования экосообществ. Конкретно в личностном плане к этим параметрам с их функциями можно отнести:

1) наследственные физиологические и «экологические» ресурсы, представляющие собой нейронные структуры мозга и психофизиологический субстрат, в которые должны укореняться (встраиваться) различные «элементы» этнокультурных реалий, делая их органичной частью общей системы психики и организма;

2) целевые и мотивационные установки определяют значение социальной, экономической и экологической деятельности, их смысл для благополучного существования себя и других;

3) навыки, умения, задатки и элементы способностей – это исполнительские и креативные ресурсы, необходимые для улучшения социального окружения и природной среды, а также для нормального существования людей в окружающем мире;

4) потенциалы самооценки и самоуважения увязаны с эффективностью избранных личностью деятельностью и социальной активностью, они же выступают основой эффективной обратной связи с окружающей средой;

5) коммуникативные ресурсы для успешного сотрудничества с другими людьми ориентированы на увеличение общей эффективности совместной деятельности; согласно синергетическим принципам они могут способствовать формированию гармонии с окружающим природным миром.

Рассмотренные выше принципы изоморфического анализа графов (обратного отображения, принцип инвариантности и гидратации), как и приведенные параметры личности не могут не учитываться при создании модели формирования экосообществ и экотерриторий, что может отразиться в следующих информационных компонентах (табл. 3).

Таблица 3

Возможные информационные компоненты модели формирования экосообществ и экотерриторий в их связи с параметрами личности

Компонент	Описание	Изоморфное соответствие с параметрами личности
Базы данных (изоморфизм типов)	Структурированное хранение данных о респондентах, акциях, территориях	Параметры 1–5 – каждому психологическому параметру соответствует набор полей в БД
Графовые модели социальных связей	Представление экосообщества в виде графа (вершины – участники, ребра – взаимодействия)	Параметр 5 (коммуникативные ресурсы) – структура связей изоморфна реальным социальным отношениям

Окончание табл. 3

Компонент	Описание	Изоморфное соответствие с параметрами личности
Изоморфные веб-приложения	Платформы, работающие одновременно на сервере и клиенте (рендеринг + гидратация)	Параметр 2 (мотивация) – быстрый доступ к информации стимулирует участие; обратная связь в реальном времени
Системы мониторинга (АНКОС АГ и аналоги)	Автоматический сбор и обработка данных о состоянии окружающей среды	Параметр 4 (самооценка) – объективные данные позволяют оценить эффективность действий
Алгоритмы анализа данных (SPSS, машинное обучение)	Обработка социологических опросов, выявление корреляций и паттернов	Параметры 1–5 в совокупности – количественное измерение психологических феноменов

Таким образом, табл. 3 отражает, как конкретно изоморфизм может выступить основой модели взаимосвязи параметров экотерриторий и экосообществ с параметрами личности. Но более значимой проблемой является поиск конкретных механизмов перевода виртуальной модели в практическую плоскость, и это зависит от уровневой соотнесенности конкретных территорий и сообществ.

Литература

1. Карнышев А. Д. Изоморфизм и эмерджентность как феномены нейрофизиологии и организационной психологии // Организационная психология, 2015. Т. 5, № 3. С. 26–48.

2. Карнышев А. Д. Социальная и экономическая психология. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017.

3. Свенцицкий А. Л. Краткий психологический словарь. М. : ТК Велби : Проспект, 2008. 512 с.

Isomorphism as the basis for a model of the relationship between the structure of eco-territories and eco-communities and the parameters of the individual

N. V. Borisov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article provides a brief interdisciplinary analysis of the essence of isomorphism, which makes it possible to identify close (analogous) parameters that perform similar (identical) functions in phenomena of different scales. The concept of graph isomorphism is used as the basis for the connection between the informational and socio-psychological parameters of eco-communities and eco-territories; this combination is considered on the basis of 3 interacting graphs in the form of triangles: the vertices represent specific parameters, and the edges represent the interaction. This approach defines the socio-psychological architecture for building a model in which the psychological resources of the individual and the community receive an adequate informational and technological embodiment, and information technologies cease to be merely a tool for “maintenance” and become an active, structure-forming factor in the formation of eco-communities aimed at specific objects and taking psychological resources into account. The result of the analysis presented in the article is a table that reflects the possible informational and psychological components of the model for the formation of eco-communities and eco-territories.

Keywords: Graph isomorphism: “Graph Isomorphism,” interdisciplinary analysis, ecoterritory, ecocommunity, information systems.

РАЗДЕЛ 4

МЕНТАЛЬНОСТЬ РОССИЯН КАК ОРИЕНТИР И РЕСУРС ВОСПИТАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ К МАЛОЙ РОДИНЕ

Психосемантическое исследование духовно-нравственных ценностей подростков

Т. Ц. Дугарова
Российская академия образования, Москва
Л. С. Лажили
Школа № 1514, Москва

Аннотация. Актуальность исследования определяется возрастающим вниманием общества к вопросам духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Целью исследования являлось выявление структурных особенностей и факторов, определяющих смысловое наполнение семи ценностей: «патриотизм», «семья», «гуманизм», «справедливость», «коллективизм», «милосердие», «жизнь». Выявлены структурно-содержательные характеристики духовно-нравственных ценностей подростков в зависимости от пола. Мальчикам свойственен «объективирующий» тип ценностного сознания: они меньше вовлечены эмоционально, но ценят «силу» ценностей как внешних ориентиров при меньшей активности. Девочкам свойственно эмоциональное отношение к ценностям, при этом более готовы к их реализации в поведении.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, подростки, нравственное воспитание.

Актуальность исследования определяется возрастающим вниманием общества к вопросам духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Согласно указу Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», традиционные ценности – «это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению». В условиях трансформационных преобразований общества особую значимость приобретает формирование у подростков устойчивой системы духовно-нравственных ориентиров, определяющих их поведение и отношение к миру. Подростковый возраст является сенситивным периодом для усвоения моральных норм и принципов, что делает изучение психосемантики духовно-нравственных ценностей у данной возрастной группы особенно важным.

В настоящее время наблюдается противоречивая картина в отношении духовно-нравственной сферы подростков. С одной стороны, молодежь стремится к самореализации, с другой стороны, они подвержены влиянию потребительских и асоциальных установок. В этой связи, понимание того, как именно подростки воспринимают духовно-нравственные понятия, является необходимым условием для разработки эффективных стратегий воспитания подростков.

Эмпирическое исследование психосемантики духовно-нравственных ценностей подростков было проведено в период с октября 2025 г. по апрель 2026 г. в ГБОУ г. Москвы «Школа № 1514». Использована методика лич-

ностного дифференциала. В исследовании приняли участие 108 учащихся школы, где 64 мальчика (59,3 %) и 44 девочки (40,7 %).

Целью исследования являлось выявление структурных особенностей и факторов, определяющих смысловое наполнение исследуемых семи ценностей («Патриотизм», «Семья», «Гуманизм», «Справедливость», «Коллективизм», «Милосердие», «Жизнь»). Использовался комплекс статистических методов: описательная статистика; корреляционный и факторный анализ. Из полученных данных можно сделать несколько важных выводов. Прежде всего, заметно расхождение между тем, как подростки оценивают ценности эмоционально и как они воспринимают их как источник силы и действия. Все ценности, такие как «Патриотизм» или «Жизнь», получают в общем положительные оценки. Особенно высоко оцениваются «Жизнь» и «Гуманизм», что говорит об их высоком значении для молодых людей. Однако по показателям «Силы» и «Активности» картина меняется. Как можно заметить, оценки часто оказываются низкими или даже отрицательными, особенно у «патриотизма», «справедливости» и «коллективизма». Подростки признают ценность вышеуказанных понятий, но не ощущают «патриотизм», «справедливость» и «коллективизм» как нечто прочное и побуждающее к действию. Данные ценности остаются скорее внешними, социально одобряемыми, но не становятся частью внутреннего «я». Самый сильный разрыв заметен у «справедливости» и «коллективизма».

Также обращает на себя внимание большая разница в ответах среди самих подростков. Разброс значений по шкалам «Силы» и «Активности» очень широкий, что говорит нам о том, что процесс формирования ценностей у каждого из испытуемых идет индивидуально. Так, некоторые подростки могут полностью отвергать какую-либо ценность, а другие, наоборот, – придавать ей максимальное значение.

В рамках нашего исследования отдельно стоит сказать о некоторых ценностях. Показатель «Патриотизм» получил низкую эмоциональную оценку, активность испытуемых также была на невысоком уровне. Ценность «Семья» оценивается высоко, но показатели силы и активности данной ценности низкие – возможно, ценность «Семья» воспринимается как данность, а не как область личной ответственности. Показатель «Милосердие», напротив, показывает самую высокую силу среди всех ценностей.

Итак, в итоге можно говорить о системном «ценностном разрыве» – подростки признают ценность тех или иных понятий, но не чувствуют данные понятия как источник внутренней силы и побуждения к действию. Можно утверждать, что подобная ситуация является особенностью данной возрастной группы.

Далее, чтобы лучше понять взаимосвязи между переменными, был проведен корреляционный анализ. Большинство связей оказались слабыми или умеренными, показывая, что методика хорошо различает разные стороны ценностей и данные подходят для дальнейшего анализа. Наиболее заметные положительные связи наблюдаются между разными шкалами од-

ной и той же ценности – например, если ценность нравится, то часто воспринимается и как сильная, и как активная, хотя в целом по группе уровень силы и активности может быть низким.

Шкала «Активности» оказалась наименее связанной с другими. «Активность» – самый проблемный и слабо интегрированный компонент в ценностной системе подростков. Также заметны умеренные связи между оценками близких по смыслу понятий, например, гуманизма и милосердия или коллективизма и патриотизма, указывая на существование более общих категорий – «общечеловеческие» и «социально-коллективные» ценности. Так, некоторые слабые отрицательные связи между разными шкалами могут говорить о скрытых мировоззренческих противоречиях.

Таким образом, можно утверждать, что ценности связаны между собой, но данные связи зависят от смысловой близости и от того, какой именно параметр рассматривается – оценка, сила или активность.

Для выявления скрытых факторов, лежащих в основе этих связей, был использован метод главных компонент. Анализ показал, что оптимально выделить пять факторов, которые вместе объясняют 67 % всех различий в данных (табл. 1).

Таблица 1

Выраженность факторов с объясненной дисперсией

Фактор	Собственное значение	% объясненной дисперсии	Накопленный, %
1	Наибольшее	~17–18	~17–18
2	Высокое	~13–14	~31–32
3	Высокое	~12–13	~43–45
4	>1	~11–12	~55–57
5	>1	~11–12	~67

Структурирование факторов проведено на основе анализа матрицы факторных нагрузок после вращения. Значимой считалась нагрузка > |0,5| (табл. 2).

Таблица 2

Структура факторов

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Коммунальность
Патриотизм_О	0,146	–0,042	–0,168	–0,571	0,055	0,38
Патриотизм_С	–0,133	–0,032	0,332	–0,431	–0,177	0,345
Патриотизм_А	0,043	0,216	0,255	0,398	0,201	0,312
Семья_О	0,11	0,307	–0,32	–0,024	0,022	0,21
Семья_С	–0,683	–0,146	0,124	0,017	–0,134	0,522
Семья_А	–0,064	–0,585	–0,003	0,107	0,223	0,407
Гуманизм_О	–0,073	0,481	–0,349	0,284	–0,111	0,451
Гуманизм_С	–0,638	0,092	–0,022	–0,051	–0,126	0,434
Гуманизм_А	–0,004	0,009	–0,124	0,447	0,018	0,216
Справедливость_О	0,423	0,066	–0,002	–0,357	–0,031	0,312
Справедливость_С	–0,001	0,187	0,28	–0,032	–0,551	0,418
Справедливость_А	0,025	0,212	0,121	–0,268	0,6	0,492
Коллективизм_О	0,654	–0,28	–0,047	0,038	–0,024	0,51
Коллективизм_С	–0,125	–0,02	0,505	–0,037	–0,245	0,332

Окончание табл. 2

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Коммунальность
Коллективизм_А	0,329	0,25	0,322	0,238	0,281	0,41
Милосердие_О	0,396	0,126	–0,152	–0,062	–0,284	0,28
Милосердие_С	–0,024	–0,05	0,626	0,063	0,021	0,399
Милосердие_А	0,122	–0,19	–0,026	0,229	0,639	0,513
Жизнь_О	0,334	–0,297	–0,242	0,506	–0,304	0,607
Жизнь_С	–0,017	0,007	0,625	–0,126	0,079	0,414
Жизнь_А	–0,13	0,731	0,012	0,1	0,067	0,566

После анализа данных выделены пять факторов, которые объясняют скрытые закономерности в ответах подростков. Первый фактор оказался самым противоречивым. Фактор 1 показывает, что подростки могут положительно оценивать коллективизм как идею, но при этом воспринимать семью и гуманизм как внутренне слабые и ненадежные. Получается, что социально одобряемая ценность коллектива признается, при этом личная опора на близкие и человечные ценности ощущается слабо. В данном случае подросток скорее ориентируется на внешние нормы, чем на внутренние убеждения.

Фактор 2 противопоставляет активное восприятие жизни пассивному отношению к семье. Подростки, которые сильно связаны с указанным фактором, видят жизнь как энергичный процесс и положительно оценивают гуманизм, но семейные отношения кажутся данной группе подростков инертными и лишенными энергии. Ценность собственного существования и общечеловеческих идеалов для молодых людей важнее активного участия в семейных делах.

Фактор 3 объединяет ценности по внутренней прочности. Подростки, подпадающие под данный фактор, воспринимают жизнь, милосердие и коллективные связи как нечто устойчивое и надежное, дающее опору.

Фактор 4 отражает прагматичный подход. Имеется в виду высокая оценка жизни, готовность к активным действиям во имя гуманизма, но в то же время – низкая оценка патриотизма. Такие подростки больше ценят то, что приносит практическую пользу и требует личного участия, а абстрактные ценности вроде патриотизма их не привлекают.

Фактор 5 связан с этикой справедливого действия. Подростки видят справедливость и милосердие как важные ориентиры для поступков, но при этом глубоко сомневаются в их силе и надежности в реальной жизни. Получается сочетание морального идеализма с пессимизмом: они знают, как надо поступать, но не верят, что это действительно работает.

Проведем визуальный анализ тепловой карты факторных нагрузок (рис. 1, 2).

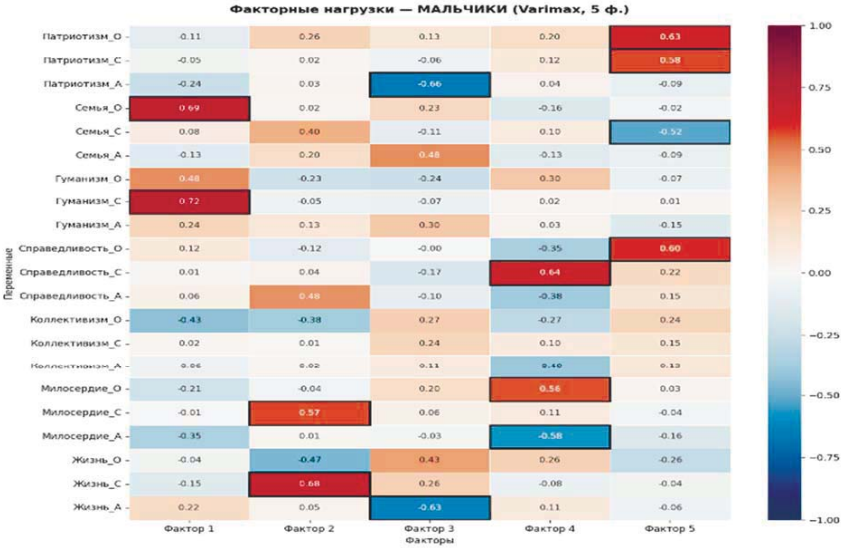

Рис. 1. Выраженность факторных нагрузок мальчиков

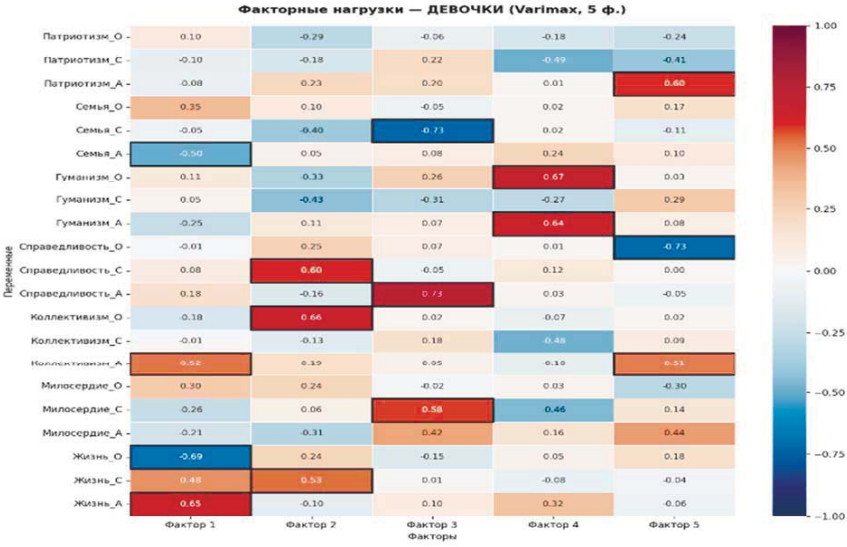

Рис. 2. Выраженность факторных нагрузок девочек

При раздельном анализе факторных структур установлено, что у мальчиков пять факторов объясняют около 61 % общей дисперсии, а у девочек – около 65 %, что свидетельствует о высокой интерпретируемости полученных моделей и несколько большей внутренней согласованности системы духовно-нравственных ценностей у девушек. У мальчиков вклад отдельных факторов распределился следующим образом: Фактор 1 – около 15 %, Фактор 2 – около 13 %, Фактор 3 – около 12 %, Фактор 4 – около 11 %, Фактор 5 – около 10 %, что в совокупности составляет приблизительно 61 % объясненной дисперсии. У девочек Фактор 1 объясняет около 16 % дисперсии, Фактор 2 – около 14 %, Фактор 3 – около 13 %, Фактор 4 – около 11 %, Фактор 5 – около 11 %, что суммарно составляет около 65 % объясненной дисперсии.

Анализ тепловых карт показал, что содержательное наполнение факторов у мальчиков и девочек различается. У мальчиков Фактор 1 связан, прежде всего, с семейно-гуманистическим ядром и отражает восприятие семьи, гуманизма и коллективных ценностей как нормативной основы личности. У девочек данный фактор смещается в сторону жизненной активности и эмоциональной вовлеченности, что говорит о более личностном и переживаемом характере ценностей.

Фактор 2 у мальчиков объединяет представления о внутренней силе жизни и милосердия, тогда как у девочек связан с коллективизмом и справедливостью как эмоционально значимыми социальными ориентирами.

Фактор 3 у мальчиков отражает напряжение между активностью, жизнью и патриотизмом, тогда как у девочек он объединяет милосердие, справедливость и семейные отношения как устойчивую систему нравственных опор.

Фактор 4 у мальчиков связан со справедливостью и милосердием как внутренними моральными регуляторами поведения, а у девочек – с гуманизмом и деятельностной направленностью нравственных ценностей.

Фактор 5 у мальчиков носит преимущественно нормативно-гражданский характер и связан с патриотизмом и справедливостью, тогда как у девочек он отражает более эмоционально окрашенное восприятие патриотизма и коллективной активности. В целом у девочек духовно-нравственные ценности оказываются более эмоционально интегрированными и взаимосвязанными, тогда как у мальчиков структура ценностей выглядит более жесткой, нормативной и внешне организованной.

Таким образом, результаты факторного анализа и тепловых карт подтверждают гипотезу о различиях в структуре и содержании духовно-нравственных ценностей подростков в зависимости от пола.

Итак, как можно заметить, результаты комплексного анализа по методике «Личностный дифференциал» выявили противоречивую структуру духовно-нравственных ценностей у современных подростков. Главный вывод состоит в том, что между эмоциональным принятием ценностей и их восприятием как внутренней силы и побуждения к действию существует

разрыв. Факторный анализ помог не просто заметить это расхождение, но и понять его внутреннее устройство. Было выделено пять устойчивых скрытых факторов, которые отражают основные мировоззренческие противоречия подросткового возраста: между тем, что одобряется обществом, и личной неуверенностью; между ощущением жизни как активного процесса и пассивным отношением к своим ролям; между пониманием того, как нужно поступать, и сомнением в том, что это сработает. Полученную модель можно использовать, чтобы разделить подростков на группы по особенностям их ценностного сознания и разрабатывать адресные психолого-педагогические программы.

Далее рассмотрим гендерные различия в восприятии духовно-нравственных ценностей. Сравнительный анализ данных мальчиков и девочек показал, что их ценностный мир устроен по-разному, что связано с особенностями взросления и социализации.

По шкале «Оценка», т. е. эмоциональному отношению, у девочек показатели выше по всем ценностям без исключения. Девочки более тепло и эмоционально принимают все ценности, особенно «Семью» и «Жизнь», в то время как у мальчиков оценки заметно ниже. Мальчики проявляют сдержанность, что может быть связано с желанием выглядеть рациональными или отстраненными.

Самый неожиданный результат обнаружен по шкале «Сила», которая показывает внутреннюю устойчивость и авторитетность ценности. Мальчики воспринимают почти все ценности как «сильные», так как видят в них незыблемые ориентиры или правила игры. Наивысшие баллы у мальчиков получили «Гуманизм» и «Жизнь». Девочки же, наоборот, оценивают те же ценности как «хрупкие» и нуждающиеся в защите, что говорит о принципиально разной психологической позиции: мальчики опираются на ценности как на каркас, а девочки сопереживают им, ощущая их уязвимость.

По шкале «Активность», которая отражает поведенческий потенциал, и мальчики, и девочки показали в целом низкие результаты, что подтверждает общую возрастную тенденцию к отчуждению от ценностей в действии. Однако есть нюансы – у мальчиков самые низкие показатели активности приходятся на шкалах «Справедливость», «Милосердие» и «Жизнь», что говорит о кризисе деятельностного компонента – они не видят, как эти ценности можно воплотить в реальной жизни. У девочек активность по большинству позиций выше, особенно в таких сферах, как «Гуманизм» и «Справедливость». Девочки чаще включают указанные ценности в свои повседневные социальные стратегии, тогда как для мальчиков они остаются скорее декларативными.

Проведенный анализ позволяет сделать несколько важных выводов. Мальчикам свойственен «объективирующий» тип ценностного сознания: они меньше вовлечены эмоционально, но ценят «силу» ценностей как внешних ориентиров. Для них ценности – это стандарты, которые признаются, но часто не переходят в активные действия. Девочки же обладают

«рефлексивно-уязвимым» типом: они сильно эмоционально переживают ценности, ощущают их хрупкость, но при этом более готовы к их реализации в поведении.

Общей для обоих полов является низкая активность, но причины разные: мальчики чувствуют, что не могут «удержать» ценность в действии, а девочки – что ценности подвержены внешним воздействиям. Для мальчиков эффективнее показывать «силу» ценностей через примеры их деятельной реализации, а для девочек – укреплять «защищенность» ценностей и поддерживать их эмоционально, чтобы повысить уверенность в значимости этих идеалов.

Проведенное исследование позволило выявить особенности духовно-нравственных ценностей подростков в зависимости от пола, которые проявляются как в содержании, т. е. в самом наборе значимых ценностей, так и в структуре, т. е. в том, как ценности связаны между собой и функционируют в сознании.

Таким образом, проведенный психосемантический анализ показывает, что духовно-нравственное развитие подростков не является однородным процессом по причине детерминации гендерными стратегиями освоения мира. Мальчики осваивают ценности через внешние правила, иерархию и формальные символы, а девочки – через эмоциональную интеграцию, личные отношения и сопереживание. Полученные результаты имеют прямое педагогическое значение. Эффективное воспитание должно не нивелировать гендерные различия – для мальчиков эффективнее предлагать алгоритмы, правила и примеры деятельной реализации ценностей, а для девочек – поддерживать естественную склонность к эмоционально-ценностной интеграции и укреплять чувство защищенности идеалов. Развитие ценностного сознания подростков должно идти по пути «связывания» смыслового содержания с практическими поведенческими моделями, чтобы моральные принципы и жизненные ориентиры находили свое воплощение в конкретных действиях.

Литература

1. Дугарова Т. Ц. Гражданская идентичность: теоретические подходы, факторы развития : учеб.-метод. пособие. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2021. 64 с. DOI: 10.31862/9785426310421

2. Дугарова Т. Ц. Психология молодежных субкультур. Профилактика экстремизма в молодежной среде : учеб.-метод. пособие. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2020. 90 с.

3. Дугарова Т. Ц., Фроленкова И. Ю. Аксиологический потенциал личности: психосемантическое исследование ценностей // Развитие личности. 2024. № 3. С. 8–23.

Psychosemantic study of the spiritual and moral values of teenagers

T. Ts. Dugarova
Russian Academy of Education, Moscow
L. Lazhili
School № 1514, Moscow

Abstract. The relevance of the study is determined by the growing attention of society to issues of spiritual and moral upbringing of the younger generation. The aim of the study was to identify the structural features and factors THAT determine the semantic content of seven values: “Patriotism”, “Family”, “Humanism”, “Justice”, “Collectivism”, “Mercy”, “Life”. The structural and substantive characteristics of the spiritual and moral values of adolescents, depending on gender, have been identified. Boys tend to have an “objectifying” type of value consciousness: they are less emotionally involved, but they appreciate the “power” of values as external reference points, albeit with less activity. Girls tend to have an emotional attitude towards values, but they are more ready to put them into practice in their behavior.
Keywords: spiritual and moral values, teenagers, moral education.

Этнические истоки экологичного менталитета и ментального здоровья личности и семьи и их связь с современными психолого-экономическими реалиями

А. Д. Карнышев
Иркутский государственный университет, Иркутск
Т. А. Кишинская
Байкальский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Отмечается, что сохранившиеся с давних пор в этнических группах народные идеи и истины по защите природных аспектов бытия, сохранению физического и душевного благополучия вполне можно назвать источниками ментального здоровья. Они демонстрируют историческую подоплеку развития в этносе важных для сегодняшнего дня идей. Эти реалии продемонстрированы на примерах отношений старообрядцев (семейских) к дому, хозяйству и природе, а также шаманских позиций бурят. Делается вывод, что элементы экологичного менталитета и ментального здоровья встречаются в национальном самосознании любого народа, и связаны они, прежде всего с факторами производительной деятельности на природе, благоустройства и комфорта в доме, физического и психологического здоровья человека и его семьи. Задача состоит в том, чтобы их выявлять и в усовершенствованном виде использовать в современной обстановке экологичной экономики.
Ключевые слова: экологичное бытие, дом и семья, душевный комфорт, ментальность, экологичная экономика.

Для уточнения заявленной в статье сути разговора попытаемся разобраться в существе нередко используемого понятия «ментальность». Синонимами к слову *ментальный* нередко считаются: умственный, мыслительный, психический, интеллектуальный. Между тем в словарях иностранных слов менталитет (фр. mentalite) – образ, способ мышления, мировосприятия личности и/или социальной группы. В интернете менталитет – совокупность умственных, эмоциональных и культурных особенностей, а также ценностей человека или группы, чаще – целого народа. В связи с этим под ментальностью нередко подразумевают разного рода установки и истины, которых в этнических группах придерживались с давних пор. Отсюда многие из них были связаны в первую очередь с религией и фольклорными «единицами» – пословицами, поговорками, загадками и т. п. Среди

религиозных и фольклорных реалий нас в первую очередь интересуют позиции по психологическому здоровью и отношению к защите природы, поскольку они демонстрируют историческую подоплеку развития в этносе важных для сегодняшнего дня идей. При этом сохранившиеся с давних пор народные установки и истины по сохранению физического и душевного благополучия вполне можно назвать источниками ментального здоровья [см. 1].

Особенности отношения людей к природе по современным критериям связаны с древнегреческим понятием oikos (эко) – дом и родина, отсюда вытекают и понятия экологический менталитет, экологическая культура. Культура любого народа зарождалась, прежде всего, в тех жилищах, где люди совместно занимались различными хозяйственными деятельностями и «выняньчивали» и подготавливали к взрослой жизни детей и молодежь. Вне приспособленных для жизни групп уютной пещеры, грота, вырытой землянки или иного адаптированного к нуждам людей и их семей жилища невозможно было бы совокупное физическое и духовное развитие. Иными словами, если человеческие деятельности на природе стали одним из первых социальных факторов, который сохранил человека и этнические группы и породил их культуру, то дом был главным местом, где это происходило. Поэтому экономика и экология по сути лишь условно «разрываемые» термины, и с начала 2000-х гг. во многих работах рассматриваются концепции экономичной экологии и/или экологичной экономики, которая проявляется у многих народов и которую стоит шире прокомментировать. Дело в том, что ***экологичный –*** прежде всего ***качество*** каких-либо явлений, не обязательно экологических. Например, экологичным может быть поведение в разных сферах: экономической, социальной, политической, предпринимательской и т. п. Экологичное производство в современном обществе касается изготовления, выработки, выделки всех без исключения продуктов, товаров, определяя соответствие экологическим нормам не только их самих, но и упаковочных материалов, возможностей утилизации «остатков» и т. п. Все это делает вполне естественным понятие «***экологичное бытие***», естественной основой которого является экологичный менталитет и которое может и должно встраиваться во все сферы жизнедеятельности человека и общества и влиять на их психологическое здоровье. Отсюда сочетание «ментальное здоровье» в этнокультурном смысле связано с природными и социальными установками, проявлением чувств конкретных народов и их этнических групп. В свою очередь, элементы экологичного менталитета встречаются в национальном самосознании любого народа, и связаны они, прежде всего, с факторами производительной деятельности на природе, благоустройства и комфорта в доме, физического и психологического здоровья человека и его семьи. Современная действительность побуждает придерживаться не только инноваций электронного мира, но и выработанных традиций в отношении экологичного бытия, которое может и должно встраиваться во все сферы жизнедеятельности че-

ловека и общества в его разных этнических вариантах, тем самым способствуя консолидации и патриотизму.

Исходя из региональных особенностей и краткости статьи, остановимся на двух примерах – некоторых нюансах ментальности русских и бурят. В словаре В. Даля есть понятие пепелище – не только погорелое место, пожарище, но и наследованные от отца или от предков дом, жилище, место, земля. В таком русле А. Пушкин писал:

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека, –
Залог величия его…

Приоритетные характеристики дома и семьи в полной мере можно отнести и к понятию «малой родины», и это также связано с «главами» семей: о происхождении любви к родине – патриотизме хорошо говорит термин «terra patria» – «земля отцов», используемый древними народами. Малым отечеством была та часть земли, которая часто органично была связана с «историей» семьи, где находились домашнее хозяйство, очаг и могилы предков, где природной наглядностью отличалась «любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу». Французский ученый Г. Лебон говорил об истоках такой ментальности: благоговейное отношение к отечеству начиналось с семьи, возвышалось до деревни, города и провинции, и лишь затем становилось национальной идеей [3, с. 52]. Эта ментальность жива и сегодня. В исследовании весной 2021 г. на наш вопрос: «Какие ресурсы и условия в большей мере влияют на формирование отношения к малой родине?», на первое место вышел ответ ($n = 449$): «почитание природы в семье, пример старшего поколения» – 58,4 %; среди молодежи до 25 лет число таких ответов – 62,7 %, среди бурят – 68,2 %, среди русских – 57,3 %. В приведенных цифрах отражены ресурсы связи психологического здоровья семьи с патриотическим отношением к малой родине.

В русле понятия **oikos** – дом можно обратиться к термину «эконом», который используется в русском языке, начиная с Петра I. Но М. Фасмер в своем этимологическом словаре говорит о наличии слова «***иконом***» (по-видимому от первых букв «**oi**»), применяемого вместо **«эконом»** еще со времен автора «Жития Бориса и Глеба» – монаха Киево-Печерского монастыря Нестора (конец XI в.) и игумена Даниила – автора книги «Хождения», описывающей его путешествие в Палестину (около 1115 г.). Интересно, что отражения сути слова эконом с начальным звуком «**и**» мы находим в «Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» в такой интерпретации слова экономница, иканомница: «иканомница все делает сама – не дает в люди. Сама все приготавливает, и шьет, и печет, и вяжет и пря-

дет». Что сказывается на начальной букве слова или говор, или сохранение стародавнего варианта на сегодня трудно определить. В словаре В. Даля слово «эконом» используется для пояснения понятий хороший хозяин, скопидом, расчетливый, сберегающий, а также домоправитель, домостроитель, правящий хозяйством. Между тем ни у Фасмера, ни у Даля слов, раскрывающих близких к экологии взаимосвязей, не имеется. Немецкий философ В. Хесле в московских лекциях 1990 г. отмечает, что «говоря об экономике, не следует забывать об одном немаловажном отличии, так как вплоть до XVIII в., когда под экономикой начали понимать науку о хозяйстве, упомянутое слово означало лишь учение о домоводстве» [4, с. 103]. Естественно, в любом «домоводстве» существенная роль, с одной стороны, принадлежит семье, с другой стороны, семья не может не заботиться о физическом и психическом здоровье своих членов [см. 2].

В последней истине опять-таки нельзя не вспомнить об опыте старообрядцев (семейских) – древних выразителей русского менталитета. Один из главных духовных отцов старообрядчества протопоп Аввакум еще в 17-м веке на примере влияния на себя природы Байкала посчитал, что красота природы должна облагораживать духовный мир человека и вместе с тем делать его более благодарным Богу. Но человек к этому, как считал протопоп, еще не готов: «*скачет, яко козел, раздувается, яко пузырь, гневается, яко рысь,* съесть хощет, яко змия, ржет, зря на гужую красоту, яко жребя, лукавует, яко бес, насыщаяся невоздержно, без правила спит, Бога не молит, покаяние отлагает на старость, и потом исчезает…». Психологическое здоровье таких людей под явным сомнением.

Следуя этническому вектору, природные особенности менталитета бурят, можно рассмотреть на их отношении к шаманам и шаманизму, которое (отношение) сохранилось и сегодня во многих родах и племенах. Несмотря на наличие признаний, шедших от известного историка Г. Ф. Миллера, о происхождении (перенесении) шаманизма от индийских духовных лиц – саманеянов, первый бурятский ученый Д. Банзаров, написавший в 1846 г. работу «Черная вера, или Шаманство у монголов», считал, что шаманство не являлось отголоском какой-то другой религии востока – брахманизма, буддизма или зороастризма. «Шаманизм возник независимо от других религиозных систем, не как божественное откровение или появление абсолютного духа, а *порожден человеком как объяснение жизни природы*. Черная вера монголов произошла из того же источника, из которого образовались многие древние религиозные системы; внешний мир – природа, внутренний мир – дух человека, и явления того и другого – вот что было источником черной веры. Такая основная идея в религии, по-видимому, должна быть произведением духа, вникающего в самого себя и наблюдающего над природой» [5, т. 2, с. 276; курсив автора цитаты].

Проникновение «в самого себя» является источником психологического здоровья, и этот источник является отправным пунктом «проникновения в психику других». Более века назад российский этнолог С. М. Ши-

рокогоров в статье «Шаман – психотерапевт» утверждал, с одной стороны, что у аборигенов, «шаман одновременно является родовым жрецом, волхвом, врачом и знахарем», с другой стороны, что шаманы и шаманство являются органами и системами «играющими в области психической жизни народов преимущественно санитарно-предохранительную роль» в приложении, прежде всего, к первичным «единицам» человечества – семье и роду, и в то же время они впитывали азиатские традиции [6, с. 214, 218]. Родовой шаманизм, начинающийся с малой и большой семьи, нарабатывал методы психологической помощи и коррекции, прежде всего, на «пациентах» первой и второй степени родства (дедушки и бабушки, родители, родные и двоюродные братья и сестры и т. п.). Немаловажно, что к ритуалу камлания шаман привлекал не только «нуждающихся» людей, но и родственников по отцовской, а порою и по материнской линии. При этом сами шаманы в подавляющем числе случаев были семейными людьми со всеми вытекающими отсюда последствиями. Нельзя не видеть схожесть камлания на природе и с помощью средств природы, с некоторыми современными методами семейной психотерапии.

Представленные этнические варианты термина «психологическое (психическое) здоровье» указывают на его достаточную сложность, и стоит кратко рассмотреть его содержание в связи с современными мнениями индивида и семьи. Попытаемся в первом, индивидуальном случае сделать анализ в гендерном отношении: мнения мужчин и женщин о психологическом здоровье (табл).

Таблица

Мнение мужчин и женщин о сущности психологического здоровья (%)

Мнение	Мужчины	Женщины
Психологическое здоровье – это реалия, которая помогает сохранять спокойствие, самообладание, уверенность в себе и т. д.	68,2	76,6
Психологическое здоровье – это понятие, в которое можно верить и не верить	19,7	14,9
Психологическое здоровье – это ничего не значащее, абстрактное понятие	10,6	4,4
Другое	1,1	1,1

В данных таблицы можно увидеть некоторое подтверждение, что в оценке важности психологического здоровья для отдельного человека существуют различия между представителями двух полов, хотя и они не столь значимы. Что касается семейной проблематики вопроса, имеются понятия с «природной» составляющей – «психологический климат», «психическая атмосфера» семьи – удовлетворенность супругов основными аспектами совместной жизнедеятельности, общим тоном и стилем общения. Одной из последних таких закрепленных истин стали слова песни: «важней всего погода в доме, а остальное – суета». Есть концепции, что психологические погода и климат – это эмоциональный настрой, который явля-

ется следствием семейной коммуникации. Встречаются взгляды, что из всех функций семьи сохраняется лишь одна – психологическое прибежище, желание достичь душевного комфорта. Климат семьи и ее психологическое здоровье – понятия, скорее всего, достаточно «комплексные», но их содержание конкретизируется в первую очередь в зависимости от менталитета этнических групп.

Психологическое здоровье семьи и ее членов вряд ли можно оторвать от решения хозяйственных вопросов, связанных с природными ресурсами. Данный аспект можно показать и на примере дачных (садовых) участков, которые имеются у многих российских горожан. Опрос, проведенный фондом общественного мнения (ФОМ) летом 2017 г. продемонстрировал следующие результаты ответов на вопрос «Для чего Вам нужен садовый участок?»:

- Обеспечить семью основными продуктами – 30 %,
- Отдохнуть, побыть на природе – 27 %,
- Иметь дом и землю на случай потрясений – 10 %,
- Общаться, приглашать друзей – 10 %,
- Вывозить детей на время каникул – 9 %,
- Побыть вне семьи одному (одной) – 3 %,
- Вложить деньги, сберечь их от инфляции – 1 % [Парламентская газета, 21–27.07.2017].

Таким образом «дача», хочешь – не хочешь, связана со многими аспектами жизни людей и их психологического здоровья.

На наш взгляд, связанные с домом и семьей особенности экологичного менталитета и ментального здоровья могут «работать» и на реалии сегодняшнего дня. Современная действительность нередко побуждает придерживаться стародавних традиций в отношении данного понятия, т. е. чаще рассматривать в контексте семьи дом не столько «многоквартирный», сколько индивидуальный. Нет нужды доказывать, что у значительного числа российских жителей не только сел и деревень, но и пригородов, районных центров и современных «полугородских» поселков из коттеджей жизнь проходит в собственном доме. В связи с чем, важно сделать определенные практические выводы по рассматриваемой проблеме. Во-первых, тяга современных людей, в том числе молодежи, к индивидуальным домам и коттеджам с хотя бы и небольшими «усадьбами» – это генетическое, архетипическое стремление не только к стародавнему «семейному гнездышку», что исстари было характерно для многих российских людей. Это и подсознательная тяга к конкретному земледельческому, садоводческому и иному труду, что исконно характеризовало семьи многих народов и этносов России на своих «малых родинах». Во-вторых, именно успешное осуществление хозяйственных деятельностей и связанных с ними бытовых и социальных функций зачастую обеспечивают хорошее психологическое здоровье семьи и ее уверенность в собственном будущем. В-третьих, некоторые аспекты организации семейных домов приучают ставить вперед более широкие социальные ориентиры. Названные причины позволяют

утверждать, что акценты экологичного бытия надо смещать на семью и ее индивидуальную обитель – дом, для чего семьи должны отличаться стабильностью, любовью к своей малой родине и готовностью быть максимально активными в защите ее природы. В этом плане существенная роль принадлежит реальным и виртуальным экосообществам.

Литература

1. Карнышев А. Д. Психология здоровья : учебник. М. : РУСАЙНС, 2021.
2. Карнышев А. Д. Сибирская семья: истоки и природные ресурсы психологического здоровья. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб. : Макет. 1995.
4. Хесле В. Философия и экология. М. : Ками, 1994.
5. Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв. : хрестоматия : в 2 т. СПб. : Филол. факультет СПбГУ : Нестор-История, 2011.
6. Широкогоров С. М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Изд. 3-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2012.

Ethnic origins of an environmentally friendly mindset and mental health of the individual and the family, and their connection with modern psychological and economic realities

A. D. Karnyshev
Irkutsk State University, Irkutsk
T. A. Kishinskaya
Baikal State University, Irkutsk

Abstract. The ideas and truths that have been preserved for a long time among ethnic groups–regarding the protection of the natural aspects of existence and the preservation of physical and mental well-being–can quite rightly be called sources of mental health. They demonstrate the historical background of the development of ideas that are important for today within the ethnic group. The article illustrates such realities through examples of the Old Believers' (Semey) attitudes towards the home, household, and nature, as well as the shamanic views of the Buryats. Examples show that elements of an eco-friendly mentality and mental health can be found in the national self-awareness of any people, and they are primarily associated with factors related to productive activity in nature, improvement and comfort in the home, and the physical and psychological health of an individual and their family. The task is to identify these elements and use them in an improved form in the modern context of an eco-friendly economy.

Keywords: eco-friendly way of life, home and family, emotional comfort, mindset, eco-friendly economy.

Проблемы организации системы патриотического воспитания молодежи на территории Прибайкалья

Р. В. Иванов, Д. В. Белоусов

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматриваются проблемы развития системы патриотического воспитания, внимание акцентируется на практическом проявлении отдельных последствий существующих проблем: территориальная асимметрия, дефицита квалифицированных кадров, проблема разрыва между традиционной офлайн-системой воспитания и современной цифровой средой жизнедеятельности молодежи.

Ключевые слова: молодежная политика, патриотическое воспитание, программы, проекты.

Проведенный в статье анализ позволил выявить комплекс проблем, снижающих эффективность системы патриотического воспитания молодежи в Иркутской области. Основные из них включают территориальную асимметрию, кадровый дефицит и методическое отставание форматов работы.

Первой существенной проблемой функционирования системы выступает территориальная асимметрия, выражающаяся в концентрации ресурсов в городских центрах при недостаточном охвате сельских территорий. Иркутская область является одним из наиболее протяженных субъектов Сибирского федерального округа, однако при формальном охвате всех сорока двух муниципальных образований основной объем деятельности закономерно концентрируется в Иркутске, Ангарске, Братске и крупных районных центрах, между тем за их пределами находится большая часть молодежи области – 54 % (рис.).

Рис.

Данная тенденция обусловлена объективными инфраструктурными причинами, в указанных городах сосредоточены подведомственные учреждения профильного министерства, включая Молодежный кадровый центр, Центр профилактики социально-негативных явлений и Проектный офис, там же действуют профильные некоммерческие организации и расположены ключевые площадки для крупных мероприятий.

Отдаленные сельские территории обладают заметно меньшими ресурсными возможностями, фиксируется нехватка помещений и постоянных молодежных площадок, а транспортная доступность ограничена. Как отмечает Ильин Е. П. «удаленность от центров власти, науки и культуры создает ряд проблем: ограниченность инфраструктуры, нехватка специалистов и низкая информационная обеспеченность» [2, с. 148].

Указанная проблема на практике проявляется в неравномерности распределения календарных событий. Например, в ряде муниципалитетов за год реализуются десятки разноформатных мероприятий, а в иных территориях активность сводится к нескольким отчетным событиям, приуроченным к памятным датам.

Дополнительно фиксируется неравномерность доступа целевой аудитории к ресурсам системы, жители сельских поселений объективно реже принимают участие в проектной деятельности, форумах и профильных сменах, в данном контексте возникает обоснованный вопрос о целесообразности признания муниципального образования охваченным при реализации минимального количества профильных мероприятий в год. Иными словами, формируется разрыв между нормативными ожиданиями о непрерывной работе во всех муниципальных образованиях и фактическим положением дел.

В тесном переплетении с первой проблемой существует проблема установленного дефицита квалифицированных кадров и ограниченное количество методически подготовленных специалистов. Как подтверждается многими исследователями, кадровое обеспечение выступает ключевым элементом реализации государственной политики в любой без исключения сфере. Сущность проблемы в том, что на уровне муниципальных образований Иркутской области фиксируется ситуация, при которой один специалист по работе с молодежью вынужден совмещать администрирование нескольких различных направлений деятельности, в круг его обязанностей может входить развитие добровольчества, профилактика социально-негативных явлений, поддержка молодых семей, координация проектной деятельности и патриотическое воспитание, сфера спорта.

Причины проблемы кроются в том, что действующие штатные расписания большинства муниципальных учреждений, администраций муниципальных образований исторически формировались под существенно более узкий круг задач, они не учитывают масштабы и важность социально-важной воспитательной деятельности, предписанные целевыми показателями нового национального проекта под названием «Молодежь и дети».

Дополнительно сказывается отсутствие непрерывной образовательной траектории для организаторов такой деятельности, тех самых специалистов, работающих «на земле». Сложилась ситуация, которую подтверждают многие другие исследователи – система ограничивается преимущественно краткосрочными курсами повышения квалификации и точечными программами. Как отмечает Л. А. Гегель, «в настоящее время в органах по делам молодежи разного уровня преобладают сотрудники с непрофильным образованием», при этом наблюдается «несовершенство законодательной базы в области закрепления статуса специалиста по работе с молодежью» [1, с. 88].

Усложняет ситуацию и уровень престижности и материального стимулирования труда в муниципальной системе, он часто проигрывает возможностям коммерческого сектора и городского рынка труда. П. А. Пономарев и соавторы констатируют, что работники социальной сферы «получают крайне невысокую заработную плату, что наряду с очень интенсивным характером трудовой деятельности является препятствием для прихода в отрасль специалистов» [3, с. 100]. Это приводит к постоянному оттоку кадров из отдаленных районов Иркутской области, в результате чего отрасль нередко «держится преимущественно на труде энтузиастов» [3, с. 100].

На практике кадровый голод проявляется в использовании устаревших типовых сценариев при организации мероприятий в малых муниципалитетах. Единые методические комплексы часто игнорируются или применяются формально без адаптации под запросы современной молодежной аудитории. Внедрение содержательно сложных форматов требует обязательного участия подготовленного модератора. Не смотря на продуманность и проработанность Федеральные программы и проектов они сталкиваются с низким уровнем компетенций на первичном уровне.

В ходе изучения темы также была обнаружена проблема разрыва между традиционной офлайн-системой воспитания и современной цифровой средой жизнедеятельности молодежи. В данном контексте фиксируется ситуация, при которой цифровые инструменты патриотического воспитания в виде интерактивных проектов, краеведческого контента в социальных сетях и специализированных онлайн-платформ применяются в Иркутской области преимущественно эпизодически. Цифровая составляющая в данном случае встроена в деятельность исполнителей скорее, как информационное сопровождение очной работы, выражающееся в публикации анонсов или отчетных постов в социальных сетях, а не как самостоятельный инструмент воспитания.

При этом именно в цифровой среде сейчас формируется значительная часть представлений молодого человека об истории, политике и гражданских ценностях. В то же время деструктивное информационное воздействие в интернет-пространстве на молодежную аудиторию продолжается ежедневно и носит устойчивый характер. Эту проблему подтверждают О. А. Судоргин, А. И. Величко и Д. О. Рогов: «…в условиях глобальной

информационной открытости и доступности альтернативных, нередко деструктивных нарративов, формирование идентичности сталкивается с новыми вызовами. РФ определяет молодежную политику, как систему государственных и общественных мер, направленных на создание условий для личностного развития и социальной интеграции молодых граждан» [4, с. 179].

Причина указанной проблемы заключается в том, что система настраивалась под событийную и очную работу, включающую, военно-патриотические игры, акции, форумы и поисковые экспедиции. Безусловно, перечисленные мероприятия важны и в значительной степени эффективны, но современный мир требует адаптации к цифровой реальности, однако складывается ситуация, когда молодой человек, находящийся в социальных сетях по несколько часов в день, может в течение длительного времени не сталкиваться с патриотическим содержанием местного производства.

Описанный цифровой разрыв усугубляется содержательным отставанием традиционных форматов работы от актуальных запросов молодежи. Проблема не в самих форматах, а в том, что их содержательное наполнение не успевает обновляться с той же скоростью, с какой меняется восприятие молодого человека.

Длительное использование данных практик без серьезной методической переработки приводит к их восприятию аудиторией в качестве предсказуемого сценария. Молодой человек заранее осознает форму подачи материала и требуемый от него эмоциональный отклик. В условиях быстрого цифрового контента, каждодневной борьбы за внимание человека необходимо использовать непредсказуемые и цепляющие форматы.

Причина в том, что обновление содержания требует ресурса – времени методиста, доступа к актуальным исследованиям молодежи, права на эксперимент. Каждое из этих условий в муниципальной практике дефицитно. Кроме того, отчетность по программам в значительной мере привязана к количественным показателям (охват, число мероприятий), а не к содержательным критериям, что объективно снижает стимулы к содержательной переработке.

Молодежная политика в регионе реализуется одновременно несколькими исполнительными органами государственной власти, среди которых министерство по молодежной политике, министерство образования, министерство культуры и министерство спорта Иркутской области.

Также в этот процесс вовлечены военный комиссариат Иркутской области, муниципальные структуры и профильные подведомственные учреждения. «Во-первых, молодежная политика – это деятельность субъектов молодежной политики, в виде: государства, общественных и политических объединений, а также иных субъектов отношений, целью которой является поддержка и развитие молодежи в стране. Во-вторых, молодежная политика государства представляет собой комплекс мероприятий, учреждений и кадров того или иного субъекта молодежной политики, целью деятельности которых является получение поддержки своего полити-

ческого курса со стороны представителей молодежи. Так, хотя общественные организации и политические партии ограничены в части правового регулирования взаимоотношений с молодежью, но они могут влиять на молодежь через пропаганду представления об идеалах и ценностях в обществе» [5, с. 144].

Конкретное проявление указанной проблемы выражается в том, что правовой статус, например, министерства образования Иркутской области по линии патриотического воспитания существенно варьируется в трех ключевых документах, в государственной программе «Молодежная политика» данное ведомство выступает в качестве соисполнителя, при этом в региональном проекте «Мы вместе» оно определено уже как равноправный ответственный исполнитель. Важно отметить, что при сопоставимом удельном весе финансирования по всем этим программам границы ответственности между ведомствами остаются не полностью прозрачными для участников процесса.

Основная причина сложившейся ситуации заключается в том, что нормативно-правовая база молодежной политики в регионе формировалась поэтапно. Развитие шло в логике отдельных программных циклов. Вследствие этого система не получила единого сшивающего документа, способного зафиксировать четкий юридический механизм разграничения и координации полномочий субъектов публичной власти. На практике данная управленческая неопределенность проявляется как регулярное дублирование части мероприятий со стороны разных ведомств. Возникают периодические нестыковки календарных планов.

Мы уже упомянули риск формализации работы под давлением плановых показателей ранее, считаем необходимым раскрыть данную проблему объемнее. Федеральные ориентиры нацпроекта «Молодежь и дети» предусматривают рост доли молодых людей, участвующих в проектах и программах профессионального, личностного развития и патриотического воспитания, с 27,9 % в 2024 г. до 75,1 % к 2030 г. Это амбициозный, но управленчески логичный показатель. Однако в условиях, когда содержательная оценка остается слабой, а отчетность преимущественно ориентирована на количественные индикаторы, ускоренное наращивание охвата создает риск формализации. Как отмечают П. А. Пономарев, В. В. Шалин и С. И. Самыгин, в системе молодежной политики присутствуют «низкоэффективные методы работы с молодежью, имеет место недостаточная координация указанного направления государственной политики» [3, с. 100], а также высокая степень формализованности и событийности, что снижает качество воздействия.

Опираясь на анализ текущей ситуации в сфере молодежной политики в Иркутской области, а также на труды отечественных ученых нами были сформулированы основные проблемы, среди которых сложная географическая специфика Иркутской области, которую напрямую усугубляет муниципальный кадровый дефицит, что провоцирует применение устаревших

методических сценариев и снижает способность ведомств эффективно конкурировать за внимание аудитории в цифровом пространстве.

Данные факторы накладываются на отсутствие прозрачного нормативного разграничения зон ответственности между министерствами, усложняя координацию процессов. В условиях, когда федеральные целевые показатели требуют увеличения охвата молодежи программами до 75,1 % к 2030 г., существующая архитектура управления оказывается не готовой к интенсивному масштабированию.

Попытки механического выполнения плановых индикаторов ведут исключительно к формализации воспитательного процесса на местах, поскольку результативно-оценочный блок ориентирован преимущественно на статистику.

Литература

1. Гегель Л. А., Казакова Е. О. Специалист по работе с молодежью: проблемы подготовки и востребованности // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 2. С. 88–94.

2. Ильин Е. П., Ильин И. П. Проблемы патриотического воспитания в сельской местности и их решение // Символ науки: международный научный журнал. 2021. № 4. С. 147–151.

3. Пономарев П. А., Шалин В. В., Самыгин С. И. Патриотическое воспитание современной российской молодежи: основные проблемы и перспективные направления // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2 (130). С. 95–102.

4. Судоргин О. А., Величко А. И., Рогов Д. О. Патриотизм и молодежь в условиях цифровой трансформации: теоретические основы и социально-политические особенности реализации молодежной политики // Управление. 2025. Т. 13, № 3. С. 176–186.

5. Трушанова О. В. Понятие и содержание связей с общественностью как инструмента реализации молодежной политики органов государственного управления в РФ // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3 (231). С. 142–145.

Problems of the organization of the system of patriotic education of young people in the territory of the Baikal region

R. V. Ivanov, D. V. Belousov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article discusses the problems of the development of the system of patriotic education, attention is focused on the practical manifestation of certain consequences of the existing problems: territorial asymmetry, shortage of qualified personnel, the problem of the gap between the traditional offline system of education and the modern digital environment of youth life.

Keywords: youth policy, patriotic education, programs, projects.

Этнокультурные ценности как фактор гражданской идентичности молодежи

Е. А. Бухарова, Е. В. Решетникова
Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматривается роль этнокультурных ценностей в формировании гражданской идентичности молодого поколения. Представлены результаты анализа теоретических подходов к пониманию гражданской и этнической идентичности, раскрывается механизм влияния традиционных ценностей на становление общегражданского самосознания.

Ключевые слова: этнокультурные ценности, молодежь, гражданская идентичность, идентичность.

В современном обществе происходит трансформация социокультурного поля, напрямую связанная с социальными, экономическими и политическими изменениями глобального пространства. В подобных условиях гражданская идентичность выступает одной из базовых характеристик социального самосознания личности, отражающей осознание принадлежности к определенному государству, принятие его норм, ценностей и готовность к участию в общественной жизни. Молодежь как наиболее динамичная и восприимчивая к изменениям социальная группа особенно остро переживает процессы идентификации: именно в юношеском и молодежном возрасте формируются устойчивые представления о «своем» и «чужом», о принадлежности к различным сообществам.

Рассматривая базовые понятия формирование гражданской идентичности, стоит особенно отметить значение этнокультурных ценностей. Данное понятие подразумевает совокупность норм, традиций, обычаев, символов, моделей поведения и мировоззренческих установок, передаваемых в рамках этнической группы и определяющих ее культурную специфику. Они выполняют важные функции: обеспечивают преемственность поколений, задают систему координат для оценки социальных явлений, формируют чувство общности и защищенности.

Иным немаловажным понятием в социологии и психологии является идентичность, которая трактуется как динамический процесс соотнесения себя с различными социальными группами. В рамках теории социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера идентичность формируется через механизмы категоризации, сравнения и идентификации: индивид определяет свою принадлежность к группе, сравнивает ее с другими и стремится к позитивной оценке своей группы [2]. Осознание принадлежности к той или иной социальной группе является особенно значимым фактором для молодежи, которая подобным образом получает возможность проявлять свою социальную позицию и развивать собственную мировоззренческую позицию. В свою очередь, гражданская идентичность представляет собой соотнесение индивида себя с конкретным обществом и государством, что

подразумевает принятие им эмоциональных, когнитивных и поведенческих норм, характерных для конкретной страны и социума.

Этнокультурные ценности являются значимым компонентом национальной идентичности человека, представляющие собой отражение семейных и родственных связей, язык и фольклор, традиции и обряды, религиозно-нравственные паттерны, историческую память. Данные ценностные ориентации отражают взаимодействие индивида внутри сообщества и родовой группы, представления и знания о культурной наследии и значимых исторических событиях, моральные и культурные установки и механизмы их воспроизведения [2].

Влияние этнокультурных ценностей на окружающий мир связано с реализацией следующих базовых функций:

1. Интегративная – объединение членов этнической группы на основе общих символов и норм.

2. Регулятивная – задание стандартов поведения и моральных оценок.

3. Трансляционная – передача культурного опыта от поколения к поколению.

4. Защитная – обеспечение чувства безопасности и принадлежности в условиях неопределенности.

5. Смыслообразующая – формирование мировоззрения и ценностных ориентиров [1].

Реализация функционального потенциала этнокультурных ценностей предоставляет возможность более полноценно сформировать понимание ключевых механизмов формирования гражданской идентичности. Во-первых, стоит отметить, что этнокультурные ценности оказывают существенное влияние на социализацию в семье и ближайшем окружении, так как именно в семье закладываются базовые представления о добре и зле, справедливости, ответственности, которые затем проецируются на отношение к государству и обществу. Во-вторых, они имеют смыслообразующее значение для образования и культурно-просветительской деятельности, влияя, в первую очередь на школьные и вузовские программы обучения, музеи, библиотеки, медиа, а они формируют представление о многообразии культур в рамках единого государства и способствуют развитию толерантности и межкультурного диалога. В-третьих, этнокультурные ценности являются принципиально важными факторами для функционирования молодежных и общественных организаций, которые благодаря своей добровольческой, патриотической и культурной составляющей позволяют молодежи примерить на себя разные социальные роли и осознать свою причастность к обществу. В-четвертых, медиапространство и цифровая среда становятся новой молодежной площадкой для обсуждения вопросов идентичности, формирования новых форм гражданской активности и культурного обмена.

В современной социальной среде наиболее продуктивным решением для формирования гражданской идентичности у молодого поколения явля-

ется совмещение культурной самобытности и формирования общегражданских ценностей, что способствует гармоничному личностному росту индивидов. Базовыми направлениями для формирования гражданской идентичности и дальнейшей интеграции молодежи в социум с помощью этнокультурных ценностей являются следующие:

1) образовательные программы, направленные на формирование межкультурной компетентности, изучение истории и культуры народов страны, развитие навыков диалога и разрешения конфликтов;

2) этнокультурные проекты и фестивали, позволяющие молодежи познакомиться с разнообразием культур, принять участие в сохранении нематериального наследия;

3) волонтерские и социальные инициативы, объединяющие молодых людей разных национальностей вокруг общих целей: помощь нуждающимся, благоустройство территорий, экологические акции;

4) работа с цифровыми платформами – создание контента, популяризирующего культурное многообразие и гражданскую активность, развитие медиаграмотности;

5) поддержка молодежных сообществ и клубов по интересам, где возможна самореализация без жесткой привязки к этнической принадлежности.

В контексте социальной работы важно учитывать, что молодежь, находящаяся в трудной жизненной ситуации (в том числе мигранты, вынужденные переселенцы, представители уязвимых групп), особенно нуждается в поддержке в процессе формирования идентичности. Для них этнокультурные ценности могут стать ресурсом адаптации и интеграции, если они будут представлены в позитивном, неконфликтном контексте.

Таким образом, этнокультурные ценности играют значимую роль в формировании гражданской идентичности молодежи. Они могут выступать как ресурсом интеграции, так и источником потенциальных конфликтов – в зависимости от того, как выстраивается взаимодействие между этническим и общегражданским компонентами идентичности. Ключевым условием гармоничного развития идентичности является создание условий для межкультурного диалога, формирование у молодежи навыков толерантности и гражданской ответственности, а также поддержка практик, объединяющих молодых людей вокруг общих ценностей и целей.

Литература

1. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М. : Смысл, 2007. 528 с.

2. Поштарева Т. В. Формирование этнокультурной компетентности в поликультурной образовательной среде // Педагогическое образование и наука. 2013. № 2. С. 28–33.

3. Холостова Е. И. Социальная работа : учеб. для вузов. М. : Дашков и К°, 2021. 612 с.

4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Прогресс, 1996. 342 с.

Ethnocultural values as a factor in the civic identity of young people

E. A. Bukharova, E. V. Reshetnikova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the role of ethnocultural values in shaping the civic identity of the younger generation. It also presents the results of an analysis of theoretical approaches to understanding civic and ethnic identity, and reveals the mechanism by which traditional values influence the formation of a common civic self-awareness.

Keywords: ethnocultural values, youth, civic identity, identity.

Психолого-педагогические идеи буддизма в воспитании духовно-нравственной личности

Т. Ц. Тудупова

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ

Аннотация. Поднимается проблема воспитания гармоничной духовно-нравственной личности. Отмечается, что в период глобализации и информатизации мира актуализируются вопросы изучения психолого-педагогических идей буддизма в духовно-нравственном становлении и развитии личности. Современная духовно-нравственная личность – это личность, следующая таким ценностям, как совесть, любовь, справедливость, долг. Личность, осознанно выстраивающая свое поведение на основе моральных норм и ориентированная на честность и уважение к окружающим. Формирование такой личности является результатом воспитания и самовоспитания. Показывается, что немаловажную роль в данном процессе воспитания духовно-нравственной личности играют идеи и принципы буддийской философии. Акцентируется внимание на познании ценностей буддийской религиозной культуры и их использовании в учебно-воспитательном процессе. Показана роль педагогики и психологии воспитания в контексте основных принципов буддизма. Подчеркивается, что формирование нравственной, осознанной личности происходит через самосовершенствование, сострадание и развитие ума. Воспитание нравственных качеств личности связано с соблюдением этических заповедей, что способствует ее внутреннему росту и самосовершенствованию. Рассматриваются методы и методики буддийской практики, способствующие развитию гармоничной личности.

Ключевые слова: психология воспитания, духовно-нравственная личность, буддийский подход, психолого-педагогические идеи буддизма, принципы буддизма.

На современном этапе развития общества проблема духовно-нравственного воспитания подрастающей личности актуальна и значима. Актуальность связана с ухудшением нравственного здоровья населения. Такие факторы, как рост социальной напряженности и социальной фрустрированности, дезорганизация семьи удваивают и даже утраивают актуальность воспитания нравственных качеств личности. Основы формирования духовно-нравственной личности связаны с тем, что такая личность не рождается, а формируется через воспитание в семье, через образование в школе и вузе, а также через саморазвитие. Данный процесс формирования включает принятие культурных (и этнокультурных) и этических норм общества. Такая личность должна быть гармоничной, психологически здоро-

вой, уметь действовать в интересах общества и быть способной противостоять деструктивному влиянию. Духовно-нравственная личность ориентирована на созидание, честность, уважение к окружающим. Основу такой личности составляют такие ценностные ориентиры, как ответственность, патриотизм, совесть, честь, достоинство, трудолюбие, уважение других людей и готовность помогать им. Немаловажное значение отводится формированию поведенческих норм: соблюдению морали, совершению осознанных и добрых поступков. Особо подчеркнем такие ключевые характеристики внутреннего мира духовно-нравственной личности, как способность к саморазвитию, рефлексию, духовный поиск.

В психологической науке и практике существует множество подходов, среди которых выделяют пять основных: психодинамический, поведенческий, биологический, когнитивный и гуманистический. Каждый подход по-своему объясняет человеческое поведение. Несомненно, что в период глобализации и информатизации современного мира востребованы различные подходы, в том числе и вопросы изучения психолого-педагогических идей буддизма и их использования в духовно-нравственном воспитании личности.

Буддизм и психология имеют множество точек соприкосновения, особо значимых в воспитании личности. Буддизм преследует две терапевтические цели: во-первых, здоровую и добродетельную жизнь человека («гармоничная жизнь») и, во-вторых, конечную цель нирваны, полное прекращение неудовлетворенности и страданий. Буддийский подход к воспитанию формирует духовно-нравственную личность через развитие осознанности, сострадания и мудрости. Данный подход направлен на внутреннее развитие, на внутреннее преображение, а не только на внешнее поведение. К примеру, используются буддийские практики медитации, соблюдение этических норм (кармы) и понимание причин страданий для достижения гармонии, добродетели и освобождения от негативных установок.

В основе буддийского подхода лежит воспитание личности через развитие шести совершенств (качеств): щедрости, дисциплины, терпения, мудрости, сосредоточения, энтузиазма. Методы и методики буддийской практики, оказывающие позитивное влияние на психоэмоциональное состояние человека, способствующие повышению работоспособности и формированию нравственных качеств, основаны на основных принципах буддийской педагогики. Прежде всего, на принципе воспитания личности «изнутри-наружу», когда воспитание сфокусировано на изменении внутреннего мира личности, на нивелировании негативных установок, стереотипов, мыслей и, соответственно, на последующее изменение поведения. Другой принцип основан на сострадании, на воспитании эмпатии ко всем живым существам. Третий принцип – осознанность, понимается как развитие внимательности к своим мыслям, чувствам и действиям в текущем моменте. Четвертый принцип – этика. Он связан с соблюдением пяти нравственных заповедей: не убивать, не воровать, не лгать, избегать неправиль-

ного сексуального поведения и не употреблять одурманивающие вещества. Принцип мудрости (карма) основан на взаимозависимости всех явлений и причинно-следственных связей.

Цель буддийского подхода на основе данных принципов заключается в воспитании свободной, самоосознающей личности, способной делать добродетельный выбор и несущей ответственность за свои поступки, а также стремящейся к счастью, как для себя, так и для окружающих. Буддийский подход к воспитанию гармоничной личности создает внутреннюю направленность на стремление к мудрости и добродетели и осознание своей кармы.

Буддизм – это не только мировая религия, но и замечательная философия Востока, представляющая совокупность идей и практик по самовоспитанию, саморазвитию и саморегуляции внутреннего мира человека. Возможность сознательного развития дает ориентацию на достижение счастья в этом мире, на освобождение от страдания, страха, суеты и других проблем в жизни. Буддийские техники и практики являются мощным психологическим фактором воздействия на психику, на внутренний мир человека. При этом основной акцент делается на роли самовоспитания и самосовершенствования личности. Среди методов духовно-нравственного воспитания следует отметить в первую очередь медитативные практики, основанные на успокоении ума, развитии сосредоточения в целях нивелирования агрессии и развития эмоциональной устойчивости. Не менее важным методом является метод воспитания через пример учителя; это воспитание через личный пример наставника, учителя, транслирующего мудрость и спокойствие. Воспитание в семье через использование традиций, семейных ценностей является значимым методом нравственного воспитания в целях укрепления родственных связей, равно как учение и размышление. Последний метод направлен на понимание причин страданий и путей их устранения.

Надо отметить, что педагогические идеи буддизма оказывают воздействие на развитие личности во всем процессе онтогенеза, с раннего детства до старости, от самоанализа до самокоррекции. В буддийском учении заложены идеи гуманистической психологии, выступающей за пути и средства самореализации и самоактуализации личности в жизненной практике. Обращение к буддизму способствует духовно-нравственному совершенствованию человека. Необходимо отметить утверждение гуманистической психологии о том, что наиболее полно развить себя, раскрыть и реализовать свою сущность личность может, прежде всего, изнутри. Извне этому можно только помочь, если создать необходимые условия или, наоборот, помешать, если их нарушить.

Педагогика буддизма обладает широким набором методов и техник воздействия на внутренний мир человека. Многие методики буддийской практики оказывают позитивное влияние на психическое состояние личности, тем самым способствуя укреплению нравственного здоровья. Воздей-

ствие словом, убеждением, ограничением через различные техники – это работа над собой, над своим сознанием в целях совершенствования личности.

В сравнении с классической педагогикой, где воспитание нравственности подрастающей личности в основном сводится к вопросам поведения, буддийский подход в воспитании нравственной личности направлен на создание ее внутренней направленности. Поскольку поведение человека является производным из внутренней установки, то нельзя подменить воспитание обучением нравственному поведению. Духовно-нравственное воспитание личности с точки зрения буддизма происходит путем присвоения ею духовных ценностей, в процессе работы над собой и своим сознанием.

Таким образом, основной идеей буддийского подхода к воспитанию нравственной личности является его методология, основанная на личном опыте, полученном посредством самонаблюдения. Буддийский подход к психологии и педагогике воспитания духовно-нравственных качеств личности подразумевает систему знаний о сознании, методов его тренировки и преодоления страданий через работу с умом.

Литература

1. Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009.

2. Берзин А. Общий обзор буддийских практик. СПб., 1993.

3. Далай-лама XIV. Буддизм Тибета. Нафтанг, 1991.

Psychological and Pedagogical Ideas of Buddhism in the Development of a Spiritual and Moral Personality

T. Ts. Tudupova

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Abstract. This article addresses the problem of cultivating a harmonious spiritual and moral personality. It is noted that in the era of globalization and information technology, the study of psychological and pedagogical ideas of Buddhism in the spiritual and moral development of the individual has become increasingly relevant. A modern spiritual and moral personality is one who adheres to values such as conscience, love, justice, and duty. This personality consciously structures its behavior based on moral norms and is oriented toward honesty and respect for others. The development of such a personality is the result of education and self-education. The authors believe that the ideas and principles of Buddhist philosophy play a significant role in this process of cultivating a spiritual and moral personality. The article focuses on understanding the values of Buddhist religious culture and their application in the educational process. The role of pedagogy and educational psychology is explored within the context of the fundamental principles of Buddhism. It is emphasized that the development of a moral, conscious personality occurs through self-improvement, compassion, and intellectual development. The development of moral qualities is linked to adherence to ethical precepts, which facilitates inner growth and self-improvement. Methods and techniques of Buddhist practice that contribute to the development of a harmonious personality are examined.

Keywords: educational psychology, spiritual and moral personality, Buddhist approach, psychological and pedagogical ideas of Buddhism, principles of Buddhism.

Исследование личностных свойств у старшеклассников

Т. Л. Миронова

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ

Аннотация. Рассматривается возрастная периодизация Д. Б. Эльконина, а также психологическая характеристика ранней юности, основные новообразования возраста. Представлены результаты авторского исследования личностных свойств подростков с использованием 16-факторного личностного опросника Р. Кеттелла (форма С). Раскрыт обобщенный, усредненный «профиль личности старшеклассников». Для них характерны адекватная самооценка, сниженная потребность в общении, формальность, холодность в отношении к людям, подозрительность, направленность интересов преимущественно на себя, эмоциональная неустойчивость, тенденция к тревожности, сниженный уровень чувствительности, низкий уровень радикализма. Средний уровень выраженности личностных характеристик отмечается по таким факторам, как интеллект, воображение, экспрессивность, нормативность поведения, гибкость, доминантность, смелость, самостоятельность, самоконтроль.

Ключевые слова: родительские отношения, старшеклассники, личностные свойства, познание профессии, мировоззрение, нравственные чувства, волевые качества, общение, деятельность, мотивы, профессиональное самосознание.

Семья представляет собой малую группу, основанную на браке или кровном родстве. Ее членов связывают общность быта, отношения взаимной ответственности и взаимопомощи друг другу. Семья – первичная ячейка общества (малая социальная группа), важнейший институт социализации ребенка. В нее индивид вступает с рождения.

В семье проявляются многообразные общественные отношения (правовые, экономические, политические, межличностные, нравственные), которые оказывают влияние на жизнь и психическое развитие ребенка с ранних детских лет. В ней вырабатываются нормы и правила поведения, санкции, регламентирующие взаимодействие между ее членами: родителями и детьми, между супругами, детей друг с другом. Велика роль семьи в жизни отдельного человека и общества в целом. Е. И. Артамонова дает следующее ее определение: «Семья – это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества – родительства – родства (кровного и духовного), осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержку членов семьи» [9, с. 13].

Сбор эмпирического материала в нашем исследовании был проведен на базе МАОУ СОШ № 32 г. Улан-Удэ в 2014–2015 гг. В работе участвовала под нашим научным руководством студентка ГБОУ СПО «Бурятский республиканский педагогический колледж» Гайнулина И. Ф.

Целью исследования являлось изучение стилей родительских отношений и личностных свойств подростков, их взаимосвязи.

Нами было обследовано 40 учащихся старшего школьного возраста и 40 их родителей из двух параллельных девятых классов, из них 19 детей

9 «Б» класса, их родители (19 чел.), 21 детей 9 «А» класса и их родители (21 чел.). На первом этапе исследования проводился констатирующий эксперимент, осуществлялась диагностика личностных свойств и психических состояний подростков, родительского отношения. По результатам констатирующего эксперимента была отобрана экспериментальная группа, в которую вошли учащиеся 9 «Б» класса и их родители. На втором этапе исследования была разработана программа формирующего эксперимента, включающая 10 внеклассных мероприятий, направленных на оптимизацию родительских отношений. На третьем этапе после проведения формирующего эксперимента было проведено повторное психодиагностическое исследование, что позволило установить взаимосвязь между стилем семейного воспитания и личностными свойствами и состояниями подростков.

Задачей нашего исследования было выяснение личностных свойств и психических состояний у испытуемых, которые обучались в 9 «Б» классе (1 группа), они на последующих этапах исследования принимали участие в формирующем эксперименте.

В данной работе мы представляем результаты исследования личностных свойств старшеклассников, выявленные нами посредством 16-факторного опросника Р. Кеттелла (форма С).

В нашей стране общепринятой возрастной периодизацией является периодизация Д. Б Эльконина, которая является интеграцией концепций выдающихся отечественных психологов Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, охватывающая периоды от раннего детства (младенчество, ранний возраст), детства (дошкольный возраст, младший школьный возраст) до отрочества, включающей подростковый возраст (11/12–15 лет), раннюю юность (15/16–18 лет). Для ученого характерно представление о психическом развитии как процессе диалектически противоречивом. По его мнению, в ходе развития возникают новообразования в психике. Он выделяет переломные, критические периоды в психическом развитии. Личность формируется в процессе освоения двух групп деятельностей. В первую группу входят деятельности, в которых происходит ориентация в основных смыслах человеческой деятельности. Активное включение ребенка в такую деятельность ведет к преимущественному освоению задач, норм отношений между людьми, формированию потребностно-мотивационной сферы личности. Развивающаяся личность познает активно мир человеческих отношений. В подростковом возрасте ведущей деятельностью ребенка общение в системе общественно-полезной деятельности (учебной, общественно-организаторской, трудовой и др). Вторую группу включаются деятельности, внутри которых происходит усвоение общественно-выработанных способов действий с предметами; усвоение эталонов, выделяющих в предметах, явлениях те или иные стороны. К этой группе относится учебно-профессиональная деятельность старшеклассника [3, с. 55 -61; 1, с. 253–273; 12].

Подростковый и юношеский возраст в современной международной традиции рассматривается в единстве и обозначается одним термином –

подростковый возраст. Ученые выделяют две его стадии – ранний подростковый возраст до 14 лет и старший подростковый возраст с 15 до 19 лет [1, с. 253–274; 6].

Учащиеся старших классов – это люди, направленные в будущее. Социальная ситуация развития в юношеском возрасте детерминируется тем, что молодой человек находится на начальном этапе вступления в самостоятельную жизнь. При переходе от подросткового к раннему юношескому возрасту возникает резкая смена внутренней позиции, выражающейся в том, что «... устремленность в будущее становится основной направленностью личности и проблема выбора будущей профессии, дальнейшего жизненного пути находится в центре внимания, интересов, планов юноши. Не случайно основным новообразованием в старшем школьном возрасте становится жизненное и профессиональное самоопределение, осознание своего места в будущем, т. е. рождение «жизненной перспективы»: представление о своем желаемом «Я», о том, чтобы совершить в жизни. Но такой уровень организации аффективно-потребностной сферы, при котором на вершине мотивационной иерархии оказываются планы, намерения в отношении будущего и именно они начинают подчинять себе все другие потребности, стремления человека, предполагает высокую степень развития личности, подготовленную всеми предыдущими этапами онтогенеза» [11, с. 17]. Психологическими новообразованиями являются умение старшеклассника ставить жизненные планы, а также искать пути и средства их реализации [10, с. 639].

Активность личности направлена на познание объектов окружающей действительности, познание мира профессий, что способствует интенсивному развитию и формированию общих интеллектуальных способностей, познавательной сферы (восприятия, памяти, мышления, речи, воображения), профессионально важных качеств. В этом возрасте интеллектуальное развитие заметно опережает личностное развитие. Новообразованиями данного возраста являются формирование мировоззрения, понимаемой как целостной системы взглядов, знаний, убеждений, своей жизненной философии, а также возникновение профессиональных интересов, идеалов, как мотивов поведения человека, формы воображения – мечты. Под последней понимается форма особой внутренней деятельности воображения, заключающаяся в создании образа того, что индивидуум хотел бы осуществить. Мечты у старшеклассников часто актуализируются в сознании, они связаны с его потребностями, с приятными мыслями, образами своего будущего. Мечта является одним из важных внутренних условий претворения творческого потенциала личности в реальную жизнь [3, с. 55–61; 5, с. 131–136; 10, с. 628–639; 12].

В подростковом возрасте (11–14 лет) происходит бурное развитие аффективной сферы. У подростков часто возникает смена настроения, им свойственна повышенная возбудимость, раздражительности, дети ведут себя импульсивно. Родителям важно обращать внимание на формирование у

них тормозной функции воли, развитии саморегулятивных умений и навыков. И. С. Кон справедливо отмечает: «Юношеский возраст характеризуется … большей (по сравнению с подростковым) дифференцированностью эмоциональных реакций и способов выражения эмоциональных состояний, а также повышением самоконтроля и саморегуляции. Юношеские настроения более устойчивы и осознанны, чем подростковые, и соотносятся с гораздо более широким кругом социальных условий [5, с. 54].

Общение со сверстниками, активное участие в деятельности способствует развитию у старшеклассников высших видов чувств: нравственных (чувство долга перед обществом и окружающими людьми, способность к сопереживанию, потребность в дружбе и любви, чувство товарищеской солидарности и морально-политические чувства), праксических, интеллектуальных, эстетических. По мнению И. С. Кона, уровень и содержание высших чувств тесно связаны с индивидуально-личностными свойствами личности, с его самосознанием [5, с. 55].

Происходят у старшеклассников существенные изменения в личностной сфере, в иерархической структуре мотивации становятся доминирующими социально значимые мотивы, а именно духовные, профессиональные, идейно-нравственные мотивы. Изучение научных дисциплин способствует развитию научного мировоззрения. Важно у учащихся формировать целостное мировоззрение, а не фрагментарное, «осколочное». Волевые качества развиваются и формируются в учебно-профессиональной деятельности, трудовой, спортивной и т. д., когда личность встречается с преградами и трудностями на пути к реализации поставленной цели и принятого им решения.

Интимно-личностное и деловое общение с взрослыми и сверстниками оказывает влияние на развитие межличностных связей и отношений. Значимыми для подростка становятся отношения со сверстниками, у них актуализируется потребность в аффилиации [1], под которой понимается потребность человека к принадлежности какой-нибудь группе, в установлении, сохранении и упрочнении эмоционально положительных отношений с окружающими людьми (дружеских, товарищеских, приятельских). В раннем юношестве возникает интерес к вопросам полового и психосексуального развития, влечение и интерес к противоположному полу. В данном возрасте родителям, педагогам необходимо обращать внимание на половое воспитание детей.

В этом возрасте подростки интенсивно усваивают определенные нормы и требования, выработанные обществом. Личность постепенно интериоризует внешние социальные нормы и правила во внутренний психический план, что способствует формированию у нее представлений о должном, обобщенных идеалов, эти нормы, идеалы становятся побудительной силой ее поступков.

Ценнейшим психологическим приобретением юности является открытие своего внутреннего мира, что способствует активизации их самосознания. Юношей и девушек интересуют «внутренние», психологические проблемы. Подросток осознает свое «духовное Я», «физическое Я», «социальное Я»«, а также себя как субъекта учебно-профессиональной деятельности, что отражается в обобщенной, когнитивно сложной Я-концепции, которая является важнейшим регулятором поведения и деятельности. Развиваются рефлексивные способности личности. У юношей и девушек интенсивно развиваются все компоненты структуры самосознания: когнитивный, эмоционально-оценочный, регулятивный компоненты [7; 8].

Юноши и девушки способны осуществлять различные виды самоопределения: профессиональное, личностное, нравственное. Осуществляют выбор будущей профессии, своего места в жизни. Социальная ситуация развития в этом возрасте создает условия для развития их самосознания в связи со встающей перед старшеклассниками проблемой профессионального самоопределения. Профессиональное самосознание является важнейшим новообразованием юношеского возраста, оно необходимо для формирования психологической готовности старшеклассника к самостоятельному профессиональному труду. Не все учащиеся осознают глубоко и полно осознают, какие качества и психические процессы им необходимы для освоения их будущей профессии. В связи с этим необходимо повышать роль школы в формировании и развитии профессионального самосознания, усилении профориентационной работы в подростковом возрасте, так как современные школьники уже в 7 – 8 классе стоят перед проблемой выбора профессии и дальнейшего обучения в колледже или средних профессионально-технических училищах [8, с. 17]. Известно, что в последние годы около 50 % юношей и девушек продолжают дальнейшее обучение в старших классах.

У старшеклассников актуализируется желание быть независимым, самостоятельным, освободиться от мелочной опеки взрослого. Поэтому родителям и педагогам необходимо перестраивать стиль своего общения, отношения с учетом тех изменений в психическом и личностном развитии, которые происходят у молодого человека.

Рассмотрим результаты психодиагностического исследования личностной сферы старшеклассников, обучающихся в 9 «Б» классе (1 группа) по методике Р. Кеттелла, на констатирующем этапе исследования [4, с. 232 – 266]. На основе выявленных показателей каждого испытуемого, входящих в 1 группу, был построен обобщенный, усредненный «профиль личности подростков». Эти данные представлены в табл.1.

Было установлено, что по фактору MD выявлен средний уровень оценки искренности, адекватность самооценки испытуемых, что дает основание использовать полученные материалы для дальнейшей обработки, не подвергать сомнению их достоверность.

Таблица 1

Средние значения показателей по факторам личности у первой группы испытуемых (в стенах)

№ п/п	Факторы	Средние значения (M1)
1	A	5
2	B	4
3	C	5
4	E	7
5	F	5
6	G	7
7	H	6
8	I	5
9	L	7
10	M	6
11	N	5
12	O	7
13	Q1	5
14	Q2	4
15	Q3	5
16	Q4	5
17	MD	5

Нами было установлено, что испытуемые по фактору А «Общительность – замкнутость» проявляют сниженную потребность в общении, формальность и холодность в отношении к людям (5 стенов), что свидетельствует о недостаточно развитых коммуникативных качествах, умениях и навыках подростков. Следует в коррекционно-воспитательной работе уделять значительное внимание формированию и развитию коммуникативной сферы современных подростков.

Полученные данные по фактору В «Интеллект» позволили выяснить, что девятиклассники характеризуются в целом средним уровнем абстрактно-логического мышления (4 стена).

По фактору С «Эмоциональная устойчивость – эмоциональная неустойчивость» у испытуемых отмечается низкая толерантность к стрессовым воздействиям, неуверенность в себе, раздражительность, частые проявления волнения (5 стенов). Поэтому необходимо уделять внимание развитию у них саморегулятивных навыков и умений, для чего можно использовать методы аутогенной тренировки и т. д.

Показатели фактора Е «Доминантность – подчиненность» позволили нам выяснить, что у подростков имеется средний уровень доминантности, самостоятельности, независимости, они проявляют оптимальное отношение к авторитетам, не склонны занимать зависимую позицию (7 стенов).

Нами было установлено, что по фактору F «Экспрессивность – сдержанность» у подростков отмечается средний уровень активности, эмоциональности, общительности, экспрессивности (5 стенов).

Полученные данные по фактору G «Высокая нормативность поведения – подверженность чувствам» показывают, что у испытуемых отмечается средний уровень развития нравственно-психологических, волевых качеств: ответственности, добросовестности, обязательности, настойчивости в достижении цели, дисциплинированности (7 стенов).

По фактору H «Смелость – робость» у испытуемых выявлен средний уровень смелости, в общении, решительности, склонности к риску, готовности иметь дело с незнакомыми вещами (6 стенов).

По фактору I «Чувствительность – жестокость» подростки характеризуются сниженным уровнем чувствительности, они склонны в большей степени доверять своему разуму, чем чувствам, проявляют практичность, иногда и циничность, стремятся к независимости (5 стенов). Пониженная оценка по этому фактору, по-видимому, может возникать из-за негативного стиля воспитания, в частности эмоционально холодного или безнадзорного.

Нами выявлен высокий показатель (7 стенов) по фактору L «Подозрительность – доверчивость». Следовательно, испытуемые подросткового возраста характеризуются подозрительностью, направленностью интересов преимущественно на себя. Данные качества будут мешать хорошему взаимодействию подростка с другими людьми в коллективе. В связи с этим воспитательной работе педагогам следует обращать внимание на формирование коллективистической направленности у учащихся, развитию сплоченности в классном коллективе на основе общих ценностных ориентаций и коллективной общественно полезной деятельности.

По фактору M «Развитое воображение – практичность» выявлены средние данные (6 стенов), что свидетельствует о среднем уровне развития воображения, хорошей ориентировке во внешней реальности, умении решать практические вопросы.

Средние данные выявлены по фактору «Гибкость – прямолинейность» (5 стенов), что свидетельствует о средней гибкости поведения подростка в социальных ситуациях, способности осуществлять анализ мотивов поведения других людей.

По фактору O «Тревожность – спокойствие» выявлена у старшеклассников тенденция к тревожности, неуверенности в себе (7 стенов). Дети нуждаются в заботливом и внимательном отношении со стороны других людей.

У испытуемых по фактору Q1 «Радикализм – консерватизм» выявлен низкий показатель (5 стенов), что свидетельствует об их консерватизме, ригидности, об их стремлении поддерживать устоявшиеся понятия, принципы, ценности, не любви к переменам.

По фактору Q2 «Самостоятельность – внушаемость» испытуемые характеризуются средним уровнем развития волевого качества самостоятельности (5 стенов), а также независимости во взглядах.

По фактору Q3 «Высокий самоконтроль – внушаемость» подростки характеризуются средним уровнем самоконтроля (5 стенов) и дисциплини-

рованности. В последующей коррекционно-воспитательной работе педагогам и родителям следует уделять внимание формированию волевых качеств: целеустремленности, решительности, настойчивости, самостоятельности, выдержке и терпению.

Нами было установлено, что по фактору Q4 «Напряженность – расслабленность» испытуемые не выявляют излишней возбужденности, раздражительности, в целом они не испытывают высокого нервно-психического напряжения, ведут себя спокойно, что говорит об их удовлетворенности существующей ситуацией (5 стенов).

С родителями старшеклассников было проведено исследование, направленное на выяснение стиля родительского отношения по Тест-опроснику родительского отношения, разработанного А. Я. Варгой и В. В. Столиным [2; 4, с. 410–417]. Нами было установлено, что чаще всего у родителей встречается неадекватный стиль отношения к детям – «симбиоз» (58 %), заключающийся в том, что родители стремятся к симбиотическим отношениям с ребенком. Ни у одного родителя не было наиболее оптимального стиля родительского отношения – «кооперация», выражающегося в том, что он адекватно оценивает способности и возможности своего ребенка, стремится выстраивать общение со старшеклассником на равных, способствует развитию у него положительных личностных качеств, используя стиль взаимодействия как сотрудничество.

Таким образом, нами были выявлен «усредненный портрет личности старшеклассника». Для них характерна адекватная самооценка, сниженная потребность в общении, формальность, холодность в отношении к людям, подозрительность, направленность интересов преимущественно на себя, эмоциональная неустойчивость, тенденция к тревожности, сниженный уровень чувствительности, низкий уровень радикализма. Средний уровень выраженности личностных характеристик отмечается по факторам: интеллект, воображение, экспрессивность, нормативность поведения, гибкость, доминантность, смелость, самостоятельность, самоконтроль.

Литература

1. Акмеология : учеб. пособие / под ред. А. А. Деркача. М. : Изд-во РАГС, 2004. С. 252–273.

2. Варга А. Е. Структура и типы родительских отношений. М. : Педагогика, 2001.

3. Возрастная и педагогическая психология / под ред. М. В. Гамезо [и др.]. М. : Просвещение, 1984. С. 55–61.

4. Гребень Н. Ф. Психологические тесты для психологов, педагогов, специалистов по работе с персоналом. Минск : Букмастер, 2014. С. 235–265.

5. Кон И. С. Психология старшеклассника. М. : Просвещение, 1980.

6. Крайг Г. Психология развития. СПб. : Питер, 1996.

7. Миронова Т. Л. Развитие самосознания учащихся ПТУ в процессе профессиональной подготовки : автореф. дис. … канд. психол. наук : 19.00.07. Л., 1985.

8. Миронова Т. Л. Структура и развитие профессионального самосознания : автореф. дис. … д-ра психол. наук : 19.00.03. М., 1999.

9. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования / под ред. Е. Г. Силяевой. М. : Академия, 2002.
10. Столяренко Л. Д. Основы психологии. Ростов н/Д : Феникс, 2005. С. 628–639.
11. Формирование личности в переходный период от подросткового к юношескому возрасту / под ред. И. В. Дубровиной. М. : Педагогика, 1987.
12. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20.

Research of Personal Characteristics in High School Students

T. L. Mironova
Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Abstract. In this work, the author reveals D. B. Elkonin's age periodization, provides a psychological description of early adolescence, and highlights the main age-related developments. We conducted a study involving students in two parallel ninth-grade classes at a public school in Ulan-Ude and their parents. A total of 19 students from the 9B class, their parents, and 21 students from the 9A class, along with their parents, participated in the study. The 16-factor personality questionnaire by R. Cattell (Form C) was used to study the students' personality. The article presents the results of a study of the personal characteristics of adolescents (the first group consists of students in the 9th grade). It reveals a generalized, average «profile of the personality of high school students. « They are characterized by adequate self-esteem, reduced need for communication, formality, coldness in their attitude towards people, suspicion, a focus on themselves, emotional instability, a tendency towards anxiety, a reduced level of sensitivity, and a low level of radicalism. The average level of personality characteristics is noted in the following factors: intelligence, imagination, expressiveness, normative behavior, flexibility, dominance, courage, independence, and self-control.

Keywords: parental relationships, high school students, personal traits, career knowledge, worldview, moral feelings, volitional qualities, communication, activities, motives, and professional self-awareness.

Эмоциональное состояние матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья

Т. В. Кравченко, Т. Л. Миронова
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Улан-Удэ

Аннотация. Рассматривается проблема эмоционального состояния матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья. Показано, что материнство в условиях нарушения развития ребенка связано с длительной стрессовой нагрузкой, изменением жизненных перспектив, перестройкой семейных ролей, снижением возможностей профессиональной и личностной самореализации женщины. Особое внимание уделяется тревоге за будущее ребенка, чувству вины, хронической усталости, эмоциональному выгоранию, депрессивным переживаниям, а также снижению психологического благополучия матерей. Анализируются факторы, влияющие на эмоциональное состояние женщины: характер и тяжесть нарушения у ребенка, длительность стрессовой ситуации, уровень социальной поддержки, особенности семейных отношений, доступность психологической помощи, личностные ресурсы и копинг-стратегии. Отмечается, что эмоциональное состояние матери оказывает непосредственное влияние на качество взаимодействия с ребенком, семейный климат и возможности

развития ребенка с ОВЗ. Делается вывод о необходимости раннего и системного психолого-педагогического сопровождения матерей, направленного не только на помощь ребенку, но и на восстановление ресурсов самой женщины.

Ключевые слова: эмоциональное состояние, матери, дети с ОВЗ, родительский стресс, тревожность, чувство вины, эмоциональное выгорание, психологическое благополучие, социальная поддержка, психологическое сопровождение.

Проблема эмоционального состояния матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, в последние годы приобретает особую значимость. Это связано не только с ростом внимания к вопросам инклюзии, абилитации и социальной поддержки семей, но и с пониманием того, что ребенок с ОВЗ развивается не изолированно, а внутри семейной системы. В этой системе мать во многих случаях оказывается главным взрослым, который обеспечивает ежедневный уход, организует лечение, обучение, реабилитацию, взаимодействие со специалистами и одновременно удерживает эмоциональную связь с ребенком.

При этом сама мать нередко остается в позиции человека, чьи собственные переживания долгое время не замечаются. В центре внимания семьи, врачей, педагогов и социальных служб чаще всего находится ребенок, его диагноз, динамика развития, образовательный маршрут и коррекционная помощь. Состояние женщины, которая несет основную эмоциональную и бытовую нагрузку, воспринимается как второстепенное или само собой разумеющееся. Однако именно эмоциональное состояние матери во многом определяет устойчивость семейной системы, характер взаимодействия с ребенком и возможности его дальнейшего развития.

Е. С. Дьячкова и Т. В. Баяндина подчеркивают, что воспитание ребенка с ОВЗ и инвалидностью является для семьи длительным испытанием, затрагивающим практически все сферы ее функционирования [4]. Речь идет не только о трудностях ухода или необходимости специальных занятий. Гораздо глубже оказывается психологическая перестройка: меняются представления матери о будущем, о себе, о материнстве, о возможностях ребенка и о нормальном течении семейной жизни. Женщина сталкивается с реальностью, к которой обычно не бывает готова заранее.

Материнство традиционно связано с ожиданиями радости, развития, постепенного взросления ребенка, расширения его самостоятельности. В ситуации рождения или воспитания ребенка с ОВЗ эти ожидания осложняются неопределенностью. Мать может не понимать, каким будет будущее ребенка, сможет ли он учиться, общаться, обслуживать себя, жить независимо, создавать собственные отношения. Даже при наличии положительной динамики тревога полностью не исчезает, потому что развитие ребенка с ОВЗ часто идет неравномерно, требует постоянного наблюдения, коррекции и повторной адаптации семьи к новым трудностям.

Эмоциональное состояние матери в этих условиях формируется как ответ на длительную стрессовую ситуацию. Оно включает не одну отдельную эмоцию, а целый комплекс переживаний: тревогу, усталость, чувство

вины, раздражение, грусть, надежду, страх, растерянность, иногда злость и отчаяние. Особенность этого состояния состоит в его продолжительности. Если обычный стресс имеет относительно ясные границы, то стресс матерей детей с ОВЗ часто не имеет завершения. Женщина может годами жить в режиме ожидания новых обследований, заключений, рекомендаций, изменений в состоянии ребенка и необходимости заново искать способы помощи.

У. Ю. Севастьянова, анализируя специфику родительского стресса у родителей детей с ОВЗ, отмечает, что такой стресс связан не только с фактом нарушения развития, но и с повседневными требованиями, предъявляемыми к родителю [8]. Чем больше ребенок нуждается в сопровождении, тем выше уровень эмоционального напряжения. Мать вынуждена постоянно учитывать особенности поведения ребенка, его ограничения, состояние здоровья, режим, образовательные и социальные потребности. В результате родительство перестает быть только естественной семейной ролью и превращается в сложную деятельность, требующую высокой мобилизации.

Важным фактором является то, что многие матери оказываются фактически лишены регулярного восстановления физических и психологических сил. Даже если женщина внешне справляется с обязанностями, это не означает, что ее внутренние ресурсы сохраняются. Постоянное включение в проблемы ребенка, отсутствие полноценного отдыха, невозможность переключиться, ограничение социальных контактов и профессиональной активности постепенно приводят к нервно-психологическому истощению. Такое истощение может проявляться не сразу, а накапливаться, переходя в хроническую усталость, раздражительность, снижение настроения, нарушения сна, соматические жалобы, а также психологическим заболеваниям

С. С. Савенышева и Ю. С. Разыграева рассматривают родительское выгорание матерей детей с ОВЗ во взаимосвязи с социальной поддержкой и посттравматическим ростом [9]. Это важно, поскольку эмоциональное состояние матери не является только негативным феноменом. В некоторых случаях проживание трудной ситуации может приводить к переоценке ценностей, росту внутренней устойчивости, изменению отношения к жизни, большей осознанности и способности принимать помощь. Однако такие позитивные изменения возможны не сами по себе, а при наличии ресурсов: поддержки семьи, специалистов, близких людей, доступной информации и психологической помощи.

Одним из наиболее болезненных переживаний матерей детей с ОВЗ является чувство вины. Оно может иметь разные источники. Женщина может обвинять себя в самом факте рождения ребенка с нарушениями, в предполагаемых ошибках во время беременности, в недостаточной заботе, в усталости, раздражении, желании побыть одной. Иногда вина усиливается под влиянием некорректных высказываний родственников или специалистов, когда мать прямо или косвенно оказывается назначенной ответственной за состояние ребенка. В таких случаях чувство вины перестает быть отдельным переживанием и превращается в устойчивый фон самоотношения.

Е. О. Седова, Ж. Р. Гарданова, Е. С. Токмакова, Д. Н. Чернов и В. О. Андреева специально анализируют особенности переживания чувства вины родителями детей с ОВЗ [10]. Авторы показывают, что вина может становиться одним из факторов эмоционального неблагополучия и влиять на родительскую позицию. Для матери это особенно значимо, поскольку вина часто приводит к гиперкомпенсации: женщина стремится делать все больше, не позволяет себе отдыхать, отказывается от личной жизни и воспринимает заботу о ребенке как постоянное искупление. Внешне такая позиция может выглядеть как самоотверженность, но психологически она ведет к истощению.

С чувством вины тесно связана гиперответственность. Мать начинает воспринимать любое состояние ребенка как прямое следствие своих действий или бездействия. Если ребенок не справился с заданием, заболел, проявил трудное поведение или не достиг ожидаемого результата, женщина может переживать это как собственную неудачу. В результате усиливается контроль, тревожность, стремление предусмотреть все заранее. С одной стороны, такая позиция помогает организовать уход и сопровождение. С другой – она лишает мать гибкости и усиливает зависимость ребенка от постоянного контроля взрослого.

Значительным фактором эмоционального состояния выступает характер нарушения у ребенка. При разных формах ОВЗ нагрузка на мать имеет свою специфику. Например, при двигательных нарушениях большое значение имеют физический уход, перемещение, реабилитационные процедуры, медицинские мероприятия. К. А. Ким и Р. В. Кадыров, рассматривая родительский стресс в ситуации воспитания ребенка с детским церебральным параличом, отмечают, что родители сталкиваются не только с эмоциональными, но и с выраженными организационными и бытовыми трудностями [6]. Матери таких детей часто несут постоянную физическую нагрузку, которая усиливает эмоциональное истощение.

При расстройствах аутистического спектра или интеллектуальных нарушениях на первый план могут выходить трудности коммуникации, поведения, понимания потребностей ребенка, организации обучения и социализации. Мать может испытывать беспомощность, если не понимает причин поведения ребенка или не видит ожидаемого отклика на свои усилия. В таких условиях особенно остро переживается неопределенность: женщина не всегда может предсказать реакцию ребенка, объяснить окружающим его поведение, защитить его от стигматизации и одновременно сохранить собственное спокойствие.

Л. Э. Семенова, Е. Д. Божкова и И. А. Конева подчеркивают значение личностных ресурсов психологического благополучия матерей, воспитывающих детей с ОВЗ и инвалидностью [11]. К таким ресурсам можно отнести жизнестойкость, способность к саморегуляции, принятие ситуации, наличие смысла, умение обращаться за помощью, сохранение социальных контактов и реалистичного отношения к возможностям ребенка.

При этом ресурсы не следует понимать как врожденную «силу характера». Они могут формироваться и поддерживаться в процессе психологического сопровождения.

Психологическое благополучие матери зависит не только от того, насколько тяжел диагноз ребенка, но и от того, каким образом женщина осмысляет происходящее. Если вся ситуация воспринимается как безвыходная, несправедливая и полностью разрушившая жизнь, эмоциональное напряжение усиливается. Если же мать постепенно получает возможность видеть не только ограничения, но и реальные достижения ребенка, собственные усилия, доступные формы помощи и перспективы развития, ее состояние становится более устойчивым. В этом смысле психологическая помощь должна быть направлена не на отрицание трудностей, а на формирование более выносимого и реалистичного отношения к ним.

А. Г. Продовикова и Д. А. Дегтянникова обращают внимание на связь психологического благополучия родителей детей с ОВЗ с совладающим поведением [7]. Это позволяет рассматривать эмоциональное состояние матери не как пассивное следствие ситуации, а как результат взаимодействия внешней нагрузки и способов ее переживания. Одни матери склонны искать информацию, обращаться за поддержкой, перестраивать быт, включаться в реабилитационный процесс и одновременно сохранять часть собственной жизни. Другие уходят в изоляцию, отрицание, самообвинение или тотальную фиксацию на ребенке. От выбранных стратегий зависит не только самочувствие женщины, но и психологический климат в семье.

Семейная система в ситуации воспитания ребенка с ОВЗ также меняется. Нередко происходит перераспределение ролей: мать берет на себя основную заботу, отец сосредоточивается на материальном обеспечении или, в некоторых случаях, эмоционально дистанцируется от проблемы. Другие дети в семье могут получать меньше внимания, бабушки и дедушки – либо становиться ресурсом, либо усиливать напряжение своими оценками и ожиданиями. В итоге мать оказывается в центре пересечения разных требований: ребенка, супруга, родственников, специалистов, социальных служб и собственных внутренних ожиданий.

Е. Б. Айвазян, Ю. А. Разенкова, Т. Ю. Корниенко и А. В. Павлова рассматривают трудные жизненные ситуации в семье ребенка с ОВЗ или инвалидностью как основание для оказания психологической помощи [2]. Такой подход важен, потому что семья ребенка с ОВЗ нуждается не только в информационных консультациях, но и в сопровождении кризисных переживаний. Матери важно не просто объяснить, какие занятия нужны ребенку, но и помочь ей выдержать собственную тревогу, вину, усталость, разочарование, конфликт между любовью к ребенку и внутренним истощением.

Одним из факторов, усиливающих эмоциональное неблагополучие матери, является социальная изоляция. После рождения или выявления

особенностей развития ребенка женщина может постепенно выпадать из прежних социальных связей. Подруги и знакомые не всегда понимают ее опыт, общение становится труднее, возможности выйти из дома ограничиваются, профессиональная деятельность прерывается или резко сокращается. В результате круг жизни матери сужается до маршрутов «дом – поликлиника – реабилитационный центр – образовательное учреждение». Такое сужение пространства усиливает чувство одиночества и способствует депрессивным переживаниям.

Не менее значимым фактором является отношение общества. Матери детей с ОВЗ могут сталкиваться с жалостью, раздражением, осуждением, непониманием поведения ребенка, формальными барьерами и бюрократической усталостью. В общественных местах женщина нередко вынуждена одновременно заботиться о ребенке и защищаться от оценок окружающих. Это формирует постоянную настороженность. Мать начинает заранее ожидать негативной реакции, избегать определенных мест и ситуаций, что дополнительно усиливает социальную изоляцию семьи.

В. Е. Василенко, С. С. Савенышева и О. О. Заплетина, анализируя родительский и повседневный стресс у матерей детей раннего и дошкольного возраста, показывают, что материнский стресс складывается не только из крупных кризисных событий, но и из множества повторяющихся повседневных трудностей [3]. В отношении матерей детей с ОВЗ это особенно заметно. Их эмоциональное состояние может дестабилизироваться не только из-за диагноза как такового, но и из-за мелких, но постоянных нагрузок: ожидания приема у врача, нехватки информации, оформления документов, сложностей с транспортом, необходимости объяснять особенности ребенка новым людям, отсутствия времени на себя.

При длительном воздействии этих факторов возникает риск эмоционального выгорания. Оно проявляется в ощущении истощенности, снижении эмоциональной отзывчивости, раздражительности, чувстве бессилия, потере веры в эффективность собственных действий. Мать может продолжать выполнять все обязанности, но внутренне переживать опустошенность. В отличие от обычной усталости, выгорание не проходит после кратковременного отдыха. Оно связано с длительным несоответствием между объемом требований и доступными ресурсами.

З. А. Аксютина, А. В. Ченская и Ю. Е. Шабышева рассматривают арт-терапию как одно из направлений коррекции эмоционального выгорания у матерей, воспитывающих детей с ОВЗ [1]. Обращение к арт-терапевтическим методам показательно: матери часто трудно прямо говорить о собственных чувствах, особенно если они кажутся ей «неправильными» по отношению к ребенку. Творческие методы позволяют выразить усталость, злость, тревогу, вину, надежду и внутренний конфликт в более безопасной форме. Это способствует снижению напряжения и возвращению женщине контакта с собственными переживаниями.

Доктор психологических наук, профессор Института социальных наук ИГУ А. Д. Карнышев разработал концепцию Байкалотерапии [12]. В ней обобщил влияние Байкала на психологическое здоровье человека, а также рассмотрел способы улучшения душевного комфорта с помощью природных ресурсов Байкала и показал важность умения человека «вести диалог с природой». Данная терапия положительно влияет на физическое и эмоциональное состояние, снижая стресс и тревожность, предотвращая депрессию. Созерцание байкальских пейзажей и звуки природы нормализуют сон и работу нервной системы. Прогулки на свежем воздухе укрепляют иммунитет и сердечно-сосудистую систему. Взаимодействие с природой развивает осознанность и устойчивость. Знакомство с традициями коренных народов расширяет кругозор и пробуждает творчество. Что очень важно для матери, воспитывающей ребенка с ОВЗ. Методы включают цветотерапию, звукотерапию, ароматерапию, и ритуалы единения с природой, дополняя традиционные методы оздоровления.

Следует подчеркнуть, что психологическая помощь матерям детей с ОВЗ не должна ограничиваться обучением правильному поведению с ребенком. Такая помощь должна включать работу с эмоциональным состоянием самой женщины. Если мать находится в состоянии хронической тревоги, истощения или депрессии, ей трудно последовательно выполнять рекомендации специалистов, сохранять терпение, замечать успехи ребенка и строить с ним устойчивый эмоциональный контакт. Поэтому поддержка матери является не дополнительной, а базовой частью сопровождения ребенка.

М. А. Одинцова, Д. В. Лубовский, Е. С. Гусарова и П. А. Иванова рассматривают инвалидность ребенка как вызов, в условиях которого особую роль приобретают жизнестойкость, самоактивация и копинг-стратегии матерей [5]. Данный подход позволяет уйти от представления о матери ребенка с ОВЗ исключительно как о жертве обстоятельств. Безусловно, ситуация объективно трудна и часто травматична, однако при наличии поддержки женщина может вырабатывать активную позицию, находить новые смыслы, восстанавливать чувство влияния на собственную жизнь и постепенно возвращать себе субъектность.

Очень важно различать принятие ситуации и пассивное смирение. Принятие не означает отказа от помощи ребенку или согласия с любыми ограничениями. Напротив, оно предполагает более трезвое понимание реальности: мать видит трудности ребенка, но не сводит его личность только к диагнозу; признает свои ограничения, но не отказывается от себя; понимает необходимость помощи, но не превращает всю жизнь в бесконечную борьбу. Именно такое принятие может стать основой более устойчивого эмоционального состояния.

Факторы, влияющие на эмоциональное состояние матерей, можно условно разделить на несколько групп. Первая группа – медицинские и developmental-факторы: характер нарушения, степень выраженности ограничений, прогноз, наличие сопутствующих заболеваний, уровень самосто-

ятельности ребенка. Вторая группа – семейные факторы: поддержка супруга, участие родственников, наличие других детей, эмоциональный климат в семье, распределение обязанностей. Третья группа – социальные факторы: доступность помощи, отношение общества, материальное положение, инклюзивная среда, возможность получения образования и реабилитации. Четвертая группа – личностные факторы самой матери: самооценка, тревожность, стрессоустойчивость, копинг-стратегии, жизнестойкость, способность к саморегуляции и принятию помощи.

При этом данные факторы редко действуют отдельно. Например, тяжелое нарушение у ребенка само по себе повышает нагрузку, но при наличии поддерживающей семьи, компетентных специалистов и доступных услуг мать может сохранять относительно стабильное состояние. Напротив, даже менее выраженные нарушения могут стать источником тяжелого эмоционального кризиса, если женщина изолирована, не получает поддержки, сталкивается с осуждением и не имеет возможности восстановить ресурсы. Поэтому оценка эмоционального состояния матери должна быть комплексной.

Особого внимания требует проблема депрессивных переживаний. Они могут проявляться не только в снижении настроения, но и в апатии, потере интересов, ощущении бессмысленности усилий, раздражительности, плаксивости, нарушениях сна, снижении энергии. У матерей детей с ОВЗ депрессивное состояние часто маскируется повседневной занятостью. Женщина продолжает ухаживать за ребенком, посещать специалистов, выполнять домашние дела, но внутренне чувствует отсутствие сил и радости. Такая скрытая депрессивность опасна тем, что долго остается незамеченной.

Тревожность также является одним из наиболее устойчивых компонентов эмоционального состояния матерей. Она может быть направлена на здоровье ребенка, его будущее, отношение окружающих, собственную способность справиться, материальные вопросы, состояние семьи. Тревога усиливается в периоды обследований, постановки диагноза, перехода ребенка в образовательное учреждение, возрастных кризисов, ухудшения состояния. При этом мать может жить в постоянной готовности к проблеме, что поддерживает высокий уровень нервно-психического напряжения.

Существенным последствием длительной тревоги становится нарушение контакта матери с собственными потребностями. Женщина может перестать замечать усталость, голод, потребность в отдыхе, общении, профессиональном развитии, личном времени. Более того, сами эти потребности могут переживаться как эгоистичные и недопустимые. В результате формируется внутренний запрет на заботу о себе. Однако отсутствие заботы о себе не делает мать более ресурсной; напротив, оно ускоряет истощение и снижает качество взаимодействия с ребенком.

Психологическое сопровождение матерей должно включать несколько направлений. Во-первых, необходима эмоциональная поддержка на этапе принятия диагноза и перестройки семейных ожиданий. Во-

вторых, важна работа с чувством вины и самообвинением. В-третьих, требуется обучение навыкам саморегуляции, восстановления ресурсов и конструктивного совладания со стрессом. В-четвертых, необходимо формирование реалистичной родительской позиции, в которой забота о ребенке сочетается с уважением к его возможностям и сохранением личных границ матери.

Перспективным направлением является групповая работа с матерями детей с ОВЗ. В группе женщина получает возможность увидеть, что ее переживания не являются уникальным «сбоем» или признаком плохого материнства. Общение с другими матерями снижает чувство одиночества, позволяет обмениваться опытом, получать эмоциональное подтверждение и поддержку. Кроме того, групповая форма помогает мягко преодолевать изоляцию, которая часто становится одним из факторов эмоционального неблагополучия.

Необходимо также развивать междисциплинарное сопровождение семьи. Психолог, педагог, дефектолог, врач, социальный работник должны видеть не только ребенка, но и семейную систему в целом. Если специалисты предъявляют матери большое количество требований, но не учитывают ее состояние, помощь может превращаться в дополнительный источник давления стресса. Напротив, уважительный диалог со специалистами, понятные рекомендации, реалистичные цели и признание усилий матери способствуют снижению напряжения.

Отдельно следует отметить значимость профилактики эмоционального выгорания. Такая профилактика должна начинаться не тогда, когда мать уже находится в состоянии полного истощения, а на ранних этапах сопровождения семьи. Женщине важно объяснять, что забота о себе не противоречит заботе о ребенке. Напротив, сохранение собственного психологического и физического здоровья является условием длительной и устойчивой помощи ребенку. Мать, имеющая право на отдых, поддержку и собственную жизнь, чаще способна сохранять эмоциональную включенность без разрушительного самопожертвования.

Таким образом, эмоциональное состояние матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, представляет собой сложный и многокомпонентный феномен. Оно формируется под воздействием диагноза ребенка, длительности стрессовой ситуации, семейной поддержки, социального отношения, материальных условий, личностных ресурсов и доступности профессиональной помощи. Наиболее характерными проявлениями эмоционального неблагополучия являются тревожность, чувство вины, такое функциональное состояние как хроническая усталость, депрессивные переживания, эмоциональное выгорание, нарушенное самоотношение (самообвинение, самоконфликтность и другое), сниженная самооценка и сужение жизненного пространства женщины.

В то же время мать ребенка с ОВЗ не должна рассматриваться только как носитель страдания. При соответствующей поддержке она способна к

социально-психологической адаптации, личностному росту, развитию новых форм устойчивости и более глубокому осмыслению собственного опыта. Задача психологической помощи состоит не в том, чтобы требовать от женщины бесконечной силы, а в том, чтобы создать условия, при которых ее ресурсы могут восстанавливаться. Поддержка матери является важнейшим условием благополучия ребенка, поскольку эмоциональное состояние женщины напрямую влияет на качество детско-родительского взаимодействия, семейный климат и возможности развития ребенка с ОВЗ.

Литература

1. Аксютина З. А., Ченская А. В., Шабышева Ю. Е. Арт-терапия в коррекции эмоционального выгорания у матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2023. Т. 9 (75), № 2. С. 92–106.
2. Трудные жизненные ситуации в семье ребенка с ОВЗ или инвалидностью: методический комплект для оказания психологической помощи / Е. Б. Айвазян, Ю. А. Разенкова, Т. Ю. Корниенко, А. В. Павлова. М. : ФГБНУ «ИКП», 2023. 98 с.
3. Василенко В. Е., Савенышева С. С., Заплетина О. О. Родительский и повседневный стресс у матерей детей раннего и дошкольного возраста // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29, № 4. С. 27–48.
4. Дьячкова Е. С., Баяндина Т. В. Психологические особенности матерей, воспитывающих детей с ОВЗ и инвалидностью // Медицинская психология в России. 2021. Т. 13, № 3 (68). С. 1–7.
5. Жизнестойкость, самоактивация и копинг-стратегии матерей в условиях инвалидности ребенка как вызова / М. А. Одинцова, Д. В. Лубовский, Е. С. Гусарова, П. А. Иванова // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Т. 31, № 1. С. 79–106.
6. Ким К. А., Кадыров Р. В. Родительский стресс и воспитание ребенка с детским церебральным параличом: обзор зарубежных исследований // Клиническая и специальная психология. 2022. Т. 11, № 4. С. 1–29.
7. Продовикова А. Г., Дегтянникова Д. А. Психологическое благополучие и совладающее поведение родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2021. № 1 (5). С. 301–316.
8. Севастьянова У. Ю. Специфика родительского стресса у родителей детей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. Т. 28, № 4. С. 110–116.
9. Савенышева С. С., Разыграева Ю. С. Родительское выгорание, посттравматический рост и социальная поддержка матерей детей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14, № 1. С. 128–142.
10. Особенности переживания чувства вины родителями детей с ограниченными возможностями здоровья / Е. О. Седова, Ж. Р. Гарданова, Е. С. Токмакова, Д. Н. Чернов, В. О. Андреева // Репродуктивное здоровье детей и подростков. 2021. Т. 17, № 3. С. 94–102.
11. Семенова Л. Э., Божкова Е. Д., Конева И. А. Личностные ресурсы психологического благополучия матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, № 1. С. 5.

12. Карнышев А. Д. Байкалотерапия: ресурсы природы для психологического здоровья. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. 323 с.

Emotional state of mothers raising children with disabilities

T. V. Kravchenko, T. L. Mironova
Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Abstract. The article discusses the problem of the emotional state of mothers raising children with disabilities. It is shown that motherhood in conditions of impaired child development is associated with prolonged stress, changes in life prospects, restructuring of family roles, and a decrease in the possibilities of professional and personal self-realization for women. Special attention is paid to anxiety about the child's future, feelings of guilt, chronic fatigue, emotional burnout, depressive experiences, and a decrease in the psychological well-being of mothers. The article analyzes the factors that affect a woman's emotional state, such as the nature and severity of the child's disorder, the duration of the stressful situation, the level of social support, the characteristics of family relationships, the availability of psychological assistance, and the woman's personal resources and coping strategies. The article emphasizes that a mother's emotional state has a direct impact on the quality of her interactions with her child, the family climate, and the child's development opportunities. The article concludes that it is crucial to provide early and systematic psychological and educational support to mothers, focusing not only on helping the child but also on restoring the woman's own resources.

Keywords: emotional state, mothers, children with disabilities, parental stress, anxiety, guilt, emotional burnout, psychological well-being, social support, and psychological assistance.

РАЗДЕЛ 5

ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЕ И РЕКРЕАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ БАЙКАЛЬСКОЙ ПРИРОДЫ

Байкал – место силы и его роль в восстановлении духовного и физического здоровья

О. М. Хохлова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Анализируются имеющиеся в научном понимании подходы к понятию «место силы», приводится анализ их значения и благотворного влияния на физическое и духовное здоровье человека, корректируется определение этого понятия в соответствии с мировоззрением и мировосприятием, сложившимся в современных реалиях жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: Байкал, место силы, процессы восстановления, исцеление, физическое здоровье, духовное здоровье, мировоззрение, мировосприятие.

Ежегодное посещение святых мест, путешествия по святыням, сакральным местам, как их еще называют, заставляет задуматься не на шутку, в чем же их сила, почему именно этим местам удосужилось так называться, почему происходят благоприятные события, смена мировоззрения, мировоззрения, исцеление, избавление от вредных привычек при их посещении?

Наш соотечественник, ученый, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН Виктор Александрович Шнирельман к «местам силы» относит культовые места у новых религиозных движений и неоязычников, в которых, по мнению представителей соответствующих движений, имеется особая энергетика [4, с. 7–8]. Как правило, и располагаются они в уникальных в географическом или геологическом смысле местах или в местах первобытных поселений или около дольменов [4, с. 4–5].

Неоязычники в качестве «места силы» часто используют археологические памятники, согласно пониманию их тесной связи с предками, эзотерики и вовсе относят к «местам силы» природные объекты, поскольку главным для них является энергия, которая намного важнее пространства.

«Местом силы» может стать любое место после привлечения к нему общественного внимания разного рода специалистов: археологов, этнографов историков, обнаружившими связь этого места с поклонением в древние времена. Например, внимание к валунам в музее-заповеднике «Коломенское« Так, благодаря археологам всем известный Аркаим стал «местом силы», которые связали его с ариями (древними иранцами).

По мнению М. А. Угаева, в «местах силы» происходит перенос функции храма на природный объект или археологический памятник [1]. В последствии паломники, посещающие эти места, обживают его, монтируют на этом месте ритуальные сооружения (очаги-жертвенники, вы-

ложенные из камней знаки, деревянные идолы, ритуальные площадки и т. д.). Им важно именно это место, которое является проводником благотворных энергий. По мнению паломников, чем больше людей посетит это святое место, тем больше энергии сможет накопиться, место станет намоленным.

Известны факты, когда «места силы» используют предприниматели, строящие свой туристический бизнес и рекламирующие отдельное место как «место силы».

Анализируя вышесказанное, попытаемся сделать вывод. «Место силы» – уникальная природная локация, где человек способен восстановить внутреннюю гармонию, восстановить физическое здоровье, произвести мощную психоэмоциональную разгрузку, улучшить работу нервной системы и насладиться красотой и гармонией природы.

Посещение святых мест зачастую связывают с отдыхом на природе, оздоровлением организма, климатотерапией, медитациями и эзотерикой. В таких местах происходит наполнение благотворной энергией, человек оказывается в вибрациях высокого уровня, начинает чувствовать их, настраивается на них и гармонизируется не только физически, но и духовно.

У многих людей, посещающих святые места создается впечатление, что небеса действительно нас там слышат. Обладающие развитым восприятием люди эти энергии хорошо чувствуют. Такие способности можно развивать длительно пребывая в «местах силы» или святых местах, выполняя духовные практики. В христианской религии и исламе – молитвы, в индуизме – это медитации, в буддизме – подношения и мантры.

Таким образом посещение «мест силы» – это процесс, раскрывающий возможности человека по мировосприятию энергий тонкого плана. Эти возможности мы имеем с самого момента рождения, они заложены в нас от природы, но, чтобы начать их использовать себе во благо, необходимо развивать

При этом каждый человек считает, что у него свое «место силы». Для многих жителей Иркутской области и Республики Бурятия и мое в том числе «место силы» – оз. Байкал. Туристы, отправляющиеся на Байкал, верят, что его посещение исцелит, зарядит мощнейшей энергией, поможет исполнить самые невероятные желания и обрести любовь.

Байкал – «место силы» не только потому, что я родилась в Иркутской области, и это величайший «хранитель» пресной воды. А потому что это мировой центр духовного притяжения, мощный генератор энергии и «место силы» благодаря его уникальной природе и древним традициям. Его важнейшая роль – сохранение экологического баланса всей планеты, дар людям внутренней гармонии, вдохновения, обновления в единении с первозданной силой природы. На берегах этого Священного озера располагаются ключевые энергетические точки, выполняющие

особую миссию и роль, каждая из которых также является особым «местом силы»:

– Мыс Бурхан (Скала Шаманка) – визитная карточка, центральная точка острова Ольхон – самого известного и самого большого острова на Байкале, и одна из главных святынь этой территории. Скала Шаманка – самая красивая беломраморная скала и визитная карточка озера Байкал. Раньше на гору нельзя было подниматься туристам, и сейчас не рекомендуют скалу посещать, поскольку это место очень сильное по своей энергетике. И взобраться на нее не просто, это каменная скала. Зимой подобраться к подножию Шаманки проще, но путь преграждает огромное количество торосов. Предания говорят, что в пещере Шаманки обитает дух Байкала, а это место наделяет шаманов силой, очищает мысли и дарует мощную защиту. Шаманов не только близлежащих регионов притягивает это место, но и из стран всего мирового сообщества, часто приходится наблюдать проведение разных обрядов рядом со скалой Шаманкой.

– Остров Огой – сакральное место, расположенное в Малом Море, обладающее мощнейшей энергией, где находится буддийская Ступа Просветления, которая способствующая очищению кармы, освобождению от суеты и обретению душевного равновесия человека. Огой – небольшой необитаемый остров, притягательный для туристов как раз Ступой Просветления, в которой собраны святыни со всего мира, построенная волонтерами из разных стран. Очевидцы во время строительства Ступы наблюдали огромную радугу, которая выходила из ступы и заканчивалась на Ольхоне. Люди верят, что посещение острова исполняет желания. Обходят вокруг ступы 8 раз, загадывают желание, верят, что оно сбудется, и чудеса реально происходят! Посетить остров Огой можно летом на корабле, зимой – на автомобиле по льду.

– Шаман-камень, находящийся в истоке Ангары – также сакральная точка, придания местных жителей и верования говорят о том, что здесь решались судьбы и проходили важнейшие обряды.

– Мыс Хобой – самая северная точка, самый северный мыс острова Ольхон, где сконцентрировано мощнейшее влияние всех четырех стихий. Мыс обладает такой энергетикой, что можно отпустить все старое, настроиться на новые свершения и достижения, побороть усталость и недуги. Местные жители говорят, что здесь родился первый байкальский шаман. Место примечательно многоголосым эхо, когда звук отражается от высокого плоского камня, похожего на клык, но жители острова предпочитают хранить здесь молчание, вести наблюдение или пребывать в медитации. Зимой на Хобое удивительная зимняя красота, привлекающая туристов красивейшими гротами, которые образуются на ледовой поверхности озера и скал, его окружающих. Поздней весной, когда сходит лед, у подножья мыса греются на солнышке байкальские нерпы, туристы могут любоваться этими забавными млекопитающимися в любое время года. Недалеко от Хобоя располагается самая глубокая

точка Байкала. Местные жители говорят, что на месте самой глубокой точки Байкала образуется загадочная воронка, поглощающая все, что находится вблизи ее.

– Мыс Рытый – мистическое место, которое в своих путешествиях обходят стороной даже моряки. На берег этого мыса стараются не высаживаться, проезжают мимо и стараются держаться подальше от берега. В этом районе действует интересная аномалия: из строя выходят все механические приборы. Местные жители утверждают, что у мыса Рытого пропадали лодки, катера и корабли, а людей, посещающих этот мыс, в последствии преследовали неудачи.

– Гора Жима – еще одно «место силы» на Ольхоне. В давние времена женщинам запрещалось подниматься на гору Жима. Люди верили, что после посещения горы у женщины не будет детей. До сих пор местные жители с осторожностью относятся к этой горе. А в древних мифах говорится, что недалеко от горы Жимы под водой находится царство мертвых, откуда нет возврата.

Байкал как «место силы» несет в себе не только невероятную мистику, он воплощает исцеляющее воздействие своей чистейшей водой и дарует мощную энергетику человеку, прикоснувшемуся к его святыням. Эффект оздоровления и мощнейшая энергетика оз. Байкал оправданы его географическими и природными особенностями.

В России много «мест силы», все они имеют свое, особое значение, многие я посещаю периодически:

– Гора Белуха на Алтае – настоящий центр притяжения любителей природы и высокогорного туризма. Физические нагрузки в сочетании с уникальным благотворным для организма микроклиматом, отрицательно ионизированным воздухом способствуют быстрому обновлению и восстановлению организма.

– Остров Валаам, гора Воттоваара в Карелии – уникальные, изолированные природные зоны с древними каменными лабиринтами, живописными скалами и потрясающими хвойными лесами. Гуляя в этих местах человек не только наполняется природной ароматерапией, но и получает благотворное воздействие на дыхательную и сердечно-сосудистую системы человека.

– Дольмены в Краснодарском крае – древние мегалиты, находящиеся в предгорьях Черноморского побережья России. Поездки в эти сакральные места позволяют приятно совместить посещение исторических памятников с бальнеологическим лечением на курортах Геленджика, Сочи и других городов Черноморского побережья.

– Кавказские Минеральные Воды – настоящий российский лечебный кластер с природной энергетикой земли, подкрепленной доказанной научной медицинской базой. Использование природных минеральных вод Пятигорска, Ессентуков и Кисловодска, лечебных грязей в сочета-

нии с современными методами медицины способны нормализовать обмен веществ человека и работу его желудочно-кишечного тракта.

Жемчужины России – «места силы», их можно перечислять долго, рассказывая об уникальности каждого места, дарующего свои чудеса, неповторимые моменты, влияющие на мировоззрение и мироощущение человека.

«Места силы» озера Байкал, особенно остров Ольхон, – для меня самое идеальное место для отдыха, восстановления сил, созерцания первозданной природы, ее уникальности.

Для повышения качества жизни горожан возникает острая необходимость в путешествиях, особенно к «местам силы», посещению святынь. Это способствует не только оздоровлению организма, снятию стрессовых ситуаций, но и приобщает к культуре других народов, населяющих Россию, способствует консолидации общества, его стабильности, достижению общественного согласия [2, с. 31–32; 3, с. 547–548], экологической безопасности, поиску культурного кода народов России.

Литература

1. Словарь синонимов. URL: https://sinonim.org/ (дата обращения: 12.07.2026).

2. Хохлова О. М. Общественное согласие как условие развития современной России // Социология. 2024. № 2. С. 28–36.

3. Хохлова О. М. Общественное согласие в контексте национальной безопасности // Евразийский юридический журнал. Философия. Право. Социум. 2024. № 1 (188). С. 546–549.

4. Шнирельман В. А. Места силы: конструирование сакрального пространства. Введение к дискуссии // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 3–9.

Lake Baikal – a place of power and its role in restoring spiritual and physical health

O. M. Khokhlova

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The authors analyze the existing scientific approaches to interpreting the concept of a “comfortable urban environment” and adjust the definition of this concept in accordance with current modern trends, taking into account the role of public participation of citizens in the development of a comfortable urban environment.

Keywords: comfortable urban environment, comfortable conditions, quality of life, effective implementation, public participation of citizens.

Образ Байкала и отношение к нему в фольклоре и искусстве

Т. Л. Миронова

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Улан-Удэ

Аннотация. Изучается бурятская легенда о могучем богатыре Байкале, его единственной дочери красавице Ангаре и смелом юноше Енисее, на основе которой в 1959 г. поставлен национальный балет-поэма «Красавица Ангара». Отмечается, что идейная основа либретто балета, написанная Н. Балдано, включает ряд смыслов. В произведении показана природная мощь, сила и могущество Байкала, а также рек Ангары, Енисея, которые являются источниками жизни. Главные персонажи предстают как живые существа. Указывается, что данного рода представления связаны со спецификой традиционной культуры бурят, так как они одухотворяли природу, для них она выступала как живительный источник. Показывается, что в балете раскрываются извечные этические проблемы, нравственные ценности, показывается победа Добра, любви, справедливости над злом. Делается вывод, что доброе начало, любовь, справедливость и гуманизм, связаны с раскрытием образов Байкала, Ангары, Енисея, Горхон Ручейковны, а Зло ассоциируется с образом коварного Черного Вихря, который желает стать счастливым, используя аморальные пути, чтобы заполучить любовь и расположение дочери Байкала. Дается также содержательно-психологический анализ песни «Славное море – священный Байкал», песни «Байкал».

Ключевые слова: Байкал, Ангара, Енисей, Селенга, легенда, балет-поэма «Красавица Ангара», смыслы, бурятское искусство, нравственные ценности, песня.

Озеро Байкал – это драгоценная жемчужина нашей страны и всего мира. Находится в Республике Бурятия и Иркутской области, занимает площадь 131 722 км^2. Длина его береговой линий – 2000 км. Это самое глубоководное озеро на нашей планете Земля, максимальная глубина составляет 1642 м. Запасы пресной воды огромны – 23 615, 39 км^3, что составляет 19 % от 123 тыс. км^3 всех мировых запасов озерной пресной воды [2]. Из него вытекает только р. Ангара. В Байкал впадают следующие крупные реки: Селенга, которая берет начало в Монголии, Верхняя Ангара, Баргузин, Турка, Снежная Кичера, Тыя, Голоустная, Бугульдейка [2]. Байкал окружают горные хребты, сопки. Есть существенное различие между западным его побережьем со стороны Иркутской области и восточным со стороны Бурятии, первое скалистое и обрывистое, а второе – более пологое, здесь есть прекрасные песчаные пляжи (с. Гремечинск, курорт Горячинск, Байкальская Гавань – пос. Турка, с. Максимиха). Нередко туристы из Иркутской области приезжают к нам на отдых на бурятское побережье Байкала.

Чистота, прозрачность байкальской воды удивляет, поражает человека, отдельные камни и предметы видны даже на больших глубинах (до 40 м). Ее чистота в основном поддерживается в основном за счет деятельности микроскопического байкальского рачка эпишуры, размер взрослой особи составляет около 1,5 мм. Эпишура пропускает через себя воду, тем самым очищая ее, потребляет основную массу байкальских водорослей.

Ею питается байкальский омуль. Летом прозрачность воды, цвет ее становится сине-зеленым и зеленым. Народы, проживающие в Байкальской Азии, называли Байкал Северным морем, так как вода летом в нем холодная, в заливах она лучше прогревается, ее температура достигает от +15 до +23 °С. В августе начинается бархатный сезон на Байкале, много людей отовсюду устремляются на отдых, так как буряты считают Байкал – это место силы, заряжает человека своей мощной энергетикой. У некоторых людей есть уже привычка приезжать летом каждый год отдыхать, загорать и купаться, дышать чудесным байкальским воздухом, настоянным на пышной растительности, разнотравье байкальских джунглей, что, несомненно, укрепляет иммунитет человека, укрепляет организм и восстанавливает его резервные силы, повышает активность.

У аборигенного народа – бурят – существует легенда о том, что у могучего богатыря Байкала было 336 сыновей – рек, которые несли свои воды в озеро, и одна любимая дочь – красавица Ангара. Она полюбила прекрасного смелого, синеглазого юношу Енисея и убежала к любимому, вопреки воле своего отца. Байкал рассердился на свою дочь и бросился за ней вдогонку, но не смог догнать беглянку и кинул в Ангару большую скалу – Шаманский камень, надеясь, что эта скала сможет преградить ей путь, вернет ее обратно в Байкал, но этого не произошло. Тогда Байкал послал за своенравной дочерью в погоню племянника Иркута, но он свернул с пути. Впоследствии беглянка Ангара встретилась с возлюбленным юношей Енисеем, и потекли они вместе дальше на Север, укрепив свой семейный союз, стали крепче и сильнее. Енисей и Ангара – это мощные сибирские реки, несущие большую пользу людям, на них построены крупные российские гидроэлектростанции, вырабатывающие электроэнергию для нашей промышленности и населения Сибири – Бурятии, Иркутской области, Красноярского края.

На основе бурятской легенды, сказок, которые были неоднократно обработаны поэтами, либреттистами был поставлен национальный балет «Красавица Ангара» [4]. В 1959 г. его премьера состоялась в г. Москва во время второй декады бурятского искусства и литературы. Либретто к балету написано писателем Намжилом Балдано. Он не ограничивался вышеуказанной легендой, обратился также к мотивам и образам других бурятских сказок и легенд: так в балет был включен образ Черного Вихря, он встает на пути Енисея, пытается получить расположение, любовь Ангары, у него есть потаенное желание заполучить богатства Байкала. Поэма-балет «Красавица Ангара» принадлежит известному бурятскому поэту Николаю Дамдинову. Музыка балета написана композиторами Бау Ямпиловым, Львом Книппером, работавшим в Бурятии. Балет «Красавица Ангара» удостоен в 1973 г. Государственной премии РСФСР им. М. Глинки, он состоит из трех действий, пяти картин [4]. Рассмотрим их.

Действие 1. В первой картине на берегу Байкала сидит Енисей в образе молодого охотника. Его мечта увидеть дочь Байкала. Из глубин озера

показывается Байкал и его дочь Ангара. Она лицезреет красоту земли у Байкала, любуется ей, выражает радость от встречи с красавцем Енисеем, а он, увидев ее, влюбился в Ангару. Против их счастья выступает коварный Черный Вихрь, который тоже неравнодушен к ней, ему хочется завладеть ее богатым приданым. Черный Вихрь запускает в соперника стрелу, но она не попадает в него.

Во второй картине представлен стан Черного Вихря. Его мысли занимает красавица Ангара, поэтому танцы молодых людей не вызывают в его душе эмоционального отклика. По хозяйскому приказу его слуги – смерчи посредством колдовских приемов вызывают призрак Ангары.

Действие 2. В третьей картине Черный Вихрь подносит на берегу богатые подношения Байкалу. Байкал впускает его в свое подводное царство. Подруга Ангары Горхон Ручейковна тревожится за нее, ищет ее возлюбленного Енисея. Она убеждается в том, что он испытывает к Ангаре искреннее чувство любви, поэтому выражает готовность помочь ей. Она зовет Енисея посетить подводное царство.

В четвертой картине действие разворачивается в подводном царстве. Хозяин Байкал смотрит на танцы рыбок. Черный Вихрь стремится к тому, чтобы Ангара стала бы к нему относиться положительно. Для чего он использует разные колдовские хитрости, принимает облик Енисея. Но Ангара не поддается на его хитрые и коварные уловки. Возникает конфликт между двумя соперниками – Черным Вихрем и Енисеем. Байкал сердится, гневается и прогоняет обоих из своего царства.

Действие 3. В пятой картине действие разворачивается на берегу озера ночью. Енисей тоскует по своей любимой девушке. Горхон помогает им встретиться. Ангара решила совершить побег вместе с возлюбленным Енисеем. Но осуществить его им помешал Черный Вихрь, который преградил им путь. Между двумя непримиримыми соперниками происходит жестокая борьба, в ней победу одержал Енисей. Отец Ангары дал свое согласие на замужество ее за Енисеем, так как его глубоко тронула история любви и верности Енисея к его единственной дочери красавице Ангаре. В конце балета все радуются и прославляют семейный союз Енисея и Ангары – двух прекрасных, величественных сибирских рек [4].

Вот на такой текстовой базе был создан балет – поэма композиторами Б. Б. Ямпиловым и Л. К. Книппером. Он был признан лучшим бурятским произведением в данном жанре. Главную партию Ангары неоднократно блестяще исполняла выдающаяся прима – балерина Бурятского Ордена Ленина Государственного академического театра им. Г. Ц. Цыденжапова Лариса Петровна Сахьянова, народная артистка СССР (1930–2001 гг.). Партию Енисея исполнял Петр Тимофеевич Абашеев, народный артист РСФСР. На театральной площади с левой стороны от входа в театр установлена в 2002 г. скульптурная композиция «Красавица Ангара», посвященная легендам бурятского балета Ларисе Сахьяновой и Петру Абашееву, авторы: скульптор Александр Миронов, архитектор Джейран Уланов.

Идейная основа произведения включает ряд смыслов. В балете раскрываются взаимодействия, взаимоотношения между персонажами. Это история любви, теплых межличностных отношений Ангары и Енисея, Ангары и ее отца Байкала, враждебность Ангары к Черному Вихрю, конфликтные отношения, соперничество и враждебность друг к другу Енисея и Черного Вихря, дружеские отношения между двумя девушками, оказание помощи и поддержки Горхон Ручейковны к Ангаре. Первые зрители премьеры балета в Москве (1959 г.) увидели, что главные персонажи Ангара, Байкал, Енисей превращаются в «живые существа». «Они любят, ссорятся, страдают, сражаются, предстают они, как пленительно достоверные перед зрителями» [4]. О. Ю. Колпецкая отмечает, что имеется и более глубокий смысл между использованным преданием в балете – поэме и бурятской мифологией, архаичной космологией. Можно выделить еще один ракурс, связанный «... с показом мощи природного начала как созидательной и благодатной силы и преклонением перед могуществом сибирских рек и Байкалом как источниками жизни, что неразрывно связано со спецификой традиционной культуры бурят, для которых природа мыслилась одушевленной и выступала живительным источником. Это также и воплощение красивой национальной сказки, повествующей о происхождении реки Ангары, и воплощении этической идеи победы Добра над злом. Именно множественность толкований, сочетающих простоту и доступность с одновременным возвышением над конкретикой, обеспечила жизненность легенды, ее непреходящее значение для бурятского искусства, художественно-эстетическую и этическую значимость. Образные характеристики и хореография, несомненно, перекликаются с национальным фольклором» [Цит. по: 4].

В балете раскрываются извечные этические проблемы, нравственные ценности, показывается победа Добра, любви, справедливости над злом. Доброе начало, любовь, справедливость и гуманизм, дружба связаны с раскрытием образов Байкала, Ангары, Енисея, Горхон Ручейковны, а Зло ассоциируется с образом коварного Черного Вихря, который желает захватить богатства Байкала, стать счастливым, используя аморальные пути, чтобы заполучить любовь дочери Байкала.

Для того чтобы глубже познакомить граждан России с Байкальской Азией, сохранить прекрасную, первозданную, удивительную природу Байкала, ее прибрежных районов, рек, связанных с ним, необходимо нам, живущим в Прибайкалье, Забайкалье, не только информировать в средствах массовой информации о красотах нашей малой родины, о людях, живущих здесь, об их истории, образе жизни, культуре, менталитете коренных народов, но воспевать эти чудеса природы, людей – труженников Подлеморья в песнях, стихах, кинофильмах, спектаклях, произведениях живописи и скульптуры и т. д., а также создавать об этом документальные фильмы. Благодаря этому можно будет создать определенные условия, которые будут способствовать развитию познавательных мотивов у людей, живущих в других местах, поближе познакомиться с Байкалом и его прибрежными

территориями, совершить туристические путешествия в Бурятию, Иркутскую область, расширить свой кругозор, обогатить свой личностный потенциал, а также развитию туристической отрасли и экономики РФ.

Многие жители нашей необъятной родины – России знают следующие две песни о Байкале: «Славное море – священный Байкал», «По диким степям Забайкалья». Первое стихотворение «Думы беглеца на Байкале», посвященное беглецам с каторги, было написано в 1848 г. нашим земляком Дмитрием Давыдовым, он работал смотрителем в Верхнеудинском уездном училище г. Верхнеудинска (ныне г. Улан-Удэ). В середине XIX в. стихотворение Д. Давыдова переложили на музыку. Песня «Славное море – священный Байкал» считается народной, так как авторство мелодии неизвестно, по-видимому, ее написали каторжане, работавшие на рудниках Нерчинска. Впервые песня опубликована в номере 11 журнала «Современник», стихи в песне стали короче, чем были в оригинале, некоторые слова были заменены на другие, но смысл их остался прежним [5].

«По диким степям Забайкалья» была написана в середине XIX в. Иваном Кондратьевым (1858 г.). В ней раскрывается сложный, тяжелый этап жизненного пути беглого каторжанина, сосланного на каторгу в царской России. Он, боясь быть пойманным жандармами, долго скитался, пока не достиг побережья Байкала.

В песне «Славное море – священный Байкал» поэт повествует жизненный путь от лица беглого каторжанина, который отбывал свой срок на каторге, долгое время он был закован в тяжелые цепи, работая на рудниках в горах Акатуя, затем пребывал в разных местах царской каторги – в Приамурье на р. Шилке, в Забайкалье в Нерчинске. Старый его товарищ помог ему совершить побег. За ним была организована погоня, но горная стража, к счастью, его не поймала. Долго длились его скитания в дебрях тайги, он шел и ночью, и днем, проявлял особую осторожность и бдительность, проходя поблизости городов, где мог быть изловлен. Простые люди проявляли по отношению к нему гуманное отношение, делились с ним едой и табаком: «Хлебом кормили крестьянки меня, парни снабжали махоркой». Поэт раскрывает образ Байкала, представший перед беглым каторжанином, с его могучим ветром Баргузином, способным вызывать огромные волны – валы на озере. Для него он предстает как «Славное море – священный Байкал». Встреча со Священным Байкалом изможденного, усталого, униженного человека, занимавшегося не посильным не человеческим трудом на царской каторге, заряжает его позитивной энергией, силой, придает ему жизнестойкость, необходимую для прохождения дальнейшего жизненного пути, надежду на перемены в жизни:

«Славное море – священный Байкал,
Славный корабль – омулевая бочка,
Эй, баргузин, пошевелевай вал,
Молодцу плыть недалечко….
Славное море – священный Байкал,

Славный мой парус – кафтан дыроватый.
Эй, баргузин, пошевелевай вал,
Слышатся грома раскаты…» [5].

Выдающийся бурятский поэт Гунга Чимитов написал текст песни «Байкал» на бурятском языке, перевод текста на русский язык осуществил Ю. Полухин, музыку сочинил известный бурятский композитор Анатолий Андреев. Песня отличается лиричностью, вызывает эмоциональный отклик у ее слушателей, а именно, стенические эмоции: радости, умиротворения, оптимизма; высшие нравственные чувства: патриотизма, любви по отношению к нашей малой родине и к ее жемчужине, которая находится на груди Бурятии родной – великому морю, священному Байкалу [1]:

«Всегда я пою песню мою
О радости жизни в милом краю,
Где гладит волною подножия скал
Великое море, священный Байкал.
Припев: В воду опущу снова ладонь
Ты умой меня вечной водой,
Мой Байкал,
Мой Байкал.
Смоленые лодки с зарею ушли
Рыбацкое счастье вновь искать,
И чайка, качаясь на струях ветров,
Мне сизое бросила с неба перо.
Припев.
С тобою, Байкал, и легенды, и быль,
И хвойные бури, и звездная пыль,
Мелодия волн этих в сердце жива,
В глазах моих вечно твоя синева.
Припев.

Байкал ассоциируется у поэта с радостной жизнью в милом ему краю. Он представляет Байкал как живое существо, волны которого «гладят» подножия скал, окружающих его. Байкал вызывает у него различные ощущения, в том числе и тактильно-кинестетические, и температурные, когда он опускает в воду снова свою ладонь, чтобы прикоснуться к его «вечной воде». Поэт просит его:

«Ты умой меня вечной водой,
Мой Байкал,
Мой Байкал» [1].

У поэта возникает образ тружеников Байкала – рыбаков, которые с ранней зарей на смоленых лодках уходят искать «рыбацкое счастье». У него актуализируется образ чайки на Байкале, которая качается «на струях ветров». Байкал у него связан не только со старинными легендами о нем, но и с реальной действительностью – «былью», а также с хвойными бурями и далекими звездами, так как воздух на Байкале чист и прозрачен, что

хорошо видны далекие звезды, они рассыпаны по небу, как «звездная пыль». Образ Байкала у поэта многоликий. В его памяти возникает сложный музыкально-слуховой образ Байкала, «мелодия волн этих в сердце жива» и вызывает у автора положительные эмоциональные переживания, а также возникает зрительный образ синего Байкала: «…в глазах моих вечно твоя синева».

В 2020 г. вышло шестое издание книги «Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий» профессора, доктора психологических наук, с которым я работала на кафедре общей и социальной психологии Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова свыше двадцати лет, уроженцем с. Оймур Кабанского района Республики Бурятия. В своей книге автор раскрывает многие человеческие черты Священного моря. Байкал не только оздоровляет душу и тело, но и вносит прекрасное в человека, обогащает его внутренний мир: потребностно-мотивационную, когнитивную, эмоционально-волевую сферы личности. Александр Дмитриевич убедительно показывает, что коренные народы, живущие у Байкала: буряты, эвенки и русские отличаются следующими социально-психологическими чертами: взаимопониманием, сотрудничеством, толерантностью, отсутствием ксенофобии [3]. Эти личностные характеристики являются особенно важными для оптимального межэтнического взаимодействия, общения людей в современной России, в которой проживают около 200 этносов и малых народов. Одной из задач развития и формирования личности нашего подрастающего поколения, по нашему мнению, является формирование гуманистической направленности, коммуникативных способностей и умений, этнической толерантности, так необходимых для межэтнического общения и взаимодействия, сотрудничества, способствующих выполнению многих видов общей деятельности на благо всех граждан великой России.

Таким образом, Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий воспет в старинных легендах, в произведениях искусства – в балете-поэме «Красавица Ангара», в стихах поэтов, музыке композиторов, народных песнях. Мы, коренное население, приобщаясь к легендам о Байкале и произведениям искусства, раскрывающем разные грани нашего «Славного моря – священного Байкала», а также бывая непосредственно на озере, осознаем его природную мощь, величие и великолепие, заряжаемся его энергетикой, испытываем состояния счастья, умиротворенности при соприкосновении с ним.

Литература

1. Андреев А. Байкал // Композиторы Бурятии. Для голоса в сопровождении фортепиано // Песни композиторов России. Вып. 3. М. : Сов. композитор, 1991. С. 6–9.

2. Википедия. URL: http: // ru. wikipedia. org/wiki/Байкал (дата обращения: 23.05.2025).

3. Карнышев А. Д. Байкал таинственный, многоголикий и разноязыкий. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020.

4. Музыкальная культура Сибири. Произведение: Красавица Ангара. URL: http: //media-nsglinka.ru/index.php?r=mcscreation/view&id=158 (дата обращения 23.05.2026).

5. Славное море – священный Байкал. URL: http://ru/wikipedia.org/wiki/ Славное_море_-_священный_Байкал (дата обращения: 26.05.2026).

Images and Perceptions of Baikal in Folklore and Art

T. L. Mironova
Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Abstract. The article provides a description of Lake Baikal, presents the Buryat legend about the mighty warrior Baikal, his only daughter – the beautiful Angara, and the brave young man Yenisey. This legend served as a basis for the national ballet-poem "The Beautiful Angara" (1959), composed by L. Knipper and B. Yampilov. We have reflected the content of the ballet, which consists of three acts and five scenes. The ideological foundation of the ballet's libretto, written by N. Baldano, incorporates several layers of meaning. The work demonstrates the natural might, strength, and power of Baikal, as well as the Angara and Yenisei rivers, which are sources of life. The main characters are portrayed as living beings. Such representations are deeply rooted in the specifics of traditional Buryat culture, which animated nature and viewed it as a life-giving source. The ballet explores eternal ethical issues and moral values, depicting the victory of goodness, love, and justice over evil. The benevolent principle, love, justice, and humanism are revealed through the images of Baikal, Angara, Yenisey, and Gorkhon Rucheikovna, whereas Evil is associated with the treacherous Black Whirlwind, who seeks happiness through immoral means to win the love and favor of Baikal's daughter. Additionally, the article gives a comprehensive psychological and content analysis of the songs "Glorious Sea – Sacred Baikal" and "Baikal" (lyrics by G. Chimitov, music by A. Andreev).

Keywords: Baikal; Angara; Yenisey; Selenga; legend; ballet-poem «The Beautiful Angara»; meanings; Buryat art; moral values; song.

Звукотерапия на Байкале как ресурс психологического здоровья

С. Д. Бадмаева
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Улан-Удэ

Аннотация. Представлен авторский подход к проблеме звукотерапии как к эффективному ресурсу психологического здоровья в современных условиях. Опираясь на пятитысячелетнюю историю целительства звуком и современные данные о вибрационной природе организма, обоснована особая роль оз. Байкал в качестве природного резонатора и фактора сотерапии. Описаны механизмы воздействия голосовых, инструментальных и дыхательных практик на функционирование организма человека– от клеточного до психоэмоционального уровня.

Ключевые слова: звукотерапия, Байкал, психологическое здоровье, ресурс, стресс, виброакустика, поющие чаши, телесно-звуковые практики, резонанс, исцеление.

Мы живем в эпоху, когда стресс перестал быть эволюционным механизмом выживания и превратился в медленный, неумолимый разрушитель организма человека. По данным Всемирной организации здравоохранения, стресс называют «эпидемией XXI века», поскольку именно он лежит в основе большинства сердечно-сосудистых, аутоиммунных и психических заболеваний. Перед человечеством остро стоит задача поиска методов восстановления – не симптоматического подавления тревоги, а глубинного

возвращения организма к его изначальной, природной частоте. Согласно позиции специалистов в области звукотерапии, разделяемой автором данной статьи как практикующим звукотерапевтом, ключ к восстановлению лежит в фундаментальных законах мироздания. Все в нашем мире, от электрона до галактики, пребывает в состоянии вибрации; каждое тело обладает собственной частотой колебаний.

Идея использовать звук в качестве исцеления далеко не нова. Вполне возможно, что она зародилась в то самое мгновение, когда человеческий голос впервые издал звук. В древние времена наши предки использовали звук в священных ритуалах, призванных обеспечить душевное равновесие, облегчить телесные муки и изгнать недуг из тела больного. С помощью звука люди в древности вызывали силы природы и духов предков, чтобы те помогли им восстановить утраченную целостность.

Человеческие познания в области звука все ширились, и в конце концов учителям древних мистических школ, а теперь и современным нейробиологам, удалось постичь истинную силу, скрытую в звуке, – исцеляющую и чудотворную. Законы мира звуков неизменны и универсальны независимо от того, какая традиция изучает их и какое общество использует их для лечения и самосовершенствования. С помощью звуков мы получаем возможность больше узнать о самих себе и мире вокруг нас.

В данной статье предлагается рассмотреть звукотерапию не как узкую дисциплину науки и практики, а как универсальный, доступный каждому метод профилактики стресса в целях укрепления психологического здоровья. В качестве идеального места силы для этой трансформации рассматривается озеро Байкал – колыбель сакральной тишины, обладающая целительной силой природы.

Звуки используются для лечения более пяти тысячелетий.

Мощь звука как инструмента воздействия объясняется биофизикой человеческого тела. Терапевтический эффект звукотерапии основан на том, что звуковая вибрация оказывает прямое влияние на работу органов и систем организма. Согласно Х. Митчеллу и другим (1945), тело человека в среднем на 60 % состоит из воды, а вода, как известно, является идеальной средой для приема и транспортировки вибраций. Соответственно, каждая кость, каждая ткань и каждая клетка организма имеют определенную частоту колебаний.

К нарушающим здоровье триггерам относят сбои в организме (неправильное дыхание, различные телесные зажимы и страхи), после их ликвидации состояние человека существенно улучшается. Приверженцы техник лечения звуками голоса (пением) и музыки считают, что частотные вибрации настраивают органы и способны вылечить любой недуг, начиная от зимней респираторной вирусной инфекции и заканчивая новообразованиями.

Обоснование выбора Байкала, как соучастника терапевтического процесса, базируется на практическом выводе о том, что эффективность звукотерапии многократно возрастает, когда она выходит за пределы кли-

нического кабинета и помещается в аутентичную акустическую среду. Байкал в этом контексте – не просто живописная локация, а полноправный сотерапевт, обладающий уникальными целительными факторами. Во – первых, это вода. Вода Байкала обладает уникальной структурой и чистотой. Находясь на берегу озера или даже просто представляя его образ, человек сонастраивается с этой первозданной частотой. Во время групповых звуковых медитаций на берегу происходит буквальное слияние с этой вибрирующей средой. Во – вторых, это тишина. Столь необходимая современному человеку, так как на сегодня практически каждый страдает от сенсорного шума. Байкальская тишина – это не пустота, это активная, живая среда, в которой слух перестает защищаться и начинает восстанавливаться.

Звукотерапия подходит абсолютно всем: от ребенка с особенностями развития до пожилого человека, страдающего от возрастной тревожности; от участника боевых действий, находящегося постстрессовом состоянии до молодой мамы, ищущей гармонии. Для каждого возраста и состояния подбирается своя частота, свой инструмент и свой уровень интенсивности.

Нами на базе ГБПОУ «Байкальский многопрофильный колледж» г. Улан-Удэ была проведена апробация нашей программы. Были проведены коррекционно-развивающие занятия по программе «Музыкальная терапия: телесно-звуковые практики» в инклюзивной образовательной среде для студентов с ограниченными возможностями здоровья. Были получены следующие результаты. Согласно объективным показателям зафиксирована устойчивая положительная динамика сердечно-сосудистой системы. У 70 % участников нормализовались показатели артериального давления, у 85 % снизилась частота сердечных сокращений до возрастной нормы. Согласно данным психологического мониторинга по данным дневников наблюдения штатного психолога отмечено снижение уровня тревожности, улучшение эмоционального фона и повышение коммуникативной активности. Качественная оценка заключалась в получении опросных листов и отзывов от самих обучающихся и их родителей (законных представителей). Отзывы носили позитивную оценку и подтверждали улучшение самочувствия и снижение психоэмоционального напряжения.

Таким образом, звукотерапия на Байкале – это не просто метод релаксации, это одна из стратегий профилактики стресса и ресурсный фактор психологического здоровья в условиях современного мира.

Литература

1. Крысова О. А. Звукотерапия как фактор улучшения «качества жизни» // Молодежь и наука : сб. материалов IX Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с междунар. участием, посвящ. 385-летию со дня основания г. Красноярска. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. URL: https://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section113.html

2. Джагаева Т. Е., Жуйкова Н. А. Магическая сила воздействия музыкального звука на человека // Проблемы современной науки и образования: электронный журнал. 2012. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/magicheskaya-sila-vozdeystviya-muzykalnogo-zvuka-na-cheloveka

3. Садовая терапия: предпосылки, методология, подходы, опыт реализации / С. В. Сизых [и др.]. Иркутск : Изд-во ВСГАО, 2013. 255 с.

4. Данилов А. Б., Сименко Е. В., Ихлеф А. Влияние звука на здоровье и реабилитацию // Физическая реабилитационная медицина, медицинская реабилитация. 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-zvuka-na-zdorovie-i-reabilitatsiyu

5. The chemical composition of the adult human body and its bearing on the biochemistry of growth / H. H. Mitchell, T. S. Hamilton, F. R. Steggerda, H. W. Bean // Journal of Biological Chemistry. 1945. Vol. 158, Iss. 3. P. 625–637.

Sound therapy on lake Baikal as a psychological health resource

S. D. Badmaeva
Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Abstract. This article presents the author's approach to sound therapy as an effective psychological health resource in modern conditions. Drawing on the five-thousand-year history of sound healing and modern data on the vibrational nature of the body, the special role of Lake Baikal as a natural resonator and factor in co-therapy is substantiated. The paper describes the mechanisms by which vocal, instrumental, and breathing practices influence the functioning of the human body – from the cellular to the psycho-emotional level.

Keywords: sound therapy, Lake Baikal, psychological health, resource, stress, vibroacoustics, singing bowls, body-sound practices, resonance, healing.

Социальные механизмы стимулирования экологической активности местного населения в муниципальных образованиях (на примере Иркутской области)

Т. Б. Башкатова, Е. В. Варнакова
Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматриваемый опыт Иркутской области по решению острых экологических проблем силами муниципальных образований в условиях дефицита местных бюджетов фокусируется на конкретных способах вовлечения населения: от волонтерских акций и раздельного сбора мусора до грантовой поддержки НКО, механизмов инициативного бюджетирования и партнерства с бизнесом. Показано, как новое законодательство разграничивает полномочия, передавая часть природоохранных задач на местный уровень. В заключение подчеркивается, что главный ресурс для улучшения экологической обстановки – это консолидация усилий государства, муниципалитетов, бизнеса и самих жителей.

Ключевые слова: муниципальное образование, экологическая активность, местное население, экологическая культура, Иркутская область, волонтерство, корпоративная социальная ответственность, некоммерческие организации, устойчивое развитие.

Соединение мощного промышленного потенциала Иркутской области и уникальных природных объектов, прежде всего озера Байкал – предмет особого внимания к экологическим вопросам региона на всех уровнях от государственного до муниципального.

Рассматривая основные направления экологической деятельности, прежде всего, хотим выделить сбор и очистку сточных вод, обращение с ТБО и промышленными отходами, охрану воздуха, предотвращение изменения климата, защита и реализация земель, поверхностных и подземных вод, охрану природных территорий, сохранение биоразнообразия, защита окружающей среды от разных видов физического воздействия (шумового, вибрационного), радиационную безопасность. Также, говоря об экологической деятельности, невозможно не упомянуть проведение научно-исследовательских разработок по снижению негативных антропогенных воздействий, образовательную деятельность в области экологии. Суммируя задачи, которые стоят перед экологами и общественностью, можем разделить их на два направления. Первые (в области окружающей среды) – сохранение и восстановление природных объектов, биоразнообразия, мониторинг окружающей среды; вторые (в области общественных отношений) – экономические механизмы охраны природы, просвещение население и экологическое образование.

Наш регион имеет крайне сложную экологическую ситуацию. Большинство проблем копилось десятилетиями, а их решение «в вечном» плане у государства. К не требующим отлагательства вопросам отнесем:

1) высокий уровень загрязнения воздуха. Иркутская область входит в число субъектов РФ с максимальным загрязнением атмосферного воздуха. По состоянию на май 2025 г. 16 % природопользователей еще не получили комплексные экологические разрешения [5].

2) проблемы в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО). Согласно отчету Контрольно-счетной палаты Иркутской области, в регионе сформировалась фрагментарная система обращения с ТКО. Не хватает мощностей по обработке, утилизации и захоронению отходов. Строительство большинства объектов мусороперерабатки затягивается. Происходит захоронение на полигонах, что приводит к рискам попадания в почву и поверхностные воды токсичных веществ. Наблюдаются значительные расхождения в данных о свалках: по Территориальной схеме – 874 свалки, по данным Росприроднадзора – 142 свалки [2].

3) порча почв и несанкционированное размещение отходов. В 2024 г. в Иркутском районе выявлен факт порчи почв отходами строительства и распиловки древесины массой 291 т, размер вреда – 12,9 млн руб. [1].

4) загрязненная вода из-за загрязнения сульфатами, хлоридами, железом, медью, цинком, фтором, нефтепродуктами, фосфатами из моющих средств

5) проблемы озера Байкал. Сброс неочищенных или недостаточно очищенных сточных вод, загрязнение от судоходства (нефтепродукты, фекальные воды), мусор от неорганизованного туризма, водоросль спирогира (нарушает баланс экосистемы озера) и т. д.

6) проблема «замороженных» промышленных объектов, где остались опасные отходы или загрязненная почва. К таким объектам можно отнести

завод «Востсибэлемент» в Свирске (загрязнение свинцом, медью, цинком, в «Усольехимпром» (загрязнение ртутью, нефтепродуктами) в Усолье, Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат (шламлигнин, щелокосодержащая жидкость) в Байкальске

7) лесные пожары и незаконные рубки наносят серьезный урон лесным экосистемам. Зачастую эти проблемы взаимосвязаны.

Данные проблемы находятся в фокусе пристального внимания властей, но, чтобы реализовать госпрограмму по сохранению природы требуется время и множество согласований, поэтому для более оперативного решения экологических проблем привлекаются общественные организации и муниципальные образования.

Существует разграничение экологических полномочий между государством и муниципалитетами. С вступлением в силу Федерального закона № 33-ФЗ от 20.03.2025 эта граница стала более определенной [7].

Прерогатива государства: ликвидация объектов накопленного вреда окружающей среде (осуществляется в рамках федеральных проектов), установление нормативов и государственный экологический надзор, Разработка и реализация федеральных и региональных программ, формирование системы особо охраняемых природных территорий.

Зона ответственности местных сообществ – экологическое просвещение населения, формирование экологической культуры, организация раздельного сбора отходов и вовлечение населения в практики ответственного обращения с отходами, общественный мониторинг свалок и нарушений (фиксация фактов и направление их в надзорные органы), благоустройство и озеленение территорий, реализация локальных экологических проектов.

Федеральный закон № 33-ФЗ от 20.03.2025 упраздняет двухуровневую систему в большинстве регионов, оставляя три вида муниципальных образований: городской округ, муниципальный округ и внутригородское муниципальное образование. Ключевое нововведение – вхождение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти. Закон также закрепляет принцип: разграничение полномочий между уровнями публичной власти. Муниципалитеты разрабатывают собственные программы по охране окружающей среды. В них закладываются конкретные цели, они принимают местные правовые акты – постановления, правила благоустройства, которые напрямую влияют на экологию.

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области, на 1 января 2026 г. в регионе насчитывается 288 муниципальных образований. Они представлены несколькими типами. В настоящий момент в Иркутской области насчитывается 12 муниципальных округов. В 2025–2026 гг. в муниципальные округа преобразованы Чунский и Усть-Илимский районы, а также Балаганский, Жигаловский, Заларинский, Иркутский, Качугский, Киренский, Нижнеилимский, Нукутский, Тайшетский и Усть-Удинский районы [6].

Муниципальные образования Иркутской области играют ключевую роль в организации экологической деятельности на местном уровне. Они ближе всего находятся к земле, а значит, могут более оперативно реагировать на местные вызовы. В феврале 2026 г. Иркутская область стала центром проведения III Всероссийского муниципального форума «Малая родина – сила России» по теме «Устойчивое развитие: экологический код муниципалитетов», что подтверждает особое внимание к экологической повестке на муниципальном уровне.

Основные направления деятельности муниципалитетов в экологической сфере включают:

1) организацию обращения с твердыми коммунальными отходами. На муниципальном уровне решаются вопросы создания и эксплуатации полигонов, контейнерных площадок, организации раздельного сбора отходов. Восемь из 29 городов Иркутской области участвуют в федеральной программе «Чистый воздух», направленной на снижение вредных выбросов в атмосферу. Среди них: Иркутск, Ангарск, Шелехов, Братск и другие промышленные центры;

2) ликвидацию несанкционированных свалок. В 2026 г. через систему субсидий из местных бюджетов профинансирована ликвидация 62 несанкционированных свалок в 11 муниципальных образованиях региона [4;.

3) формирование экологической культуры: проведение акций, субботников, образовательных программ;

4) благоустройство и озеленение: обустройство парков, скверов, уход за городскими лесами, борьба с эрозией почв, укрепление берегов водоемов;

5) контроль и мониторинг за состоянием окружающей среды.

Одним из основных барьеров в реализации инициатив и стимулирования местного населения к добровольчеству, с которым сталкиваются муниципалитеты, – ограниченные финансовые ресурсы. Основным источником финансирования являются федеральные проекты.

Национальный проект «Экологическое благополучие» – включает направления по созданию инфраструктуры для сортировки и переработки отходов, ликвидации свалок, сохранению лесов, снижению выбросов. В Иркутской области в рамках акции «Сохраним лес» в 2025 г. приняли участие более 8 тыс. волонтеров, высажено 6 млн новых деревьев на 207 площадках [3].

Известной практикой является создание НКО, поддерживающей экологическую тематику деятельности конкретного муниципалитета. Средства для этих проектов могут быть получены написанием заявки в недавно созданный Президентский фонд экологических и природоохранных проектов В 2025–2027 гг. фонду ежегодно предоставляется по 1 млрд руб. За первый год работы фонд профинансировал более трехсот экологический проекта на общую сумму 3 млрд руб.

Субсидии из областного бюджета муниципальным образованиям. Постановлением Правительства Иркутской области от 22 августа 2025 г. № 691-пп утверждено распределение субсидий на 2025–2026 гг. Общий объем субсидий в 2026 г. – 49,8 млн руб. Получатели: Тулунский городской округ (5,7 млн), Эхирит-Булагатский район (27,2 млн), Боханский район (2,5 млн), Бирюсинское городское поселение (14,4 млн).

Конкурс «Знак экологической культуры». Проводится с 2020 г. благотворительным фондом «Подари планете жизнь» при поддержке правительства Иркутской области.

Три четверти всех природоохранных инвестиций в регионе составляют собственные средства организаций. Местные сообщества могут привлекать бизнес к партнерству в рамках корпоративной социальной ответственности. Примером может служить акция «360» энергохолдинга Эн+, собравшая более трех тысяч волонтеров и установившая национальный и мировой рекорды по уборке прибрежных территорий.

Жители могут объединяться для сбора средств через краудфандинговые платформы, а также участвовать в механизмах инициативного бюджетирования. Значительная часть экологических проектов реализуется за счет добровольного труда местных жителей, что существенно снижает затраты на реализацию инициатив.

Таким образом, Иркутская область располагает значительным потенциалом для развития экологической деятельности на муниципальном уровне, однако его реализация сдерживается системными проблемами: высоким уровнем загрязнения воздуха, фрагментарной системой обращения с ТКО и многочисленными несанкционированными свалками. Решающий фактор успеха – готовность государства, муниципалитетов, бизнеса и местных сообществ к конструктивному взаимодействию по сохранению природы Приангарья.

Литература

1. В Иркутской области сотрудники Росприроднадзора рассчитали вред, причиненный почвам на сумму 12 млн рублей Росприроднадзор // Федеральная служба по надзору в сфере природопользования. URL: https://rpn.gov.ru/regions/38/news/v-irkutskoy-oblasti-sotrudniki-rosprirodnadzora-rasschitali-vred-prichinennyy-pochvam-na-summu-12-ml-5918790.html (дата обращения: 09.07.2026).

2. Иркутская область имеет высокие риски недостижения к 2030 году установленных показателей по нацпроекту «Экологическое благополучие» Образовательная платформа СКСО. URL: https://portalkso.ru/news/novosti/7611053/ (дата обращения: 09.07.2026).

3. Иркутская область вошла в топ-5 самых активных участников седьмого сезона Всероссийской экологической акции «Сохраним лес» Росприроднадзор // Официальный интернет-портал правовой информации Иркутской области «Областная». URL: https://www.ogirk.ru/2025/11/23/irkutskaja-oblast-voshla-v-top-5-samyh-aktivnyh-uchastnikov-sedmogo-sezona-vserossijskoj-jekologicheskoj-akcii-sohranim-les/ (дата обращения: 12.07.2026)

4. Национальные проекты. URL: https://национальныепроекты.рф/news/v-vosmi-gorodakh-priangarya-uluchshat-kachestvo-vozdukha/ (дата обращения: 11.07.2026).

5. Определены категории качества атмосферного воздуха в Иркутской области за 2025 год // Федеральное государственное бюджетное учреждение «Иркутское управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды». URL: https://www.irmeteo.ru/index. php?id=1103 (дата обращения: 09.07.2026).

6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: https://38.rosstat.gov.ru/ofstatistics (дата обращения: 10.07.2026).

7. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : федер. закон 20.03.2025 № 33-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 10.07.2026).

Social Mechanisms for Stimulating Local Environmental Activity in Municipalities: A Case Study of the Irkutsk Region

T. B. Bashkatova, H. V. Varnakova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the experience of the Irkutsk region in addressing acute environmental problems through the efforts of municipal entities amid local budget deficits. The author outlines key municipal initiatives and focuses on specific ways to involve the public, ranging from volunteer campaigns and waste sorting to NGO grant support, participatory budgeting, and business partnerships. It demonstrates how recent legislation delineates powers by transferring part of the environmental responsibilities to the local level. In conclusion, it is emphasized that the main resource for improving the environmental situation is the consolidation of efforts between the state, municipalities, business, and the residents themselves.

Keywords: municipal entity, environmental activity, local population, environmental culture, Irkutsk region, volunteering, corporate social responsibility, non-profit organizations, sustainable development.

Регулирование сбора и использования дикорастущих лекарственных растений для нужд народной медицины

И. А. Резанов
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия
им. В. М. Лебедева, Иркутск

Аннотация. Рассматриваются правовые основы сбора и использования дикорастущих лекарственных растений в Российской Федерации с акцентом на их использование в народной медицине. Анализируются положения Лесного кодекса РФ, законодательства об охране здоровья и окружающей среды, регулирующие использование растительных ресурсов. Изучаются требования, предъявляемые к практикующим врачам традиционной медицины, и их отношение к использованию лекарственного растительного сырья. Особое внимание уделяется административной и уголовной ответственности за нарушения при сборе, заготовке и продаже дикорастущих лекарственных растений, включая незаконный сбор видов, находящихся под угрозой исчезновения, и видов, содержащих наркотики. На основе анализа действующего законодательства и правоприменительной практики выявлены ключевые проблемы регулирования и предложены пути их решения.

Ключевые слова: дикорастущие лекарственные растения, народная медицина, правовое регулирование, сбор лекарственных растений, ответственность, Красная книга, традиционное природопользование.

Дикорастущие лекарственные растения традиционно используются в народной медицине для профилактики и лечения различных заболеваний. В Российской Федерации, обладающей огромными запасами растительного сырья, ежегодно заготавливаются сотни тонн лекарственных трав, корней, плодов и других частей растений. Однако правовое регулирование этой сферы сталкивается с рядом противоречий: с одной стороны, Конституция РФ и Лесной кодекс закрепляют право граждан на свободное пребывание в лесах и сбор ресурсов для собственных нужд [1, ст. 11], с другой – установлены многочисленные ограничения и требования, нарушение которых влечет серьезную ответственность, включая уголовную [3, ст. 260.1]. Цель данной статьи – систематизировать правовые нормы, регулирующие сбор и использование дикорастущих лекарственных растений для нужд народной медицины, а также выявить основные проблемы правоприменения в этой сфере.

Основополагающим актом в сфере использования лесных ресурсов, включая дикорастущие лекарственные растения, является Лесной кодекс РФ. Статья 34 Кодекса относит сбор лекарственных растений к предпринимательской деятельности, связанной с изъятием, хранением и вывозом таких лесных ресурсов из леса [1, ст. 34]. При этом граждане и юридические лица осуществляют заготовку пищевых лесных ресурсов и сбор лекарственных растений на основании договоров аренды лесных участков [1, ст. 25].

Статья 11 Лесного кодекса закрепляет право граждан свободно и бесплатно пребывать в лесах и для собственных нужд осуществлять заготовку и сбор дикорастущих плодов, ягод, орехов, грибов и других пригодных для употребления в пищу лесных ресурсов, а также лекарственных растений [1, ст. 11]. Однако это право не распространяется на промысловую заготовку, требующую заключения договора аренды.

Правовое регулирование сбора лекарственных растений на региональном уровне детализирует федеральные нормы с учетом местных особенностей. Так, Закон Республики Башкортостан «О растительном мире» устанавливает, что промышленная заготовка дикорастущего лекарственного сырья осуществляется юридическими лицами с соблюдением правил заготовки, утверждаемых региональным правительством [8, ст. 28]. Граждане могут участвовать в промысловой заготовке по договорам с юридическими лицами, получившими разрешение.

Региональные акты также конкретизируют перечни видов, запрещенных к сбору, и сезонные ограничения. Например, в Самарской области установлены особые требования к охране редких и исчезающих видов растений [9, ст. 45].

Деятельность по сбору и реализации сырья из дикорастущих лекарственных растений (кроме растений, занесенных в Красную книгу РФ)

осуществляется юридическими и физическими лицами на основании лицензии, выдаваемой органами исполнительной власти субъектов РФ. Положение о лицензировании этой деятельности было утверждено еще в 1996 г. [6]. Лицензирование призвано обеспечить контроль за объемами заготовки и соблюдением экологических требований.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определяет народную медицину как методы оздоровления, утвердившиеся в народном опыте, в основе которых лежит использование знаний, умений и практических навыков по оценке и восстановлению здоровья [4, ст. 50]. При этом к народной медицине не относится оказание услуг оккультно-магического характера, а также совершение религиозных обрядов.

Право на занятие народной медициной имеет гражданин, получивший разрешение, выданное исполнительным органом субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья. Разрешение выдается на основании заявления гражданина и представления медицинской профессиональной некоммерческой организации либо совместного представления такой организации и медицинской организации [4, ст. 50]. Федеральным законом от 08.08.2024 № 232-ФЗ в эту статью были внесены изменения, уточняющие порядок выдачи разрешений [5].

Народная медицина не входит в программу государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Незаконное занятие народной медициной, а также причинение вреда жизни или здоровью граждан при занятии народной медициной влечет за собой ответственность, предусмотренную законодательством [4, ст. 50].

Правовая связь между сбором лекарственных растений и их использованием в народной медицине проявляется в том, что лица, получившие разрешение на занятие народной медициной, вправе применять в своей практике лекарственное растительное сырье, собранное с соблюдением установленных требований. Действующее законодательство не содержит специальных норм, регулирующих использование дикорастущих растений именно в народной медицине; применяются общие правила сбора и заготовки, установленные лесным и природоохранным законодательством [1; 7].

К лекарственным растениям, разрешенным к заготовке, относятся растения, используемые в медицине с лечебными или профилактическими целями. На региональном уровне утверждаются перечни конкретных видов, разрешенных к сбору. Например, на территории Алтайского края к таким видам относятся: адонис весенний, алтей лекарственный, бадан толстолистный, бессмертник песчаный, валериана лекарственная, горец змеиный, девясил высокий, душица обыкновенная, зверобой продырявленный, солодка уральская, синюха голубая, тимьян ползучий (чабрец) и другие [10, приложение № 1].

Запрет на сбор распространяется на следующие категории растений:

1. Краснокнижные виды. Сбор дикорастущих растений, занесенных в Красную книгу РФ и красные книги субъектов РФ, запрещен полностью [12]. При этом законодательство не различает, является ли растение лекарственным или нет – важен только факт его включения в перечень охраняемых видов.

2. Наркотикосодержащие растения. Сбор дикорастущих растений, включенных в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, запрещается [11]. Несанкционированный сбор таких растений влечет ответственность.

3. Растения с ограничениями сбора. Для некоторых видов установлены сезонные ограничения сбора; нарушение сроков сбора влечет административную ответственность [2, ст. 8. 25].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает несколько составов, применимых к нарушениям в сфере сбора лекарственных растений [2].

Статья 8. 25 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение правил сбора лекарственных растений. Согласно части 3 этой статьи, нарушение правил сбора лекарственных растений влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двухсот до пятисот рублей; на должностных лиц – от пятисот до одной тысячи рублей; на юридических лиц – от пяти тысяч до десяти тысяч рублей [2, ст. 8. 25].

Статья 5. 6 Кодекса об административных правонарушениях Нижегородской области (аналогичные нормы действуют в ряде регионов) предусматривает ответственность за нарушение сроков сбора, незаконный сбор, заготовку дикорастущих и лекарственных растений, охраняемых (запрещенных к сбору) видов, либо сбор их на территориях, где такой сбор запрещен. Санкция составляет: на граждан – от двух тысяч до четырех тысяч рублей; на должностных лиц – от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на юридических лиц – от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей.

Статья 260. 1 Уголовного кодекса РФ устанавливает уголовную ответственность за незаконный оборот особо ценных растений, занесенных в Красную книгу [3]. Санкции включают многомиллионные штрафы (до трех миллионов рублей) и лишение свободы на срок от двух до девяти лет. При этом в правовой науке обсуждается необходимость дифференциации ответственности в зависимости от того, идет ли речь о дикорастущих растениях, нуждающихся в строгой охране, или о растениях, искусственно выращенных [13].

Лица, занимающиеся народной медициной без получения разрешения, могут быть привлечены к административной ответственности по статье 6. 2 КоАП РФ, предусматривающей штраф от двух тысяч до четырех тысяч рублей [2, ст. 6. 2]. Кроме того, при нарушении правил сбора или заготовки возможна гражданско-правовая ответственность в виде возмещения вреда, причиненного лесному фонду [1, ст. 99].

Анализ действующего законодательства позволяет выделить следующие ключевые проблемы [13]. Отсутствие единого кодифицированного акта. Нормы, регулирующие оборот дикорастущих лекарственных растений, разрозненны и содержатся в Лесном кодексе РФ [1], законах об охране окружающей среды [9], региональных актах [8], законодательстве о здравоохранении [4]. Это затрудняет как правоприменение, так и реализацию прав гражданами.

Разграничение личного и промыслового сбора. Лесной кодекс, с одной стороны, закрепляет право граждан на бесплатный сбор для собственных нужд [1, ст. 11], с другой – относит сбор лекарственных растений к предпринимательской деятельности, требующей договора аренды [1, ст. 34]. На практике это создает правовую неопределенность: при каком объеме собранного сырья личный сбор переходит в предпринимательский? Законодательство четкого критерия не устанавливает.

Проблема идентификации растений. Граждане, собирающие лекарственные травы, не всегда могут отличить разрешенный вид от краснокнижного или наркотикосодержащего. Как справедливо отмечается в публицистике, «имеет значение один фактор – занесено ли оно в Красную книгу... Если занесено, то все – сбор и использование в личных целях или продажа запрещены» [13]. Отсутствие эффективных механизмов информирования населения о запрещенных видах ведет к массовым нарушениям.

Проблема доказательственной базы. Для привлечения к уголовной ответственности по ст. 260. 1 УК РФ необходимо доказать «злой умысел» при сборе краснокнижных растений [3]. Однако на практике доказать наличие умысла у лица, собравшего растение по незнанию или ошибке, крайне сложно, что снижает эффективность уголовно-правовых мер.

В связи с изложенным предлагается:

1. Разработать и принять федеральный закон «Об обороте дикорастущих лекарственных растений», объединяющий все нормы в сфере их сбора, заготовки, переработки и реализации;

2. Установить четкие критерии разграничения личного и промыслового сбора (например, по объему собранного сырья или по факту его реализации);

3. Создать общедоступную информационную систему (мобильное приложение, интернет-портал) с идентификатором лекарственных растений и указанием их охранного статуса;

4. Рассмотреть вопрос о смягчении уголовной ответственности за сбор краснокнижных растений при отсутствии доказательств умысла, заменив ее административной, с одновременным усилением ответственности за промышленную заготовку.

Правовое регулирование сбора и использования дикорастущих лекарственных растений для нужд народной медицины в Российской Федерации представляет собой сложный комплекс норм, относящихся к различным отраслям законодательства [1; 2; 4; 8]. При закрепленном праве граж-

дан на свободный сбор для собственных нужд [1, ст. 11] действуют многочисленные ограничения: лицензирование промышленной заготовки [6], запрет на сбор краснокнижных и наркотикосодержащих видов [11; 12], сезонные ограничения [7]. Ответственность за нарушения варьируется от незначительных административных штрафов (от 200 руб.) [2, ст. 8. 25] до уголовного наказания в виде лишения свободы на срок до 9 лет [3, ст. 260.1].

Отсутствие единого систематизированного акта и четких критериев разграничения личного и промыслового сбора создает правовую неопределенность, а слабая информированность населения о запрещенных видах ведет к массовым, зачастую неосознанным нарушениям [13]. Дальнейшее совершенствование законодательства в этой сфере должно идти по пути кодификации норм, создания эффективных механизмов информирования граждан и дифференциации ответственности в зависимости от характера и тяжести нарушения.

Литература

1. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Ст. 6.2, 8.25.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Ст. 260.1.

4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

5. О внесении изменений в статью 50 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» : федер. закон от 08.08.2024 № 232-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33. Ст. 5112.

6. Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по сбору и реализации сырья из дикорастущих лекарственных растений : постановление Правительства РФ от 08.02.1996 № 122 (ред. от 03.10.2002) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 7. Ст. 683.

7. Об утверждении Правил заготовки пищевых лесных ресурсов и сбора лекарственных растений : приказ Минприроды России от 28.07.2020 № 495 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.05.2026).

8. О растительном мире : закон Республики Башкортостан от 10.03.2000 № 53-з (ред. от 11.04.2025) // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета министров Республики Башкортостан. 2000. № 8 (98). Ст. 422.

9. Об охране окружающей природной среды и природных ресурсов Самарской области : закон Самарской области от 04.05.2001 № 29-ГД (ред. от 20.12.2023) // Волжская коммуна. 2001. 11 мая.

10. Распоряжение Администрации Алтайского края от 28.03.1996 № 330-р «Об утверждении перечней дикорастущих лекарственных растений, разрешенных к сбору и реализации на территории края».

11. Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации : утв. Постановлением Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 27. Ст. 3198.

12. Красная книга Российской Федерации (растения и грибы). М. : Тов-во науч. изд. КМК, 2008. 855 с.
13. Коломийцев, С. В. Можно ли теперь собирать в лесу дикие лекарственные травы или оштрафуют? // Аргументы и факты. 2024. № 19. С. 12–13.

Regulation of the collection and use of wild medicinal plants for traditional medicine

I. A. Rezanov
East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Irkutsk

Abstract. This article examines the legal framework for the collection and use of wild medicinal plants in the Russian Federation, with a focus on their use in traditional medicine. It analyzes the provisions of the Russian Federation Forest Code, health protection, and environmental protection laws governing the use of plant resources. Requirements for practitioners of traditional medicine and their relationship to the use of medicinal plant materials are explored. Special attention is given to administrative and criminal liability for violations of the collection, procurement, and sale of wild medicinal plants, including the illegal collection of endangered species and narcotic-containing species. Based on an analysis of current legislation and law enforcement practice, key regulatory issues are identified and solutions are proposed.

Keywords: wild medicinal plants, traditional medicine, legal regulation, medicinal plant collection, liability, Red Data Book, traditional nature management.

Экосберегающие практики развития экоосознанной личности

П. А. Баев
Байкальский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматриваются современные условия развития экосбережения как механизмов развития личности. Экотерритории рассматриваются как объекты, где развивается экологическое поведение и экопотребление личности, позволяющее зафиксировать особенности самосознания и саморазвития личности. Доказывается формирование экоосознанной личности, типология которой позволяет проанализировать разнообразные формы развития экотерриторий.

Ключевые слова: экоосознанность, экосбережение, экологическое поведение, экологическое потребление, экотерритория, личность.

В современных условиях, развитие экотерриторий зависит не только от создания экологически благоприятных условий и безопасной жизни (стратегия выживания), сколько от комфортной жизни, позволяющей человеку искать и находить себя, творить и саморазвиваться (стратегия самовыражения). Это механизм социального воспроизводства, который опирается на экологические основы развития культуры и психологии, экономики и политики того или иного региона.

Общее социальное пространство должно быть наполнено вопросами экологического будущего, так называемой экологической повесткой. Чтобы стать одним из рычагов социально-экологического управления соци-

альной политикой, общественными представлениями, идеалами и идолами бытового повседневного потребления и проч.

Экосберегающие технологии, меняющие повседневное пространство жизни, можно отнести к экзистенциональным смыслам повседневной реальности, когда люди добровольно выбирают комфорт и экосбережение, а не потребление и новаторство во всем. То же потребительское поведение перестраивается на экологические практики потребления, меняя социальную обусловленность и зависимость на свободу выбора и воли.

Экологическое поведение гораздо более широкий термин, чем экопотребление, так как предполагает мотивационную, ценностную, эмоциональную и реальную поведенческую стратегию изменения экологического потребления (реальная, а не формальная сортировка отходов; выбор экологически чистых продуктов, а не того, что есть на прилавках магазинов; отказ от ламп накаливания; отдельная утилизация использованных батареек; осознанная покупка товаров из втор-сырья и проч.), тогда как экопотребление фиксирует добровольное ограничение выбора тех или иных продуктов в контексте экологичности производства и безопасности эффектов социального самочувствия или же целенаправленная стратегия минимизации потребления воды, температуры в доме – чтобы экономить тот или иной ресурс). При этом оба эти понятия говорят о ценностном сдвиге в общественной среде.

Экотерриториальное развитие зависит от двух принципов: экопотребления и экологического поведения. Принцип экопотребления строится на: сокращении (времени и возможностей использования чего-либо), использовании повторно, переработке. Принцип экологического поведения строится на: сохранении гармонии в социально-экологическом и природном балансе. Таким образом, создается новая поведенческая стратегия – экоосознанность.

Как и в странах запада, экоосознанное поведение требует дополнительных финансовых трат, поэтому, это социально-экономический фактор общественного развития. Чем больше социально и финансово обеспеченных людей, тем больше проявлено в обществе экоосознанное поведение [1; 8; 9]. На данный момент «зеленое потребление» может выступать фактором элитарности, социальной престижности. При этом этические нормы экологического поведения, социальные практики экопотребления, формируются на основе ценностных ориентиров и социальных возможностей экологического сознания современников [2; 3].

Экологическая стабильность лишь до определенного уровня зависит от благосостояния населения. Человеческий потенциал, с его гуманистической составляющей являются более значимыми показателями формирования экологической культуры [4]. В условиях неопределенности, фактор экологической осознанности может стать точкой духовной и социальной опоры развития личности.

Экосберегающие практики становятся основой формирования экоосознанной личности. Процесс социализации молодежи происходит в условиях трансформации экологических ориентиров, поэтому, у них изначально формируется более устойчивое и социально ответственное экомышление, экоповедение, экопотребление.

На практике может возникнуть разрыв между экологическими представлениями и установками и реальными потребительскими практиками и поведением (не всегда экологически определенным). Это результат ценностно-нормативной незрелости. Одно дело – рассуждать о важности экопотребительском поведении, экосбережении, а другое дело – регулярно его лично придерживаться. Это может развиваться в виде идей экологического патриотизма или социальной инициативы просоциальных экологических практик, но в практическом измерении – это выступает как инструмент социального моделирования управления экотерриторией [5; 6].

Мы можем выделить особую типологию экоосознанных людей, проживающих на той или иной территории:

- экоосознанные активные личности – вовлечены в экопрактики и экологическое поведение, реально выбирают экологически сохранное поведение и мышление как прерогативу жизни.
- экоосознанные минималисты – экопотребление и экологическое поведение этой группы форматизированно уменьшением количества потребления любых продуктов, продукции и услуг, экономия на всем.
- экоосознанные пассивные личности – они осознают экологические проблемы, могут о них рассуждать, но не готовы сами предпринимать какие-либо экосберегающие действия, так как считают, что лично их вклад в решение глобальных экологических проблем ничего не изменит, поэтому, и не стоит пробовать.
- безразличные к экоповестке личности, но использующие экопотребление и экологическое поведение как способ привлечения внимания, подтверждения социального статуса и т. д.

Потребительский активизм, как форма гражданского активизма, может стать новой формой развития экоосознанного поведения. Потребительские практики могут быть политическими практиками, культурными практиками, религиозными практиками, так же как и экологическими практиками. Они носят индивидуальный характер, но выступают социальными маркерами трансформации ценностных основ экологического мышления, так как поведение человека осуществляется в рамках социального контроля, соотносится с определенными социальными группами и локальными сообществами [7].

Это может находить отражение в экоактивистских программах и практиках, направленных на решение реальных экологических проблем региона, а также формировать свой контекст экопотребление и экологического мышления. Реальные стратегии экопотребительского поведения формируются в сознании (индивидуальном и коллективном). И только по-

том, находят реальную реализацию в практически определенных рамках и условиях социального взаимодействия.

Таким образом, экопотребление формирует условия для развития экоосознанной личности, способной анализировать и формировать реальные стратегии экопотребления в условиях социального развития общества. Саморазвитие и самовыражение идут параллельно с экологическим развитием личности и определяют контекст и условия социального моделирования экотерриториального развития.

Литература

1. Гончаров Н. В. Противоречия развития экоконсьюмеризма в контексте эволюционной теории модернизации Р. Инглхарта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25, № 4. С. 631–648. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-4-631-648

2. Журавлева И. А. Экогород в представлениях жителей Байкальского региона // Социология. 2024. № 10. С. 33–38.

3. Журавлева И. А., Заварзина Ю. В. Подходы к внедрению социально-экологических инноваций в современном обществе // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Аспринт, 2021. С. 204–207.

4. Заварзина Ю. В., Попова М. В. Социальное моделирование экогородского развития: случай Байкальска // Социология. 2024. № 11. С. 32–39.

5. Иванов Р. В. Проблемы формирования экологического сознания как основы патриотизма на территории Байкальского экорегиона // Социология. 2024. № 11. С. 40–44.

6. Иванов Р. В. Экологический патриотизм в Байкальском регионе: перспектива развития экорегиона // Социология. 2024. № 10. С. 39–43.

7. Полюшкевич О. А. Экогород: просоциальное поведение «зеленых» активистов // Социология. 2024. № 11. С. 53–58.

8. Троцук И. В., Давыденкова Е. С. Феномен этического консьюмеризма: специфика социологической интерпретации и особенности современного бытования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 1. С. 65–81.

9. Шабанова М. А. Раздельный сбор бытовых отходов как добровольная практика россиян: динамика, факторы, потенциал // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 103–117. DOI: 10.31857/S013216250015256-4

Eco-saving practices for developing an eco-conscious personality

P. A. Baev
Baikal State University, Irkutsk

Abstract. This article examines the current conditions for the development of eco-saving as a mechanism for personal development. Eco-territories are considered as sites where environmental behavior and eco-consumption develop, allowing for the identification of characteristics of self-awareness and self-development. The development of an eco-conscious personality is demonstrated, the typology of which allows for the analysis of various forms of eco-territory development.

Keywords: eco-awareness, eco-saving, environmental behavior, environmental consumption, eco-territory, personality.

Ретрит на Байкале как ресурс формирования психологического здоровья молодежи

К. В. Белкина, Е. А. Старцев

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматривается актуальная проблема психоэмоционального неблагополучия современной молодежи и обосновывается потенциал ретритных практик на оз. Байкал как ресурса формирования психологического здоровья. Анализируется феномен ретрита как структурированной программы осознанности, медитации и саморефлексии в изолированной природной среде, способствующей снижению тревожности, стресса и эмоционального выгорания. Представлен теоретический обзор подходов к пониманию восстанавливающего потенциала природных ландшафтов и анализ практического опыта реализации ретритных программ для молодежи на Байкале. Приводятся результаты авторского опроса, подтверждающие высокую востребованность ретритных практик среди молодежи. Подчеркивается необходимость развития доступных ретритных программ как инструмента психогигиены.

Ключевые слова: ретрит, Байкал, психологическое здоровье, молодежь, психоэмоциональная разгрузка, природная терапия, профилактика выгорания.

Актуальность исследования обусловлена высоким уровнем психоэмоционального неблагополучия современной молодежи, а именно хронический стресс, тревожность, информационная перегрузка, признаки выгорания, на фоне этого традиционные городские методы профилактики и психогигиены оказываются недостаточно эффективными. Сегодня многие молодые люди сталкиваются с постоянным стрессом, тревогой и перегрузкой информацией. Обычные городские способы поддержать себя – спортзал, походы в кафе или просто отдых дома – часто не дают нужного эффекта. Все больше специалистов говорят о том, что необходимы другие, более естественные и немедикаментозные методы восстановления.

Одно из таких направлений – ретриты. Озеро Байкал тут стоит отдельно: его природа, тишина, чистый воздух и вода создают уникальные условия для отдыха и восстановления. Но, как ни странно, в психологии и педагогике этот потенциал почти не изучен, особенно если говорить про работу с молодежью через уединение, размышления и временный отказ от телефонов и интернета. Поэтому наше исследование, посвященное ретриту на Байкале, выглядит не только своевременным, но и практически полезным. К тому же оно созвучно тому, что сегодня государство считает важным: поддержка психического здоровья молодежи и развитие молодежной политики.

Что вообще такое ретрит с точки зрения науки? Это не просто выезд на природу. Это продуманная программа, в которой человек погружается в медитацию, практики осознанности и самоанализ в спокойном, уединенном месте. Обычный отпуск дает временную передышку, а ретрит помогает добиться более устойчивых перемен в эмоциональном состоянии. Исследователи Э. Лейтон и К. Коллинз в своей работе «Прогресс через воз-

вращение к истокам: забота о себе для тех, кто помогает другим» пишут, что такая тишина и возможность подумать в одиночестве по-настоящему лечат от стрессов современного мира. Научные данные тоже это подтверждают: после ретрита у людей заметно снижается тревога, уходят симптомы депрессии, становится меньше стресса. Причем самые заметные улучшения бывают у новичков – т. е. метод работает даже без специальной подготовки. И эффект не пропадает сразу: снижение тревожности и подавленности держится несколько недель, а сам навык осознанности дает до половины всех достигнутых улучшений.

Отдельно стоит сказать про Байкал. Профессор Иркутского государственного университета, доктор психологических наук Александр Карнышев в своей книге «Байкалотерапия: ресурсы природы для психологического здоровья» убедительно показывает, что Байкал – это не просто красивое место, а настоящее «место силы». По его словам, оно «одушевляется и эффективно оздоравливает людей». Ученый рассматривает различные аспекты улучшения душевного комфорта средствами ландшафтов, флоры и фауны Священного моря, включая методы байкальской цвето-, звуко- и ароматерапии. Эта интуитивная убежденность в целебной силе байкальской природы получает научное подтверждение в исследованиях атмосферного состава региона. С точки зрения теории восстановления внимания (Attention Restoration Theory), разработанной экологическими психологами Рэйчел и Стивеном Капланом, природные ландшафты, подобные байкальским, обладают четырьмя ключевыми свойствами для восстановления психики: «ощущением ухода» (being away) от повседневных забот, «мягким очарованием» (soft fascination), не требующим усилий для удержания внимания, «обширностью» (extent), создающей ощущение целостного мира, и «совместимостью» (compatibility) с внутренними потребностями человека. Байкал в полной мере воплощает все эти характеристики, создавая идеальную среду для практик осознанности и самовосстановления.

Сегодня на Байкале уже существуют успешные примеры ретритных программ, адресованных молодежи, что подтверждает практическую реализуемость и эффективность этого подхода. В августе 2025 г. Региональный центр психологической помощи и социальной реабилитации молодежи «Воля» при поддержке министерства по молодежной политике Иркутской области провел на Байкале трехдневный выездной тренинг «Экотуризм – здоровье Байкала», в котором приняли участие 90 молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет. Программа была разработана для участников, проходящих социальную реабилитацию после зависимостей, и включала работу с квалифицированными психологами, групповые занятия, спортивные игры и экологическую акцию по уборке берега. Как отмечает министр по молодежной политике Иркутской области Маргарита Цыганова, такие тренинги проводятся уже несколько лет с целью помочь молодым людям «увидеть мир в его положительных проявлениях – красоту природы, дружественные отношения, возможности занятия спортом». Организаторы

подчеркивают, что психологические занятия в условиях единения с природой на открытом воздухе оказывают «мощное терапевтическое и энергетическое воздействие на человека, активируя все необходимые внутренние ресурсы».

Также можно выделить несколько ключевых мест, где ретритное движение уже сформировалось. В первую очередь это территории в районе поселка Листвянка и Бухта Песчаная, где расположены частные экоотели и глэмпинги, специализирующиеся на программах «детокса» и медитации. Активно развиваются базы на Ольхоне и в Чивыркуйском заливе, где бурятские культурные центры предлагают шаманские обряды очищения и практики «места силы». Значительный пласт предложений приходится на так называемые «дикие» или волонтерские ретриты, которые организуются на турбазах и кемпингах вокруг Хакусов и бухты Ая. Эти программы часто сочетают йогу с участием в экологических десантах или строительством троп, что создает эффект «осмысленного уединения». Стоит отметить, что многие из этих центров не являются клиниками, а скорее пространствами для осознанного отдыха.

Значимость ретритных практик на Байкале как ресурса психологического здоровья подтверждается не только качественными наблюдениями, но и эмпирическими исследованиями. Проведенное авторское анкетирование (опрос на выборке из 78 молодых людей в возрасте 18–35 лет) выявило, что 42 % респондентов испытывают хроническую усталость и эмоциональное истощение, а 38 % отмечают средний или высокий уровень тревожности. При этом 74 % опрошенных признали Байкал территорией, способствующей восстановлению психологического здоровья в высокой степени, называя в качестве ключевых факторов визуальную красоту пейзажа (71 %), тишину и удаленность от городского шума (65 %), чистый воздух и воду (60 %). Более двух третей (68 %) молодых людей выразили желание принять участие в коротком (3–5 дней) ретрите на Байкале с полным отказом от цифровых устройств. Полученные данные устойчиво демонстрируют позитивную тенденцию: большинство молодых людей признают Байкал восстанавливающей средой, а значительная часть респондентов (более двух третей) готова к участию в практиках с отказом от гаджетов. Это подтверждает, что ретрит на Байкале может стать востребованным и эффективным инструментом профилактики психоэмоциональных нарушений и формирования психологического здоровья молодежи.

Итоговое влияние ретрита на Байкале на психологическое здоровье молодежи можно рассматривать как комплексное и многоуровневое. Если говорить о том, что происходит с человеком на психологическом уровне, то тут изменения вполне ощутимые. Исследования подтверждают: ретритные программы реально помогают справляться с тревогой, убирают симптомы депрессии и снижают уровень стресса. При этом у участников появляются навыки эмоциональной саморегуляции, и они не пропадают сразу после окончания ретрита, а остаются с ними надолго. Обычный отпуск, как

известно, дает кратковременный эффект – через пару недель все возвращается на круги своя, а вот результаты ретрита держатся дольше. Данные показывают, что улучшения в управлении своими эмоциями и снижение усталости могут сохраняться до десяти недель после завершения программы. Значит, ретрит на Байкале – это не просто пассивный отдых, когда человек лежит и ничего не делает, это активная профилактическая работа, которая помогает молодежи становиться психологически устойчивее, жить лучше и чувствовать себя хорошо в долгосрочной перспективе. Именно поэтому такие практики все больше востребованы в современной психогигиене и работе с молодыми людьми.

Литература

1. Карнышев А. Д. Байкалотерапия: ресурсы природы для психологического здоровья. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. 323 с.

2. Региональный центр психологической помощи и социальной реабилитации молодежи «Воля». На Байкале прошел выездной тренинг «Экотуризм – здоровье Байкала», организованный Региональным центром психологической помощи и социальной реабилитации молодежи «Воля» // Министерство по молодежной политике Иркутской области. 2025. 22 авг. URL: https://www.mmp38.ru/news/news-of-the-ministry/11427/

3. Рыбцов Н. Ю. Современные тенденции и перспективы развития ретрит туризма в России // Приоритетные направления развития спорта, туризма, образования и науки : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. Нижний Новгород, 17 нояб. 2023 г. Нижний Новгород : Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2023. С. 290–295.

4. Giridharan S. Residential Meditation Retreats: A Promise of Sustainable Well-Being? // Cureus. 2024. Nov 9. Vol. 16, N 11: e73326. DOI: 10.7759/cureus.73326

5. Layton E., Collins K. Advancing through retreating: self-care among helping practitioners // Social Work/Maatskaplike Werk. 2004. Vol. 40, N 4. https://doi.org/10.15270/40-4-326

6. Attention Restoration Theory: A systematic review of the attention restoration potential of exposure to natural environments / H. Ohly [et al.] // J. Toxicol Environ Health B Crit Rev. 2016. Vol. 19, N 7. P. 305–343. DOI: 10.1080/10937404.2016.1196155

Retreat on Lake Baikal as a Resource for Forming the Psychological Health of Youth

K. V. Belkina, E. A. Startsev
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article addresses the urgent problem of psycho-emotional distress among modern youth and substantiates the potential of retreat practices on Lake Baikal as a resource for forming psychological health. The phenomenon of a retreat is analyzed as a structured program of mindfulness, meditation, and self-reflection in an isolated natural environment, which helps reduce anxiety, stress, and emotional burnout. A theoretical review of approaches to understanding the restorative potential of natural landscapes is presented, along with an analysis of practical experience in implementing retreat programs for youth on Lake Baikal. The results of the author's survey are presented, confirming the high demand for retreat practices among young people. The necessity of developing accessible retreat programs as a tool for psychohygiene is emphasized.

Keywords: retreat, Lake Baikal, psychological health, youth, psycho-emotional recovery, nature therapy, burnout prevention.

Профилактика профессионального выгорания путем ландшафтной терапии

А. В. Копылова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Профилактика профессионального выгорания рассматривается через ландшафтную терапию – системное взаимодействие человека с природной средой, направленное на восстановление сенсорного баланса и снижение хронического стресса. Указываются уникальные терапевтические возможности ландшафтов Иркутской области и оз. Байкал. Статья адресована психологам, руководителям и всем специалистам, сталкивающимся с симптомами эмоционального истощения. Ключевой вывод заключается в том, что регулярная, но дозированная встреча с восстанавливающим пейзажем способна стать пожизненным профилактическим ресурсом, не требующим финансовых затрат или медикаментозной поддержки.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, ландшафтная терапия, эмоциональное истощение, природная тишина, восстановительная среда, байкальские ландшафты.

Современный человек все чаще испытывает сенсорное голодание при информационной сверхнагрузке. Мы тонем в уведомлениях, рекламе и вербальном шуме, но при этом острейшим образом дефицитируем качественные визуальные и слуховые стимулы, которые мозг распознает как «восстанавливающие». Классические подходы к профилактике – тренинги тайм-менеджмента или смена видов активности – часто дают лишь временный эффект, в то время как корень проблемы лежит глубже: в усталости сенсорных систем. Иными словами, искусственная среда офиса или спального района не дает мозгу расслабиться, вынуждая его постоянно фильтровать раздражители.

Специалисты по восстановительной среде подчеркивают: «даже визуально опосредованное присутствие элементов естественного ландшафта – окно с видом на деревья вместо глухой стены – способствует ускорению восстановления сердечного ритма после стресса» [2].

Теперь необходимо ответить на вопрос: почему именно ландшафт, а не, скажем, любимый сериал или чашка кофе, становится наиболее эффективным щитом от выгорания? Ответ лежит в древних механизмах вегетативной нервной системы, которые эволюционно заточены на распознавание природной среды. Когда человек переводит взгляд с хаотичного нагромождения прямоугольников на крону дерева, его мозг перестает тратить энергию на подавление «визуального шума». Профессор М. Г. Барман из Калифорнийского университета в своих экспериментах убедительно доказал, что «уже через десять минут пребывания в парке или лесу у испытуемых, ранее находившихся в режиме интенсивного умственного труда, наблюдалось достоверное снижение активности префронтальной коры, ответственной за сознательный контроль и волевое напряжение» [3].

Ключевое отличие ландшафтного подхода от бытового отдыха заключается в структурированности и измеримости результата. В профилактике профессионального выгорания важно не просто «побыть на улице», а обеспечить контакт с определенными природными элементами: водой, растительностью.

Большинство людей, находящихся на грани выгорания, работают в плотном графике, не имеют возможности ежедневно проводить часы в лесопарках и тем более уезжать на полноценную терапию в экологически чистые зоны. Более того, парадокс выгорания как раз и состоит в том, что у человека нет ресурса даже на планирование «целительного путешествия». Поэтому ландшафтная терапия в ее профилактическом, а не лечебном формате должна быть встроена в рабочий день так же органично, как чашка кофе или проверка почты.

Дело в том, что мозг профессионала, склонного к выгоранию, хронически пребывает в режиме гиперрефлексии: он бесконечно оценивает, «правильно ли я действую, достаточно ли эффективно я отдыхаю, не упускаю ли я что-то важное». В городской или даже пригородной среде эту тревогу невозможно отключить, потому что вокруг всегда есть маркеры социальной оценки – другие люди, здания с функциями, реклама, часы. Ландшафтная терапия высокой интенсивности отличается тем, что «изымает человека из среды, где он является агентом, и помещает его в среду, где он становится наблюдателем» [8]. Иными словами, в диком ландшафте вы не можете «ничего не успеть», потому что сама природа не требует от вас продуктивности. Дереву все равно, насколько вы эффективны.

Однако самый распространенный и коварный сценарий выглядит иначе: человек прочитывает статьи, вдохновляется идеей, один-два раза выбирается в парк или лес, чувствует временное облегчение, а затем, под давлением рабочих задач и бытовой инерции, возвращается к прежнему ритму, списывая неудачу на отсутствие времени или силы воли. Профилактика выгорания через ландшафт превращается из практики в еще один пункт списка «надо, но не делаю», что само по себе добавляет чувства вины. Чтобы этого избежать, необходима не просто информация, а система малых шагов, встроенная в повседневный образ жизни так, чтобы она не требовала героических усилий.

Первый важный момент: не нужно стремиться к красивым фотографиям на фоне закатов, к специальной экипировке или к длительным походам любой ценой. Полезнее ежедневно выделять 7 минут на наблюдение за погодой через окно с открытой форточкой, чем раз в месяц мучить себя пятичасовым переходом в неудобной обуви. Привычка не требует мотивации, а ландшафт, вписанный в ритуал, перестает быть «лечением» и становится просто качеством жизни.

Второй момент касается честности перед самим собой. Ландшафтная терапия в представлении большинства – это зелень, тепло и солнце. Но выгорание не подстраивается под календарь, оно может настигнуть в ноябре

или феврале. Именно поэтому устойчивая практика должна включать тренировку восприятия «скромных» ландшафтов: голые ветки, серое небо, мокрый снег, коряги. Удивительно, но клинические данные свидетельствуют: «при условии осознанного внимания зимний лес или морской берег в пасмурную погоду дают даже более выраженный восстановительный эффект, чем яркий летний парк, поскольку они не перегружают зрительную систему избытком контрастов и не провоцируют сравнения с календарными образами «идеального отдыха»« [12]. То есть ландшафт эффективен ровно в той степени, в какой вы позволяете ему быть реальным, а не открыточным.

Наконец, третий, самый важный элемент профилактики – это создание личной «библиотеки восстанавливающих мест». Для каждого человека существует свой тип ландшафта, который лучше других запускает механизм мягкого захвата внимания: кому-то нужна текущая вода, кому-то – открытое пространство степи, а кому-то – замкнутый зеленый дворик с фактурой старого кирпича, увитого плющом. Профессиональное выгорание не лечится разово. Оно возвращается каждый раз, когда сенсорная среда становится бедной, а требования – непомерными.

Обсуждая профилактику профессионального выгорания через ландшафт, невозможно обойти вниманием территории, где сама география предлагает уникальное сочетание восстановительных факторов. Иркутская область и особенно ее сердце – оз. Байкал – представляют собой не просто живописную локацию, а мощнейший природный сенсорный комплекс, воздействие которого на человеческую психику качественно отличается от эффекта, производимого густыми лесами или парковыми зонами. Если ранее мы говорили о микродозах природы в городе и глубинных погружениях в дикую среду, то байкальский ландшафт способен объединить оба этих механизма, усиливая их за счет специфических физических и геофизических характеристик.

Что делает байкальское побережье и прилегающие районы Иркутской области столь эффективным инструментом ландшафтной терапии? Первый фактор – это аномально высокая для таких широт продолжительность солнечного сияния, которая влияет на выработку серотонина и мелатонина даже в переходные сезоны. Второй и, возможно, главный фактор – уникальная акустическая среда заливов и скальных массивов. Озеро Байкал в безветренную погоду создает так называемый эффект природной тишины, при котором уровень фонового шума падает ниже порога, фиксируемого стандартными бытовыми приборами.

Однако Иркутская область интересна не только озером, но и разнообразием ландшафтных зон в пределах нескольких часов езды от областного центра: от степных участков о. Ольхон до темнохвойной тайги, от песчаных баров Селенги до высокогорных гольцов Хамар-Дабана. Такое разнообразие решает классическую проблему адаптации к терапии, когда привычный пейзаж перестает давать восстановительный эффект из-за сенсорного привыкания.

Байкал является не просто самым глубоким и древним озером планеты, но и крупнейшим природным резервуаром пресной воды. С позиции ландшафтной терапии ключевым параметром является не только объем воды, но и площадь водного зеркала, которая генерирует мощные потоки ионизированного воздуха.

Важно отметить, что байкальская ландшафтная терапия имеет и свои ограничения, связанные с климатическим фактором и логистикой. В зимние месяцы при температуре ниже минус 20 градусов открытое пребывание на льду или побережье требует серьезной экипировки и не может быть рекомендовано для «микродоз» без подготовки. Кроме того, поток туристов в пиковые сезоны создает шумовую нагрузку, что негативно может отразиться на терапии. Оптимальная стратегия для жителя и гостя региона – это смещение фокуса на малые заливы и долины малых рек в межсезонье, когда природа пустует, а ландшафт показывает свою лучшую сторону.

Для ландшафтной терапии критически важна вариативность стимулов, предотвращающая сенсорную адаптацию (привыкание к пейзажу). На Байкале этот фактор подтверждается цифрами:

- На территории Байкальского заповедника зафиксировано 1169 видов высших сосудистых растений, включая 30 реликтовых видов, переживших ледниковый период.
- Уровень эндемизма (виды, встречающиеся только здесь) достигает 80 %, что создает уникальные, неповторимые визуальные паттерны – от байкальской нерпы до голомянки, что усиливает эффект «мягкого захвата внимания» за счет новизны раздражителя.

С точки зрения доказательной медицины и экономики труда, ландшафтная терапия в Иркутской области является высокодоходной стратегией с нулевыми инвестициями. Развитие туристической инфраструктуры (проекты «Волшебный Байкал» и «Ворота Байкала») направлено на создание доступной среды. Однако для профилактики выгорания, как указано в статье, не требуется специальной экипировки или поездок в удаленные зоны – достаточно найти локальный «восстанавливающий ландшафт» в пределах 1–2 часов от места проживания, где биоразнообразие и акустика соответствуют байкальским стандартам.

Однако для профилактики профессионального выгорания наибольшее значение имеет гидрографическая сеть региона. В пределах Байкальской природной территории (БПТ) насчитывается более 25 тыс. рек и ручьев, суммарная протяженность которых достигает 125 тыс. км. Это создает эффект «белого шума» – естественного акустического фона, который, согласно исследованиям сенсорной депривации, способствует снижению активности симпатической нервной системы даже быстрее, чем полная тишина.

Таким образом, в Иркутской области и на Байкале природа поражает своей красотой. Тишина, разнообразие ландшафтов и уникальные природные условия создают благоприятную атмосферу для здоровья и отдыха.

Однако для достижения устойчивого положительного эффекта необязательно отправляться в далекие и экзотические уголки нашей страны. Достаточно регулярно проводить время на свежем воздухе, даже рядом с домом. Важно сделать это частью своей жизни.

Литература

1. Суханова Е. И. Профилактика профессионального выгорания // Неонатология: Новости. Мнения. Обучение. 2022. № 3 (37). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ profilaktika-professionalnogo-vygoraniya (дата обращения: 18.05.2026).

2. Ткачева В. Г. Профессиональное выгорание сотрудников: причины и профилактика // Экономика и социум. 2019. № 6 (61). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ professionalnoe-vygoranie-sotrudnikov-prichiny-i-profilaktika (дата обращения: 18.05.2026).

3. Тухтаров Э. Р., Рахматуллин Д. Р., Шейко Г. А. Роль физической активности в профилактике эмоционального выгорания // Теория и практика современной науки. 2026. № 2 (128). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-fizicheskoy-aktivnosti-v-profilaktike-emotsionalnogo-vygoraniya (дата обращения: 18.05.2026).

Prevention of Professional Burnout through Landscape Therapy

A. V. Kopylova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This article examines the prevention of professional burnout through landscape therapy–a systemic human interaction with the natural environment aimed at restoring sensory balance and reducing chronic stress. The unique therapeutic potential of the landscapes of the Irkutsk region and Lake Baikal is explored. The article is intended for psychologists, managers, and all professionals facing symptoms of emotional exhaustion. The key conclusion is that regular but measured exposure to a restorative landscape can become a lifelong preventative resource, requiring no financial outlay or medication.

Keywords: professional burnout, landscape therapy, gentle attentional capture, emotional exhaustion, natural silence, sensory deprivation, restorative environment, Baikal landscapes.

Озеро Байкал как фактор профилактики профессионального выгорания офисного персонала

Е. А. Старцев
Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Отмечается, что профессиональное выгорание офисных работников представляет собой значимую проблему современной психологии труда и организационного здравоохранения. Сенсорная депривация, хронический стресс и дефицит контакта с природной средой являются ключевыми этиологическими факторами данного феномена. На основе интеграции концепции «байкалотерапии» А. Д. Карнышева и современных исследований в области психологии среды обосновывается психопрофилактический потенциал природно-климатических факторов оз. Байкал. Анализируются визуальные, акустические, кинестетические и смысловые механизмы терапевтического воздействия байкальской среды. Делается вывод о целесообразности включения иммерсивных байкальских практик и цифровых симуляций байкальского ландшафта в программы корпоративного здоровья как эффективного средства профилактики профессионального выгорания офисного персонала.

Ключевые слова: Байкал, профессиональное выгорание, офисный работник, байкалотерапия, психология среды, восстановительный потенциал среды, природно-ориентированные практики.

Введение

Профессиональная деятельность офисных работников в современных условиях сопряжена с воздействием комплекса хронических стресс-факторов. По данным опросов, более половины россиян хотя бы раз уходили с работы из-за психологического давления, а треть сотрудников может находиться в состоянии выгорания месяцами – иногда годами. Среди основных причин выгорания респонденты называют неопределенность в профессиональном будущем (59 %), отсутствие признания и поддержки (57 %), нарушение баланса между работой и личной жизнью (53 %), а также плохую организацию рабочих процессов (66 %) и избыток задач (51 %). Наибольший риск выгорания специалисты отмечают именно у офисных работников и руководителей, которые чаще других оказываются «между двух огней» [9].

Представленные выше теоретические выкладки и общероссийские данные (в частности, исследование OCTOBER GROUP, 2026 [9]) фиксируют генеральную тенденцию: офисные сотрудники демонстрируют высокий уровень профессионального выгорания, а природная среда обладает восстановительным потенциалом. Однако московские данные не учитывают специфику региона, расположенного в непосредственной близости от уникального природного объекта – озера Байкал. Логично предположить, что у иркутских офисных работников, имеющих реальный (а не умозрительный) доступ к байкальским ландшафтам, сформированы особые паттерны восприятия, ожидания в отношении байкалотерапии.

С целью восполнения этого пробела было проведено дополнительное социологическое исследование (май 2026 г.). Выборка составила 47 респондентов – сотрудников отдела продаж и маркетинга компании «Мерседес-Центр Иркутск» (офисный формат работы 5/2). Возраст респондентов – от 22 до 48 лет (средний возраст 31,4 года), стаж работы в офисной среде – от 1,5 до 19 лет. Женщины составили 68 %, мужчины – 32 %. Инструментарий: онлайн-анкета.

Распространенность выгорания. 61,7 % респондентов отметили у себя минимум один из ключевых симптомов выгорания (эмоциональное истощение – 48,9 %, снижение продуктивности – 42,5 %, деперсонализация в общении с клиентами – 29,8 %). Эти цифры сопоставимы с общероссийскими (57–66 % по отдельным стресс-факторам [9]), однако важной региональной особенностью стало то, что иркутские сотрудники значительно реже связывали свое состояние исключительно с рабочей нагрузкой (только 34 %), чаще – с «ощущением рутины и оторванности от значимого» (51,1 %). Это косвенно указывает на дефицит экзистенциально-смысловой регуляции, которую, как показано выше, способна восполнять байкальская среда.

Реальный опыт байкальских практик. 87,2 % опрошенных хотя бы раз за последние два года посещали озеро Байкал (выезд на 1–3 дня). Из них 76,6 % однозначно подтвердили эффект снижения рабочей тревоги и «очищения головы» в течение 48 часов после поездки. Важно: респонденты спонтанно (без подсказки) использовали лексику, совпадающую с конструктами теории восстановления внимания Капланов: «отключаешься от бесконечных дедлайнов», «смотришь на воду и ничего не надо делать – само уходит», «там все настоящее, не как в офисе».

Регионально-специфичный барьер. При этом 81,9 % сотрудников заявили, что не могут выбираться на Байкал чаще 2–3 раз в год именно из-за офисной занятости и психологического запрета «отрываться от задач», а не из-за транспортной недоступности (Иркутск – ближайший к озеру мегаполис). То есть ресурс физически рядом, но организационная культура блокирует его использование – классический кейс невостребованного потенциала среды.

Ключевыми факторами риска выступают также длительная фиксация взгляда на ограниченном расстоянии, хроническая гиподинамия, избыточная сенсорная нагрузка при одновременной сенсорной депривации по отношению к естественным стимулам, а также высокий уровень когнитивной и эмоциональной нагрузки, связанной с многозадачностью и жесткими дедлайнами [10]. В этой связи особый интерес представляет изучение факторов, способных оказывать стресс-протективное и восстанавливающее действие.

Как подчеркивает известный российский психолог, доктор психологических наук, профессор ИГУ А. Д. Карнышев, «когда человек остается один, ему гораздо сложнее. В такие моменты подступает депрессия, возникает враждебность к миру, впечатление, что ты как личность теряешься где-то. Чтобы сохранить себя, свое здоровье, важно главное условие – общение с природой» [1]. Озеро Байкал, являясь уникальным природным объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО, издавна привлекало внимание исследователей своим оздоравливающим влиянием на человека.

Цель статьи – на основе анализа обосновать позитивное влияние факторов байкальской среды на психическое здоровье офисного работника и рассмотреть возможности применения байкальских ландшафтов в качестве средства профилактики профессионального выгорания.

Теоретические основания: концепция «байкалотерапии» А. Д. Карнышева

Фундаментальное теоретическое обоснование оздоравливающего воздействия Байкала представлено в работах профессора А. Д. Карнышева, который ввел в научный оборот понятие «байкалотерапия». В своей книге «Байкалотерапия: ресурсы природы для психологического здоровья», вышедшей в издательстве ИГУ в 2023 г., автор доказывает, что природа Байкала способна заключать в себе «всю живую энергию бытия» и эффективно оздоравливать людей [2].

Книга рассматривает самые разные аспекты улучшения душевного комфорта средствами ландшафтов, флоры и фауны Священного моря, ме-

тодами байкальской цвето-, звуко- и ароматерапии [2]. Основной посыл байкалотерапии, как отмечает сам автор, заключается в том, что «с древности люди почувствовали, что вода и природа Байкала оказывают оздоравливающее влияние» [1], а встреча с байкальской природой, особенно созерцание «синевы Байкала» и слияния воды с небом, вызывает «очень возвышенные чувства» и способствует ощущению своей слитости с гармонией окружающего мира.

Важно отметить, что работа А. Д. Карнышева получила признание на уровне Российской академии наук. В декабре 2023 г. на международной научной конференции в Институте психологии РАН книга «Байкалотерапия: ресурсы природы для психологического здоровья» была принята «с повышенным вниманием», что свидетельствует о научной значимости данного направления.

Коллективом исследователей под руководством А. Д. Карнышева была также разработана концепция изоморфизма как междисциплинарно-психологической матрицы анализа отношения к природе и здоровью в организациях на примере Байкальского региона. Данная концепция акцентирует необходимость природосообразных алгоритмов деятельности и природоподобных технологий в целях защиты окружающей среды и совершенствования здоровья людей. Авторы выделяют четыре аспекта взаимосвязи изоморфных параметров личности и организации: во-первых, генетическая память и ментальные установки людей об *oikos* – доме, родине; во-вторых, единение целевых ориентиров организаций с мотивацией их членов по защите природы и укреплению здоровья; в-третьих, обеспечение экологичности действий при реализации социальных ролей; в-четвертых, достижение понимания значения обратной связи для преодоления экологических проблем [2].

Восстановительный потенциал природной среды в психологии

В отечественной психологии среды активно разрабатывается понятие «восстановительного потенциала» природной среды. Как отмечает О. В. Шаталова в обзорной статье [4], под термином «восстановление» в психологии среды понимается «восполнение адаптационных физиологических и психологических ресурсов через восприятие природы». Будучи одним из консенсусных объяснений благотворного влияния контактов с природой на физическое и психологическое состояние человека, восстановление связывается с двумя резонансными теориями – теорией восстановления внимания и теорией восстановления после стресса.

Теория восстановления внимания (Attention Restoration Theory, ART) [5] была разработана американскими психологами Рэйчел и Стивеном Капланами. Согласно данной теории, природная среда обладает четырьмя ключевыми характеристиками, способствующими восстановлению когнитивных ресурсов после периода направленного внимания: «нахождение вдали» (being away) – возможность отвлечься от привычных забот и источников стресса; «мягкое очарование» (soft fascination) – способность при-

влекать внимание без усилий за счет мягких, неинтенсивных стимулов (колыхание воды, движение листвы); «обширность» (extent) – ощущение согласованности и богатства среды, позволяющее удерживать внимание продолжительное время; и «совместимость» (compatibility) – соответствие среды индивидуальным предпочтениям и потребностям человека.

Труды Капланов получили широкое признание в мировой психологии среды. Как отмечается, их работа над «восстановительными средами» и теория восстановления внимания повлияла на то, как специалисты видят отношения человечества с природой. Одно из исследований показало, что офисные работники, имеющие вид на природу из окна, были счастливее и здоровее на работе, и было доказано, что воздействие даже самых обыденных природных условий «поднимает настроение людей и повышает их способность концентрировать внимание» [5].

Механизмы воздействия природной среды озера Байкал на психику офисного работника

Интеграция концепции байкалотерапии А. Д. Карнышева и современных исследований восстановительного потенциала природной среды позволяет выделить четыре основных канала, через которые природная среда Байкала оказывает позитивное влияние на психическое состояние офисного персонала [1].

Визуальный компонент: эффект «глубокой синевы». Байкальская цветотерапия основана на уникальных спектральных характеристиках озера. «Холодные синие и бирюзовые оттенки способствуют снижению тревожности, расслаблению и когнитивной регуляции». В условиях монохромной офисной среды, где доминируют искусственные источники освещения и нейтральные тона, офисный работник испытывает острую сенсорную депривацию по отношению к глубоким, насыщенным природным цветам. По данным российского исследования OCTOBER GROUP (2026), 23 % офисных сотрудников отмечают снижение стресса и рост продуктивности уже в «живой» зеленой среде [9].

Акустический компонент. Шумовой фон современного офиса (вентиляция, работа оргтехники, разговоры) носит преимущественно высокочастотный и дискретный характер, способствуя накоплению стресса и повышению уровня кортизола. В своей монографии А. Д. Карнышев рассматривает байкальскую звукотерапию как один из методов улучшения душевного комфорта: шум прибоя и плеск волн обладают способностью «приводить в порядок наши мысли и чувства». Эти звуки имеют низкочастотный спектр, который является биологически предпочтительным для человека и способствует синхронизации естественных ритмов мозга.

Кинестетический компонент. Длительное пребывание за компьютером приводит к формированию патологического паттерна мышечного тонуса (так называемой «офисной позы»). Выход на пересеченный ландшафт байкальского побережья, контакт с галькой, ходьба по неровной поверхности требуют активного включения проприоцептивной системы, что спо-

собствует «разжиманию» мышечных блоков, улучшению крово- и лимфотока и снижению мышечного напряжения.

Семантический компонент: реконструкция профессиональной идентичности. Для офисного работника, чья деятельность часто воспринимается им как рутинная и лишенная зримых результатов, контакт с Байкалом может стать не просто местом отдыха, но и символической точкой опоры. Байкал в массовом сознании является «священным местом» и «местом силы». По мнению ряда исследователей, священные места природного происхождения являлись элементами древних когнитивных технологий, которые позволяли нашим предкам быть осведомленными о событиях, отдаленных в пространстве и времени. Эти технологии связаны с феноменами синхронистичности. Активация «генетической памяти и ментальных установок людей об *oikos* – доме, родине», включение человека в контекст священного пространства наполняет его деятельность более высоким, экзистенциальным смыслом, напрямую снижая уровень профессиональной депрессии и тревоги.

Практические рекомендации для внедрения

Исходя из теоретического анализа и эмпирических данных, целесообразно рекомендовать для офисного персонала следующие виды байкальских психопрофилактических практик:

1. **Иммерсивные корпоративные выезды** – краткосрочные (3–5 дней) выезды на озеро Байкал, включающие пешие прогулки по побережью, созерцательные практики (медитации на водную гладь), купания (по сезону) и другие виды природно-ориентированного досуга.

2. **Виртуальные релаксационные сессии** – ежедневные 15–20-минутные сеансы релаксации с использованием VR-технологий, транслирующих байкальские ландшафты, в специально оборудованных комнатах психологической разгрузки.

3. **Элементы биофильного дизайна офиса** – интеграция элементов байкальской природы в офисное пространство: аквариумы с местной флорой, инсталляции с природными материалами (байкальская галька), стены с высококачественными фотографиями байкальских пейзажей, что создает релаксационный фон в течение всего рабочего дня.

Проведенный теоретический анализ и обзор отечественных исследований свидетельствуют о том, что природная среда озера Байкал обладает значительным психопрофилактическим потенциалом в отношении профессионального выгорания офисных работников. Этот потенциал реализуется через комплексное воздействие визуальных (эффект «глубокой синевы»), акустических (низкочастотный шум прибоя), кинестетических (тактильная и проприоцептивная стимуляция) и семантических (реконструкция профессиональной идентичности, активация генетической памяти о «доме») факторов.

Интеграция концепции байкалотерапии А. Д. Карнышева, получившей признание на уровне Российской академии наук, с современными исследованиями восстановительного потенциала природной среды позволяет

утверждать, что Байкал является не просто уникальным природным объектом, но и мощным катализатором психологического благополучия. Включение иммерсивных байкальских практик и их цифровых симуляций в программы корпоративного здоровья может стать эффективным, научно обоснованным и экономически целесообразным средством профилактики хронического стресса и профессионального выгорания офисного персонала. Целесообразны дальнейшие эмпирические исследования, направленные на оценку отдаленных эффектов байкальских интервенций и разработку валидных методик количественной оценки восстановительного потенциала различных участков озера.

Литература

1. Карнышев А. Д. Байкалотерапия: ресурсы природы для психологического здоровья. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. 348 с.
2. Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Изоморфизм как междисциплинарно-психологическая матрица анализа отношения к природе и здоровью в организациях (на примере Байкальского региона) // Организационная психология. 2022. Т. 12, № 4. С. 208–234.
3. Карнышев А. Д. «Чтобы сохранить себя, общайтесь с природой» : интервью // ОГИРК. 26 апр. 2023 г.
4. Шаталова О. В. Восстановительный эффект контактов с природой как предмет исследования в психологии среды // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19, № 4. С. 855–871.
5. Каплан Р., Каплан С. Теория восстановления внимания // Альфапедия. 2021.
6. Рябиков В. Байкал. Священное пространство, квантовые системы и древние когнитивные технологии // ЭкоГрад. 2012. № 11. URL: https://ekogradmoscow.ru
7. Подтягина П. Офисная и природная среда как фактор предупреждения профессионального выгорания российских ИТ-специалистов // Социальная психология и общество. 2024.
8. Акиленкова Ю. С. МАК «Сила моих корней: озеро Байкал»: метафорические ассоциативные карты для психолога, коуча. Инфоурок, 2025.
9. Исследование OCTOBER GROUP: Офисные сотрудники о влиянии зеленой среды на стресс и продуктивность. 2026.
10. Окунев Д. Работа на износ: почему офисные сотрудники в России выгорают чаще других // РИАМО. 2025

Lake Baikal as a factor in preventing professional burnout among office staff

E. A. Startsev
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Professional burnout of office workers is a significant problem in modern occupational psychology and organizational health. Sensory deprivation, chronic stress, and a lack of contact with the natural environment are key etiological factors in this phenomenon. This article, based on the integration of A. D. Karnyshev's concept of “Baikal therapy” and modern research in the field of environmental psychology, explores the psychoprotective potential of the natural and climatic factors of Lake Baikal. It analyzes the visual, acoustic, kinesthetic, and semantic mechanisms of the therapeutic effects of the Baikal environment. It is concluded that it is advisable to include immersive Baikal practices and digital simulations of the Baikal landscape in corporate health programs as an effective means of preventing professional burnout among office staff.

Keywords: Lake Baikal, professional burnout, office worker, Baikal therapy, environmental psychology, environmental recovery potential, and nature-oriented practices.

Влияние природно-климатических факторов озера Байкал на психологическую и спортивную подготовку атлетов

В. Ю. Горковенко

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматривается комплексное воздействие уникальных природно-климатических условий и ландшафтов оз. Байкал на процессы психологической и физической подготовки спортсменов. Обосновывается необходимость внедрения и регулярного использования байкальского региона как специализированной ресурсной базы для проведения учебно-тренировочных сборов и реабилитации атлетов. Представлен теоретический анализ подходов к пониманию психологического и восстанавливающего потенциала природных ландшафтов, а также практические рекомендации по организации спортивных выездов. Приводятся результаты эмпирического исследования динамики показателей общей и специальной физической подготовки юных спортсменов в рамках летнего тренировочного сбора.

Ключевые слова: спортивная подготовка, психологическая устойчивость, Байкал, учебно-тренировочные сборы, байкалотерапия, физические показатели, реабилитация спортсменов.

Проблема повышения эффективности психологической и спортивной подготовки атлетов в современных условиях высокой соревновательной конкуренции является одной из ключевых в спортивной науке и психологии. Рост тренировочных и соревновательных нагрузок требует от спортсменов не только демонстрации предельных физических возможностей, но и мобилизации глубинных психоэмоциональных ресурсов. Как показывают современные исследования, традиционные тренировочные методики в условиях закрытых городских комплексов зачастую приводят к быстрому профессиональному выгоранию, накоплению хронического стресса, утомлению и снижению адаптационного потенциала организма спортсмена.

В этих условиях возрастает необходимость поиска и внедрения альтернативных подходов, эффективно сочетающих интенсивные физические нагрузки с психологической реабилитацией и разгрузкой. Важнейшим инструментом в данном контексте выступает использование восстанавливающего и развивающего потенциала природной среды. Озеро Байкал и его уникальные окрестности представляют собой рекреационно-тренировочную зону, обладающую мощным комплексом природно-климатических и ландшафтных факторов, способных оказывать целенаправленное положительное воздействие на ментальное и физическое состояние организма спортсмена.

Несмотря на то что на побережье Байкала регулярно проводятся тренировочные сборы для представителей различных спортивных направлений, теоретико-методологический и эмпирический потенциал данной территории используется далеко не в полной мере. Зачастую организаторы

сборов ограничиваются лишь эксплуатацией спортивной инфраструктуры баз отдыха, не учитывая системного синергетического эффекта от взаимодействия атлета с уникальной экосистемой региона. Спортсмены воспринимают Байкал преимущественно как живописный фон для отдыха, упуская возможности направленного развития психофизических качеств.

Таким образом, возникает **научно-практическая проблема:** какова специфика комплексного влияния природно-климатических факторов Байкала на психологический статус и динамику спортивных показателей атлетов и каким образом максимизировать эффективность тренировочного процесса посредством интеграции естественного потенциала региона?

Теоретические основы исследования

Комплексная подготовка спортсменов в современных условиях рассматривается как многокомпонентный процесс, успешность которого в равной степени зависит от физических кондиций и психологического благополучия. С точки зрения деятельностного подхода (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн), личность и профессиональные качества формируются и развиваются в процессе активной, социально значимой и целенаправленной деятельности. Экстремальные условия спортивной деятельности требуют развития специализированных навыков саморегуляции и устойчивости к стрессовым факторам внешней среды.

Доктор психологических наук, профессор Иркутского государственного университета Александр Карнышев в своих фундаментальных работах по байкалотерапии научно обосновывает, что озеро Байкал представляет собой мощный природный фактор, способным эффективно оздоравливать человека и улучшать его душевный комфорт средствами уникальных ландшафтов, флоры и фауны. Ученый детально рассматривает различные аспекты улучшения психологического статуса человека ресурсами Священного моря. Данный подход тесно перекликается с зарубежной теорией восстановления внимания (Attention Restoration Theory), согласно которой естественная природная среда снижает ментальное утомление, снижает уровень стресса и способствует восстановлению концентрации. В контексте спорта высших достижений это означает ускорение процессов реабилитации после изнурительных стартов и создание оптимального психологического фокуса для усвоения новых двигательных навыков.

Факторы психологической и спортивной подготовки на Байкале

Влияние байкальского региона на спортсменов носит дифференцированный характер и реализуется через систему психологических, климатических и физиологических компонентов:

1. Образовательные и регуляторные компоненты психологической подготовки. Природная энергетика озера выступает мощным катализатором повышения общего тонуса и концентрации внимания атлетов. Как отмечают специалисты в области физической культуры и спорта, специфическая «сила» Байкала благотворно влияет на мотивационную сферу во время тренировок. Тренировки в экологически чистой зоне способствуют

минимизации уровня стресса, что принципиально важно для профилактики психологических срывов. Возможность совмещения сборов с кратковременным отдыхом на побережье вместе с семьей обеспечивает эмоциональную разгрузку после тяжелого соревновательного сезона. Кроме того, проведение специализированных психологических тренингов с психологами на Байкале позволяет эффективнее развивать навыки эмоциональной саморегуляции, концентрации внимания и управления поведением в экстремальных условиях.

2. Компоненты спортивной (физической) подготовки. Систематические занятия на свежем байкальском воздухе существенно расширяют функциональные возможности дыхательной и сердечно-сосудистой систем, повышают общую выносливость и укрепляют здоровье. Климатогеографические особенности зоны Байкала позволяют успешно моделировать условия для адаптации к международным стартам и смене временных/часовых поясов. Уникальные природные покрытия, такие как идеально гладкий лед Байкала в зимний период, предоставляют специфические условия для отработки техники в лыжных гонках благодаря эффекту облегченного скольжения. На Байкале регулярно организуются спортивные сборы для боксеров, борцов, гимнастов, дзюдоистов и представителей других дисциплин, сочетающие ОФП, СФП и повышение выносливости. Дополнительным фактором выступает сама вода озера, которая по физико-химическим свойствам близка к плазме крови, что открывает новые перспективы для экспресс-восстановления работоспособности.

3. Туристическо-рекреационный аспект. Важным дополнительным элементом подготовки является интеграция туризма в структуру сборов. Путешествия по масштабным просторам Байкала, как в летний, так и в зимний периоды обогащают эмоциональный опыт спортсменов, завораживают своими пейзажами, переключают внимание с монотонной тренировочной рутины и способствуют неформальному сплочению команд.

Эмпирическое обоснование

Для оценки практической эффективности тренировочного процесса в условиях Байкальского региона автором было проведено исследование на базе детско-юношеской спортивной школы (ДЮСШ № 4). В эксперименте приняли участие 15 юных спортсменов 2014–2015-х г. р. Спортивные сборы продолжительностью в один месяц проходили в условиях естественной среды побережья Байкала, начиная с середины июня. Программа сборов включала регулярную смену тренировочных локаций на открытом воздухе, что подвергало организм воздействию байкальского ветра и периодическим изменениям микроклимата.

По результатам психологических наблюдений и опросов было зафиксировано значительное улучшение психоэмоционального статуса детей: снизился уровень ситуативной тревожности перед соревновательными элементами и ответственными играми, дети стали заметно меньше волноваться перед ответственными играми. Объективным подтверждением эф-

фективности байкальских сборов служат результаты тестирования показателей общей физической подготовки (ОФП) и специальной физической подготовки (СФП) спортсменов, проведенного до и после окончания выезда (табл.).

Таблица

Динамика физических показателей спортсменов ДЮСШ № 4
до и после сборов на Байкале

Норматив / Контрольное упражнение	До сборов	После сборов
Общая Физическая Подготовка (ОФП)		
Бег на 60 м, с	10. 80	8. 50
Бег на 500 м, мин, с	1. 40	1. 20
Челночный бег, с	50. 00	27. 30
Выпрыгивания из низкого седа (за 1 мин), количество	25	38
Специальная Физическая Подготовка (СФП)		
Ведение мяча с обводкой конусов, с	45. 00	28. 00
Бросок мяча со штрафной линии, из 10	4/10	8/10
Атака кольца без сопротивления (за 1 мин), количество	8	17

Анализ полученных эмпирических данных указывает на выраженную положительную динамику во всех контролируемых метриках. Скоростные показатели (бег на 60 м) улучшились в среднем на 2. 3 секунды, а выносливость в челночном беге возросла почти в два раза. Аналогичный существенный прогресс зафиксирован и в специфических тренировочных тестах на координацию и точность, что свидетельствует об улучшении нервно-мышечной регуляции и общей концентрации внимания под влиянием комплексных факторов байкальской среды.

Практические рекомендации

1. Практиковать вынос основной доли аэробных и общефизических нагрузок на открытые площадки побережья Байкала для стимуляции кардиореспираторной системы за счет естественных климатических флуктуаций.

2. Интегрировать в структуру спортивных сборов регулярные сессии с квалифицированными спортивными психологами, использующие ландшафтотерапевтический потенциал региона для обучения спортсменов методикам ментальной релаксации.

3. Использовать климатогеографическое соответствие Байкальской зоны для проведения предсоревновательной адаптации команд к часовым поясам и экологическим параметрам мест будущих международных стартов.

4. Внедрять активные туристические маршруты (как пешие летом, так и ледовые зимой) в качестве средств активного отдыха и психологической разгрузки в разгрузочные дни сборов.

Таким образом, проведенное исследование наглядно демонстрирует, что окрестности и природные факторы озера Байкал формируют идеальные условия для комплексной подготовки спортсменов. Синергия физических нагрузок, климатической адаптации и психологического восстановле-

ния в рамках байкальских сборов позволяет существенно повысить как функциональные показатели, так и эмоциональную стабильность атлетов, закладывая надежный фундамент для достижения высоких спортивных результатов.

Литература

1. Карнышев А. Д. Байкалотерапия: ресурсы природы для психологического здоровья. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. 323 с.

2. Комсомольская правда – Иркутск. URL. https://www.irk.kp.ru/daily/27138/4229907

3. Информ Полис. На Байкале начнут готовить чемпионов мирового уровня. URL: https://www.infpol.ru/137652-na-baykale-nachnut-gotovit-chempionov-mirovogo-urovnya

4. Ариг Ус. Энергию Байкала – для подготовки спортсменов-олимпийцев. URL: https://arigus.tv/news/ecology/99988-energiyu-baykala-dlya-podgotovki-sportsmenov-olimpiytsev

The Influence of Natural and Climatic Factors of Lake Baikal on the Psychological and Athletic Training of Athletes

V. Y. Gorkovenko

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the complex impact of the unique natural and climatic conditions and landscapes of Lake Baikal on the processes of psychological and physical training of athletes. The author substantiates the necessity of implementing and regularly using the Baikal region as a specialized resource base for conducting training camps and rehabilitation of athletes. A theoretical analysis of approaches to understanding the psychological and restorative potential of natural landscapes is presented, along with practical recommendations for organizing athletic trips. The results of an empirical study on the dynamics of indicators of general and special physical fitness of young athletes within a summer training camp are provided.

Keywords: athletic training, psychological stability, Baikal, training camps, baikalotherapy, physical indicators, rehabilitation of athletes.

РАЗДЕЛ 6

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Экологическая культура и территориальная идентичность в социализации студентов

И. А. Журавлева

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматриваются вопросы формирования экологической культуры и территориальной идентичности. Анализируются условия либеральной, западаний модели и консервативной, традиционной модели экологической культуры. На основе результатов исследования выделяются три типа территориальной идентичности, в которых по-разному проявляются элементы экологической культуры.

Ключевые слова: экологическая культура, экологическое сознание, экологическая социализация, традиционные ценности, либеральные ценности.

Любая экологическая политика (ужесточение экологических стандартов или новые технологии и подходы по сбору и переработке мусора или какие-то другие модели государственной системы в отношении экологии) соотносится с имеющимися в обществе социальными установками и представлениями о том, какое взаимодействие с природой «нормально» и «правильно», какие поведение соответствует существующим нормам поведения и какие принимаемые меры по обеспечению экологической безопасности будут одобрены и приняты на уровне общественности, а какие будут оцениваться настороженно или негативно. Это то, что фиксирует экотерриториальное развитие, которое является уникальной характеристикой времени.

Экологическая культура в России во многом не совпадает с западными моделями экологического воспитания, экологической грамотности и экологического сознания, так как не во всем принимает постматериалистические, эмансипированные ценности. Экологическая культура в России в большей степени проявляется через традиционалистские ценности, экоактивизм строится через экоконсерватизм, а не прогрессивные инновационные технологии, как в странах запада.

Мы перед собой ставили вопрос – что влияет на формирование такого уникального контекста экологической культуры. Основой для рассмотрения ключевых вопросов стала территориальная идентичность, которая регулирует социальное поведение и определяет личные и коллективные смыслы социальной реализации [6]. То есть, экологическая культура – это не только ценностно-нормативные рамки, но и реальные поведенческие стратегии, которые определяют жизненные приоритеты и смыслы.

С одной стороны, постматериалистические ценности влияют на экологических активистов, определяют их либеральные экологические установки поведения молодых активных, высокодоходных граждан, живущих в крупных городах и имеющих большие миграционные возможности [7]. С другой, активизируются идеи традиционного подхода к сохранению культуры и экологии, который также может проявиться в просоциальном поведении «зеленых активистов» разных возрастов, живущих в средних им

алых городах, оберегающих традиции и историю, они имеют средний уровень достатка и маломобильны как в профессиональном, так в личном плане [4; 5]. Яркие экологические протесты мы могли видеть в Иркутске, Байкальске, Улан-Удэ, которые пытались сохранить и воспроизвести культурные практики и процессы производства и переработки при более эко логичном отношении к природе, промышленности, сбору и переработке мусора и проч. То есть традиционная повестка тех, кто отстаивает интересы локальных экосообществ является основной в формировании социального прогнозирования экополитики на региональном и общегосударственном уровне.

Проблема традиционного подхода в том, что он становится очевидным, когда социальные активисты реагируют на уже очевидные экологические проблемы (загрязнение территории, нарушение застройки, мусорные свалки и проч.). Более глобальный либеральный западный подход – меняет принципы управления, предлагая замену целых отраслей (например, ядерной промышленности на солнечную или ветровую энергию), а вместе с тем и формирование нового мировоззрения, ценностных ориентиров и условий социального развития общества [1; 2]. То есть в рамках традиционного подхода решаются конкретные экологические вопросы или проблемы, с учетом экологического бегграунда данной территории, ее истории и культуры [3]. В рамках либерального подхода рассматриваются абстрактные вопросы изменения экологической повестки дня, связанные с глобальными сдвигами сознания или экономики, которые рядовые граждане могут и вовсе не заметить.

Уровень и качество жизни задают ориентир либеральных ценностей жителей стран запада, где приоритетом выступает сохранение экологии и инновационное экологическое мышление. В России, говорить о качестве жизни по западным ценностям можно лишь для ограниченного количества людей, поэтому стандарты экологической культуры условны, но и тут личные нормы и готовность проявлять себя прямо соотносимы с ценностями экокультуры, минимизацией вреда, который человек может нанести природе, а также увеличения тех факторов, что могут благоприятно сказаться на экологической культуре [8].

Наше исследование строилось на опросе студентов Иркутска с 18 до 25 лет в отношении экологической культуры. Всего опрошено 1600 чел., 55 % девушек и 45 % юношей, обучающихся на разных специальностях ИГУ, БГУ, ИрНИТУ, ИрГУПС, ИГМУ, ВС МВД.

Мы выяснили, что среди респондентов высокий уровень региональной идентичности (у тех, кто знает историю и культуру своего края, имеется желание тут жить и работать) – высокие знания об экологических особенностях региона и его проблемах, готовы регулярно быть волонтерами при решении экологических вопросов (36 %).

Средний уровень региональной идентичности (кто принимает то место где родился и живет – как Родину, но не чувствует, что полностью здесь

может реализовать себя) – поверхностные знания о культуре, истории и экологии территории. У них нет готовности регулярно участвовать в экологических акциях, но могут принять участие разово, если будут видеть свою личную выгоду (социальный капитал) – 48 %.

Низкий уровень региональной идентичности – не ценят то место, где живут, не знают его историю и культуру, его социальные и экологические проблемы. Активно стремятся переехать, чтобы найти свое место в другом городе, а возможно и стране. Они не участвуют в экологических акциях и не отслеживают информацию о них в СМИ и сети Интернет.

При этом экотрадиционализм достаточно сильно проявляется среди тех, кто обладает высоким и средним уровнем региональной идентичности (76 % и 62 % соответственно), при низком уровне он составляет лишь 8 %.

Представители высокого уровня региональной идентичности опираются на себя (57 %) и социальные связи экосообществ (43 %) в решении экологических проблем региона. Представители среднего уровня региональной идентичности опираются на себя в 20 %, на экосообщество в 45 %, на государство в 35 % ситуаций. Представители низкого уровня региональной идентичности при решении экологических проблем на себя рассчитывают в 5 %, на экосообщества в 25 % и на государство – 70 %. То есть, уровень социальной ответственности неравномерен: более проявлен у тех, кто обладает высоким уровнем региональной идентичности и ориентирован на других, у тех, у кого минимально проявление региональной идентичности.

Экологический активизм, выраженный в решении конкретных территориальных экологических проблем, соотносимый с традиционными ценностями экологической культуры выявлен у тех, у кого высокий (66 %) и средний (34 %) уровень региональной идентичности. Либеральные идеи экологического актинизма проявлены у тех, у кого средний (62 %) и низкий (38 %) уровень региональной идентичности. У остальных четкая зависимость отсутствует.

Таким образом, чем более выражена территориальная идентичность, тем более значимы ценности и нормы экологической культуры, которые отражаются в реальных поведенческих стратегиях. Также, территориальная идентичность усиливает консервативные, традиционные представления об экологии, что формирует уникальную основу экологической культуры современников. Рассмотренный процесс социализации студентов протекает достаточно многогранно и раскрывается при активном решении экологических проблем той территории, где живет молодой человек, с какой территорией у него связаны эмоциональные переживания, когнитивные процессы и поведенческие стратегии.

Литература

1. Журавлева И. А., Заварзина Ю. В., Попова М. В. Влияние идентичности территории на создание территориального бренда как креативное направление // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном

пространствах региона : материалы Третьей регион. науч.-практ. конф. Иркутск : Репроцентр 1, 2021. С. 26–29.

2. Заварзина Ю. В., Попова М. В. Социальное моделирование экогородского развития: случай Байкальска // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 74–86.

3. Иванов Р. В. Направления цивилизационных сдвигов и цивилизационный разлом на территории моногородов Восточной Сибири // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 78–80.

4. Полюшкевич О. А. Символическое значение территории в сознании сибиряков // Социология. 2018. № 2. С. 113–117.

5. Полюшкевич О. А. Символы территориального единства сибиряков // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен : материалы IX Всерос. науч. интернет-конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 87–92.

6. Полюшкевич О. А. Территория как символ консолидации Байкальского региона // DIXI-2017 : идеи, гипотезы, открытия в социально- гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. / Хабаров. гос. ун-т экономики права. Хабаровск, 2017. С. 129–135.

7. Смигельски А., Соколов Б. О., Немировская А. В. Экологические установки и эмансипативные ценности: анализ данных Европейского исследования ценностей // Социологическое обозрение. 2024. № 23 (2). С. 283–310. DOI: 10.17323/1728-192x-2024-2-283-310

8. Щербак А. Н., Зубарев Н. С., Семушкина Е. С. Почвенники – за почву! Консервативные установки и проэкологическое поведение в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 66–89. DOI: 10.14515/monitoring.2025.2.2801

Ecological culture and territorial identity in student socialization

I. A. Zhuravleva
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This article examines the development of environmental culture and territorial identity. It analyzes the conditions of the liberal, Western model and the conservative, traditional model of environmental culture. Based on the research results, three types of territorial identity are identified, each manifesting elements of environmental culture in different ways.

Keywords: environmental culture, environmental awareness, environmental socialization, traditional values, liberal values.

Тематическая структура и тональность экологического контента в цифровом пространстве Иркутской области: результаты контент-анализа

В. О. Чекулаев

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Анализируется экологический контент в цифровом пространстве Иркутской области. Исследуются тематическая структура и тональность публикаций. На основе контент-анализа 60 материалов выявлено доминирование тем обращения с отходами и сохранения экосистем оз. Байкал. Установлено значительное преобладание позитивной тональности, особенно в материалах органов власти и НКО. Показано, что СМИ отличаются большей критичностью. Делается вывод о преобладании отчетно-позитивной модели экологической коммуникации в регионе.

Ключевые слова: экологический контент, Иркутская область, цифровое пространство, социальные сети, контент-анализ, тон, Байкал.

Экологический дискурс все в большей степени формируется и протекает в цифровом пространстве. Социальные сети, СМИ и ресурсы органов власти стали основными площадками конструирования экологической повестки, особенно в регионах с высокой экологической значимостью и промышленной нагрузкой, к которым относится и Иркутская область.

В условиях цифровизации общественного дискурса алгоритмы искусственного интеллекта (ИИ) все активнее формируют повестку дня, определяют видимость тех или иных тем для пользователей и усиливают определенные нарративы. Эта тенденция диктует необходимость эмпирического изучения содержания и тональности экологической коммуникации в региональном цифровом пространстве.

Цель исследования – провести контент-анализ экологического контента в цифровом пространстве Иркутской области и выявить тематическую структуру, тональность и особенность коммуникации основных акторов.

Теоретическо-методологические основания

В основе работы заложено понимание цифрового пространства как ключевой арены конструирования общественно-политического дискурса, где традиционные акторы (государство, СМИ, гражданское общество) взаимодействуют с новыми технологическими агентами – алгоритмами и автоматизированными аккаунтами. Важным становится анализ того, как в условиях цифровизации формируются тематические приоритеты и эмоциональная окраска экологической повестки.

В основе исследования – метод контент-анализа. Это объективный, систематический метод изучения коммуникаций, позволяющий трансформировать качественную информацию в верифицируемые количественные показатели. Он позволяет оценить объективно содержание сообщений и выявить латентные тенденции экологического дискурса [1]. Единица ана-

лиза в проведенном контент-анализе – отдельная публикация (пост или статья). Для кодирования информации разработан структурированный кодбук, включающий три блока категорий:

1. тематический классификатор (10 категорий проблем);
2. типы коммуникативной активности (информирование, призыв к действию, отчет, критика, партнерство);
3. тональность (позитивная, нейтральная, критическая).

Помимо этого, фиксировались географическая привязка, наличие количественных и статистических данных. Общий объем выборки – 60 публикаций. Обработка собранных данных проводилась путем расчета частот и процентных распределений. Такой подход позволяет описать структуру дискурса и выявить различия в стратегиях коммуникации между разными акторами.

Результаты. Контент-анализ охватил период с середины 2025 по начало 2026 г. и выявил основные характеристики экологического дискурса в цифровом пространстве Иркутской области. Выборка включала материалы трех типов источников: сообщества некоммерческих организаций в социальной сети «ВКонтакте» (50 %), региональные СМИ (33,3 %) и сайт Министерства природных ресурсов и экологии Иркутской области (16,7 %). Около 77 % публикаций содержат количественные данные (объемы отходов, финансовые показатели, проценты выполнения планов и т. д.). Призывы к действию присутствуют в 30 % публикаций, а элементы критики или проблематизации – в 25 %.

Ядро экологической повестки региона формируют две ключевые темы, охватывающие более половины проанализированного контента (табл. 1). Доминирует проблема обращения с отходами и твердыми коммунальными отходами (ТКО) (30 % публикаций). Второе место занимает тема Байкала и сохранения экосистем Прибайкалья (26, 7 %).

Таблица 1

Топ-5 наиболее обсуждаемых экологических проблем

№	Проблема	Частота упоминания, % (n)	Ключевые акценты
1	Отходы / ТКО / переработка	30,0 (18)	Сбор, сортировка, ликвидация свалок, инфраструктура
2	Байкал / экосистемы	26,7 (16)	Микропластик, биоразнообразие, научный мониторинг
3	Качество воздуха	15,0 (9)	Проект «Чистый воздух», газификация, снижение выбросов
4	Лесовосстановление	15,0 (9)	Планы восстановления, сеянцы, выполнение показателей
5	Биоразнообразие / животные	10,0 (6)	Охрана редких видов, конфликты с дикой природой

Меньшую долю занимают темы климатических изменений, законодательства и инфраструктуры (по 5–10 %), что свидетельствует о практической, а не глобально-теоретической направленности регионального дискурса.

Экологический дискурс Иркутской области характеризуется преобладанием позитивной тональности (в среднем 66,7 %). При этом между разными акторами наблюдаются существенные различия (табл. 2). Органы власти и НКО преимущественно используют позитивно-отчетный стиль коммуникации. СМИ демонстрируют более сбалансированный подход, заметно чаще прибегают к критике (35 %).

Таблица 2

Распределение публикаций по тональности (%)

Тональность	НКО	СМИ	Органы власти	В среднем
Позитивная / вдохновляющая	73,3	45,0	80,0	66,7
Нейтральная / информативная	20,0	20,0	20,0	20,0
Критическая / проблемная	6,7	35,0	0,0	13,3

В структуре активности доминируют информирование и отчеты о проделанной работе (53,3 % и 40 % соответственно). Партнерские проекты и коллаборации упоминаются в 43,3 % публикаций. Призывы к гражданской активности и волонтерству встречаются в трети публикаций (30 %).

В географическом отношении чаще упоминается Иркутск (55 %). Байкал упоминается в 40 % материалов, а промышленные города области (Братск, Ангарск, Шелехов) – в 45 %, преимущественно в контексте проблемы качества воздуха.

Обсуждение результатов. На основе полученных по результатам контент-анализа данных можно сделать выводы о специфике экологического дискурса в цифровом пространстве Иркутской области.

Доминирование темы обращения с отходами и высокий интерес к проблематике Байкала отражают объективные экологические приоритеты региона. Это находит отражение и в других региональных исследованиях, где именно вопросы обращения с ТКО становятся центральными в коммуникации экологических сообществ в социальных сетях [5].

Характерной чертой регионального дискурса становится дисбаланс тональности между различными акторами. Органы власти и НКО демонстрируют ярко выраженную позитивную ориентацию, в то время как СМИ чаще используют критические оценки. Дисбаланс можно интерпретировать как проявление «управляемой консолидации» официального экологического нарратива. Подобная картина контрастирует с механизмами формирования протестного экологического дискурса, где социальные медиа играют ключевую мобилизующую роль и способствуют эскалации общественной активности [2].

Преобладание отчетно-информационного стиля коммуникации при малой доле призывов к действию свидетельствует об ориентации экологического дискурса на демонстрацию достижений и формирование позитив-

ного образа деятельности, нежели на мобилизацию широкой общественности или глубокую проблематизацию системных противоречий.

В контексте цифровизации политической и общественной коммуникации эти особенности приобретают дополнительное значение. Алгоритмы цифровых платформ и потенциальная роботизация социальных сетей способны усиливать существующий позитивный крен официального дискурса, одновременно ограничивая видимость критических голосов [3; 4]. С одной стороны, это создает возможности для более эффективной координации экосообществ и продвижения конструктивных практик. С другой же – повышает риски алгоритмической предвзятости и формирования искаженной картины экологической реальности.

Выводы. Контент-анализ выявил ключевые особенности экологического дискурса в цифровом пространстве Иркутской области. Основу повестки формируют две доминирующие темы – обращение с отходами и сохранение экосистем Байкала. Для регионального дискурса характерна практическая ориентация и существенное преобладание позитивной тональности, особенно ярко выраженное в коммуникации органов власти и НКО. Региональные СМИ остаются наиболее критичным акторов. Доминирование отчетно-информационного стиля указывает на преобладание стратегии демонстрации достижений над мобилизационной моделью коммуникации.

В условиях активной цифровизации общественной коммуникации актуальность приобретают риски, связанные с роботизацией социальных сетей и алгоритмическим усилением определенных нарративов. Позитивная направленность официального дискурса может способствовать конструктивному решению экологических задач, однако одновременно повышает вероятность снижения критичности общественного внимания и формирования искаженной картины реального состояния окружающей среды.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с расширением эмпирической базы, анализом визуального контента и изучением влияния алгоритмов и ботов на динамику экологической повестки региона.

Литература

1. Забокрицкая Л. Д., Орешкина Т. А. Анализ статистики поисковых запросов как инструмент мониторинга экологических установок населения региона // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 2. С. 175–193. DOI: 10.19181/vis. 2021.12.2.721

2. Климова А. М., Куликов С. П., Чмель К. Ш. Роль социальных медиа в формировании регионального экологического протеста в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6(166). С. 28–52. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2024

3. Михайленок О. М., Малышева Г. А. Роботизация социальных сетей и ее политические последствия // Власть. 2020. Т. 28, № 1. С. 85–92. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7046

4. Уртаева Э. Б. Возможности и угрозы применения искусственного интеллекта (ИИ) в политических коммуникациях // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 2 (127). С. 44–51. DOI: 10.24158/pep.2024.2.3

5. Цифровые следы в экологии: опыт эмпирического исследования / Е. В. Щекотин, Д. О. Дунаева, П. А. Басина, П. С. Вахрамеев // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2, № 4 (8). С. 255–263. DOI: 10.21603/2782-4799-2023-2-4-255-263

Thematic Structure and Tone of Environmental Content in the Digital Space of the Irkutsk Region: Results of Content Analysis

V. O. Chekulaev
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article analyzes environmental content in the digital space of the Irkutsk Region. The thematic structure and tone of publications are examined. Based on a content analysis of 60 materials, the dominance of two main themes – waste management and the preservation of Lake Baikal ecosystems – was revealed. A significant prevalence of positive tone was identified, particularly in materials from government bodies and NGOs. Media outlets were shown to be more critical. The study concludes that environmental communication in the region is dominated by a report-oriented and positive model.

Keywords: environmental content, Irkutsk Region, digital space, social media, content analysis, tone, Lake Baikal.

Семейные экологические традиции как фактор формирования этнокультурной идентичности и психологического благополучия молодежи Байкальского региона

Д. А. Ковалева
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия
им. В. М. Лебедева, Иркутск

Аннотация. Статья посвящена анализу роли семейных экологических традиций в формировании этнокультурной идентичности и поддержании психологического благополучия молодежи, проживающей в Байкальском регионе. Рассматриваются механизмы передачи экологических ценностей и повседневных экологических привычек от старшего поколения к младшему. На основе анализа культурного наследия русских старожилов и бурятских семей выявлены ключевые практики взаимодействия с природой, которые остаются актуальными в современных условиях. Обосновывается позиция о том, что семейные традиции бережного отношения к природе служат не только средством экологического воспитания, но и важным ресурсом психологической устойчивости молодого человека в ситуации социальной нестабильности и стремительных перемен. Предложены практические направления поддержки и возрождения семейных экологических традиций в рамках молодежной и образовательной политики в регионе.

Ключевые слова: семейные традиции, экологическое образование, этнокультурная идентичность, психологическое благополучие, молодежь, Байкальский регион, передача из поколения в поколение, связь с природой.

Современная молодежь взрослеет в условиях, которые характеризуются высоким уровнем неопределенности и быстрыми переменами во всех сферах жизни. Информационная перегрузка, размывание границ между культурами, ослабление связей внутри больших семей – все это может по-

рождать чувство потерянности и внутренней неустойчивости. В такой ситуации возрастает интерес к тем ресурсам, которые помогают человеку сохранять ощущение опоры и осмысленности своего существования.

Одним из таких ресурсов выступают семейные традиции, связанные с отношением к природе. Для жителей Байкальского региона этот аспект семейной жизни имеет особое значение. Озеро Байкал и окружающие его территории на протяжении столетий были не просто местом проживания, но и важнейшей частью культурного и духовного опыта населяющих его народов. Правила поведения на берегу, почитание определенных природных объектов, совместные выезды на семейные места – все это составляет содержание того, что называется семейными экологическими традициями.

Под семейными экологическими традициями подразумевается совокупность устойчивых привычек, правил и обычаев обращения с природной средой, которые передаются внутри семьи от старшего поколения к младшему. В отличие от формального экологического образования, которое ребенок получает в школе или из средств массовой информации, семейные традиции усваиваются естественно, через наблюдение за поведением взрослых и совместную деятельность [5].

В Байкальском регионе можно выделить несколько типов таких традиций, сложившихся в культуре как русских старожилов, так и коренных бурят.

К первому типу относят бытовые природоохранные привычки. Такие правила, которые соблюдаются во время семейных выездов на озеро, например, обязательная уборка мусора после себя, запрет на мытье посуды с химическими средствами непосредственно в Байкале, разведение костров только в специально оборудованных местах, бережное отношение к деревьям и кустарникам. Эти простые действия часто не проговариваются вслух как нечто особенное, они выполняются автоматически, но именно в этом и заключается их воспитательная сила, ребенок впитывает их как естественную норму жизни [2].

Второй тип – это почитание сакральных, особо значимых для семьи природных объектов. В бурятской традиции это может быть родовое обо – культовое сооружение из камней, место поклонения духам-хозяевам местности. В русской старожильческой культуре такими объектами часто становятся родники, старые кедры, приметные скалы на берегу, с которыми связаны семейные истории. Посещение таких мест, рассказы старших об их значении, соблюдение определенных правил поведения рядом с ними – все это формирует у молодого человека особое, уважительное и личностно окрашенное отношение к природе.

И третий тип – это сезонные семейные ритуалы, связанные с природными циклами. Для многих семей Байкальского региона летний выезд на озеро – это не просто отпуск, а ежегодно повторяющееся событие, имеющее почти обрядовый характер. Семья из поколения в поколение приезжает на одно и то же место, повторяются одни и те же действия. Такая повторяемость создает ощущение устойчивости и непрерывности жизни, что особенно важно для молодого человека в периоды личных кризисов и перемен.

Этнокультурная идентичность – это осознание человеком своей принадлежности к определенной культуре, народу, традиции. В ее формировании участвуют многие факторы, такие как: язык, религия, историческая память, бытовой уклад. Семейные экологические традиции занимают в этом ряду особое место, поскольку связывают культурную идентичность не с абстрактными идеями, а с конкретным, чувственно переживаемым опытом. Исследователи называют этот процесс формированием «связи с местом» – глубокой эмоциональной привязанности к определенной территории, которая становится частью самосознания [4].

Особую ценность этот процесс приобретает в полиэтничных семьях, которых немало в Байкальском регионе. Совместное участие в экологических практиках, взятых из обеих культурных линий, помогает молодому человеку из смешанной семьи выстроить целостную идентичность, не разрываясь между русскими и бурятскими корнями, а объединяя их через общую заботу о родной земле [3].

Понятие психологического благополучия включает в себя несколько составляющих: ощущение осмысленности жизни, способность справляться с повседневными трудностями, наличие теплых и поддерживающих отношений с другими людьми, чувство внутреннего роста и развития [4]. Семейные экологические традиции вносят вклад в каждую из этих сфер.

Прежде всего, они дают чувство опоры и предсказуемости, жизнь современного молодого человека полна изменений: смена учебного заведения, переезды, новые социальные роли. На этом фоне повторяющиеся из года в год семейные выезды на природу, одни и те же ритуалы и привычки становятся своего рода якорем. Они создают ту стабильность, на которую можно опереться даже тогда, когда в других сферах жизни все неопределенно.

Далее, они обеспечивают опыт настоящей, неформальной близости с родными. В повседневной городской жизни члены семьи часто общаются короткими разговорами за завтраком или сообщениями в мессенджерах. Выезд на природу создает пространство для совместного пребывания без спешки, для долгих разговоров у костра, для молчания, которое не нужно заполнять словами. Такой опыт особенно важен для молодежи, которая в цифровую эпоху нередко страдает от одиночества в кругу близких [4].

Наконец, семейные экологические традиции дают чувство нужности и личной ответственности, когда родители передают детям обязанность следить за чистотой семейного места на берегу или поддерживать порядок у родового обо, это работает не как нагрузка, а как знак доверия. Молодой человек чувствует, что он не просто потребитель природных благ, а продолжатель семейного дела. Такое чувство причастности к общему значимому делу является мощным источником психологической устойчивости [5].

Неправильно было бы сказать, что семейные экологические традиции в Байкальском регионе существуют без проблем. Напротив, они сталкиваются с серьезными вызовами, характерными для всего современного мира.

Первое, конечно, урбанизация и отрыв от земли, значительная часть молодежи сегодня живет в городах, и ее повседневная жизнь мало связана с природными циклами. Если раньше крестьянский или промысловый уклад жизни сам по себе поддерживал экологические традиции, то теперь они требуют специальных усилий для своего сохранения. Выезд на Байкал становится не естественной частью жизни, а событием, которое надо специально планировать [2]. Второе – это цифровизация досуга, молодые люди, привыкшие проводить свободное время за экраном смартфона или компьютера, могут просто не испытывать интереса к семейной поездке на природу. Виртуальные развлечения конкурируют с реальными, и далеко не всегда эта конкуренция решается в пользу природы. Третий вызов – ослабление межпоколенческих связей, большие семьи, в которых под одной крышей жили три-четыре поколения, становятся редкостью. Бабушки и дедушки часто живут отдельно, и их роль в воспитании внуков снижается. Вместе с этим истончается и канал передачи семейных традиций [1].

С учетом вышесказанного можно определить несколько направлений работы. Во-первых, необходима организация семейных экологических мероприятий, в которых могут участвовать одновременно дети, родители и старшее поколение. Это могут быть фестивали, субботники на берегу, краеведческие выезды. Важно, чтобы программа таких мероприятий давала старшему поколению возможность выступать в роли носителей знаний и опыта.

Во-вторых, перспективным направлением является включение семейных историй в учебные и исследовательские проекты. Студенты и школьники могут собирать так называемый «экологический архив» своей семьи, записывать воспоминания старших о том, как в их молодости было принято вести себя на Байкале, какие места считались особенными, какие правила соблюдались. Такая работа одновременно развивает исследовательские навыки, укрепляет семейные связи и помогает сохранить местную культуру.

В-третьих, важно поддерживать молодежные инициативы по заботе о семейных природных местах, если молодой человек берет на себя ответственность за чистоту и порядок на том участке берега, который дорог его семье, это стоит поощрять через волонтерские программы, грантовую поддержку, общественное признание. Такая деятельность превращает пассивную любовь к природе в активную жизненную позицию.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что семейные экологические традиции – это не просто обычаи из прошлого, это работающий механизм, который помогает молодому человеку чувствовать себя частью своего народа и своей земли, сохранять психологическую устойчивость перед лицом перемен, находить смысл в повседневных действиях. В условиях стремительного роста городов, цифровизации и глобализации поддержка таких традиций становится задачей не только семьи, но и образовательных учреждений, молодежной политики, общественных организаций.

Байкальский регион, обладающий уникальным природным и культурным наследием, имеет все предпосылки для того, чтобы семейные экологические традиции не просто выживали, а развивались, находя новые формы и привлекая новые поколения. Задача науки и практики состоит в том, чтобы своевременно заметить этот ресурс и создать условия для его полноценного использования на благо молодежи и всего общества.

Литература

1. Батоцыренов Э. А., Тукачева В. М. Природопользование старообрядцев Забайкалья (семейских) в 1920–1950-е годы на примере села Михайловка // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: География, геология. 2020. № 3. С. 45–52.

2. Козлова С. А. Историко-географические особенности традиционного природопользования в жизнеобеспечении старообрядцев Западного Забайкалья : монография. М. : ИНФРА-М, 2024. 194 с.

3. Козлова С. А. Историко-географические особенности формирования старообрядческого населения (семейских общин) в Забайкалье // Genesis: исторические исследования. 2019. № 10.

4. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2019. 584 с.

5. Панов В. И. Экологическая психология: опыт построения методологии. М. : Наука, 2004. 197 с.

Family Ecological Traditions as a Factor in the Formation of Ethnocultural Identity and Psychological Well-being of Youth in the Baikal Region

D. A. Kovaleva
East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of family ecological traditions in the formation of ethnocultural identity and the maintenance of psychological well-being of young people living in the Baikal region. The mechanisms of transferring environmental values and everyday ecological habits from the older generation to the younger are examined. Based on the analysis of the cultural heritage of Russian old-timers and Buryat families, key practices of interaction with nature that remain relevant in modern conditions are identified. The position is substantiated that family traditions of caring for nature serve not only as a means of ecological education but also as an important resource for the psychological resilience of a young person in a situation of social instability and rapid change. Practical directions for supporting and reviving family ecological traditions within the framework of youth and educational policy in the region are proposed.

Keywords: family traditions, ecological education, ethnocultural identity, psychological well-being, youth, Baikal region, intergenerational transmission, connection with nature.

Оценка эффективности вовлечения молодежи в социально-экономическое развитие (на примере Иркутской области)

О. М. Хохлова, Е. Г. Быкова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Анализируются показатели грантовой активности, проводится экспертизу результатов проектной деятельности, сопоставляется динамика вовлеченности молодежи Иркутской области с целевыми индикаторами государственных программ. Анализируя показатели последнего десятилетия, делаются выводы о проблемах и перспективах социально-экономического развития в Иркутской области.

Ключевые слова: оценка эффективности, молодежь, социально-экономическое развитие, регион, грантовая поддержка, проектная деятельность.

Вовлечение молодежи в социально-экономическое развитие нашего региона настаивает на применении комплексной методологии в сочетании с анализом количественных показателей грантовой активности молодежи, экспертизы результатов их проектной деятельности, и сопоставления динамики вовлеченности с показателями целевых государственных программ.

Эффективность грантовых программ, реализуемых молодежью в Иркутской области, можно сопоставлять как совокупным объемом привлеченных денежных средств, так и проектами самоокупаемыми или интегрированные в деятельность организаций, и показателями устойчивости уже после завершения их реализации. И. В. Мершеев, развивая данный подход, предлагает учитывать коэффициент мультипликации грантовых средств, отражающий способность проекта привлекать дополнительное софинансирование из внебюджетных источников [3, с. 81–82].

В Иркутской области предлагаем рассматривать аналитическую рамку, охватывающую следующие пять срезов, взаимосвязанных между собой:

– динамика грантовой активности на федеральном уровне;

– эффективность и результативность конкурсных механизмов регионального уровня;

– структуру поддержанных инициатив;

– эффекты мотивации молодежи;

– территориальную дифференциацию ее вовлеченности.

Официальная статистика информации Росмолодежь [2, с. 58–59] демонстрирует, что по показателям 2020 г. Всероссийского конкурса молодежь нашего региона привлекла 12,4 млн руб. (8 заявок). Уже в 2021 г. финансирование увеличилось до 18,7 млн руб., а количество поддержанных заявок выросло до 14. Конкурс «Росмолодежь. Гранты» в 2022 г. усилил дальнейший рост, а объем грантов составил уже 27,3 млн руб., количество поддержанных заявок увеличилось до 23. 2023 г. также фиксировал рост победителей иркутской области – 31, с объемом финансирования 35,6 млн руб., 2024 г. также демонстрировал рост числа победителей гран-

тов – 38, которые привлекли уже 42,1 млн руб. в наш регион. По итогам первого сезона 2025 г. сохранили тренд роста, было поддержано 19 проектов, что привлекло в Иркутскую область 21,8 млн руб. [8].

Система грантовой поддержки Иркутской области, регулируемая Постановлением Правительства Иркутской области № 942-пп, пополняет федеральные механизмы [5]. Отчет об исполнении государственной программы «Молодежная политика» по итогам 2023 г. зафиксировал финансирование 47 социально значимых проектов на общую сумму 9,4 млн руб. [1]. В пояснительной записке отчета конкретизируется распределение средств в различных номинациях, эти показатели позволили нам оценить и проанализировать приоритетные направления грантовой деятельности в Иркутской области [7].

Анализируя и сравнивая показатели, необходимо отметить, что региональные потребности реализации грантовой деятельности молодежи в регионе ориентированы на поддержку проектов с незначительными бюджетными средствами, и имеют преимущественно социальную направленность. Отметим, что доля проектов с постгрантовым мониторингом в области существенно ниже федеральных показателей, что подтверждает выводы И. В. Мершеева о недостаточности контрольных процедур как факторе снижения результативности [3, с. 78–79].

По структуре поддержанные инициативы по сферам реализации в Иркутской области позволяют оценить вклад грантов в решение определенных социально-экономических задач нашего региона. Системный анализ данных, приведенных в отчетах за год, а также имеющиеся социологические исследования «Социальный портрет молодежи Иркутской области», достойны оценке и тщательного анализа представленных данных [1], [8].

Таким образом, грантовые проекты в Иркутской области по сферам социально-экономического развития за 2024 – 2025 гг. распределились следующим образом:

– социальная поддержка и волонтерство;
– образование и профориентация;
– культура и творчество;
– патриотическое воспитание;
– экология и благоустройство;
– инновации и научно-техническое творчество.

Очевидное доминирование социальной направленности проектной деятельности соответствует целевым ориентирам, отмеченным в Федеральном законе № 489-ФЗ [4] и Стратегии реализации молодежной политики до 2030 года [6].

Инновационные и научно-технические проекты представляют в статистических отчетах малочисленные по количеству и характеризуются средней продолжительностью и максимальной долей их финансирования, это говорит об их высокой экономической устойчивости. Указанная категория грантовых проектов представляет высокий уровень потенциала, по-

скольку имеет долгосрочное воздействие на социально-экономическое развитие Иркутской области.

Мотивационный эффект – второй ключевой аспект в оценке уровня эффективности связан с реализацией задачи влияния грантов на формирование мотивации у современной молодежи. Проведенное социологическое исследование «Социальный портрет молодежи Иркутской области» показывает, что 67 % респондентов, участвующих в грантовых конкурсах, проявляют активный интерес к проектной деятельности, готовы инициировать в дальнейшем новые проекты [8].

Таким образом, опыт реализации грантовых проектов становится катализатором формирования устойчивой проектной деятельности, а мотивация достигается как факт получения средств на реализацию проекта и его публичную презентацию результатов. Однако, 40 % молодежи, если проекты дважды не получили грант, прекращают проектную деятельность, этот фактор стоит также учитывать для оценки эффективности, так как он способен значительно ограничить мотивацию к успеху. Механизмом компенсации в нашем регионе способна выступить система региональных проектных школ, получившая признание в научно-методическом журнале «Концепт», где приведено обучение по подготовке заявок.

Третий важный срез анализа – территориальная дифференциация вовлечения молодого поколения в грантовую деятельность. Имеющиеся на региональном уровне данные показывают трехкратный разрыв плотности активности проектной деятельности между Иркутском – областным центром и муниципальными образованиями. Средний объем полученных грантовых средств одного проекта в Иркутске выше в 3 раза аналогичного показателя муниципальных образований. Число проектов-победителей федеральных конкурсов также значительно выше в административном центре. Анализируя молодежную политику в Иркутской области можно отметить, что неравенство в доступе к грантовым ресурсам требует системных корректирующих воздействий.

Годовой отчет и пояснительная записка к нему демонстрируют, что 73 % поддержанных грантовых проектов корреспондируют с целью реализации программы, включая добровольческую деятельность, творческую активность и патриотическое воспитание. В то же время, необходимо обратить внимание на риск замены стратегических задач задачами тактическими:

– преимущество концентрации грантовых средств на краткосрочных проектах;

– недостаточное количество поддержки долгосрочных проектов;

– способность создания иллюзии эффективности при отсутствии устойчивых социально-экономических показателей в Иркутской области.

Классификация моделей молодежных инициатив, применяемые в грантовой поддержке, также требуют критического анализа имеющихся и полученных данных. Можно выделить классификацию по предметному основанию (полю): социальные, инновационные, творческие, патриотиче-

ские, по масштабу: локальные, муниципальные, межмуниципальные, региональные, а также по стадии жизненного цикла: зарождающиеся, развивающиеся и зрелые. Данные отчетов и исследований говорят о том, что только 12 % грантовых средств, направленных на проекты, доказали свою жизнеспособность, могут претендовать на масштабную реализацию, в то время, как основная масса полученных ресурсов распределится среди новых грантовых инициатив.

Грантовая поддержка инициатив молодежи Иркутской области имеет положительную динамику, как по количественным показателям, по федеральным конкурсам, и на региональном уровне. Эффект мотивации для участия в грантовых конкурсах имеет данные, подтвержденные исследованиями ученых и социологическими данными, тем не менее, ограничен высоким уровнем демотивации соискателей, которые не получили грантовую поддержку.

Территориальная дифференциация также является мощным барьером в равномерном вовлечении молодежи в социально-экономическое развитие Иркутской области. Сохраняемый структурный дисбаланс в регионе, среди событийных и долгосрочных проектов, требует корректировки в критериях оценки представленных на конкурс заявок.

Выявленные нами проблемы: в нормативном, организационном и информационном характере, имеют предпосылки для совершенствования системы грантовой поддержки в отдельных российских регионах, в том числе и в Иркутской области.

Литература

1. Годовой отчет об исполнении мероприятий государственной программы Иркутской области «Молодежная политика» на 2019–2025 годы за 2023 год. Иркутск : М-во по молодеж. политике Иркутской области, 2024. 87 с.

2. Жукова О. А. Грантовые конкурсы как инструмент мотивации молодежи к социально полезной деятельности // Молодой ученый. 2025. № 49 (600). С. 57–59.

3. Мершеев И. В. Грантовая поддержка социальных инициатив молодежи: механизмы и эффективность // Регионология. 2023. Т. 31, № 4. С. 78–96.

4. О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

5. О предоставлении грантов в форме субсидий на реализацию социально значимых проектов в сфере молодежной политики : постановление Правительства Иркутской области от 06.12.2021 № 942-пп (ред. от 23.06.2025) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

6. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р (ред. от 31.03.2025) // Консультант-Плюс : справочная правовая система.

7. Пояснительная записка к годовому отчету об исполнении мероприятий государственной программы Иркутской области «Молодежная политика» на 2019–2025 годы за 2023 год. Иркутск : М-во по молодеж. политике Иркут. обл., 2024. 34 с.

8. Социальный портрет молодежи Иркутской области: доклад по итогам социологического исследования / ОГКУ «Центр социальных и информационных услуг для молодежи». Иркутск : ЦСИУМ, 2024. 112 с.

9. Федеральное агентство по делам молодежи // Официальный сайт Росмолодежи. URL: https://fadm. gov.ru (дата обращения: 11.07.2026).

Assessing the effectiveness of youth involvement in socio-economic development (using the Irkutsk region as an example)

O. M. Khokhlova, E. G. Bykova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The authors analyze grant activity indicators and project performance assessments, comparing youth engagement trends in the Irkutsk region with the target indicators of state programs. By analyzing the indicators of the last decade, the authors draw conclusions about the challenges and prospects for socioeconomic development in the Irkutsk region.

Keywords: performance evaluation, youth, socio-economic development, region, grant support, project activities.

Муниципальные программы поддержки молодежных экоинициатив: экономические механизмы и психологические мотивы участия

Д. С. Кожаев
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия
им. В. М. Лебедева, Иркутск

Аннотация. Рассматриваются муниципальные программы поддержки молодежных экологических инициатив с упором на взаимосвязь между экономическими механизмами и психологическими мотивами. Исследование показывает, что в условиях растущей экотревожности и экологических проблем одних только финансовых стимулов и инфраструктуры недостаточно для поддержания долгосрочной вовлеченности. Для устойчивого участия необходимо учитывать внутренние факторы – экологическую идентичность, чувство принадлежности к сообществу и психическое благополучие, – а также внешние стимулы, такие как гранты и общественное признание. На основе анализа муниципальных программ в России предлагается комплексная модель поддержки, включающая прозрачное финансирование, психологическое наставничество, цифровой мониторинг и систематическую оценку благополучия. Результаты исследования показывают, что сочетание экономических ресурсов с удовлетворением психологических потребностей позволяет превратить краткосрочные проекты в устойчивые экосообщества, укрепляющие региональную идентичность, сохраняющие психическое здоровье и способствующие консолидации общества. Практические рекомендации включают в себя обучающие модули для наставников, интеграцию экологических мероприятий в муниципальные стратегии и межрегиональное масштабирование успешных практик.

Ключевые слова: муниципальные программы, молодежные экологические инициативы, экономические механизмы, психологическая мотивация, экологическая идентичность, экологические сообщества, психическое здоровье, региональное развитие.

В условиях планетарной экологической дестабилизации и роста экотревожности среди молодежи стимулирование природоохранной активности на муниципальном уровне становится стратегическим ресурсом национальной консолидации и ментального здоровья [4; 6]. Междисциплинарный анализ показывает, что эффективность экопроектов зависит не только от нормативно-правового и финансового обеспечения, но и от психологических механизмов, формирующих устойчивую вовлеченность участников [1]. В статье рассматриваются экономические инструменты поддержки молодежных экоинициатив, их взаимосвязь с мотивами участия и предлагаются модели интеграции в локальную среду.

Муниципальные программы поддержки экологических инициатив представляют собой многоуровневую систему мер, направленных на создание условий для реализации молодежных проектов в сфере охраны окружающей среды, рационального природопользования и экопросвещения [2]. С экономической точки зрения такие программы опираются на несколько ключевых механизмов.

Во-первых, это грантовая и конкурсная поддержка. Во-вторых, значимую роль играет материально-техническое обеспечение: предоставление оборудования, помещений, транспорта и цифровых платформ для координации деятельности [8]. В-третьих, развиваются модели софинансирования и государственно-частного партнерства, при которых муниципалитеты выступают катализаторами, привлекающими бизнес-ресурсы в экологические проекты. В-четвертых, важным экономическим стимулом является система нематериального и материального вознаграждения: сертификаты, льготные программы, налоговые преференции для экопредпринимателей, а также включение успешных проектов в муниципальные реестры лучших практик [2; 7].

Конкретные примеры муниципальных программ демонстрируют разнообразие подходов.

Конкурс «Лучший молодежный проект Санкт Петербурга» предусматривает премию Правительства города в размере 125 тыс. руб. для 30 победителей, среди которых регулярно отмечаются экоинициативы.

В Москве гранты Мэра для социально ориентированных НКО поддерживают организации, занимающиеся охраной окружающей среды, в том числе молодежные экообъединения.

В Новосибирске реализуется муниципальный грантовый проект «Новосибирцы за чистый город!», включающий акции по уборке парков, конкурсы социальной рекламы, экологические агитационные мероприятия и создание «Дневников Добрых Дел» для волонтерских отрядов.

Эффективность экономических механизмов напрямую зависит от их прозрачности, доступности для разных социальных групп молодежи и адаптивности к локальным условиям. В малых городах и сельских поселениях, где ресурсы ограничены, приоритет отдается низкобюджетным, но социально значимым инициативам. В крупных муниципальных образова-

ниях акцент смещается на цифровизацию экодеятельности, создание межмуниципальных кластеров и интеграцию экологических проектов в образовательные и профессиональные траектории молодежи [8]. При этом правовая база создает основу для легитимности и масштабирования муниципальных практик [7].

Наряду с экономическими инструментами, ключевым фактором успешной реализации муниципальных программ выступают психологические мотивы участия молодежи в экологической деятельности. Современная психология выделяет два кластера мотивации: внутренний (интринсивный) и внешний (экстринсивный) [1; 5]. Внутренние мотивы связаны с формированием экологической идентичности, ценностным отношением к природе, потребностью в самореализации и снижением экотревожности [5]. Исследования показывают, что молодые люди с развитой экологической рефлексией демонстрируют более высокую стрессоустойчивость, чувство принадлежности к территории и готовность к долгосрочному волонтерству.

Внешние мотивы включают социальное признание, карьерные перспективы, возможность получения грантов, участия в престижных форумах, а также влияние референтных групп (друзей, наставников, лидеров мнений) [3; 7]. Важным стимулом выступает Международная премия Росприроднадзора «Экология – дело каждого», которая поощряет нестандартные идеи и выдающиеся проекты молодежи, направленные на сохранение окружающей среды, и за пять сезонов получила свыше 320 тыс. заявок.

В условиях роста полиэтничности и национальной идентификации важную роль играет культурно-исторический контекст: обращение к традициям государствообразующих и аборигенных народов, почитание природы как основы духовного здоровья, что особенно актуально для регионов Сибири и Прибайкалья [4]. Экологический патриотизм, формируемый через муниципальные программы, становится мостом между личным благополучием и коллективной ответственностью за сохранение ландшафтных и биологических систем [1; 6].

Совмещение экономических механизмов и психологических мотивов определяет устойчивость экосообществ: финансовая поддержка снижает барьеры входа, но без учета психологических потребностей проекты рискуют стать формальными [7], тогда как высокая внутренняя мотивация без ресурсного обеспечения ведет к выгоранию и расформированию групп [3]. Оптимальная модель муниципальной программы предполагает комплексное сопровождение: на этапе запуска – прозрачное информирование и упрощенные процедуры; на этапе реализации – менторство и психологическая поддержка; на этапе оценки – публичное признание и реинвестирование успешных практик [2; 8].

Особое значение имеет использование потенциала экосообществ в обучении и социализации молодежи: включение экопроектов в образовательные программы, проектное обучение, экологические лагеря и волон-

терские экспедиции формируют профессиональные компетенции, психологическую зрелость и готовность к коллективному действию [5]. В регионах с богатой природной идентичностью, таких как Иркутская область, муниципальные программы могут стать платформой для развития экологического туризма, ландшафтной терапии и рекреационного оздоровления, что напрямую способствует укреплению ментального здоровья участников СВО, лиц в кризисных ситуациях и студентов, испытывающих академический стресс [4].

Для повышения эффективности муниципальных программ рекомендуется внедрять следующие меры: 1) создание единого цифрового реестра молодежных экоинициатив с прозрачными критериями поддержки и интеграцией с муниципальными информационными системами [8]; 2) разработка психолого-педагогических модулей для наставников экопроектов, ориентированных на профилактику выгорания и развитие экологической рефлексии [1; 3]; 3) интеграция экологической деятельности в муниципальные стратегии развития и молодежной политики в рамках федеральных и региональных инициатив [2; 6]; 4) проведение ежегодных мониторингов психологического состояния участников и уровня их удовлетворенности ресурсным обеспечением; 5) стимулирование межмуниципального и межрегионального обмена практиками, особенно в контексте многополярного мира и усиления международной экологической кооперации [4; 7]. Отдельно следует отметить важность развития Всероссийского молодежного экологического движения «Экосистема», которое охватывает 77 субъектов РФ и создает условия для координации локальных инициатив на национальном уровне.

Таким образом, муниципальные программы поддержки молодежных экоинициатив представляют собой многоуровневую систему, где экономические механизмы создают инфраструктурные условия, а психологические мотивы обеспечивают устойчивость и долгосрочную вовлеченность участников [1; 5]. Их гармоничное сочетание способствует улучшению состояния природной среды, формированию консолидированных экосообществ и сохранению психологического здоровья населения [1]. В условиях экологических и социальных трансформаций такие программы становятся стратегическим ресурсом муниципалитетов, обеспечивая преемственность экологической культуры, укрепление региональной идентичности и национальной консолидации через совместную созидательную деятельность [6], [7].

Литература

1. Алексеева Л. С. Психология экологического сознания молодежи: монография. М. : Изд-во РУДН, 2023. 214 с.

2. Васильева Е. Н., Петров А. В. Муниципальное управление экологическими проектами: механизмы финансирования и оценки эффективности // Вестник муниципальных образований. 2024. № 4. С. 45–53.

3. Григорьева И. М. Волонтерские инициативы в сфере экологии: мотивация и устойчивость сообществ // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14, № 2. С. 78–91.

4. Козлов А. Е., Смирнова Т. В. Экологический туризм как инструмент регионального развития и психологической реабилитации. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2025. 189 с.

5. Леонтьев Д. А. Личностный смысл и экологическая ответственность: психологические механизмы формирования // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 1. С. 112–125.

6. Министерство природных ресурсов и экологии РФ. Национальный проект «Экология»: региональные практики и молодежное участие. М. : Минприроды России, 2024. 156 с.

7. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : федер. закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

8. Яковлев П. В. Цифровые платформы для координации эковолонтерства: опыт муниципалитетов Сибирского региона // Информационное общество. 2025. № 2. С. 67–75.

Municipal Programs for Supporting Youth Eco-Initiatives: Economic Mechanisms and Psychological Motives for Participation

D. S. Kozhaev

East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Irkutsk

Abstract. This article examines municipal programs supporting youth environmental initiatives, focusing on the interplay between economic mechanisms and psychological motivations. Amid rising eco-anxiety and environmental challenges, the study demonstrates that financial incentives and infrastructure alone cannot sustain long-term engagement. Durable participation requires addressing intrinsic drivers–ecological identity, community belonging, and mental well-being–alongside extrinsic rewards such as grants and public recognition. Based on Russian municipal case studies, the authors propose an integrated support model combining transparent funding, psychological mentorship, digital monitoring, and systematic well-being assessment. The findings indicate that aligning economic resources with psychological needs transforms short-term projects into resilient eco-communities, strengthening regional identity, preserving mental health, and fostering national consolidation. Practical recommendations include mentor training modules, integration of eco-activities into municipal strategies, and interregional scaling of successful practices.

Keywords: municipal programs, youth eco-initiatives, economic mechanisms, psychological motivation, environmental identity, ecological communities, mental health, regional development.

Виртуальная и реальная экологическая активность в Иркутской области: анализ разрыва между грантовой поддержкой и экологическим состоянием

А. С. Пухова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Анализируется ситуация в Иркутской области, где значительная грантовая поддержка экологических проектов не приводит к пропорциональному улучшению экологической обстановки. Выдвигается гипотеза о разрыве между «виртуальной» (отчетной, медийной) и реальной природоохранной активностью. На основе статистических данных и экологического рейтинга региона выявляется закономерность: формальная успешность проектов не коррелирует с экологическими показателями. Раскрывается психологический механизм этого разрыва, включающий феномен кликтивизма, системную подмену измеримых «выходов» реальным воздействием и когнитивное искажение. Предлагаются направления для повышения эффективности грантовой поддержки и развития рефлексивных практик в оценке социально-экологических результатов.

Ключевые слова: экологическая активность, грантовая поддержка, разрыв между виртуальным и реальным, Иркутская область, кликтивизм, когнитивное искажение, оценка социальных результатов.

Введение. В последние годы Иркутская область демонстрирует высокую активность некоммерческих организаций (НКО) в сфере экологии. За 2020–2025 гг. десятки проектов получили поддержку Фонда президентских грантов (ФПГ) на общую сумму в сотни миллионов рублей. Однако, несмотря на финансовые вливания и позитивные отчеты, экологическая ситуация в регионе остается сложной. В Иркутской области сохраняется высокий уровень загрязнения водных объектов, растет количество несанкционированных свалок, а качество атмосферного воздуха в крупных городах не соответствует нормам. Экологический рейтинг региона – 75-е место из 85 – также свидетельствует о системных проблемах [7].

Возникает вопрос: почему рост грантовой поддержки экологических инициатив не приводит к пропорциональному улучшению экологической ситуации? Гипотеза данного исследования заключается в том, что существует разрыв между «виртуальной» (отчетной, медийной) экологической активностью и реальной природоохранной деятельностью. Значительная часть проектов, получающих гранты, формально успешны (83 % по оценке ФПГ), но их реальный вклад в улучшение экологии региона минимален.

Согласно данным Фонда президентских грантов, с 2017 по 2023 г. в Иркутской области было поддержано 573 проекта НКО. Только в 2025 г. победителями второго конкурса стали 26 проектов на общую сумму 58 млн рублей, а в первом конкурсе 2025 г. – 19 проектов. В 2026 г. поддержку получил 21 проект в категории «охрана окружающей среды» [6]. Даже при неполной статистике видно, что экологическая тема присутствует в порт-

феле грантополучателей, а количество заявок растет. Однако доля экологических проектов остается невысокой – около 15 % от всех заявок (в 2025 г. из 195 заявок 29 были экологическими).

Вместе с тем общая успешность проектов по оценке ФПГ составляет 83 % [6]. Это означает, что подавляющее большинство отчитываются как «успешно реализованные». Однако критерии успеха, как правило, формальны: выполнение плана мероприятий, достижение количественных показателей (число участников, публикаций). Вопрос о реальном экологическом эффекте остается открытым.

Ключевые проблемы региона остаются нерешенными:

- высокое загрязнение водных объектов (в реках – притоках Байкала зафиксировано многократное превышение бактериологических показателей);
- значительное количество несанкционированных свалок (только в 2025 г. ликвидировано 142 свалки, но выявлено еще больше);
- низкое качество атмосферного воздуха в Иркутске, Ангарске, Шелехове, Братске накопленный экологический ущерб от деятельности Байкальского ЦБК и других промышленных объектов.

Экологический рейтинг «Зеленого патруля» за осень 2025 г. поставил Иркутскую область на 75-е место из 85 регионов. Сводный индекс – 53 балла из 100, причем показатели «природоохранной работы» и «экологической культуры» еще ниже [7]. Таким образом, при росте числа грантов и отчетов об успешности экологические показатели не улучшаются. Это подтверждает гипотезу о разрыве между виртуальной и реальной активностью.

Проведенный анализ выявил устойчивую закономерность: при росте грантовой поддержки экологических инициатив реальная экологическая ситуация в Иркутской области не улучшается, а формальная успешность проектов (83 % по оценке ФПГ) не коррелирует с экологическими показателями. Данное противоречие имеет не только организационную и финансовую, но и глубокую психологическую природу, обусловленную особенностями восприятия, целеполагания и профессиональной самооценки участников грантового процесса – как со стороны НКО, так и со стороны грантодателей.

В современной теории цифрового экологического активизма значительное место занимает феномен кликтивизма (clicktivism) – форма онлайн-активности, которая предполагает количественную оценку поддержки и осведомленности о проблеме (например, через ретвиты, «лайки», подписание онлайн-петиций), но не требует реального физического участия [1; 4]. Критики кликтивизма отмечают, что он не только не позволяет оценить уровень реальной вовлеченности, но даже замещает собой полноценный активизм, уменьшая стремление к дальнейшим действиям [1; 4].

В контексте грантовой деятельности этот феномен проявляется как подмена реальных природоохранных действий публичной отчетностью. НКО, будучи ориентированными на формальные критерии успеха (число

мероприятий, количество участников, объем публикаций), могут неосознанно смещать фокус с долгосрочного экологического эффекта на создание «красивой картинки» – фотографий с субботников, отчетов о проведенных лекциях, постов в социальных сетях. Такая виртуальная активность создает иллюзию эффективности, но не ведет к системным изменениям. Исследователи отмечают, что цифровые практики могут отчуждать пользователей от реальных действий, ограничивая их виртуальными средствами взаимодействия [1; 4].

В российском контексте, как показано в статье «Между виртуальным и физическим: контуры цифрового активизма экологических некоммерческих организаций России», четкого разделения исключительно на офлайн и онлайн практики нет – они дополняют друг друга, однако для активистов и координаторов проектов не всегда понятно, что такое «цифровой активизм» из-за отсутствия рефлексии об инструментах своей работы [4]. Это отсутствие рефлексии напрямую переносится и на грантовую деятельность: организации отчитываются о выполненных мероприятиях, но не анализируют, в какой степени эти мероприятия реально повлияли на экологическую ситуацию.

Психологическая подмена реальных действий формальной отчетностью усугубляется системой требований, предъявляемых грантодателями. Как отмечается в экспертных дискуссиях о грантовой сфере, спонсоры часто декларируют стремление к долгосрочным социальным изменениям («влиянию»), однако на практике запрашивают и финансируют только легко измеримые «выходы» (outputs): количество проведенных мероприятий, число участников, количество публикаций [6]. Это создает устойчивый стимул для НКО ориентироваться на количественные показатели активности, а не на реальное воздействие.

Следствием этого становится опасный вид «перевода»: некоммерческие организации вынуждены превращать глубокие, долгосрочные изменения в поверхностные статистические данные, которые «хорошо смотрятся» в отчетах. В результате сектор отчитывается об активности, а не о воздействии, потому что именно активность легче измерить и легче проверить [6].

В применении к экологическим проектам Иркутской области это означает, что грантовая система стимулирует НКО к созданию отчетов, демонстрирующих формальную активность, а не к достижению реальных экологических улучшений. Субботник проведен, контейнеры установлены, публикации сделаны – проект признается успешным, даже если через месяц на том же месте появилась новая свалка. Формальная успешность (83 %) становится психологическим якорем, который позволяет всем участникам процесса – и НКО, и грантодателям – считать свою работу эффективной, не вникая в долгосрочные последствия.

Психологический механизм, усугубляющий описанный разрыв, связан с когнитивным искажением, известным как эффект Даннинга – Крюгера: люди с низкой компетентностью в какой-либо области склонны пере-

оценивать свои знания и способности, тогда как компетентные – недооценивать [2; 3; 8]. Применительно к грантовой деятельности это означает, что НКО, не обладающие достаточной экспертизой в измерении экологического эффекта, могут искренне считать свои проекты успешными на основании формальных критериев, не осознавая ограниченности своего подхода.

В сфере экологического проектирования это может приводить к парадоксальной ситуации: организации с поверхностным пониманием экологических проблем чувствуют себя уверенно и получают гранты, тогда как более компетентные специалисты, осознающие всю сложность задач, могут избегать завышенных обещаний и оказываться в проигрыше в конкурентной борьбе.

Обобщая вышесказанное, можно выделить следующий психологический механизм:

Грантодатели требуют формальных, легко измеримых показателей (число мероприятий, участников, публикаций), что создает стимулы для НКО ориентироваться на «выходы», а не на реальный экологический эффект [6].

НКО, подстраиваясь под эти требования, смещают фокус с долгосрочных изменений на создание отчетной и медийной активности – возникает феномен, аналогичный кликтивизму, но в сфере грантовой отчетности [1; 4].

Эффект Даннинга – Крюгера усугубляет ситуацию: организации с недостаточной экологической компетентностью переоценивают свою эффективность, будучи не в состоянии осознать ограниченность формальных показателей [2; 3; 8].

В результате возникает устойчивая иллюзия успешности: формальная успешность проектов (83 %) воспринимается как доказательство эффективности, хотя реальные экологические показатели не улучшаются. Создается замкнутый круг, в котором и НКО, и грантодатели психологически удовлетворены процессом, а экологическая ситуация остается неизменной.

Вывод: Проведенный анализ показывает, что, несмотря на значительные финансовые вливания в экологические проекты Иркутской области (сотни миллионов рублей, десятки проектов), реальная экологическая ситуация остается неудовлетворительной. Регион занимает 75-е место в экологическом рейтинге, сохраняются острые проблемы загрязнения воды, воздуха, накопления отходов [7].

Гипотеза о разрыве между виртуальной (отчетной, медийной) и реальной экологической активностью подтверждается. Формальная успешность проектов (83 %) не коррелирует с улучшением экологических показателей. Преодоление этого психологического механизма требует не только пересмотра критериев оценки грантов (внедрения долгосрочного мониторинга и оценки реального экологического эффекта), но также повышения экологической и проектной компетентности самих НКО и развития рефлексивных практик в сфере оценки социально-экологических результатов [5]. Без учета психологических факторов любые попытки реформировать систему грантовой поддержки рискуют остаться поверхностными.

Литература

1. Башева О. А., Ермолаева П. О. Цифровой активизм как новая форма гражданской мобилизации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 51–68.

2. Валиуллина Е. В. Эффект Даннинга-Крюгера в контексте социально-обусловленных когнитивных искажений // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 2 (февраль). С. 299–306. URL: http://e-koncept.ru/2025/252003.htm.

3. Даннинг Д., Крюгер Дж. Некомпетентные и не осознающие этого: как трудности в признании собственной некомпетентности ведут к завышенной самооценке // Журнал личности и социальной психологии. 1999. Т. 77, № 6. С. 1121–1134. DOI: 10.1037/0022-3514.77.6.1121

4. Ермолаева П. О., Башева О. А., Ермолаева Ю. В. «Между виртуальным и физическим»: контуры цифрового активизма экологических некоммерческих организаций России // Журнал исследований социальной политики. 2023. Т. 21, № 2. С. 241–258. DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-2-241-258

5. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. 632 с.

6. Фонд президентских грантов : офиц. сайт. URL: https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/ (дата обращения: 27.05.2026).

7. Экологический рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам осени 2025 года // «Зеленый патруль». URL: http://www.greenpatrol.ru/ (дата обращения: 27.05.2026).

8. Эффект Даннинга – Крюгера // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/effekt-danninga-kriugera-4f35d7 (дата обращения: 27.05.2026).

Virtual and real environmental activities in the Irkutsk region: Analysis of the gap between grant support and environmental conditions

A. S. Puhova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article analyzes the situation in the Irkutsk region, where significant grant support for environmental projects does not lead to a proportional improvement in the environmental situation. The article hypothesizes that there is a gap between “virtual” (reported, media-related) and real environmental protection activities. Based on statistical data and the region's environmental rating, a pattern is identified: the formal success of projects does not correlate with environmental indicators. The article explores the psychological mechanism behind this gap, which includes the phenomenon of clickbaiting, the systemic substitution of measurable “outputs” for real impact, and cognitive distortion. The article suggests ways to improve the effectiveness of grant support and develop reflective practices in assessing socio-environmental results.

Keywords: environmental activity, grant support, gap between virtual and real, Irkutsk region, clicktivism, cognitive distortion, assessment of social results.

Взаимодействия бизнеса и власти в ресурсном регионе: влияние диалога на экологическую повестку Иркутской области

А. Р. Салонин

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматривается проблематика взаимодействия бизнеса и власти в ресурсном регионе (на примере Иркутской области) и его влияние на экологическую повестку. Обосновывается актуальность разрывом между формальными механизмами диалога и отсутствием ощутимых экологических изменений. Выделяются характеристики ресурсного региона, анализируются сценарии влияния диалога, а также психологические барьеры и неформальные практики, снижающие эффективность взаимодействия. Делается вывод об ограниченном системном влиянии диалога на экологическую ситуацию.

Ключевые слова: взаимодействие бизнеса и власти, ресурсный регион, экологическая повестка, Иркутская область, психологические барьеры, экологическая политика.

В ресурсных регионах диалог между крупным бизнесом и властью часто не приводит к реальным экологическим изменениям, несмотря на наличие соглашений и рабочих встреч. Экономические и правовые объяснения этого разрыва не учитывают социально-психологическую сторону – доверие, стереотипы, статусную асимметрию и неформальные практики, которые во многом определяют, останутся ли договоренности на бумаге или превратятся в реальные проекты. В статье на основе анализа открытых документов, публичных отчетов и научной литературы показано, как психологические барьеры ослабляют влияние диалога на экологическую повестку Иркутской области и какие механизмы мешают превращению формальных договоренностей в реальные экологические результаты.

Цель работы заключается в том, чтобы выявить, как диалог между крупным бизнесом и региональной властью влияет на экологическую повестку ресурсного региона (на примере Иркутской области).

Исследовательский вопрос – каким образом и через какие механизмы этот диалог влияет на экологическую повестку территории.

В работе используется качественный теоретико-аналитический подход. Первый блок – анализ научных текстов и статей – позволяет определить ключевые понятия, механизмы диалога и типичные барьеры его влияния. Второй блок – анализ открытых документов (соглашения, отчеты, нормативные акты) и публичных коммуникаций – дает возможность зафиксировать объективные следы влияния диалога на экологическую повестку Иркутской области. Оба блока интегрируются через логическое и событийное сопоставление теоретических моделей и эмпирического материала.

Ресурсный регион

В современной региональной экономике под ресурсным регионом понимается территория, чья хозяйственная специализация и бюджетная обеспеченность критически зависят от добычи и первичной переработки природных ресурсов [8, с. 3–34]. К ключевым признакам такого региона

относятся: доминирование сырьевого сектора в структуре валового регионального продукта, высокая концентрация крупного промышленного бизнеса и, как следствие, повышенная антропогенная нагрузка на локальные экосистемы.

Иркутская область представляет собой пример ресурсного региона России. Как отмечают исследователи, на территории области действуют крупные предприятия нефтегазового, лесопромышленного и гидроэнергетического комплексов, что создает значительную техногенную нагрузку. Особую остроту экологической ситуации придает близость озера Байкал – уникальной природной территории, требующей особых режимов охраны [3, с. 22–23].

Диалог бизнеса и власти

Взаимодействие государства и предпринимательского корпуса в современной России выходит за рамки формального регулирования. Как подчеркивает О. В. Гаман-Голутвина, этот диалог институционализирован через такие механизмы, как консультативные советы, рабочие группы при органах власти, соглашения о социально-экономическом сотрудничестве и лоббистские активности [2, с. 10–12].

Ключевая проблема заключается в различении реального влияния от имитации диалога. В первом случае результатом становятся совместные стратегические решения, нормативные изменения или крупные проекты. Во втором – коммуникация сводится к ритуальным встречам и декларативным протоколам, которые не влияют на фактическую повестку. Для ресурсных регионов, где экономические интересы бизнеса особенно велики, риск имитации диалога остается высоким.

Экологическая повестка

Под экологической повесткой в данной работе понимается совокупность актуальных проблем, общественных запросов и государственных решений в сфере охраны окружающей среды. Экологическая политика определяется как «система целенаправленных действий по обеспечению экологической безопасности, рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды» [7, с. 197].

Авторы выделяют несколько ключевых элементов экологической повестки: охрана природных ресурсов (лесов, вод, недр), нормативно-правовое регулирование природопользования, институциональные механизмы (создание специализированных органов), общественный контроль и реагирование на экологические катастрофы. Важно, что на протяжении всей истории России «экономические интересы часто определяли вектор экологической политики», а меры носили «преимущественно реактивный характер» [7, с. 203].

В ресурсном регионе экологическая повестка дополнительно осложняется необходимостью балансировать между развитием добывающей промышленности и сохранением природной среды. В Иркутской области к числу основных экологических проблем относятся загрязнение водных

объектов, вырубка лесов, загрязнение атмосферного воздуха промышленными выбросами, а также накопленный ущерб от прошлой хозяйственной деятельности [3, с. 23–24].

Влияние диалога на экологию

Теоретически диалог бизнеса и власти может влиять на экологическую повестку через несколько сценариев.

Позитивные сценарии включают: разработку и реализацию совместных природоохранных программ (лесовосстановление, очистка водоемов, снижение выбросов); согласование добровольных экологических стандартов, которые бизнес принимает на себя сверх нормативных требований; а также оперативное совместное реагирование на экологические инциденты. В этих случаях диалог действительно становится инструментом улучшения экологической ситуации.

Негативные или нулевые сценарии проявляются тогда, когда диалог подменяется «торгом»: бизнес добивается снижения экологических требований или штрафов в обмен на социальные (но не экологические) инвестиции. Другой вариант – полная имитация: встречи проводятся регулярно, но их протоколы не содержат конкретных обязательств, а решения не отслеживаются. Как отмечает Гаман-Голутвина, в российской практике нередки случаи, когда «диалог становится формой, не меняющей содержания» [2, с. 18].

Для ресурсного региона, подобного Иркутской области, важно понять, какой из этих сценариев преобладает. Ответ на этот вопрос требует анализа формальных механизмов диалога, зафиксированных экологических обязательств и реальных изменений в экологической ситуации, что и будет предпринято в следующем разделе.

Экологический контекст Иркутской области

Иркутская область остается регионом с высокой антропогенной нагрузкой, что характерно для ресурсных территорий. Ключевые экологические проблемы связаны с состоянием лесных ресурсов, качеством воды в Байкале, а также с выбросами загрязняющих веществ от промышленных предприятий [3, с. 22–24].

Особую остроту в последние годы приобрела проблема лесных пожаров. По данным, озвученным на встрече руководителя Рослесхоза Ивана Советникова и первого заместителя губернатора Иркутской области Романа Колесова в мае 2026 г., горимость лесов в регионе демонстрирует значительную положительную динамику. С начала пожароопасного сезона 2026 г. зафиксировано 115 пожаров на площади 3738,6 гектара, что почти в три раза меньше показателей аналогичного периода 2025 г., когда было зарегистрировано 322 пожара на площади 11 058,9 гектара. При этом 95,7 % возгораний были ликвидированы в течение первых суток [6].

Водные объекты также остаются в фокусе внимания. В 2025 г. федеральное агентство «Росводресурсы» подтвердило выделение Иркутской области средств на берегоукрепление оз. Байкал в г. Байкальске. Предельная стоимость проекта составляет 1,12 млрд руб., он предусматривает

укрепление береговой линии общей протяженностью 2,8 км. Срок реализации – до 2030 г. [9].

Формальные механизмы диалога

Взаимодействие бизнеса и власти в регионе институционализировано через несколько каналов. Во-первых, это соглашения о социально-экономическом сотрудничестве между правительством области и крупными компаниями. Во-вторых, регулярные рабочие встречи представителей бизнеса, глав муниципальных образований и профильных министерств. В-третьих, участие компаний в реализации федеральных и региональных экологических программ.

Примером такого взаимодействия может служить встреча губернатора Игоря Кобзева с заместителем министра природных ресурсов и экологии РФ Максимом Корольковым в июле 2025 г. На ней обсуждалось исполнение мероприятий федерального проекта «Вода России» нацпроекта «Экологическое благополучие», включая строительство и реконструкцию канализационных очистных сооружений (КОС) в Байкальске и Слюдянке [1]. Кроме того, в мае 2025 г. состоялось совещание губернатора с руководителем Росводресурсов Дмитрием Кирилловым, по итогам которого было подтверждено финансирование берегоукрепления Байкала [9].

Индикаторы влияния диалога на экологическую повестку

Крупный бизнес, представленный в регионе, демонстрирует публичные экологические обязательства. Иркутская нефтяная компания (ИНК) имеет комплексную экологическую программу. По итогам 2025 г. ИНК вошла в тройку лидеров среди 20 компаний нефтяной отрасли в рейтинге по сохранению биоразнообразия, заняв общее 7-е место среди 60 участников [5].

С 2023 г. в компании реализуется Программа сохранения биологического разнообразия с конкретным планом мероприятий, масштабированная в 2025 г. на все объекты и участки недр. В 2025 г. ИНК высадила более 1,5 млн саженцев хвойных пород на общей площади 775 га в регионах присутствия, включая Иркутскую область [4]. За шесть лет компания высадила свыше 10,7 млн деревьев на площади более 5,3 тыс. га [4].

Исполнение заявленных обязательств подтверждается конкретными результатами. Приживаемость лесных посадок ИНК составляет 95–100 %, агротехнический уход осуществляется в течение трех лет после посадки [4]. В 2025 г. компания выполнила комплекс работ по уходу за лесными культурами на площади 1,2 тыс. га [4].

На региональном уровне также фиксируется прогресс. В рамках федерального проекта «Вода России» в Иркутской области готовится строительство новых КОС в Слюдянке и реконструкция существующих сетей в Байкальске. Заявка на федеральное финансирование уже направлена в Минприроды РФ [1]. Также готов к реализации проект ликвидации крупной свалки в пади Талая (Слюдянка) стоимостью около 460 млн рублей [1].

Положительная динамика в борьбе с лесными пожарами также может рассматриваться как результат системной работы региональных властей и

усиления контроля. С начала сезона 2026 г. государственными лесными инспекторами выявлено 216 нарушений правил пожарной безопасности, составлено 216 протоколов, вынесено 122 предупреждения и наложены штрафы [6]. Сводный план тушения пожаров на 2026 г. предполагает привлечение более 6 тыс. человек и 3 тыс. единиц техники [6].

Барьеры и ограничения влияния

Несмотря на позитивные примеры, реальное влияние диалога бизнеса и власти на экологическую повестку сталкивается с рядом барьеров.

Во-первых, сохраняется зависимость экологической динамики от внешних факторов, включая погодные условия. Руководство региона признает, что снижение горимости лесов в 2026 г. отчасти связано с погодным фактором [6].

Во-вторых, многие экологические проекты находятся на стадии планирования или заявок. Ликвидация свалки в пади Талая требует федерального финансирования, а строительство КОС в Байкальске и Слюдянке только запланировано на период 2025–2030 гг. [1]. Запуск мусороперерабатывающего объекта в Эхирит-Булагатском районе мощностью 24 тыс. т отходов в год ожидается только к 2028 г. [1].

В-третьих, формат взаимодействия не всегда предполагает публичную отчетность о степени выполнения экологических обязательств бизнеса, что затрудняет независимую оценку эффективности диалога.

Психологическое измерение диалога бизнеса и власти в ресурсном регионе

В процессе деловой коммуникации участники сталкиваются с барьерами трех типов: социокультурными (стереотипы, предрассудки, групповое мышление), психологическими (враждебность, недоверие, отсутствие интереса, искаженное восприятие) и организационными (статусные различия, отсутствие эффективных каналов связи) [10, с. 98–100]. Эти барьеры могут блокировать конструктивный диалог даже при наличии формальных механизмов взаимодействия.

Асимметрия отношений и неформальные практики

Исследования показывают, что крупный бизнес в российских регионах обладает значительными ресурсами, что делает его «важным политическим и социальным актором» [11, с. 4]. Если одна компания обеспечивает 60–75 % налоговых поступлений в бюджет (как в ряде ресурсных регионов), ее влияние на региональную политику становится определяющим. Это порождает статусную асимметрию: власть оказывается в зависимом положении, что искажает реальный диалог – он перестает быть равноправным.

Эта асимметрия усугубляется неформальным характером взаимодействия. Бизнес ориентируется «в основном на неформальные взаимодействия с местными властями» [13, с. 4]. Крупные предприниматели предпочитают договариваться с чиновниками через пул «своих людей», а не через публичные процедуры [12]. В условиях, где «все друг друга знают», фор-

мальные механизмы диалога (советы, рабочие группы) подменяются личными договоренностями.

Проявление в Иркутской области

Применительно к Иркутской области (ресурсному региону с высокой концентрацией крупного бизнеса) эти психологические механизмы работают следующим образом. Высокая доля крупного бизнеса в экономике создает статусную асимметрию, затрудняющую равноправный диалог. Власть оказывается в позиции «просителя», что порождает эффект размытой ответственности за экологию. Преобладание неформальных практик согласования решений (в том числе экологических) снижает прозрачность и подотчетность. Бизнес не доверяет даже коллегам, предпочитая действовать в одиночку [12]. Это блокирует формирование коллективной экологической ответственности. Многолетнее нерешение экологических проблем формирует у всех сторон пессимистический прогноз и снижение мотивации к реальным действиям.

Психологические барьеры в сочетании с неформальными практиками взаимодействия создают системное препятствие для эффективного диалога бизнеса и власти в ресурсном регионе. Преодоление этого препятствия требует не только институциональных изменений (публичность, отчетность), но и целенаправленной работы с доверием и коммуникативными практиками.

Выводы

Проведенное исследование показало, что диалог бизнеса и власти в Иркутской области влияет на экологическую повестку, однако это влияние остается ограниченным. Формальные механизмы (соглашения, рабочие группы) существуют, крупный бизнес демонстрирует реальные результаты: высадка 1,5 млн деревьев в 2025 г., снижение лесных пожаров в три раза к маю 2026 г., финансирование берегоукрепления Байкала (1,12 млрд руб.). Однако многие проекты находятся на стадии заявок, экологические обязательства часто носят рамочный характер, а публичная отчетность недостаточна.

Анализ психологического аспекта диалога власти и бизнеса выявил три типа барьеров: социокультурные (стереотипы), психологические (недоверие, избегание ответственности) и организационные (статусная асимметрия). Исследования подтверждают, что в российских регионах преобладают неформальные практики, что снижает прозрачность диалога.

Несмотря на наличие формальных механизмов и отдельных успешных кейсов, системное влияние диалога на улучшение экологической ситуации в регионе остается невысоким. Причины: длительные сроки реализации проектов, зависимость от федерального бюджета, недостаток публичности, размытая ответственность между бизнесом и властью.

Литература

1. В правительстве Иркутской области обсудили экологическое развитие региона // Комсомольская правда: сетевое издание. 2025. 30 июля. URL: https://www.irk.kp.ru/online/news/5952054/ (дата обращения: 01.06.2026).

2. Гаман-Голутвина О. В. Бизнес и власть в современной России: анатомия взаимодействия // Политические исследования. 2018. № 5. С. 8–25.

3. Грабок К. В., Зеель А. В., Ивачев К. П. Основные экологические проблемы Иркутской области, а также влияние промышленных предприятий на них // Бизнес-образование к экономике знаний. 2025. № 2. С. 21–25.

4. ИНК в 2025 году высадила более 1,5 млн хвойных деревьев в Восточной Сибири // Иркутская нефтяная компания: официальный сайт. 2025. 9 декабря. URL: https://irkutskoil.ru/press-center/news/ink-v-2025-godu-vysadila-bolee-15-mln-khvoynykh-dereviev-v-vostochnoy-sibiri/ (дата обращения: 01.06.2026).

5. ИНК вошла в тройку лидеров отрасли по сохранению биоразнообразия // Иркутская нефтяная компания: официальный сайт. 2026. 22 янв. URL: https://irkutskoil.ru/press-center/news/ink-voshla-v-troyku-liderov-otrasli-po-sokhraneniyu-bioraznoobraziya/ (дата обращения: 01.06.2026).

6. Иркутская область усиливает борьбу с лесными пожарами в 2026 году // МК-Байкал : сет. изд. 2026. 29 мая. URL: https://baikal.

7. mk.ru/social/2026/05/29/irkutskaya-oblast-usilivaet-borbu-s-lesnymi-pozharami-v-2026-godu.html (дата обращения: 01.06.2026).

8. Экологическая политика России в исторической ретроспективе: периодизация, особенности и стратегические направления развития (Часть 1) / И. Н. Ленков, М. А. Сухарева, М. А. Гришина, А. А. Морозова // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22, № 3. С. 194–214.

9. Пилясов А. Н. Политическая экономия ресурсного региона: теория и российская практика // Регион: Экономика и Социология. 2018. № 4 (100). С. 3–34.

10. Росводресурсы направят до 1,12 млрд руб. на укрепление берега Байкала в Иркутской области // Интерфакс : информ. агентство. 2025. 20 мая. URL: https://www.interfax-russia.ru/siberia/rosvodresursy-napravyat-do-1-12-mlrd-rub-na-ukreplenie-berega-baykala-v-irkutskoy-oblasti (дата обращения: 01.06.2026).

Business-Government Interaction in a Resource Region: The Impact of Dialogue on the Environmental Agenda of the Irkutsk Region

A. R. Salonin

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the problems of business-government interaction in a resource region (using the Irkutsk region as an example) and its impact on the environmental agenda. The relevance is justified by the gap between formal dialogue mechanisms and the lack of tangible environmental changes. The characteristics of a resource region are highlighted, scenarios of dialogue influence are analyzed, as well as psychological barriers and informal practices that reduce the effectiveness of interaction. The conclusion is made about the limited systemic influence of dialogue on the environmental situation.

Keywords: business-government interaction, resource region, environmental agenda, Irkutsk region, psychological barriers, environmental policy.

Экологическая адаптация первокурсников на Байкале: ресурсный потенциал профсоюзной организации вуза

Т. Д. Азатян

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматривается проблема недостаточного использования природно-ресурсного потенциала оз. Байкал в программах социальной адаптации студентов первого курса, реализуемых профсоюзными организациями вузов г. Иркутска. Обосновывается необходимость внедрения экологического блока в выездные адаптационные школы на Байкале как инструмента сплочения студенческих групп, формирования экологической ответственности и повышения эффективности адаптационных процессов. Представлен теоретический анализ подходов к пониманию социальной адаптации первокурсников и восстанавливающего потенциала природных ландшафтов, а также практические рекомендации по организации адаптационных выездов с экологической составляющей. Приводятся результаты авторского анкетирования, подтверждающие высокую заинтересованность студентов в экологически ориентированных мероприятиях на Байкале.

Ключевые слова: социальная адаптация, первокурсники, профсоюзная организация, Байкал, экологическое просвещение, природные ресурсы, сплочение коллектива, профилактика дезадаптации.

Проблема социальной адаптации студентов первого курса является одной из ключевых в современном высшем образовании. Переход из школьной среды в вузовскую сопровождается комплексом трудностей: смена социального окружения, новые требования к самоорганизации, необходимость выстраивания коммуникаций в незнакомом коллективе, повышенная учебная нагрузка. Как показывают исследования, до 40 % первокурсников испытывают высокий уровень тревожности в первые месяцы обучения, а каждый пятый студент задумывается о смене вуза или прекращении обучения именно в этот период.

В этих условиях профсоюзные организации высших учебных заведений традиционно выступают важным институтом, обеспечивающим поддержбу первокурсников через проведение мероприятий, тренингов и выездных адаптационных школ. Однако существующие адаптационные программы преимущественно ограничиваются городскими мероприятиями и внутривузовскими выездами, не используя в полной мере уникальный природный ресурс – оз. Байкал, расположенное в непосредственной близости от г. Иркутска.

Профсоюзная организация студентов ИГУ (ППОС ИГУ) обладает собственной базой отдыха на берегу Байкала, где регулярно проводятся обучающие выезды для актива, школы профсоюзного лидерства и командообразующие тренинги. Однако, как показывает практика, адаптационный потенциал самой природной среды и возможность формирования экологической культуры у первокурсников используются далеко не в полной мере. Первокурсники воспринимают Байкал преимущественно как живописное

место для отдыха, не получая системных знаний о его уникальной экосистеме и не вовлекаясь в природоохранную деятельность.

Таким образом, возникает **научно-практическая проблема**: каким образом профсоюзная организация вуза может использовать природные ресурсы Байкала как инструмент социальной адаптации студентов первого курса через внедрение экологической составляющей в адаптационные программы?

Теоретические основы исследования

Социальная адаптация первокурсников в психолого-педагогической науке понимается как процесс активного приспособления студента к новой образовательной среде, включающий усвоение норм и ценностей вуза, установление межличностных отношений, формирование позитивной академической мотивации. Как отмечает Т. А. Ветошкина, наиболее эффективными являются адаптационные программы, сочетающие информационный, коммуникативный и деятельностный компоненты.

С точки зрения деятельностного подхода (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн), личность формируется и развивается в процессе активной социально значимой деятельности. Совместная деятельность, направленная на достижение общего положительного результата, является наиболее эффективным средством сплочения коллектива и преодоления коммуникативных барьеров. В контексте адаптации первокурсников такой деятельностью может стать совместная природоохранная работа на Байкале.

Доктор психологических наук, профессор Иркутского государственного университета Александр Карнышев в своих работах по байкалотерапии доказывает, что озеро Байкал представляет собой «место силы», обладающее способностью «одушевляться и эффективно оздоравливать людей». Ученый рассматривает различные аспекты улучшения душевного комфорта средствами ландшафтов, флоры и фауны Священного моря. Эта интуитивная убежденность в целебной силе байкальской природы получает научное подтверждение в теории восстановления внимания (Attention Restoration Theory), разработанной Рэйчел и Стивеном Капланом, согласно которой природные ландшафты обладают четырьмя ключевыми свойствами для восстановления психики: ощущением ухода от повседневных забот, мягким очарованием, обширностью и совместимостью с внутренними потребностями человека. Байкал в полной мере воплощает все эти характеристики, создавая идеальную среду не только для психологической разгрузки, но и для сплочения коллектива.

Экологическая составляющая как адаптационный ресурс

В целях решения обозначенной проблемы предлагается внедрить в адаптационные программы профсоюзной организации **экологический блок**, реализуемый на базе отдыха ППОС ИГУ на озере Байкал. Данный блок должен включать три основных компонента:

1. Образовательный компонент (лекционно- дискуссионный). Вводный лекторий об уникальности озера Байкал (эндемики, возраст, объем пресной воды, правовой статус); информационная сессия о природо-

охранном законодательстве и особом режиме охраны Байкальской природной территории; обсуждение современных экологических угроз для Байкала и возможностей личного участия в их решении.

2. Практико-ориентированный компонент (природоохранная деятельность). Участие в экологических акциях: очистка берега от мусора, раздельный сбор отходов на базе отдыха, обустройство экологических троп; экологические квесты, направленные на закрепление знаний о флоре и фауне Байкала; практикум по наблюдению за состоянием прибрежной территории.

3. Проектный компонент (конкурс инициатив). Конкурс экологических проектов среди первокурсников (предложения по улучшению экологической обстановки в общежитиях, вузе, городе); реализация лучшего проекта в течение учебного года при поддержке профсоюзной организации (например, установка контейнеров для раздельного сбора отходов, создание информационного стенда об экологии Байкала в корпусе вуза, организация экологической волонтерской группы).

Эмпирическое обоснование

Значимость экологически ориентированных адаптационных программ на Байкале подтверждается результатами проведенного автором анкетирования среди студентов первого курса ИГУ (выборка – 67 респондентов, октябрь-ноябрь 2025 г.).

Основные результаты:

- 74,6 % первокурсников отметили, что испытывают трудности в адаптации к вузовской среде (высокий уровень тревожности, сложности в общении с однокурсниками, неуверенность в своих силах).
- 88,1 % опрошенных выразили желание принять участие в выездной адаптационной программе на Байкале.
- 83,6 % студентов считают, что совместная экологическая деятельность (уборка берега, экологические квесты) способствует сплочению коллектива быстрее, чем традиционные тренинги в аудитории.
- 91,0 % респондентов признали Байкал территорией, способствующей восстановлению психологического здоровья и формированию доверительных отношений в группе.
- 76,1 % первокурсников заявили, что после участия в экологической акции на Байкале стали более ответственно относиться к природе в целом.

Таким образом, полученные данные подтверждают высокую востребованность экологически ориентированных адаптационных программ среди первокурсников и свидетельствуют о значительном потенциале Байкала как ресурсной территории для сплочения студенческих групп.

Практические рекомендации

На основании теоретического анализа и эмпирических данных предлагаются следующие практические рекомендации для профсоюзной организации ИГУ:

1. Разработать и внедрить ежегодную трехдневную выездную адаптационную школу для первокурсников «Байкал – территория единства» (сентябрь-октябрь) с обязательным включением экологического блока.

2. Обучить тьюторов и кураторов из числа студентов старших курсов методикам проведения экологических квестов и организации природоохранных акций.

3. Установить партнерские отношения с Прибайкальским национальным парком или Байкальским заповедником для привлечения экспертов к проведению образовательной части программы.

4. Включить в программу школы конкурс экологических проектов с последующей поддержкой лучших инициатив на уровне вуза.

5. Проводить предвыездное и после выездное анкетирование для оценки эффективности адаптационных мероприятий.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Природные ресурсы озера Байкал обладают значительным, но недостаточно используемым потенциалом для социальной адаптации студентов первого курса.

2. Профсоюзная организация вуза, располагая собственной базой отдыха на Байкале, имеет все необходимые ресурсы для проведения выездных адаптационных школ с экологической составляющей.

3. Совместная природоохранная деятельность (очистка берега, экологические квесты) выступает эффективным средством сплочения студенческого коллектива, преодоления коммуникативных барьеров и формирования доверительных отношений между первокурсниками.

4. Внедрение экологического блока в адаптационные программы способствует не только ускорению адаптации первокурсников, но и формированию у них ответственного отношения к уникальному природному объекту – озеру Байкал.

Перспективой дальнейших исследований является разработка количественных показателей эффективности экологически ориентированных адаптационных программ (индекс сплоченности группы, уровень экологической компетентности, доля студентов, продолживших участие в природоохранной деятельности после выезда), а также тиражирование предложенной модели в других вузах Байкальского региона.

Литература

1. Layton E., Collins K. Advancing through retreating: self-care among helping practitioners // Social Work/Maatskaplike Werk. 2004. Vol. 40, N 4. https://doi.org/10.15270/40-4-326

2. Attention Restoration Theory: A systematic review of the attention restoration potential of exposure to natural environments / H. Ohly [et al.] // J Toxicol Environ Health B Crit Rev. 2016. Vol. 19, N 7. P. 305–343. DOI: 10.1080/10937404.2016.1196155.

3. Карнышев А. Д. Байкалотерапия: ресурсы природы для психологического здоровья. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. 323 с.

4. Ветошкина Т. А. Социальная адаптация студентов в условиях высшей школы // Педагогическое образование в России. 2015. № 6. С. 45–49.

Environmental Adaptation of First-Year Students on Lake Baikal: Resource Potential of a University Trade Union Organization

T. D. Azatyan
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article addresses the problem of insufficient use of the natural resource potential of Lake Baikal in social adaptation programs for first-year students implemented by trade union organizations of universities in Irkutsk. The author substantiates the necessity of introducing an environmental block into outdoor adaptation schools on Lake Baikal as a tool for uniting student groups, forming environmental responsibility, and increasing the effectiveness of adaptation processes. A theoretical analysis of approaches to understanding the social adaptation of first-year students and the restorative potential of natural landscapes is presented, along with practical recommendations for organizing adaptation trips with an environmental component. The results of the author's survey are presented, confirming the high interest of students in environmentally oriented activities on Lake Baikal.

Keywords: social adaptation, first-year students, trade union organization, Baikal, environmental education, natural resources, team building, prevention of maladaptation.

РАЗДЕЛ 7

ПРОЯВЛЕНИЯ ЭТНИЧНОСТИ И ПОЛИЭТНИЧНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Из истории изучения полиэтничности на берегах Байкала: дети эвенков

Н. Ю. Стоюхина, Д. В. Миронов

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород

Аннотация. Делается обзор некоторых педологических работ, в рамках которых проводились исследования детей, проживавших в районах, прилегавших к Байкалу. Предлагается краткое описание биографии и творчества одной из малоизвестных педологов – Анны Михайловны Шуберт, посвятившая часть своих трудов исследованию детей эвенков, ойрот, бурят, русских сибиряков и др., а именно их соматическому здоровью, выносливости, утомляемости, мировоззрению, одаренности и др. Отмечен вклад А. М. Шуберт в разрешении вопросов педологии, психологии, тестологии.

Ключевые слова: история психологии, педология, эвенки, изучение детской психики.

Об уникальности озера Байкал и прилегающих к нему районов, населенных коренными народностями – бурятами, эвенками (тунгусами), а также русскими, создавшими уникальную культуру, написано много и многими.

Изучение народностей, живущих вокруг озера Байкал, особенно активно проводилось в 1920–30-е гг., и среди крупных этнографов, значительно повлиявших на создание соответствующих организаций, имена отцов-основателей ленинградкой этнографической школы и неразрывно связанного с ней североведения Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза, звучат особенно громко. Антрополог Е. В. Лярская посвятила свою статью истории ленинградской этнографической школы 1920–1930-х гг., где перечислила созданные В. Г. Богоразом или при его участии этноотделение Ленинградского университета, Институт народов Севера, Научно-исследовательскую ассоциацию Института народов Севера, северное отделение Ленинградского государственного педагогического института, показав, как они были соединены в «продуманную и интегрированную систему, созданную для того, чтобы теоретическое изучение Севера было неразрывно связано с решением практических задач по преобразованию жизни в этом регионе» [3, с. 142]. Автор подчеркивает, что «подход Богораза объединял этнографические, антропологические, лингвистические, искусствоведческие и педологические исследования на северном материале: эти направления сосуществовали и взаимодействовали в рамках одного учреждения, часто этим занимались одни и те же люди» [Там же, с. 169].

Тут есть с чем согласиться. В начале XX в. во всем мире начала развиваться педология – наука, комплексно изучавшая психические особенности детей. В Советском Союзе педология словно обрела второе дыхание – открывались лаборатории, кабинеты, научно-исследовательские институты, курс педологии ввели в педагогическое образование.

Одним из направлений советской педологии в 1920–1930-х гг. была педология национальных меньшинств, или педология национальностей. Педологи изучали психику ребенка «национальных окраин», пытались установить единый стандарт интеллектуального развития, пытаясь найти подходящие унифицированные методики психометрических исследований, чтобы внедрить одинаковое для всех детей Советского Союза всеобщее образование. Нацпедология существовала совсем короткий период как составляющая советской педологии, у которой самой был короткий век – чуть больше трети века, но по своему замыслу, пути с резкими поворотами в стороны, реальным результатам, нацпедология, безусловно, достойна подробного описания [3; 5; 6]. Литературы по этому вопросу написано не так много, но, несомненно, важной (и пока единственной) библиографической работой является статья по кросскультурной тематике А. Ясницкого [11]. Среди списка педологических работ по изучению детей национальных меньшинств обращает на себя внимание группа авторов (и работ), изучавших психическую жизнь детей-тунгусов и бурятских детей: Буланов И. Материалы по изучению поведения ребенка-тунгуса (1930); Гранат Е. Е. Состояние и заболеваемость детей Бурят-Монголии (1929); Гранат Е. Е. Обзор материалов научной экспедиции по изучению детей Бурят-Монголии (1930); Гранат Е. Е., Загоржельская Е. И. Медико-педологическая экспедиция в Бурят-Монголию (1930); Гранат Е., Загоржельская Е. Бурятские дети: Труды научной экспедиции Наркомздрава и деткомиссии ВЦИКа по изучению состояния здоровья и заболеваемости детей Бурят-Монгольской АССР (1931); Усова К. И. Ребенок-тунгус в школе (1930). Заметная часть принадлежит перу А. М. Шуберт: Шуберт А. М. Проблема среды и воспитания в условиях жизни нацмен (1926); Шуберт А. М. Опыт педолого-педагогических экспедиций по изучению народов далеких окраин (1930); Schubert A. Drawings of Orotchen Children and Young People (1930); Шуберт А. М. Проблемы педологии национальностей (1931); Шуберт А. М. Изобразительные способности у детей эвенков (тунгусов) (1935).

Небольшая информация о малоизвестном педологе Анне Михайловне Шуберт и ее вкладе в изучение педологии национальностей будет *целью* нашей статьи. Исследование проведено в рамках истории психологии, одной из ее составляющих – истории педологии. Мы сохранили специфическую научную лексику 1920–1930-х гг., сейчас представляющуюся не столь корректной, однако, сохраненная в тексте, она способна характеризовать исследуемую эпоху.

Анна Михайловна родилась 8(21) декабря 1881 г. в семье мануфактурщиков Поповых – владельцев Ивановской суконной фабрики под Воскресенском (ныне – г. Истра Московской области), многочисленных магазинов и гостиницы «Лоскутная», располагавшейся на Охотном ряду [8, с. 5]). Образование в семье ценилось, и среди ее близких родственников, наверное, самые известные – двоюродный брат Павел Сергеевич Попов, близкий друг и первый биограф М. А. Булгакова, профессор логики, а так-

же двоюродная сестра Любовь Сергеевна Попова, живописец и график русского авангарда, художница театра, одна из первых советских дизайнеров.

Анна Михайловна училась в Московской 1-й женской гимназии Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны на Страстном бульваре в 1891–1899 гг. По ее личным воспоминаниям, как ученица, она не была отмечена выдающимися способностями, но, как все девочки, увлекалась рисованием, музыкой, театром, танцами. «У нас в женской гимназии во главе угла стояли новые языки <…> Естественные науки проходили недурно, если не считать того, что в зоологии и анатомии опускались главы о пищеварении. А главы о размножении вообще не было. В старших классах гимназии недурно проходили историю по Виноградову, а в средних классах – по Иловайскому. <…> Воспитание в гимназиях сводились к поддержанию внешней дисциплины. Воспитание в духе “православия, самодержавия и народности” носило внешний характер и являлось пустой формой. Религиозное воспитание в гимназиях сводилось к тому, что велись священниками обязательные уроки закона Божьего» [Там же, с. 376–377].

Целый год после окончания гимназии ушел на поиск своего пути, да и выбор образования для женщин не привлекал Анну Михайловну – Медицинский и Педагогический институты, «Коллективные женские курсы», Петровская (Тимирязевская) академия, где, по ее словам, содержание характеризовалось словами – «всякого жита по лопате». Все же Шуберт поступила на только что открывшиеся Высшие женские курсы В. И. Герье, выбрав историко-филологический факультет, «но и там оказалось “всякого жита по лопате”, т. е. отсутствовал определенный профиль» [Там же, с. 391]. Ее привлекала философия и психология, «но пестрота программы сбивала с толку. Получалось впечатление, что на этом факультете занимаются барышни, которым нечего делать и которые ничем не собираются серьезно заниматься в будущем» [Там же]. Поэтому осенью 1902 г. она уехала в Цюрихский университет учиться на философском факультете. Кроме интереса к философии у Анны Михайловны был еще один мотив для отъезда из привычной Москвы – «спастись от домашнего купеческого окружения» [Там же, с. 393]. Серьезные занятия философией сочетались с общением с молодежью из революционно настроенной русской колонии; «студенчество из России состояло главным образом из еврейской молодежи, не допущенной в русские университеты ограничительной нормой. Молодежь эта была материально плохо обеспеченной, шумной, беспорядочной, глубоко презираемой коренным швейцарским населением и сплошь революционно настроенной» [Там же, с. 396). Анна Михайловна отчасти поддалась революционным настроениями и, приезжая на каникулы, привозила в Москву отпечатанную на папиросной бумаге газету «Искра». Но декабрьское восстание 1905 г. она встретила растерянностью, «сознавала, что надо в чем-то принять активное участие, но как, с кем – хорошо не знала. Кончилось тем, что поздней осенью трусливо сбежала в Цюрих» [Там же, с. 397]. Результатом учебы в Швейцарии стала докторская диссертации

«Die Psychologie von Bonnet und Tetens, mit besonderer Berücksichtigung des methodologischen Verfahrens derselben: historisch-psychologische Studie» (1906), руководил которой Э. Мейман [12, с. 176].

После окончания университета в 1909 г. и возвращения в Россию начались поиски работы, профессии психолога еще не было, но выручило знакомство с психиатром Н. А. Бернштейном, читавшим курс клинической психологии врачам в психиатрической клинике при Центральном Полицейском приемном покое. Он был озабочен внедрением психологического знания в школы и психиатрические учреждения, и знание Анной Михайловной новых методов экспериментально-психологического измерения умственного уровня детей пришлось Бернштейну и его коллегам-психиатрам (Г. И. Россолимо, М. О. Гуревичу, В. П. Кащенко) как нельзя кстати. Шуберт опробовала метод Бине при исследовании русских детей и выступила с докладом «Опыт применения системы Бине к исследованию русских дефективных детей» на Первом Всероссийском съезде по экспериментальной педагогике (26–31 декабря 1910 г., С.-Петербург). Как вспоминала Анна Михайловна, «тема была модная. Успех мой на съезде был ошеломляющим. <…> Имя мое в психиатрии с тех пор сразу упрочилось» (8, с. 398). М. Ю. Сорокина справедливо называет Шуберт первым русским психологом, осуществившим тестирование русских детей на основе шкалы Бине-Симона [12, с. 175]. Своего руководителя профессора Э. Меймана она не забывала, посвятив ему две работы в журнале «Психология и дети», который она же и редактировала (Там же).

Годы Первой мировой войны она назвала суматошными и бестолковыми: занятия общественной деятельностью, работа в военных госпиталях, помощь пленным австрийцам (из-за знания языка), но психологии в то время места не нашлось… Февраль 1917 г. был встречен Анной Михайловной с большими надеждами, а вот октябрьские события 1917 г. вызвали неприятие позиции В. И. Ленина, а также лозунгов «Вся власть советам» и «Война до победного конца». До весны 1918 г. Анна Михайловна, по ее словам, не работала, затем, осознав, что «вопрос политической борьбы решен бесповоротно, пошла на советскую службу» [8, с. 493]. Она участвовала в организации учреждений для «дефективных детей».

В найденных нами 42 ее работах значительная часть показывает Анну Михайловну как тестолога. Действительно, таких специалистов в 1920-е гг. в Советском Союзе было немного.

В 1927 г. психологи, педологи, психотехники стали чаще говорить о новом методе, который активно использовался за границей, а в СССР к нему относились с сомнениями. Психологи-тестологи во главе с П. П. Блонским приняли решение о создании при Институте методов школьной работы Московского тестологического объединения для решения информационной и популяризаторской задач. На первом заседании 1 июня 1927 г. выбрали редакционную комиссию и организационное бюро, куда вошли М. С. Бернштейн, П. П. Блонский, М. И. Зарецкий, А. А. Смирнов,

А. М. Шуберт. Тестологическое объединение имело свой печатный орган – непериодическое издание «Тесты (теория и практика)», выходившее по мере накопления материала. Вышло всего три сборника, его авторами стали психологи из Москвы, Ленинграда, Украины [5, с. 64–65]. Работы А. М. Шуберт были во всех сборниках, но они также выходили в журналах «Педология», «Психология» и отдельными изданиями.

Как пишет М. Ю. Сорокина, Анна Михайловна работала консультантом и преподавателем Института дефективного ребенка, в Детской психоневрологической клинике при Государственном медико-педологическом институте Народного комиссариата здравоохранения и в Педологическом институте Народного комиссариата по просвещению [12, с. 177].

На рубеже 1920–1930-х гг. Анна Михайловна заинтересовалась вопросами нацменпедологии, начало которой было отмечено решением об организации в 1925 г. исследовательского института по изучению нацмендетей и нацмен-школ. «Дело сдвинулось с мертвой точки только в 1929 г. Тогда нацмен-секция в Институте научной педагогики получила две ставки, которые были поделены на пятерых научных сотрудников. Весной 1929 г. группа студентов-педологов Второго Московского государственного университета поехала на практику в Северобайкальский район (в настоящее время входит в Республику Бурятия) и Ойротию (современный Горный Алтай). Во время Всесоюзного съезда по изучению поведения человека (25 января – 2 февраля 1930 г.) инициативная группа работников Института методов школьной работы и Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской созвала совещание, целью которого было обсуждение вопроса о координации педологической работы среди нерусских народов страны. На нем присутствовали представители Азербайджана, Крыма, Узбекистана и Казахстана» [7, с. 53].

На оживившуюся работу в области нацменпедологии Анна Михайловна откликнулась методологической статьей, где обозначила множество актуальнейших проблем этой области знания, и первой из них было название, которое не было единым для всех – «педология нацмен», «нацменпедология», «педология национальная», «педология расовая» и т. д. Сама исследовательница понимала под термином «педология национальностей» «круг проблем, относящийся к так называемым «национальным меньшинствам», живущим в условиях сравнительно отсталого хозяйства» [9, с. 56]. Как тогда считали, в результате соцстроительства национальности переходят из условий отсталого хозяйства, культуры и быта в условия высоко развитых форм социалистического строя [Там же], поэтому важно зафиксировать, как адаптируется «невропсихический организм отдельных национальностей к такой ломке их уклада, и в каком отношении должны быть учтены их особенности при построении применяемых в отношении к ним методов работы» [Там же].

Ниже представлены наиболее часто формулировавшиеся проблемы, которые приходилось исследовать педологам:

– соматическое здоровье контрастных средовых детских групп (например, кочевые и оседлые народности);

– конституциональные типы среди «детей националов»;

– сроки наступления полового созревания и связанные с ними перемены в поведении подростков;

– национальные особенности речи (конкретность, образность, эмоциональность и др.);

– понимание рисунка, особенно перспективного;

– выносливость, утомляемость;

– кругозор и мировоззрение;

– специальные виды одаренности: графическая, музыкальная, математическая, техническая и т. д. [9, с. 56].

Ситуация осложнялась отсутствием тестов для «народов далеких национальных окраин». К тому же не было ответов на такие важнейшие методолого-методические вопросы, как:

– какой метод исследования выбрать;

– должен ли исследователь быть той же национальности, что и испытуемые;

– как влияет на результаты использование при испытаниях и опросах неродного языка ребенка;

– нужно ли сочетать в экспедициях исследовательскую, воспитательную, культурно-просветительскую и производственную работы и т. д. [Там же, с. 59].

Именно в это время и на материале изучения психики детей коренных народов у педологов (психологов) возникли вопросы этики и слабые попытки найти ответ на них. Сейчас, через много десятилетий, нам понятно, что «развитие психологической практики влечет за собой не только профессиональные, но и этические проблемы. …Приложение научных знаний к самому человеку выводит этическую проблематику науки на принципиально новый уровень: что хорошо и что плохо для человека и человечества, как сбалансировать индивидуальные, групповые и общественные ценности?» [2, с. 12]. Кстати, ответы на многие этические вопросы не найдены до сих пор.

В 1930 г. Шуберт «опубликовала в американском Journal of Genetic Psychology на английском языке статью Drawings of Orotchen Children and Young People (vol. 37, № 2, 1930), своего рода продолжение ее работы над “меймановской” темой значения изобразительного творчества в становлении эмоциональной сферы ребенка», – пишет М. Ю. Сорокина [12, с. 178]. Действительно, летом 1927 г. в Рухловском округе (ныне – г. Сковородино Амурской обл.) в только что открытой школе-интернате педагоги собрали рисунки на свободную тему, нарисованные оленными эвенками (ороченами / орочонами). Орочоны – тунгусо-манчжурский народ, их язык представляет собой восточный диалект эвенкийского языка. Они ведут кочевой образ жизни,

занимаются охотой и оленеводством. Орочоны генетически родственны эвенкам Амурской области, Забайкальского края, Республики Бурятия.

В период собирания рисунков 2–3 % из 400 чел. оленных эвенков, рассеянных на сотни километров, могли написать фамилию, но в 1920-х гг. 50 % их детей были привлечены на учебу в школы, и грамотность в некоторых районах стала достигать 25 % [10, с. 19]. Почти все ребята впервые получили бумагу и карандаш в школе, там же увидели в учебнике изображения на плоскости, однако, их рисунки имели следующие особенности: замечательно изображены олень и лось (сохатый); преобладают рисунки свободные, но также были и копии с рисунков разных животных из учебника; все животные изображены; рисунки одного и того же ребенка в течение всего периода обучения не эволюционировали; контурный и плоскостный характер большинства рисунков; хорошо переданы движения; окружающее пространство не изображено и т. д., т. е. рисунки детей оленных эвенков являются типичными образцами натуралистических графических продукций [Там же, с. 22]. Предварительные выводы подтвердились: «превосходные натуралистические рисунки оленных эвенков принадлежат детям народа, имевшего очень примитивный религиозный культ, игравший лишь очень незначительную роль в их жизни» (Там же), и автор предположила, что в отсутствие религиозного культа сохранялось изначальное натуралистическое творчество. Шуберт считала, что эти рисунки – подлинное творчество, а не подражание каким-то готовым образцам, чем опровергала точку зрения педологов-биогенетистов, склонных рассматривать натуралистические примитивные рисунки как повторение хорошо заученных шаблонов. Особенности восприятия детей охотничьего племени (точность, ручная ловкость, наблюдательность) отразились на совершенстве форм изображаемых предметов, особенно у животных, чем «подтверждался тот факт, что производственный интерес определенным образом отражается на графическом умении» [Там же] и т. п.

Результаты исследования вдохновили А. М. Шуберт и ее коллег на дальнейший сбор рисунков детей народов мало известных культур во время педологических экспедиций, организованных Институтом марксистско-ленинской педагогики, значительно увеличив выборку и включив туда детей «горных» и «береговых» эвенков, а также детей ойрот, бурят, русских сибиряков. В результате исследования автор выяснила, что среди детей изучавшихся народов имеется чрезвычайно высокий процент выдающихся детей-рисовальщиков, значительно превышавший процент таковых у русских и особенно у детей-москвичей; было основание говорить о массовой одаренности к рисованию, а не о простом подражании детьми заученных шаблонов (особенно это относилось к оленным и оседлым эвенкам, среди которых изобразительного искусства в настоящее время не имеется вовсе); полученные рисунки были высокого качества, спонтанны и в некоторых случаях создавались без всякой предварительной тренировки [Там же, с. 31].

Больше Анна Михайловна не писала об особенностях психики детей коренных народов Сибири и Крайнего Севера. Программа изучения коренных народов в рамках нацменпедологии была свернута в начале 1930-х гг., сама же педология официально была ликвидирована в 1936 г. специальным постановлением Наркомпроса.

Шуберт переключилась на исследования по экспериментальной патопсихологии (шизофреноподобные расстройства мышления при органических поражениях мозга, особенности интеллектуальной деятельности больных во время различных реактивных состояний). К ее 80-летию коллеги опубликовали поздравление, отметив интеллектуальную активность и творческую энергию [1]. К сожалению, в настоящее время имя Анна Михайловны Шуберт известно немногим, и «в графе «кончина» продолжают ставить вопросительный знак (?) или указывать начало 1960-х гг. Между тем она тихо скончалась в Москве в 1972 г. и была похоронена на семейном участке Ваганьковского кладбища» [12, с. 179], за что мы благодарим коллег, нашедших место последнего упокоения А. М. Шуберт.

Литература

1. Шуберт А. М. (к 80-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 1961. № 6. С. 183.
2. Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Образование и конкурентноспособность нации: психологические аспекты // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 1. С. 5–15.
3. Лярская Е. «Ткань Пенелопы»: «проект Богораза» во второй половине 1920-х – 1930-х гг. // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 142–186.
4. Стоюхина Н. Ю., Абдукадирова Л. А. Национальный вопрос и метод тестов в советской педологии конца 1920-х годов: узбекский опыт // История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее / отв. ред. А. Л. Журавлев [и др.]. М. : Ин-т психологии РАН, 2023. С. 337–345.
5. Стоюхина Н. Ю., Костригин А. А., Журавлев А. Л. Труды советских психологов 1920–1930-х годов: исторический анализ // Методология советской психологии в период открытого кризиса: Антология / сост., отв.: ред. Н. Ю. Стоюхина, А. А. Костригин, А. Л. Журавлев. М. : Ин-т психологии РАН, 2022. С. 9–83.
6. Стоюхина Н. Ю., Миронов Д. В. Деятельность первых педологов Чувашской Республики по изучению представлений о социальных явлениях у школьников // Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей : сб. науч. тр. / отв. ред. Т. В. Дробышева [и др.]. М. : Ин-т психологии РАН, 2023. С. 336–344.
7. Стоюхина Н. Ю., Миронов Д. В. Первые педологи Чувашской Республики и их опыт исследования чувашских детей // Этническая культура. 2024. Т. 6, № 3. С. 52–58.
8. Суконщики Поповы: «Записки о московской жизни» и не только / вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Н. А. Круглянской ; предисл. М. С. Стукловой. М. : Рус. путь, 2010.
9. Шуберт А. Проблемы педологии национальностей // Просвещение национальностей. 1931. № 3. С. 56–59.
10. Шуберт А. М. Изобразительные способности у детей эвенков (тунгусов). Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 48 с.
11. Ясницкий А. Библиография основных советских работ по кросс-культурной психоневрологии и психологии национальных меньшинств периода коллективизации, индустриализации и культурной революции (1928–1932) // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2013. № 3. С. 97–113.

12. Sorokina M. Yu. Ernst Friedrich Meumann (1862–1915) und seine russischen Anhänger: Zur Geschichte der Pädologie in Russland am Anfang des 20. Jahrhunderts // Deutsch-russische Zusammenarbeit wissenschaftlicher und kultureller Institutionen. Vom 18. Zum 20. Jahrhundert / hgg. Ingrid Kaestner, Michael Schippan. Aachen : Shaker Verlag, 2017. S. 171–190.

From the history of studying multi-ethnicity on the shore of Baikal: evenk children

N. Yu. Stoyukhina, D. V. Mironov
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod

Abstract. This article offers an overview of some pedological studies that examined children living in areas adjacent to Lake Baikal. It also offers a brief biography and work of one little-known pedologist, Anna Mikhailovna Shubert, who devoted part of her work to studying children of the Evenki, Oirot, Buryat, Russian Siberian, and other ethnic groups, specifically their physical health, endurance, fatigue, worldview, giftedness, and other aspects. A. M. Shubert's contributions to pedological, psychological, and testological issues are noted.
Keywords: history of psychology, pedology, Evenki people, study of the child psyche.

Кросс-культурный анализ семейной поддержки в бизнес-семьях из России и Болгарии

Ю. С. Мурзина
Тюменский государственный университет, Тюмень
D. Pavlov
Университет Русе им. Ангела Канчева, Русе, Болгария

Аннотация. Исследование посвящено выявлению межкультурных особенностей семейной поддержки в сфере семейного бизнеса. Результаты показывают, что в болгарских бизнес-семьях поддержка носит инструментально-трансгенерационный характер, в российских – аффективно-коммуникативный. Выводы обосновывают меры по развитию преемственности в России.
Ключевые слова: семейная поддержка, семейный бизнес, кросс-культурный анализ, преемственность, предпринимательские намерения, Россия, Болгария.

Постсоциалистические общества России и Болгарии, несмотря на общее прошлое, демонстрируют разнонаправленные векторы трансформации института семьи. В Болгарии фиксируется ослабление традиционных семейных связей, плюрализация семейных моделей. В России традиционная семья сохраняет статус ключевой государственной ценности. При этом государственная поддержка семейного бизнеса в Болгарии реализуется с 2007 г., тогда как в России отсутствует на федеральном уровне. Проблема исследования заключается в неопределенности того, как описанные кросс-культурные различия в ценностях семьи и институциональной поддержке бизнеса связаны с характером семейных отношений в бизнес-семьях и предпринимательскими намерениями молодежи в России и Болгарии.

Целью работы является выявление межкультурных особенностей семейных отношений, выраженных в уровне и характере семейной поддержки в сфере семейного бизнеса России и Болгарии.

Как показывает теоретический анализ, в последние десятилетия в странах Европейского союза, включая Болгарию, наблюдается ряд тенденций, свидетельствующих об ослаблении традиционных семейных связей. К. Димитрова утверждает, что в Болгарии после падения социалистического режима произошла глубокая трансформация институтов брака и семьи – сдвиг от традиционных, институционально закрепленных форм брака к более индивидуализированным и гибким формам семейной жизни. По мнению автора, эти изменения связаны с секуляризацией и ослаблением влияния православной церкви на семейную жизнь, изменением гендерных ролей, влиянием западных культур через медиа и туризм. Важный вывод делает автор: в условиях социально-экономической нестабильности семья в Болгарии воспринимается как «эмоциональное убежище» и источник психологической поддержки [7].

Т. Котзева утверждает, что болгарское общество переживает плюрализацию семейных моделей, т. е. сосуществование и распространение разнообразных форм семейной жизни наряду с традиционной нуклеарной семьей [8]. Автор подтверждает тенденцию прагматизации брака в Болгарии: предпочтение однодетных семей, откладывание вступления в брак, рост сомнений в необходимости семьи – все это говорит о том, что семейное поведение определяется личными предпочтениями, а не внешними социальными обязательствами.

В российском контексте, напротив, семья признана ключевой социальной ценностью, определяющей государственную политику. Нацпроект «Семья» поддерживает и популяризирует традиционные семейный ценности: любовь, верность и взаимопонимание [6]. Согласно опросу ВЦИОМ [5], создание счастливой семьи (наряду с крепким здоровьем) россиянам видится главной жизненной целью (56 и 58 % соответственно). Абсолютное большинство выступает за сохранение традиционных семейных ценностей, культуры материнства и отцовства, поддержку многодетности (84 %). Под традиционными российскими ценностями россияне в первую очередь понимают крепкую семью (51 % ответов).

Вместе с тем исследования представлений молодежи говорят о несколько иной системе ценностей: «Студенческая молодежь в целом придерживается традиционных ценностных ориентаций, хотя экономические условия в обществе оказывают влияние на жизненные стратегии, в частности стремление к материальной обеспеченности жизни, реализации себя в профессиональной деятельности, желание сделать карьеру негативно отражается на отношении молодежи к семье и браку» [11, с. 11].

История развития предпринимательства в России и Болгарии очень похожа, поскольку наши страны имеют социалистическое прошлое. В СССР плановая экономика запрещала существование предпринимать-

ства, но ст. 17 Конституции в 1977 г. разрешала индивидуальную трудовую деятельность (бытовое обслуживание, сельское хозяйство, кустарные ремесла) – считалось, что эта деятельность не противоречит идеологии социалистического строя [2]. Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», разрешавший ведение предпринимательства, был принят 1986 г. В социалистический период в Народной Республике Болгарии аналогично была разрешена кустарно-ремесленная деятельность, реализация сельхозпродукции, бытовые услуги. В 1989 г. был принят Указ № 56 об экономической деятельности, разрешавший ведение частного бизнеса в стране, создание частных компаний и акционерных обществ. Однако с 2007 г. Болгария вступила в Европейский союз, что стало ключевой точкой для развития семейного бизнеса, так как стали доступны масштабные структурные фонды ЕС.

Важным в контексте нашего исследования является вопрос государственной поддержки и популяризации семейного бизнеса. Так, для РФ на государственном уровне не существует отдельной программы поддержки семейных компаний. Вместе с тем семейный бизнес может пользоваться мерами поддержки как МСП в рамках Нацпроекта «Эффективная и конкурентная экономика» по федеральному проекту «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Развитием семейного бизнеса в нашей стране занимается Торгово-промышленная палата РФ, под эгидой которой в 25 регионах на федеральном уровне приняты законы о поддержки семейного бизнеса [4]. В Болгарии Министерство инноваций и роста совместно с Европейским фондом конкурентоспособности реализует программу «Поддержки семейного бизнеса, предприятий креативных индустрий и ремесел» [3]. Сейчас поддержка семейного бизнеса осуществляется через общеевропейские программы и специализированные национальные фонды, которые распределяют гранты и льготные кредиты. Основным инструментом в текущем программном периоде (2021–2027 гг.) является Программа «Конкурентоспособность и инновации на предприятиях», Европейский инвестиционный фонд в Болгарии, Family Business Network Bulgaria (некоммерческая организация, которая помогает семейным фирмам находить доступ к ресурсам, консультациям и международному опыту).

В рамках нашей работы возникает несколько проблемных вопросов. Во-первых, различаются ли представления об уровне семейной поддержки у молодежи из России и Болгарии? Во-вторых, как взаимосвязаны представления о семейной поддержке с предпринимательскими намерениями и личными отношениями в семьях предпринимателей из двух стран?

Гипотезы: Н 1: уровень семейной поддержки в представлениях молодежи из России и Болгарии существенно различается. Н 2: предпринимательские намерения болгарской молодежи в сфере семейного бизнеса больше взаимосвязаны с уровнем семейной поддержки.

Процедура исследования

Для кросс-культурного исследования был разработан авторский опросник InterGen, включающий 61 вопрос [9]. Основной целью опросника является изучение межпоколенческого семейного бизнеса как инструмента управления стрессом для предпринимателей. Сбор данных производился онлайн во время занятий со студентами. Исследование проводилось в рамках проекта InterGen (University of Ruse Angel Kanchev, Bulgaria), направленного на выявление особенностей семейного предпринимательства.

Выборка исследования составила в России 212 чел. (165 женщин, 47 мужчин), средний возраст – 21 год; имеют семейный бизнес 106 чел. (23 мужчин, 83 женщины). В Болгарии 213 чел. (142 женщины, 71 мужчина), средний возраст 22,6 лет; имеют семейный бизнес 105 чел. (34 мужчины и 71 женщина). Выборка была поделена на две группы сравнения с опорой на ответы по опроснику InterGen: «есть бизнес у семьи» / «нет бизнеса у семьи».

Данные не имели нормального распределения, поэтому для выявления различий между российскими и болгарскими студентами был использован U-критерий Манна – Уитни, для оценки силы эффекта использовался коэффициент d-Коуэна, для оценки взаимосвязи использовался непараметрический Метод ранговой корреляции Спирмена. Обработка данных проходила в программе Statistica 10.0.

Результаты исследования

Представим результаты кросс-культурного сравнения уверенности молодежи в семейной поддержке, рассчитанного для общей выборки ($n = 425$). Ответы давались испытуемыми по шкале Лайкерта (1–5 баллов) на вопрос «Я убежден, что моя семья поддержит меня всегда» (рис.):

На рис. видно, что уровень медианы в двух странах одинаков ($M = 5$) и смещен вверх, что означает левую асимметрию – большинство значений высокие. Однако межквартильный размах (25–75 %) в Болгарии шире: больше разнообразие ответов. В России данные межквартильного размаха компактны – испытуемые проявляют больше согласия в ответах. Вместе с тем в России есть «выбросы», которые сигнализируют об индивидуальных случаях с аномально низкой семейной поддержкой. Статистическое сравнение значимости различий рассчитывалось U-критерием. Результаты сравнения подтвердили, что российские студенты выше оценивают безусловную семейную поддержку в своих семьях: эффект d Коуэна малый ($r = 0{,}16$), но устойчивый ($p < 0{,}001$). Это означает, что в российской выборке вера в то, что семья поддержит всегда и в любой ситуации, выражена сильнее. Гипотеза 1 подтвердилась. Данный результат согласуется с высокой ценностью традиционной семьи в российском обществе и, в целом, свидетельствует о большей сплоченности семей российских студентов.

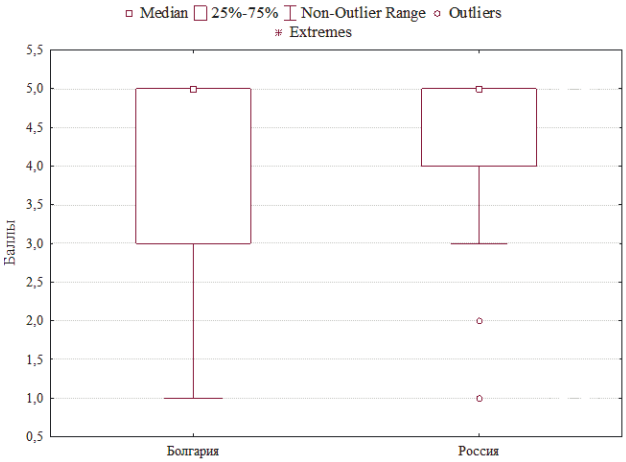

Рис. Бокс-плоты кросс-культурного сравнения семейной поддержки (вопрос «Я убежден, что моя семья поддержит меня всегда»)

С целью выявления особенности семейной поддержки в бизнес-семьях выборка была поделена на 2 группы и для дальнейшего анализа отобраны только семьи, владеющие бизнесом (в России – 106, в Болгарии – 105). Для изучения взаимосвязи переменных использовался метод ранговой корреляции Спирмена (табл.).

Таблица

Кросс-культурные особенности взаимосвязи «семейной поддержки» и характеристик семейных отношений

	Семейная поддержка	
	Россия	Болгария
Я могу убедить родителей дать мне начальный капитал для моего бизнеса	0,34**	0,54**
Я могу утверждать, что доволен своей жизнью	0,45**	0,26*
Я хотел бы иметь независимый бизнес, без взаимодействия с родственниками	0,00	-0,35**
Я хотел бы иметь с родителями бизнес разных (трех) поколений	0,23*	0,36**

Примечание: * – $p \leq 0{,}05$; ** – $p \leq 0{,}01$.

Главное отличие, которое можно выделить при сравнении особенностей семейной поддержки в бизнес-семьях – это паттерн связей: в болгарских бизнес-семьях инструментально-денежный характер ($r = 0{,}54$ «начальный капитал для бизнеса»), в российских – аффективно-коммуникативный характер ($r = 0{,}45$** «удовлетворенность жизнью»). Это может указывать на то, что в болгарском контексте семейный бизнес воспринимается как более прагматичный проект, где поддержка семьи кон-

вертируется в конкретные ресурсы. В российских бизнес-семьях эта связь также значима ($r = 0{,}34^{**}$), но слабее. Это может означать, что в России семейная поддержка воспринимается более многомерно – не только как источник денег. Самую сильную связь семейная поддержка демонстрирует с удовлетворенностью жизнью $r = 0{,}45^{**}$). В Болгарии эта связь также значима, но гораздо слабее ($r = 0{,}26^{*}$), что свидетельствует о том, что семейная поддержка в меньшей степени является источником удовлетворенности жизнью.

Особый и парадоксальный интерес представляет переменная «желание вести независимый бизнес»: в болгарских бизнес-семьях переменная имеет сильную отрицательную корреляцию ($r = -0{,}35^{**}$) – чем выше убежденность в семейной поддержке, тем меньше желание независимого бизнеса. В российской же выборке нулевая корреляция ($r = 0{,}00$) говорит о функциональной разделенности двух психологических реальностей: убежденность в том, что семья поддержит, никак не связана с желанием или нежеланием создавать собственное дело отдельно от семьи. Здесь семейная поддержка воспринимается, скорее, как безусловный эмоциональный ресурс, не налагающий обязательств перед семейным делом, что оставляет пространство для индивидуальных предпринимательских траекторий.

Важное различие обнаруживается между странами в части стратегий передачи бизнеса: болгарские бизнес-семьи ориентированы на трансгенерационную модель ($r = 0{,}36^{**}$), российские – значительно меньше ($r = 0{,}26^{*}$). Получается, в болгарских бизнес-семьях семейная поддержка активно формирует предпринимательские установки молодежи – и в позитивном ключе (бизнес в трех поколениях), и в негативном (отказ от независимости). В российских бизнес-семьях эта связь выражена слабее. Представленные данные подтверждают гипотезу 2: предпринимательские намерения болгарской молодежи в сфере семейного бизнеса больше взаимосвязаны с уровнем семейной поддержки.

Заключение

Проведенное кросс-культурное исследование позволило выявить как сходства, так и фундаментальные различия в характере семейной поддержки в бизнес-семьях России и Болгарии. Общим для обеих стран является высокий уровень убежденности молодежи в безусловной семейной поддержке, что, вероятно, обусловлено сходным социалистическим прошлым и сохраняющейся ценностью семьи как базового института (даже в условиях либерализации семейной политики в Болгарии). Однако структурные различия оказались более глубокими, чем предполагалось изначально.

В болгарских бизнес-семьях семейная поддержка имеет ярко выраженный инструментально-трансгенерационный характер: она тесно связана с предоставлением начального капитала, ориентацией на трехпоколенческий бизнес и одновременно – с отказом от независимых предпринимательских стратегий. Это позволяет говорить о формировании в Болгарии «зрелого» типа семейного коллективного субъекта, способного к долго-

срочному проектированию преемственности, но ценой ограничения индивидуальной автономии молодежи.

В российских бизнес-семьях, напротив, семейная поддержка сохраняет преимущественно аффективно-коммуникативную природу: ее сильнейшая связь обнаружена с удовлетворенностью жизнью, тогда как инструментальные и трансгенерационные связи выражены слабее. Нулевая корреляция с желанием независимого бизнеса свидетельствует о том, что российская семейная поддержка не ограничивает автономию молодых людей – потенциальные преемники семейного бизнеса независимы и свободны в выборе своей карьерной траектории. Вместе с тем это препятствует формированию устойчивых предпринимательских династий в России.

В свете представленных результатов считаем важным сделать предложения для развития семейного предпринимательства в России. Во-первых, следует уделить больше внимания популяризации в СМИ примеров успешных трехпоколенческих компаний семейного бизнеса. Во-вторых, в рамках Торгово-промышленной палаты разработать методические рекомендаций для семейных фирм по выстраиванию планов преемственности с учетом сохранения аффективной близости семьи. Предложенные меры позволят не потерять уникальное для России аффективное ядро семейной поддержки и постепенно развить недостающие инструментальные и трансгенерационные механизмы, необходимые для устойчивой преемственности семейного бизнеса.

Литература

1. Кох И. А., Резниченко Д. В., Ванаева Э. И. Ценностные ориентации и отношение к семье студенческой молодежи в условиях трансформирующегося общества // Муниципалитет: экономика и управление. 2025. № 2 (51). С. 11–19.

2. Лукашевич Д. А. Становление и развитие законодательства СССР о предпринимательской деятельности // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 2. С. 38–43. DOI: 10.24411/2073-3305-2020-10059

3. Подкрепа за семейните предприятия, предприятията от творческите индустрии и занаятите // Сайт «Министерство на иновациите и растежа». 26.08.2025. URL: https://www.mig.government.bg/programa-konkurentosposobnost-i-inovaczii-v-predpriyatiyata/novini-proczeduri-pkip/podkrepa-za-semejnite-predpriyatiya-predpriyatiyata-ot-tvorcheskite-industrii-i-zanayatite/ (дата обращения: 10.05.2026).

4. Семейное предпринимательство узаконено уже в 25 субъектах РФ. Сайт Торгово-промышленной палаты РФ. 31.03.2026. URL: https://family.tpprf.ru/families/news/8185116/ (дата обращения: 18.05.2026).

5. Семья в системе российских ценностей // ВЦИОМ. 22.11.2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei (дата обращения: 18.05.2026).

6. Человек семьей крепок: итоги нацпроекта «Семья» в 2025 году // Нацпроекты.РФ. 08.01.2026. URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/chelovek-semeyu-krepok-itogi-natsproekta-semya-v-2025-godu/ (дата обращения: 15.05.2026).

7. The Intergenerational Family Businesses as a Stress Management Instrument for Entrepreneurs / M. Bakracheva [et al.]. Academic Publisher University of Ruse “Angel Kanchev”, 2020. Vol. 1. 41 p.

8. Dimitrova E. K. Changing Norms and Values Regarding Marriage and the Family in Post-Socialist Bulgaria: Towards a New Marital Transition // Social Behaviour and Family Strategies in the Balkans (16th – 20th Centuries) / eds.: I. Băluță, C. Vintilă-Ghițulescu, M.-R. Ungureanu. Bucharest : New Europe College, 2008. P. 388–418.

9. Kotzeva T. Family Values and Family Policy Priorities in Bulgaria // Nasselenie Review. 2020. Vol. 38, N 3. P. 307–322.

Cross-Cultural Analysis of Family Support in Business Families from Russia and Bulgaria

J. S. Murzina
Tyumen State University, Tyumen
Pavlov D.
University of Ruse Angel Kanchev, Ruse

Abstract. The study aims to identify cross-cultural features of family support in the sphere of family business. The results show that in Bulgarian business families, support has an instrumental-transgenerational character, whereas in Russian business families, it has an affective-communicative character. The conclusions substantiate measures for the development of succession in Russia.

Keywords: family support, family business, cross-cultural analysis, succession, entrepreneurial intentions, Russia, Bulgaria.

Роль традиционного воспитания в формировании экологического сознания подрастающей личности (на примере Японии)

А. Н. Алексеева
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ

Аннотация. Анализируется система традиционного воспитания в Японии как фактор формирования экологического сознания подрастающей личности. На основе историко-психологического подхода выделены три главных института в формировании экологического сознания: семья, школа и общественные нормативы. Показано, как синтоистские ритуалы, практика коллективной уборки и принцип «не создавать проблем другим» («мэйваку») превращают экологическое поведение в повседневную норму. Сделан вывод о возможности адаптации отдельных элементов японского опыта в российских образовательных программах для укрепления ментального здоровья личности и развития экосообществ.

Ключевые слова: экологическое сознание, традиционное воспитание, Япония, подрастающая личность, социализация, ментальное здоровье, экосообщества.

Проблема формирования ответственного отношения к окружающей среде приобретает особую остроту в условиях глобального экологического кризиса. Многочисленные исследования фиксируют разрыв между экологическими знаниями и реальным поведением людей. Большинство признает важность охраны природы, но на практике продолжает игнорировать правила раздельного сбора мусора, экономии ресурсов и т. д. [1]. Этот раз-

рыв во многом связан с отсутствием устойчивых привычек, закладываемых с детства.

В этой связи показателен опыт Японии – страны, которая при высокой плотности населения и ограниченных природных ресурсах сумела сформировать один из самых высоких уровней экологической культуры в мире. Феномен японской чистоплотности и бережного отношения к природе давно привлекает внимание исследователей. Однако большинство работ сосредоточено на внешних проявлениях (раздельный сбор мусора, технологии переработки и т. д.) и реже обращается к глубинным механизмам – традиционному воспитанию, которое превращает экологическое поведение в само собой разумеющуюся норму [4].

Японская модель экологического воспитания имеет глубокие исторические корни. Первый пласт – религиозно-культурный, связанный с синтоизмом. Ритуалы очищения (яп. 禊 – «мисоги»), предполагавшие омовение в проточной воде и символическое избавление от скверны, сформировали устойчивую связку «чистота тела – чистота духа» [1]. Постепенно эта связка вышла за пределы храмовых практик и стала элементом повседневной гигиены и поддержания порядка в доме и общественном пространстве.

Второй пласт – историко-социальный, связанный с индустриализацией и ее последствиями. В 1960–1970-е гг. Япония пережила серию тяжелых экологических катастроф, вызванных промышленными выбросами. Именно тогда в школах и учительских сообществах стихийно возникло движение «когай кеику» – образование о промышленном загрязнении. Учителя, сами пострадавшие от загрязнения, начали разрабатывать уроки, на которых дети изучали реальные случаи отравления воды и воздуха, анализировали причины и обсуждали ответственность производства и общества [4; 7]. Этот опыт «трудного прошлого» не был забыт после принятия жестких экологических законов в 1990-е гг. Напротив, он трансформировался в системное экологическое образование, закрепленное Законом об экологическом образовании (2003 г.) и последующими государственными программами [3].

В японской семье основы экологического сознания закладываются в раннем детстве через прямое подражание родителям. Исследования показывают высокую корреляцию между экологическими установками матери и ребенка: если мать бережно относится к воде, сортирует мусор и не выбрасывает отходы мимо контейнера, ребенок усваивает это как естественный образ действий [6]. Важную роль играют семейные ритуалы – например, ежегодная генеральная уборка перед Новым годом. Она не только поддерживает чистоту, но и символически «очищает» жилище от прошлых неудач, формируя позитивное отношение к порядку [1].

Важным элементом японской школы является коллективная уборка. Ученики самостоятельно моют классы, коридоры, туалеты и даже убирают пришкольную территорию. Эта практика, восходящая к послевоенной нехватке технического персонала, сегодня осмыслена как воспитательный

инструмент. Во-первых, она стирает границу между «моим» и «общим» беспорядком: беспорядок в классе осознается учениками как их собственная проблема, а не как зона ответственности технического персонала. Во-вторых, уборка в коллективе учит договариваться, распределять обязанности и нести ответственность за результат. В-третьих, коллективная уборка создает телесный опыт – ребенок физически ощущает, сколько усилий требуется для поддержания чистоты, что снижает желание мусорить [5].

Кроме того, в средней и старшей школе активно используется курс комплексного обучения, в рамках которого ученики реализуют экологические проекты: мониторинг качества воды в местной реке, посадка деревьев, организация кампаний по сбору вторсырья [4]. Важно, что эти проекты не являются разовыми акциями – они включены в годовое планирование и завершаются публичной презентацией результатов.

Японская культура пронизана концепцией «мэйваку» (яп. 迷惑) – «не создавать проблем, неудобств другим» [1]. В контексте экологии это означает: мусорить, шуметь в природном парке или мыть машину в реке – значит наносить вред окружающим людям, которые тоже хотят жить в чистой среде. Коллективистская ориентация японского общества усиливает действие этой нормы: нарушитель рискует не столько штрафом, сколько порицанием группы – соседей, коллег или одноклассников.

Особый интерес представляет работа с «трудным прошлым» экологических катастроф. В городах, пострадавших от загрязнений в Минамата, Тояма и др., созданы школьные музеи и разработаны программы, где дети не просто изучают факты, но и общаются с выжившими свидетелями, анализируют судебные дела против компаний-загрязнителей. Этот эмоционально насыщенный опыт формирует не абстрактное, а личностно окрашенное экологическое сознание – «я не хочу, чтобы такое повторилось в моем городе» [7].

Японская модель экологического воспитания представляет собой трехуровневую систему: семья (подражание и ритуалы) – школа (коллективная уборка и проектная деятельность) – общество (норма «мэйваку» и рефлексия над «трудным прошлым») [4]. Все три уровня взаимосвязаны и подкрепляют друг друга.

Экологическое сознание в Японии формируется не через трансляцию абстрактных знаний, а через повседневные практики и телесный опыт (уборка, сортировка мусора, экономия воды), закрепленные с детства. Это обеспечивает автоматизм экологически дружественного поведения [5].

Исторически японское экологическое образование прошло путь от стихийного учительского движения к государственной системе, закрепленной законодательно. При этом эмоциональный опыт пережитых катастроф не был вытеснен, а интегрирован в учебные программы как ресурс нравственного и экологического воспитания [7].

Отдельные элементы японского опыта – в частности, регулярная коллективная уборка силами учащихся и семейные ритуалы поддержания

порядка – могут быть адаптированы в российских школах и детских садах для развития экосообществ и укрепления ментального здоровья детей (снижение тревожности через ощущение контроля над своим пространством) [1; 5].

Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ эффективности коллективной уборки и традиционных российских дежурств по классу, а также на разработку методических рекомендаций по внедрению элементов японского подхода в поликультурной среде российских регионов.

Литература

1. Фортунатов А. А. Экологическое образование в России и Японии: сравнительный анализ // Педагогика. 2019. № 4. С. 89–96.

2. Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (MEXT). Environmental Education in Japan. Tokyo, 2003. 45 p.

3. Oikawa H. Environmental Education in Japan: History and Current Issues // Japanese Journal of Environmental Education. 2016. Vol. 25, N 4. P. 3–11.

4. Nakamura T. The Role of “S”oji in Character Building of Japanese Children // Journal of Educational Research. 2018. Vol. 62. P. 55–67.

5. 田尻由美子・井村秀文.

幼児の環境意識・態度形成に影響を及ぼす母親の生活行動に関する調査研究 //

環境システム研究. 1994. Vol. 22. P. 405–412. (Тадзири Ю., Имура Х. Исследование влияния образа жизни матери на формирование экологического сознания и отношения у детей дошкольного возраста // Исследования экологических систем. 1994. Т. 22. С. 405–412).

6. 日本環境教育学会.　「黒い水事件」から公害のないまちづくりを学んだ子どもたち. 2024. 18 p. (Японское общество экологического образования. Дети, которые учились строить город без загрязнений на примере «дела о черной воде». 2024.)

The role of personality traits in the formation of adaptive coping strategies among extreme professionals

A. N. Alekseeva

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Abstract. The article analyzes the system of traditional education in Japan as a factor in the formation of “ecological consciousness”. Based on the historical-psychological approach, three main institutions are identified: family, school and social norms. It is shown how Shinto rituals, the practice of collective cleaning and the principle of “not causing problems to others” (“meiwaku”) turn environmental behavior into an everyday norm. The conclusion is made about the possibility of adapting certain elements of the Japanese experience in Russian educational programs to strengthen mental health and develop eco-communities.

Keywords: ecological consciousness, traditional education, Japan, socialization, mental health, eco-communities.

Социокультурные и экологические условия развития военного патриотизма (на примере казачества)

М. А. Кобец

Иркутский национальный исследовательский технический университет
Иркутск

Аннотация. Рассматриваются социокультурные особенности и экологические основания развития военного патриотизма. Показывается связь с территориальной идентичностью и формированием экологических и социокультурных установок на сохранение и развитие территории. На примере восстановления преемственности социокультурных связей казачества показывается усиление социально-исторического и экологического поведения жителей территории.

Ключевые слова: военный патриотизм, казачество, социокультурные основания, экологические условия, социальное воспроизводство, территориальная идентичность.

Патриотизм – любовь к Родине, которая проявляется в эмоциональном отношении, когнитивных знаниях и поведенческих установках, формирует определенные социальные связи, укрепляющие территориальную идентичность и солидарность жителей региона. Патриотизм опирается на социокультурный опыт исторического взаимодействия жителей той или иной территории.

Казачество как сообщество людей, проявляющих патриотические установки, направленные на сохранение опыта и традиций прошлого в обеспечении обороны и социальной безопасности как внутри территории, так и по ее границам – представляет собой пример реализации воинского патриотизма и социального служения. Их социокультурный вклад в общественное воспроизводство позволяет регулировать особенности воинских традиций, знания исторических событий прошлого, мировоззренческие ориентиры и символические контексты, объединяющие людей в прошлом и настоящем [4].

Также казачество представляет собой социально-экологическую группу, вписывающую социокультурные нормы в экологические практики и природные особенности той или иной территории. Экологический контекст развития идей казачества укрепляет принципы социальной экологии, направленные на гармонию внутреннего мира казака и членов его семьи, с природой и культурой. Это тесный симбиоз, позволяющий регулировать процессы социального развития и укрепления принципов развития экопоселений и экотерритории в целом.

Территориальная идентичность казаков опирается на традиции и преемственность опыта прошлых поколений, вписанного в социокультурные реалии и практики и экомышление современников. Это то, что подчеркивает любовь к территории, любовь к Родине через личные представления, групповой опыт и социально-одобряемые нормы поведения.

Благодаря социокультурной преемственной и экологической культуре казаков формируются принципы солидарности внутри сообщества, отра-

женные в мировоззрении и ценностях гуманистического содержания и воинского служения как духовных ориентиров представителей казачества и всех тех, кто может выступать свидетелем и гарантом социального развития в современных условиях жизни.

Патриотические ценности не формируются сами по себе. Они всегда вписаны в конкретные социально-историческую среду и определяют место человека в общей социальной структуре и его внутренние смыслы и оценки своего места в обществе [1; 3]. Социальная идентичность, территориальная идентичность выступают теми точками, опоры, что укрепляют единство предков и потомков, наделяя современников мудростью прошлых поколений и смелостью будущих [2; 5].

Воинские идеалы казачества, формирующие принципы патриотизма, особенности воспитания детей и молодежи строятся на:

- любви и служении, готовности защищать территорию страны, народ, культуру и ценности народов страны и проч.;
- преемственности поколений (как на уровне знания исторического опыта, так и на уровне воспроизводства современных социокультурных и социально-экологических практик взаимодействия);
- готовности заниматься просветительской и воспитательной работой, соблюдая ценности и представления казачества;
- регулярном взаимодействии разных поколений и сообществ внутри казачества через совместные внутри государственные мероприятия и проч.

Это совпадает с ценностями социального сохранения и воспроизводства социальной структуры общества, духовно-мировоззренческих ориентиров и нравственности. Морально-этическая составляющая казачества формируется через трансляцию социокультурных норм и социально-экологических убеждений, позволяющих регулировать социальные возможности личного взаимодействия на уровне социальных идеалов и ценностей, представлений и установок и реального поведения, отраженного в повседневных практиках россиян, казаков.

Военный патриотизм – это готовность отстаивать интересы своей территории и народов на ней проживающих, как в военное, так и в мирное время. Это социальный рычаг общественного воспроизводства, который создает условия воинского дела и служения в меняющихся условиях жизни современной России.

Духовная и практическая деятельности казачества в контексте военного патриотизма способствует изменению социальной реальности. Благодаря соединению социокультурного и экологического контекста развития общества, в рамках казачества формируются следующие условия развития военного патриотизма:

- мировоззренческий контекст военного патриотизма определяет взгляды в отношении своей страны, ценностные ориентиры и позволяет понять и зафиксировать свое место в общественном развитии;

- просветительски-познавательный контекст позволяет изучить историю, культуру, религию родного края и определить перспективы сохранения и развития уже имеющегося контекста в настоящем и будущем;
- аксиологический контекст формирует направленность деятельности казаков и общественная оценка их деятельности в целом;
- контекст социальной инициативы и социальной активности, побуждает развивать идеи, принципы и реальные практики военного патриотизма в практической деятельности;
- регулятивный контекст, позволяет сохранить и воспроизводить социокультурные и социально-экологические нормы, которые помогают особенностям развития государства;
- коммуникативный контекст позволяет находить компромиссы при взаимодействии и возможности снимать сложные вопросы через язык межкультурного диалога;
- военно-патриотический контекст позволяет более быстро и качественно создать условия для социальной солидарности сообщества и в целом населения страны;
- военный патриотизм обладает значимым воспитательным потенциалом, так как позволяет сформировать гражданскую позицию, социальную ответственность за настоящее и будущее и готовность служить Отечеству в любое время и любом месте.

Военно-патриотические особенности развития казачества реализуются в практической деятельности казаков и всех, кто интересуется данной тематикой, а также регулирует духовные ориентиры и ценности современников. Это пример включения социокультурного опыта прошлого в экопрактики современных территорий Байкальского региона для общественного воспроизводства общества.

Социальное регулирование военно-патриотической риторики выступает механизмом снятия напряжения на местах, усиливают уровень социальной ответственности и механизмов социального развития. Более того, социокультурный и социально-экологический уровни взаимодействия на духовном, социальном и практическом поведенческом уровне формируют стратегии социального воспроизводства общества в экотерриториальном контексте. Перспективой данного взаимодействия выступают механизмы создания, закрепления и развития военного патриотизма в ритуалах и практиках современного казачества.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Патриотические ценности студенческой молодежи // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 12 (210). С. 9–19.

2. Журавлева И. А., Заварзина Ю. В., Попова М. В. Влияние идентичности территории на создание территориального бренда как креативное направление // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы Третьей регион. науч.-практ. конф. Иркутск : Репроцентр 1, 2021. С. 26–29.

3. Иванов Р. В. Проблемы формирования экологического сознания как основы патриотизма на территории Байкальского экорегиона // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск : Тип. «Иркут», 2025. С. 126–134.

4. Полюшкевич О. А., Алексеев А. Ю. Казачество в социокультурном воспроизводстве региональной социальной безопасности // Этнорегиональные ресурсы гармонии человека с природой и социумом как факторы психологического здоровья, межнационального согласия и межкультурной коммуникации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 133–136

5. Трескин П. А. Роль молодежных общественных организаций в формировании гражданственности, патриотизма и морально-нравственных ценностей // Социология. 2024. № 3. С. 52–59.

Sociocultural and environmental conditions for the development of military patriotism (using the cossacks as an example)

M. A. Kobets
Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk

Abstract. This article examines the sociocultural characteristics and environmental foundations of the development of military patriotism. The connection with territorial identity and the formation of environmental and sociocultural attitudes toward the preservation and development of the territory are demonstrated. Using the example of restoring the continuity of sociocultural ties among the Cossacks, the strengthening of the socio-historical and environmental behavior of the territory's residents is demonstrated.

Keywords: military patriotism, Cossacks, sociocultural foundations, environmental conditions, social reproduction, territorial identity.

Права коренных малочисленных народов на традиционное природопользование: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и стран Азии

И. А. Резанов
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева, Иркутск

Аннотация. Проводится сравнительный анализ правового регулирования прав коренных малочисленных народов на традиционное природопользование в Российской Федерации и странах Азии (Китае, Японии, Индии, Индонезии, Филиппинах, Таиланде, Вьетнаме и Малайзии). Рассматриваются международные стандарты, включая Декларацию ООН о правах коренных народов и Конвенцию МОТ № 169, а также национальное законодательство выбранных государств. Российская модель территорий традиционного природопользования анализируется в сравнении с подходами, принятыми в Индии (Закон о лесных правах), на Филиппинах (Закон о правах коренных народов), Индонезии, Китае и других азиатских странах. Определены ключевые проблемы: отсутствие прав собственности на традиционные земли в России, отсутствие обязательного свободного, предварительного и осознанного согласия и низкая эффективность механизмов правовой защиты. Предложены рекомендации по совершенствованию российского законодательства.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, традиционное природопользование, сравнительное правоведение, Российская Федерация, Азия, исконные владения, свободное предварительное и осознанное согласие, экологическое право, права на землю, Конвенция МОТ № 169.

Вопросы правового регулирования традиционного природопользования коренных малочисленных народов (далее – КМН) в последние десятилетия приобретают особую актуальность в Российской Федерации. С одной стороны, это связано с ростом промышленного освоения территорий традиционного проживания этих народов, с другой – с развитием международно-правовых стандартов защиты их прав, которые постепенно имплементируются в российскую правовую систему.

Традиционное природопользование определяется как исторически сложившиеся и экологически сбалансированные способы использования природных ресурсов, обеспечивающие устойчивое воспроизводство окружающей среды. Как справедливо отмечает Е. В. Жукова, традиционное природопользование является одной из ключевых составляющих традиционного образа жизни коренных народов, которые особым образом используют землю и другие природные ресурсы [3, с. 153].

Международно-правовую основу прав коренных народов на земли и ресурсы составляют Конвенция Международной организации труда № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни [4] и Декларация ООН о правах коренных народов [1]. Конвенция МОТ № 169 остается единственным международным договором, специально посвященным правам коренных народов. Российская Федерация ее не ратифицировала, однако положения Декларации ООН, в частности закрепленный в ст. 32 принцип свободного, предварительного и осознанного согласия (free, prior and informed consent, FPIC), согласно которому государства обязаны получать согласие коренных народов перед утверждением любых проектов, затрагивающих их земли и ресурсы. Положения Декларации, хотя и носят рекомендательный характер, постепенно учитываются в практике и научной доктрине, в том числе в Российской Федерации [5, с. 24].

Российское законодательство о традиционном природопользовании КМН отличается детальной проработанностью понятийного аппарата. Основополагающими актами являются Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ [10] и Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ [11].

По состоянию на 2025 г., в Единый перечень КМН РФ входит 47 этносов [8], общая численность которых, по данным Всероссийской переписи населения 2020 г., составляет около 315 тыс. чел. [12]. Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМН утвержден распоряжением Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р [9].

Несмотря на наличие развернутой законодательной базы, существует значительный разрыв между декларируемыми правами и их практической реализацией. В. А. Кряжков и К. А. Суханов указывают, что в рассматриваемых отношениях наблюдается некоторый прогресс, но пока не получают надлежащего правового разрешения жизненно важные для данных этнических сообществ вопросы [6, с. 142]. Анализ законодательства и правоприменительной практики позволяет выделить конкретные пробелы.

Первый – отсутствие территорий традиционного природопользования (далее – ТТП) федерального значения. Федеральный закон № 49-ФЗ предусматривает создание ТТП трех уровней, однако, по данным Счетной палаты РФ, по состоянию на 2018 г. не было создано ни одной ТТП федерального значения [7]. Причиной здесь является то, что Правительством РФ до сих пор не утверждено Положение о ТТП федерального значения, без которого образование таких территорий юридически невозможно. В результате земли, фактически используемые КМН, остаются без специального правового режима, что открывает доступ промышленным компаниям на эти территории без учета интересов коренного населения.

Важно сказать и про подмену механизма получения согласия КМН процедурой информирования. Статья 8 Федерального закона № 82-ФЗ ограничивается учетом мнения КМН через этнологическую экспертизу, но которая назначается по инициативе недропользователя, не имеет утвержденной методики, а ее отрицательное заключение не обязывает отказаться от проекта. Это противоречит принципу свободного, предварительного и осознанного согласия, закрепленному в ст. 32 Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г. и предполагающему право общин блокировать проекты, затрагивающие их земли и ресурсы [1].

Третий пробел – неэффективность судебной защиты коллективных прав КМН. Как показывают В. А. Кряжков и К. А. Суханов, суды зачастую следуют формальному подходу и игнорируют конституционные и международные стандарты [6, с. 155]. Истцам из числа КМН отказывают, ссылаясь на отсутствие зарегистрированного права собственности на землю, хотя закон допускает безвозмездное пользование; споры переводят в арбитраж, где у общин недостаточно ресурсов для тяжбы с промышленными компаниями; не применяют статью 69 Конституции РФ как норму прямого действия.

Сравнительный анализ со странами Азии выявляет несколько моделей регулирования. На Филиппинах Закон о правах коренных народов 1997 г. ввел сертификат на исконные территории, удостоверяющий коллективное право общины на землю и ресурсы; любая хозяйственная деятельность требует согласия общины, что превращает принцип FPIC в реально действующий механизм [5, с. 27]. В Индии Закон о признании прав на лесные территории 2006 г. признает коллективные права племен, сочетая формальное законодательство с традиционными институтами самоуправления [5, с. 28]. В Китае единый закон отсутствует, защита ведется через региональное законодательство и концепцию «этнических автономий» с опорой

на культурную регламентацию, которая не подкреплена юридическими гарантиями [2].

Также анализ позволяет заключить, что российский подход по формальным критериям сопоставим с наиболее развитыми правопорядками региона – Филиппинами и Индией. Однако по эффективности реализации прав КМН Россия уступает тем же Филиппинам, где институт сертификации исконных территорий и реально действующий механизм согласия общин обеспечивают более высокий уровень защиты.

Проведенное исследование позволяет предложить следующие меры, направленные на устранение конкретных пробелов.

Для устранения пробела, связанного с отсутствием ТТП федерального значения, необходимо принятие Постановления Правительства РФ, утверждающего Положение о ТТП федерального значения. В данном Положении целесообразно закрепить: запрет на перевод земель ТТП в иные категории; приоритетный порядок предоставления земельных участков общинам КМН без проведения торгов; обязательность внесения сведений о границах ТТП в Единый государственный реестр недвижимости. С учетом опыта Филиппин можно рассмотреть вопрос о введении аналога сертификата на исконные территории, удостоверяющего коллективное право общины КМН на землю и ресурсы в границах ТТП.

Для устранения пробела, связанного с подменой согласия информированием, предлагается принять Федеральный закон «Об этнологической экспертизе», в котором предусмотреть: обязательность проведения экспертизы до стадии лицензирования, а не после нее; право общин КМН выступать заказчиками экспертизы наряду с хозяйствующими субъектами; юридическую силу отрицательного заключения как основания для отказа в согласовании промышленного проекта; механизм компенсации упущенной выгоды общинам КМН в случае дачи ими согласия на реализацию проекта. Данные меры позволят приблизить российскую процедуру к международному стандарту FPIC, закрепленному в ст. 32 Декларации ООН 2007 г. [1].

Для устранения пробела, связанного с неэффективностью судебной защиты, целесообразна подготовка постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющего следующие ключевые моменты: КМН и их общины вправе обращаться в суды общей юрисдикции с исками о защите коллективных прав на традиционное природопользование независимо от наличия зарегистрированного права собственности на землю; бремя доказывания отсутствия угрозы традиционному образу жизни и хозяйственной деятельности КМН возлагается на хозяйствующий субъект, планирующий деятельность на территории традиционного проживания; судам надлежит напрямую применять статью 69 Конституции РФ и учитывать положения Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г. в качестве источника обычного международного права [1].

Проведенный сравнительный анализ российского законодательства и подходов, принятых в странах Азии, показывает, что Россия обладает раз-

витой законодательной базой, сопоставимой с правопорядками Филиппин и Индии, однако эффективность реализации остается низкой из-за неразвитости правовых механизмов. Основные проявления проблемы – отсутствие ТТП федерального значения, подмена согласия информированием и формальный подход судов. Сравнение с опытом Филиппин и Индии позволяет наметить конкретные меры: введение сертификации исконных территорий, принятие закона об этнологической экспертизе, обеспечивающего реальное действие принципа FPIC, и корректировку судебной практики через разъяснения Верховного Суда РФ. Реализация этих мер будет способствовать защите прав КМН и сохранению их культурной идентичности, неотъемлемым элементом которой является традиционное природопользование.

Литература

1. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: принята Резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 сентября 2007 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 29.05.2026).

2. Дробышев Ю. И. Традиционное природопользование народов Центральной Азии и его культовая регламентация // Общество и государство в Китае / Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2010. Вып. 2. С. 317–324.

3. Жукова Е. В. Право на традиционное природопользование коренных малочисленных народов как объект правового регулирования // Труды Института государства и права РАН. 2010. № 5. С. 153–163.

4. Конвенция Международной организации труда № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах: принята 27 июня 1989 г., вступила в силу 5 сент. 1991 г. // Официальный сайт МОТ. URL: https://www.ilo.org (дата обращения: 30.05.2026).

5. Кряжков В. А. Территории традиционного природопользования как форма реализации права коренных малочисленных народов на земли // Государство и право. 2008. № 1. С. 44–51.

6. Кряжков В. А., Суханов К. А. Права коренных малочисленных народов на земли и традиционное природопользование: современное состояние и перспективы // Государство и право. 2026. № 4. С. 142–155.

7. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка эффективности использования бюджетных средств, направленных на социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2018. № 12.

8. О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 (в ред. от 01.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 14. Ст. 1493.

9. Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2493.

10. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : федер. закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

11. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : федер. закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 19. Ст. 1885.

12. Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat. gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 29.05.2026).

The rights of indigenous peoples to traditional nature management: a comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and Asian countries

I. A. Rezanov
East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Irkutsk

Abstract. This article provides a comparative analysis of the legal regulation of the rights of indigenous small-numbered peoples to traditional natural resource management in the Russian Federation and Asian countries (China, Japan, India, Indonesia, the Philippines, Thailand, Vietnam, and Malaysia). The study examines international standards, including the UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples and ILO Convention No. 169, as well as national legislation of the selected states. The Russian model of territories of traditional nature use (TTP) is analyzed in comparison with the approaches adopted in India (Forest Rights Act), the Philippines (Indigenous Peoples'Rights Act), Indonesia, China, and other Asian countries. Key problems are identified: the absence of ownership rights to traditional lands in Russia, the lack of mandatory free, prior and informed consent (FPIC), and the low effectiveness of legal protection mechanisms. Recommendations are proposed for improving Russian legislation, including recognition of collective land ownership, introduction of the FPIC principle, and increasing the share of benefits for indigenous communities from natural resource extraction on their territories.

Keywords: indigenous small-numbered peoples, traditional nature management, comparative law, Russian Federation, Asia, ancestral domains, free prior and informed consent (FPIC), environmental law, land rights, ILO Convention No. 169.

Педагогический потенциал экосообществ для формирования ценностных ориентаций студентов-иностранцев

Б. А. Дамдинов
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова Улан-Удэ

Аннотация. Статья посвящена раскрытию актуальности и сущности использования экосообществ для формирования ценностных ориентаций студентов-иностранцев. Обоснована важность экологического воспитания в вузовской среде, роль практико-ориентированной деятельности в процессе социокультурной адаптации обучающихся и преодолении ими культурных барьеров. На примере деятельности сообщества «ЭКОИГУ» описаны возможности формирования у иностранных студентов таких ценностных ориентаций, как бережное отношение к природе, осознанное потребление, глобальная экологическая ответственность, межкультурная толерантность и социальная активность.

Ключевые слова: экосообщества, иностранные студенты, ценностные ориентации, экологическое воспитание.

Перед современным обществом остро стоят вопросы экологии. К этому привело активное развитие промышленности, использование бо-

гатств недр, вырубка лесов, рост объемов бытовых и промышленных отходов, увеличение количества транспорта. В связи с растущими экологическими угрозами для нашей планеты активно предпринимаются различные меры муниципального, регионального, государственного и мирового масштабов. Однако основополагающей мерой, которая позволит поддерживать жизнеспособность экосистем в долгосрочной перспективе является экологическое воспитание молодежи.

Под экологическим воспитанием понимается процесс формирования у личности системы знаний, ценностей и навыков, обеспечивающих ответственное, бережное отношение к окружающей среде и готовность к осуществлению деятельности по сохранению природы [7].

Одним из элементов экологического воспитания молодого поколения является формирование ценностных ориентаций, направленных на признание самоценности природы, бережное природопользование, сохранение ресурсов планеты для жизни будущих поколений, гармонизацию системы «человек-природа».

По мнению А. Смигельски, Б. Соколова и А. Немировской социокультурная модернизация, ведущая к распространению эмансипативных (постматериалистических) ценностей, положительно влияет на экологические установки, причем эта связь усиливается при наличии развитых эмансипативных ориентаций как на индивидуальном, так и на страновом уровне. Образование при этом является важной основой для формирования проэкологических взглядов [5]. Особая роль при этом отводится высшим учебным заведениям, являющимся ключевыми институтами социализации и образования молодежи. Вузы обладают широкими возможностями для организации эффективного процесса экологического воспитания студентов, в том числе и тех, кто приезжает учиться из других стран.

Формирование экологических ценностных ориентаций у студентов-иностранцев – важная педагогическая задача. Экологические проблемы не имеют государственных границ и касаются всего населения планеты, поэтому воспитание экоответственности у иностранных студентов позволяет развивать глобальное мышление, необходимое для обеспечения международного сотрудничества в сфере экологии.

Исследование О. А. Дмитриевой, Т. И. Кондауровой и Н. Е. Фетисовой позволило установить, что большинство иностранных студентов при прибытии в новую страну демонстрируют низкий или средний уровень сформированности ценностного отношения к природе [2]. В связи с этим важной задачей педагогического общества вуза является формирование ценностного отношения не только к природе своей родины, но и любой другой природе, что проще всего сделать именно в условиях получения образования в другом государстве через демонстрацию экологического разнообразия и признание важности сохранения природы независимо от страны пребывания.

Е. В. Забелиной, А. А. Даниловой, М. Г. Смирновым и В. Тошихиро были установлены культуральные различия экологических установок и ценностей студентов из России и Японии. Авторами было установлено, что для японских студентов свойственно прямое экологическое поведение в виде сортировки отходов и покупки экологически чистых товаров, что обусловлено исторически сформированным в японской культуре опытом бережного использования ограниченных ресурсов и стремлением к социальной гармонии. Для российских же студентов характерны непрямые формы проэкологической активности, например, участие в общественных экологических мероприятиях или оказание спонсорской помощи [3]. Таким образом, можно сказать, что в условиях пребывания иностранных студентов на обучении в другом государстве с целью формирования межкультурных экологических стратегий необходимо формирование сообществ, которые позволят объединить различные подходы к природоохранной деятельности. Такие общества носят названия экосообществ.

Экосообщество представляет собой добровольное объединение людей, деятельность которого направлена на экологическое просвещение, продвижение идей устойчивого развития и реализацию совместных природоохранных инициатив, способствующих формированию экологически ответственного мировоззрения [8].

В настоящее время в нашей стране реализуется уникальная программа «Зеленые вузы России», целью которой является формирование экологической культуры в вузовском сообществе и внедрение конкретных экологических практик. По состоянию на 5 августа 2026 г. участие в данной программе принимают 480 вузов, на базе которых функционирует 233 студенческих экосообщества, регулярно проводятся экологические квесты, конкурсы и акции [4].

Одним из таких сообществ является экосообщество Иркутского государственного университета «ЭКОИГУ», которое состоит из нескольких отделов:

1. РСО (раздельный сбор отходов), предполагающий активную практику сортировки вторресурсов.
2. Внешние связи, в рамках которого осуществляется взаимодействие с другими организациями для реализации экологических инициатив и проектов.
3. Отдел АЗВР (Ассоциация «зеленых» вузов России), позволяющий участвовать в тематических квестах, днях единых экологических действий, слетах.
4. Просветительский отдел по проведению лекций, квизов и других мероприятий экологической направленности.
5. Инфоотдел, в котором студенты могут попрактиковаться в написании статей, текстов, постов в социальных сетях на экологическую тематику.
6. Экоцентр РЕ. ФАБРИКА+ЭКОИГУ, представляющий собой пространство для сортировки отходов и экопросвещения населения [9].

Среди педагогических методов и средств формирования у иностранцев ценностного отношения к природе О. А. Дмитриева, Т. А. Кондаурова и Н. Е. Фетисова выделяют практико-ориентированные задания экологической направленности, инновационные методы (короткие и динамичные презентации «печа-куча», интерактивные игры, проектная деятельность) [2].

В «ЭКОИГУ» на регулярной основе проводятся экологические дебаты, акции по сбору (бутылок, макулатуры, карандашей), субботники, студенческие экспедиции к природным достопримечательностям, экологические фотоконкурсы, квизы, мастер-классы, научные конференции, кинопоказы [9].

В условиях функционирования экосообщества указанные методы и средства можно реализовывать, не опираясь на образовательные требования и ограничения по времени.

А. М. Трещев и Е. В. Старков отмечают, что экологическое воспитание является эффективным инструментом социокультурной адаптации иностранных студентов. Благодаря деятельности экосообществ возможно более мягко преодолеть возникающий культурный шок, психологические барьеры, поскольку участие в совместных природоохранных мероприятиях способствует формированию ценностного отношения к окружающей среде и местному сообществу, помогает выстраивать коммуникацию и осваивать культурные особенности страны [6].

Во время взаимодействия с экосообществом, представленном в основном российскими студентами, иностранцы могут ближе познакомиться с уникальностью нашей страны и ее ценностями, приобщиться к каким-то из них. Особенностью таких сообществ является отсутствие обязательной необходимости владеть русским языком в совершенстве, ведь экологические мероприятия предполагают выполнение практических действий, будь то организация раздельного сбора отходов или озеленение территории, тем самым снижая стресс из-за имеющегося языкового барьера. Практико-ориентированный характер экопроектов позволяет обучающимся перенести фокус с собственных переживаний, вызванных адаптацией к новой социокультурной среде, на решение общезначимых задач, что, в свою очередь, формирует чувство значимости и принадлежности к новой культурной группе [2].

Экологическая проблематика позволяет в студенческом сообществе организовать диалог культур. Вступая в экосообщество, студенты разделяют общечеловеческие ценности бережного отношения к окружающей среде, ответственность за будущее планеты и судьбу природы принимающей страны. Это создает условия для трансформации эгоцентрической позиции в сторону осознания себя гражданином мира, для которого границы государств вторичны по отношению к целостности глобальной экосистемы.

Таким образом, студенческие экосообщества обладают значительным педагогическим потенциалом для формирования у студентов-иностранцев таких ценностных ориентаций, как: бережное отношение к природе, осознанное потребление, глобальная экологическая ответственность, межкультурная толерантность и социальная активность.

Литература

1. Дугарова Т. Ц. Гражданская идентичность: теоретические подходы, факторы развития : учеб.-метод. пособие. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2021. 64 с. DOI: 10.31862/9785426310421

2. Дмитриева О. А., Кондаурова Т. И., Фетисова Н. Е. Формирование ценностного отношения к природе у иностранных студентов // Известия ВГПУ. 2023. № 3 (176). С. 80–86.

3. Связь экологических установок и ценностей у студентов в разных культурах (на примере Японии и России) / Е. В. Забелина, А. А. Данилова, М. Г. Смирнов, В. Тошихиро // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 3. С. 49–65.

4. Зеленые вузы России. URL: https://greenuniversity.ru/ (дата обращения: 05.08.2026).

5. Смигельски А., Соколов Б., Немировская А. Экологические установки и эмансипативные ценности: анализ данных Европейского исследования ценностей // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23, № 2. С. 283–310.

6. Трещев А. М., Старков Е. В. Экологическое воспитание как инструмент социокультурной адаптации иностранных студентов // Педагогические исследования. 2026. № 2. С. 31–48.

7. Формирование экологической культуры как цель образования для устойчивого развития : монография / под науч. ред. О. М. Дорошко. Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2010. 303 с.

8. Шалютина Н. В., Кавлис Я. В. Сообщества в социальных сетях как фактор формирования ценностно-мотивационных и поведенческих компонентов эко культуры (на примере Нижегородского экоактивизма) // Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3 (67). С. 135–142.

9. «ЭКОИГУ»: экологическое студенческое сообщество. URL: https://my.isu.ru/eco-isu (дата обращения: 05.08.2026).

Pedagogical potential of eco-communities for the formation of value orientations of foreign students

B. A. Damdinov

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Abstract. This article explores the relevance and essence of using eco-communities to develop international students' value systems. It substantiates the importance of environmental education in the university environment and the role of practice-oriented activities in students' sociocultural adaptation and overcoming cultural barriers. Using the example of the ECOIGU community, it describes the potential for developing international students' value systems such as respect for nature, conscious consumption, global environmental responsibility, intercultural tolerance, and social activism.

Keywords: eco-communities, international students, value orientations, environmental education.

Роль сакральных мест в экологической этике шаманизма Байкальского региона

Н. Б. Бодиева

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматривается проблема недостаточного использования традиционных экологических практик шаманизма в современной природоохранной деятельности на территории Байкальского региона. Обосновывается необходимость обращения к сакральным местам шаманизма как к ресурсу формирования экологической этики и бережного отношения к природе у молодежи и местного населения. Представлен теоретический анализ понятия «экологическая этика шаманизма», а также практические рекомендации по интеграции традиционных природоохранных практик в современную экологическую политику. Приводятся результаты авторского анкетирования, подтверждающие высокий уровень доверия к сакральным местам и их влияние на экологическое поведение жителей региона.

Ключевые слова: сакральные места, шаманизм, экологическая этика, Байкал, традиционные верования, природоохранные практики, бурятская культура, духовное наследие.

Проблема сохранения уникальной экосистемы озера Байкал является одной из ключевых не только для России, но и для всего мира. Однако современные природоохранные меры не всегда оказываются достаточно эффективными, поскольку они часто игнорируют культурные и духовные аспекты взаимодействия человека с природой, которые на протяжении веков формировались у коренных народов Байкальского региона. Шаманизм, являющийся традиционной религией бурят и других народов Прибайкалья, содержит глубокие экологические этические нормы, которые регулируют отношение человека к природе, водным источникам, лесам и животным.

Центральное место в экологической этике шаманизма занимают сакральные места – обоо, аршаны, священные рощи и отдельные деревья, перевалы, скалы, истоки рек. Эти места выступают не только как объекты духовного поклонения, но и как инструменты природоохранной регуляции, поскольку традиционные запреты и предписания ограничивают хозяйственную деятельность на священных территориях, способствуя сохранению биологического разнообразия. Однако, как показывают исследования, экологический потенциал сакральных мест шаманизма в современной природоохранной деятельности используется недостаточно. Молодежь региона зачастую не знает о традиционных экологических запретах, а местные сообщества не всегда вовлечены в сохранение священных мест.

Таким образом, возникает **научно-практическая проблема:** каким образом сакральные места шаманизма Байкальского региона могут быть использованы как ресурс формирования экологической этики и повышения эффективности природоохранной деятельности в современных условиях?

Теоретические основы исследования

Экологическая этика шаманизма в современной науке рассматривается как система традиционных норм, запретов и предписаний, регулирующих взаимодействие человека с природой на основе духовного почитания природных объектов. Как отмечает профессор А. Д. Карнышев, шаманизм Байкальского региона представляет собой не просто религиозную систему, но и способ экологической регуляции, в рамках которого природа воспринимается как одушевленная среда, требующая уважения и бережного отношения.

Центральное понятие шаманской экологической этики – «эжин» (бурятское «хозяин»). Согласно традиционным верованиям, каждый природный объект (гора, река, озеро, лес) имеет своего духа-хозяина (эжина), который может наказать человека за неуважительное отношение. Озеро Байкал воспринимается как живое существо, имеющее своего духа-хозяина – Байкал-эжэна. Эта интуитивная убежденность в одушевленности природы получает научное подтверждение с точки зрения современных исследований экологического сознания, согласно которым персонализация природы (восприятие ее как живого субъекта) повышает уровень экологической ответственности человека.

Сакральные места шаманизма выполняют несколько ключевых функций. Регулятивная функция заключается в том, что традиционные запреты (например, нельзя рубить священные деревья, охотиться на территории обоо, загрязнять священные источники) объективно способствуют сохранению природных экосистем. Идентификационная функция проявляется в том, что сакральные места выступают маркерами культурной и территориальной принадлежности, формируя чувство связи с родной землей. Передача экологических норм через почитание сакральных мест обеспечивает преемственность традиционного природопользования от старших поколений к младшим.

Доктор философских наук, профессор Иркутского государственного университета И. С. Урбанаева в своих работах по буддизму и шаманизму доказывает, что традиционные верования народов Прибайкалья содержат глубокий экологический потенциал. Исследователь рассматривает шаманские практики как форму «духовной экологии», в рамках которой сохранение природы становится не административной обязанностью, а духовной необходимостью. Эта традиционная экологическая этика получает все большее признание в современной науке. Концепция культурных ландшафтов, разработанная в ЮНЕСКО, признает сакральные места не только объектами духовного наследия, но и природоохранными территориями.

Сакральные места шаманизма как экологический ресурс Байкальского региона

В целях решения обозначенной проблемы предлагается рассматривать сакральные места шаманизма Байкальского региона как ресурс формирования экологической этики и повышения эффективности природо-

охранной деятельности. Сакральные места могут выполнять функцию природоохранных зон, поскольку традиционные запреты и табу ограничивают хозяйственную деятельность на их территориях. Ключевыми типами сакральных мест на Байкале являются следующие: обоо (каменные кучи на перевалах и вершинах); аршаны (священные источники с целебной водой); священные рощи и отдельные деревья; священные скалы (например, Шаман-камень на истоке Ангары); места шаманских обрядов и жертвоприношений.

Среди успешных примеров использования сакральных мест в природоохранной деятельности можно выделить следующие практики. В Прибайкальском национальном парке была проведена инвентаризация сакральных мест, на основе которой разработаны специальные режимы охраны для священных территорий. В Ольхонском районе при поддержке старейшин был инициирован проект по восстановлению традиционных обоо на перевалах, что способствовало не только сохранению культурного наследия, но и вовлечению местного населения в экологический мониторинг. В Бурятии действует практика включения старейшин-шаманов в экологические советы, что повышает доверие местных сообществ к природоохранным решениям.

Эмпирическое обоснование

Значимость сакральных мест как ресурса формирования экологической этики подтверждается результатами проведенного автором анкетирования среди жителей Байкальского региона (выборка – 98 респондентов, возраст 18–60 лет, февраль – март 2026 г.).

Основные результаты:

- 87,8 % жителей региона знают о существовании сакральных мест шаманизма на Байкале.
- 72,4 % опрошенных считают, что сакральные места способствуют сохранению природы (через традиционные запреты и табу).
- 65,3 % респондентов отметили, что традиционные экологические запреты (нельзя мусорить на перевалах, нельзя рубить священные деревья) оказывают влияние на их поведение в природе.
- 58,2 % опрошенных поддерживают идею включения сакральных мест в туристические маршруты с обязательным информированием туристов о традиционных правилах поведения.
- 81,6 % молодых респондентов (до 25 лет) заявили, что готовы соблюдать традиционные экологические запреты, если будут знать о них.
- 73,5 % опрошенных согласны с тем, что шаманские обряды на Байкале выполняют не только духовную, но и природоохранную функцию.

Таким образом, полученные данные подтверждают высокий уровень осведомленности о сакральных местах и их влиянии на экологическое поведение населения, однако экологический потенциал этих мест в системной природоохранной работе используется недостаточно, особенно в работе с молодежью.

Практические рекомендации

На основании теоретического анализа и эмпирических данных предлагаются следующие практические рекомендации по использованию сакральных мест шаманизма как ресурса формирования экологической этики и повышения эффективности природоохранной деятельности в Байкальском регионе.

1. Для государственных природоохранных структур и заповедников рекомендуется провести полную инвентаризацию сакральных мест на территории Байкальского региона с их картографированием и нанесением на экологические карты; разработать специальные режимы охраны для сакральных мест с участием старейшин-шаманов; включить представителей традиционных верований в экологические советы и общественные инспекции.

2. Для образовательных организаций и учреждений культуры рекомендуется разработать образовательные модули о традиционной экологической этике шаманизма для студентов и школьников; организовать экскурсии к сакральным местам с акцентом на их природоохранное значение; создать информационные материалы (буклеты, видео) о традиционных правилах поведения на священных территориях для молодежи.

3. Для органов местного самоуправления и туристической отрасли рекомендуется включить информацию о сакральных местах и традиционных экологических запретах в туристические путеводители и информационные щиты на маршрутах; организовать обучение гидов и экскурсоводов правилам поведения на священных территориях; поддерживать инициативы местных сообществ по восстановлению и поддержанию сакральных мест (обоо, аршанов).

4. Для профсоюзных организаций и молодежных объединений рекомендуется включать посещение сакральных мест в адаптационные и выездные программы для студентов и молодежи с проведением бесед о традиционной экологической этике; организовывать волонтерские акции по уборке и благоустройству территории вокруг сакральных мест.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Сакральные места шаманизма Байкальского региона (обоо, аршаны, священные рощи, скалы) обладают значительным, но недостаточно используемым природоохранным потенциалом. Традиционные запреты и табу на священных территориях объективно способствуют сохранению биоразнообразия и поддержанию экологического равновесия.

2. Экологическая этика шаманизма, основанная на почитании духовхозяев природы (эжинов), формирует у местного населения ответственное отношение к природным объектам. Более 72 % опрошенных жителей региона считают, что сакральные места способствуют сохранению природы.

3. Вовлечение сакральных мест в системную природоохранную деятельность (инвентаризация, специальные режимы охраны, участие старейшин в экологических советах) позволяет повысить эффективность охраны природы и доверие местных сообществ к природоохранным решениям.

4. Интеграция традиционной экологической этики шаманизма в образовательные программы для молодежи способствует формированию бережного отношения к уникальной природе Байкала. Более 81 % молодых респондентов готовы соблюдать традиционные экологические запреты, если будут знать о них.

Перспективой дальнейших исследований является разработка методики оценки природоохранной эффективности сакральных мест (индекс сохранности биоразнообразия на священных территориях), а также тиражирование опыта Байкальского региона в других субъектах Российской Федерации, где сохранились традиционные верования и сакральные природные объекты.

Литература

1. Карнышев А. Д. Байкалотерапия: ресурсы природы для психологического здоровья. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. 323 с.

2. Урбанаева И. С. Духовная экология: традиционные верования и природа в Центральной Азии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 210 с.

3. Жуковская Н. Л. Шаманизм и природа в традиционной культуре монгольских народов // Этнологические исследования. 2020. № 5. С. 78–92.

4. Attention Restoration Theory: A systematic review of the attention restoration potential of exposure to natural environments / H. Ohly [et al.] // J Toxicol Environ Health B Crit Rev. 2016. Vol. 19, N 7. 305–343.

5. Материалы инвентаризации сакральных мест Прибайкальского национального парка. Иркутск, 2024. 85 с.

6. Отчет по проекту «Сакральные места Байкала: сохранение культурного и природного наследия» / под ред. Б. Ц. Гомбоева. Улан-Удэ, 2025. 112 с.

The Role of Sacred Sites in the Environmental Ethics of Shamanism in the Baikal Region

N. B. Bodieva
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article addresses the problem of insufficient use of traditional shamanic environmental practices in modern environmental protection activities on the territory of the Baikal region. The author substantiates the necessity of turning to sacred sites of shamanism as a resource for forming environmental ethics and a caring attitude towards nature among young people and the local population. A theoretical analysis of the concept of “environmental ethics of shamanism” is presented, along with practical recommendations for the integration of traditional environmental practices into modern environmental policy. The results of the author's survey are presented, confirming the high level of trust in sacred sites and their influence on the environmental behavior of residents of the region.

Keywords: sacred sites, shamanism, environmental ethics, Baikal, traditional beliefs, environmental practices, Buryat culture, spiritual heritage.

Выбор наследника в китайском семейном бизнесе: социокультурные и психологические детерминанты

Ю. С. Мурзина
Тюменский государственный университет, Тюмень
А. Д. Марчукова
Шанхайский университет, Шанхай

Аннотация. Рассматриваются социокультурные и психологические факторы выбора наследника в китайских семейных предприятиях. Анализируется влияние конфуцианской нормы сыновней почтительности, политики «одного ребенка», трансформации патрилинейной модели и психологических механизмов преемственности. Выявлен недостаток сравнительных исследований с Россией.

Ключевые слова: семейный бизнес, Китай, преемственность, выбор наследника, конфуцианство, политика «одного ребенка», социально-эмоциональное богатство.

Семейные предприятия составляют структурную основу частного сектора Китайской Народной Республики: по данным Центра глобальных исследований семейного бизнеса Школы финансов Цинхуа и «ХСБК Банк (Китай)», более 85 % из 47 млн китайских частных компаний относятся к семейным, и на них приходится около 61 % занятости в стране [8]. В ближайшие пять-десять лет, по оценкам исследователей Школы экономики и менеджмента Тайчжоуского университета [17], около трех миллионов этих предприятий войдут в фазу межпоколенческого наследования. Это делает вопрос преемственности критически важным как с экономической, так и социальной точки зрения.

В «Отчете об устойчивом развитии семейного благосостояния в Китае» за 2024–2025 гг. зафиксировано, что 75 % китайских основателей семейных фирм планируют передать бизнес в управление своим детям [1]. Однако мировая статистика ставит этот высокий процент под сомнение: бизнес переходит ко второму поколению только в 30 % компаний [14]. Расхождения между намерениями китайских предпринимателей в первом поколении и реальными статистическими данными указывает на то, что процесс преемственности и выбора наследника становятся фактором риска в бизнесе.

Актуальность темы усиливается демографическим контекстом. Политика «одного ребенка», проводимая в Китае с 1979 по 2015 г., резко сузила «выборку» потенциальных наследников, а ее последствия для семейного бизнеса только начинают осмысляться в академической литературе [10; 5]. Одновременно Государственный совет КНР в 2020 г. принял Гражданский кодекс с 30-дневным «периодом охлаждения» при разводах [15]. Введенная норма направлена на укрепление семейной стабильности и предотвращение дробления активов, что косвенно защищает целостность наследования семейного капитала. Таким образом, политический курс страны поощряет традиционные структуры для обеспечения передачи семейных обяза-

тельств и бизнеса, делая упор на «семейные ценности» вместо индивидуальных прав. На этом фоне теоретическое изучение процедуры выбора наследника – это не только академический вопрос, но и практическая задача для самих семейных компаний.

Цель работы: систематизировать исследования о социокультурных и психологических факторах, определяющих выбор наследника в китайском семейном бизнесе, обозначить противоречия и лакуны для дальнейшего исследования.

Теоретические основания анализа выбора наследника

Конфуцианская норма сыновней почтительности как основа патрилинейного наследования

Классическая модель выбора наследника в китайском семейном бизнесе восходит к конфуцианской норме сыновней почтительности («孝» – xiào) и принципу патрилинейной преемственности. Р. Чжэн [12] показала, что даже после модернизации и юридических реформ нормы «непрерывности семейной линии», почтительности к родителям и жестких гендерных ролей продолжают влиять на семейные решения: они создают напряжение между индивидуальной автономией наследника и обязательствами перед семьей. Этот вывод подтверждается эмпирически в работе Л. Цзя с коллегами [6] на данных панельного опроса китайских семей (2018). В работе показано, что конфуцианская модель «мужчина – кормилец, женщина – хранительница очага» по-прежнему определяет структуру семьи, причем так называемое «двойное бремя» (работа плюс дом) статистически значимо снижает удовлетворенность браком у женщин с высоким образованием.

В применении к бизнесу патрилинейная норма формализуется в хорошо документированной модели «Сын наследует бизнес отца» [18], которая до сих пор воспроизводится в большинстве китайских семейных компаний. Однако сам по себе этот принцип не объясняет почему в одних семьях передача идет гладко, а в других приводит к конфликтам и потере стоимости.

Демографический фактор: влияние политики «одного ребенка» на выбор наследника

Эффект политики «одного ребенка» радикально изменил структуру выбора наследников в семейном бизнеса. Лю В. [10] зафиксировала, что под влиянием урбанизации и политики планирования семьи в Китае произошла резкая трансформация брачных и репродуктивных установок. В результате у многих основателей, начинавших бизнес в 1980–1990-е гг., сегодня единственный ребенок – это и есть пространство возможных наследников. Эту тенденцию подтверждает С. Гун [5]: «послереформенное» поколение в Китае (родившихся в основном в 1990-е гг. и позже) статистически значимо более лояльно к разводу и более ориентировано на индивидуальные ценности, чем предыдущее. Единственный наследник бизнеса, который объективно выбора не имеет, все чаще субъективно не хочет продолжать начатое дело родителей и отказывается от преемственности.

На этом фоне в академической литературе появилось эмпирически обоснованное противопоставление двух моделей подготовки наследников: «внутреннее обучение» и «обучение за рубежом». Ш. Е с коллегами [11] на выборке китайских семейных компаний установили, что средний срок внутрикорпоративного обучения наследника до момента передачи бизнеса составляет 9,73 года. При этом получение наследником зарубежного образования, в том числе по программе MBA, значимо повышают уровень финансовой активности компании, но не ее эффективность. Таким образом, демографический дефицит в выборе наследника может отчасти компенсироваться целенаправленной психологической и управленческой подготовкой молодых людей, в том числе внутри семейных компаний.

Трансформация патрилинейной модели: наследование бизнеса дочерьми

В китайском научном дискурсе оформляется отдельное направление исследований – передача бизнеса дочерям. С. Чэнь [4] на выборке китайских семейных компаний описала механизмы отбора наследниц и показала, что в ситуации единственного ребенка женского пола передача бизнеса становится не просто возможной, а социально одобряемой альтернативой. На материале деловых медиа [16] этот сюжет получает публичную репрезентацию: после смерти Цзун Цинхоу – основателя компании Wahaha Group, занимающейся производством напитков, его единственная дочь Цзун Фули формально стала единственной наследницей гигантского холдинга. Масс-медиа оформили это событие как «эпоху женского наследования» в китайском бизнесе.

Однако академический дискурс здесь противоречив. С одной стороны, Л. Ван, В. Чэнь [9; 3] показывают, что наследование «не по старшинству», включая передачу дочерям, ассоциировано с более высоким уровнем инновационных инвестиций в семейных фирмах. С другой стороны, авторы С. Чэнь и Ч. У [2] подчеркивают, что передача бизнеса дочери в Китае сталкивается с укорененным гендерным стереотипом: ключевые партнеры отца, как правило, из старшего поколения, не воспринимают женщину как полноценного преемника, что ограничивает ее доступ к ресурсам и управленческим решениям и, по сути, образует «стеклянный потолок» для наследницы.

Психологические механизмы преемственности: идентичность, сопротивление и мотивация наследника

В китайской деловой и академической литературе закрепился особый термин «богачи второго поколения» («富二代» – fù èr dài,). Он обозначает детей крупных китайских предпринимателей, сделавших свои состояния на волне экономических реформ Д. Сяопина[1]. Исследования последних лет

[1] Реформы Д. Сяопина (1978–1990-е гг.) создали институциональную основу для возникновения и роста семейного бизнеса в Китае. Ключевыми направлениями стали: деколлективизация сельского хозяйства; легализация частного сектора; политика «открытости» – доступ к иностранным технологиям и рынкам через создание особых экономических зон; а также приватизация мелких и средних госпредприятий, которая передала в руки семейного капитала готовые производственные активы.

фиксируют несколько устойчивых паттернов. Во-первых, такие наследники часто не идентифицируют себя с родительским бизнесом: эмпирический обзор Центра изучения семейного наследия Китайско-европейской международной бизнес-школы [13] показывает, что молодые люди нередко воспринимают модель отца как «легендарную» и эталонную, а потому формирующую высокую планку и ожидания, что затрудняет вхождение в роль преемника. Во-вторых, работы по инновациям и мотивации преемственности в семейном бизнесе [7; 9] вводят различие между «наследниками по принуждению» и «наследниками-сооснователями»: если наследник включается в бизнес как сооснователь еще при жизни отца, то его преемственное поведение будет более мотивированным, также как и вложения в инновационную деятельность.

Значимым направлением в исследованиях представляется связь выбора наследника с концепцией социально-эмоционального богатства бизнес-семьи. З. Ли с коллегами [7] на данных китайских семейных компаний показали, что при внутрисемейном наследовании социально-эмоциональное богатство усиливается, а при выборе внешнего менеджера – ослабевает, что отражается на устойчивости бизнеса. Однако В. Чэнь с коллегами [3] предложили деконструировать социально-эмоциональное богатство на «социальное» и «эмоциональное». Авторы показали, что в китайском контексте репутация семьи зачастую важнее эмоциональной привязанности к самому бизнесу. Это означает, что легитимность наследника в Китае во многом определяется не личными компетенциями, а его встроенностью в семейную сеть «гуаньси»[2] и репутационный капитал.

Противоречия и лакуны в исследовании

Сопоставление рассмотренных работ выявляет несколько устойчивых противоречий. Во-первых, это противоречие между «нормативным» подходом к преемственности, подтверждающим сохранение конфуцианской нормы сыновней почтительности [12; 6; 18] и «трансформационным» – фиксирующим размывание этой нормы у нового поколения [7; 9; 13]. Во-вторых, противоречие между экономико-управленческими моделями [7; 3; 9], которые видят в наследнике прежде всего агента инноваций, и психологическими – подчеркивающими его сопротивление и стремление к автономии [2; 5]. В-третьих, в литературе практически отсутствует систематическое сравнение психологических и социокультурных факторов, определяющих выбора наследника в семейном бизнесе Китая и России. Вместе с тем обе страны переживают сейчас волну преемственности, но в разных политических, экономических и социокультурных условиях. Вместе с тем дружественный политический курс двух стран сделал бы такое

[2] Гуаньси (关系 – guānxì) – это фундаментальное для китайской культуры и деловой этики понятие, которое можно перевести как «связи» или «взаимоотношения». Это сложная, многоуровневая система неформальных социальных связей, основанная на взаимном доверии, обмене услугами и чувстве долга.

сравнение полезным для выстраивания сотрудничества на уровне семейный фирм.

Анализ литературы позволил сформулировать следующие **выводы**.

1. Выбор наследника в китайском семейном бизнесе – это не просто управленческое решение, а многоуровневый психологический процесс, на который одновременно влияют конфуцианская норма, демографическая структура семьи, идентичность наследника и его встроенность в сеть «гуаньси».

2. Политика «одного ребенка» трансформировала пространство выбора: из нескольких потенциальных наследников основатель все чаще выбирает единственного ребенка, что усиливает зависимость компании от личной мотивации и психологической готовности преемника. Эмпирические данные показывают, что при обучении зарубежом, но без целенаправленной подготовки внутри семейной компании передача бизнеса ведет к росту финансовой активности фирмы, но не к росту ее эффективности.

3. В современной китайской литературе зафиксирован сдвиг от патрилинейной нормы к более гибким моделям преемственности – наследованию дочерями, найму профессиональных менеджеров, передаче другим родственникам. Однако каждая из этих моделей сталкивается с особыми социокультурными барьерами.

4. Существующие исследования преимущественно фокусируются на экономических и организационных последствиях выбора наследника, тогда как психологические механизмы – идентичность, сопротивление, мотивация, конфликт «отцы и дети» – остаются мало представленными в научной литературе.

5. Сравнительный анализ выбора наследника в Китае и России представляет собой лакуну: обе страны переживают волну преемственности, но научные работы подобного рода пока отсутствуют. Сопоставление моделей преемственности в двух странах открывает широкое поле для теоретического осмысления и практического анализа того, как культурный код определяет устойчивость и траекторию развития семейного бизнеса. Развитие научной мысли в этом направлении будет способствовать не только обогащению теории предпринимательства, но и укреплению взаимопонимания, делового сотрудничества и дружественных связей между Китаем и Россией, что особенно актуально в условиях современных экономических и геополитических вызовов.

Литература

1. CCB Trust & Kyoto Law Firm. 2024–2025 China Family Wealth Sustainable Development Report [2024–2025中国家族财富可持续发展报告]. URL: https://www.cnstock.com/commonDetail/605160 (дата обращения 06.08.2026). (In Chinese)

2. Chen X., Wu Z. Intergenerational succession mode and selection mechanism of female successors in Chinese family businesses // International Journal of Research in Business and Social Science (2147–4478). 2022. Vol. 11, N 5. P. 76–87.

3. Deconstructing socioemotional wealth: Social wealth and emotional wealth as core properties of family firms / W. Chen, A. J. Zhou, S. S. Zhou, P. S. Hofman, X. Yang // Man-

agement and Organization Review. 2022. Vol. 18, N 2. P. 223–250. DOI: 10.1017/mor.2022.1

4. Chen X. Intergenerational succession mode and selection mechanism of female successors in Chinese family businesses // International Journal of Business and Social Science. 2022. Vol. 11, N 5. P. 76–87.

5. Gong X. Rethinking Modernization and Value Change in China: Moral Decline or Emancipative Shift? // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2026. Vol. 57, N 4. P. 632–651.

6. Jia L., Antonides G., Liu Z. Spouses' personalities and marital satisfaction in Chinese families //Frontiers in psychology. 2025. Vol. 16. P. 1480570. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1480570

7. Sustainable development of Chinese family businesses: exploring the role of succession planning in maintaining organizational sustainability from the perspective of socio-emotional wealth / Z. Li, M. Mustapha, A. F. S. Hassan, S. F. Saidin // Sustainability. 2024. Vol. 16, N 8. P. 3456. https://doi.org/10.3390/su16083456

8. Current Status and Future Prospects of Corporate Social Responsibility in Family Firms / Y. Fu, J. Li, H. Su, H. Gao // Quarterly Journal of Management. 2024. Vol. 1. P. 103–132. (In Chinese)

9. Wang L., Cheng C., Mu J. Intergenerational succession and family business investment preference // Finance Research Letters. 2025. Vol. 85. P. 107923.

10. Liu W. Attitudinal changes and trends of marriage and family in today's China // Социологический альманах. 2016. N 7. P. 455–469.

11. The intergenerational succession and financialization of Chinese family enterprises: Considering the influence of heirs' growing experience / S. Ye, W. Wang, Y. Li, H. Wang, X. Zhou // Frontiers in psychology. 2022. Vol. 13. P. 1004997.

12. Zheng R. The relationships between confucian family values and attitudes toward divorce in mainland China: An exploratory study : Master's thesis / Ruiwen Zheng ; Syracuse University. Syracuse, 2016. 109 p. URL: syr.edu (дата обращения: 06.08.2026).

13. Internationalization of Family Businesses in 2024: White Paper / CEIBS Centre for Family Heritage; ed. by Jean S. K. Lee. Shanghai: China Europe International Business School, 2024. URL: https://www.ceibs.edu/sites/portal.prod1.dpmgr.ceibs.edu/files/2024jzqygjh.pdf (дата обращения: 06.08.2026).

14. Report: Less than 30 % of family businesses globally complete second-generation succession [报告：全球仅三成家族企业顺利实现二代传承]. 21st Century Business Herald, 19 Dec. 2025. URL: 21jingji. com (дата обращения 06.08.2026). (In Chinese).

15. Jung C. With new divorce rule, China further pushes 'family values' // The Diplomat. 1 June 2020. URL: https://thediplomat.com/2020/06/with-new-divorce-rule-china-further-pushes-family-values/ (дата обращения: 06.08.2026).

16. Sun M. Restoring Zong Fuli's 20-month careful layout of «taking over» Wahaha: Where will the national brand go? / ed. Zhang Guangkai // Guancha : [сайт]. 2025. 11 Oct. URL: https://www.guancha.cn/economy/2025_10_11_792852.shtml (дата обращения: 06.08.2026).

17. Li X., Bai W., Ding Y. Research on the Influencing Factors of Intergenerational Transmission Intention of Chinese Family Business Owners: Evidence Based on Machine Learning Algorithms // 2025 2nd International Conference on Innovation Management and Information System (ICIIS '25). New York : Association for Computing Machinery, 2025. P. 450–456. DOI: 10.1145/3745676.3745745

18. Zou K., Wu R., Chen P. Does intergeneration succession influence stock prices of family businesses? //Applied Economics Letters. 2020. Vol. 27, N 8. P. 667–672. https://doi.org/10.1080/13504851.2019.1644424

Successor Choice in Chinese Family Business: Sociocultural and Psychological Determinants

Yu. S. Murzina
Tyumen State University, Tyumen
A. D. Marchukova
Shanghai University, Shanghai

Abstract. The article discusses the socio-cultural and psychological factors of choosing an heir in Chinese family enterprises. The influence of the Confucian norm of filial piety, the «one-child» policy, the transformation of the patrilineal model and psychological mechanisms of succession is analyzed. Lack of comparative studies with Russia revealed.

Keywords: family business, China, succession, successor choice, Confucianism, one-child policy, socio-emotional wealth.

Воспитательный потенциал этнокультурных традиций в формировании экологического патриотизма

О. А. Рыжова
Московский педагогический государственный университет
Москва

Аннотация. Рассматривается воспитательный потенциал этнокультурных традиций в формировании экологического патриотизма. В качестве методологической основы используется концепция В. С. Мухиной о реалиях бытия и структурных звеньях самосознания. Экологический патриотизм определяется как эмоционально-ценностная связь с природой родного края, сопряженная с ответственностью за ее сохранение. На материале исследования памирцев, переехавших в Россию, показано, что образ родного дома непосредственно связан с природным ландшафтом и горами. Обосновывается необходимость соединения этнокультурной памяти с экологическим знанием, рефлексией и природоохранной практикой.

Ключевые слова: экологический патриотизм, самосознание, этнокультурные традиции.

Современные экологические проблемы имеют не только техногенные, экономические, но и мировоззренческие основания. Знание экологических норм само по себе не гарантирует бережного поведения, если природа для человека остается внешним, эмоционально нейтральным объектом. Устойчивое природоохранное отношение возникает тогда, когда природная среда включается в систему личностных смыслов, в том числе, когда соотносится с образом дома, семейной историей, памятью поколений, достоинством родного края и ответственностью за его будущее. В связи с этим особое значение приобретает исследование экологического патриотизма и культурных механизмов его воспитания.

В научной литературе «экологический патриотизм» чаще раскрывается через любовь к природе Родины, знание особенностей своего края и готовность участвовать в его охране. Однако такое понимание нуждается в уточнении, так любовь к родному ландшафту может оставаться созерца-

тельной и ностальгической, не переходя в ответственность и действие. Поэтому экологический патриотизм целесообразно понимать как интегративное ценностно-смысловое образование личности, объединяющее эмоциональную привязанность к природе родного края, осознание ее культурно-исторического значения, принятие личной и коллективной ответственности за ее сохранение и готовность к экологически ориентированному поведению.

Следует отметить, что одним из источников такого отношения выступают этнические традиции. Народная культура на протяжении поколений закрепляла способы взаимодействия с землей, водой, лесом, животным миром, сезонными циклами. В мифах, легендах, обрядах, запретах, пословицах и семейных рассказах природные объекты приобретают символический и нравственный смысл.

Концепция В. С. Мухиной позволяет рассматривать отношение к природе как результат взаимодействия личности с целостной системой реалий человеческого бытия: «в родовых культурах фокусом интенциональных переживаний становятся реалии: природы, предметного мира, образно-знаковых систем (прежде всего природы, значимых рукотворных предметов, тотемов, а также языковых акцентуаций): социально-нормативных ориентаций (прежде всего обычаев, табу, разрешений, инициаций и т. п.)» [4, с. 197]. При этом характеризуя условия развития родового самосознания, В. С. Мухина определяет природную реальность как условие, которое «глубинно определяло сущностные особенности видов деятельности, питания, условия жизни, мифы, разрешения и табу рода» [3, с. 139]. Следовательно, природа участвует в становление личности не только через непосредственные телесные, зрительные впечатления, но и через культурно закрепленные способы деятельности, значения, нормативы и эмоциональные переживания.

Посредством идентификации ребенок присваивает отношение значимых взрослых и своей этнической группы к природному миру. Он сопереживает эмоциональным реакциям родителей, участвует в традиционных обрядах и наблюдает способы взаимодействия с природными ресурсами. Обособление делает возможной личностную переработку традиции: человек не просто повторяет предписанное, но и формирует собственную позицию, способен критически оценивать устаревшие практики и принимать ответственность за самостоятельный экологический выбор. Так механизмы идентификации и обособления, выделенные В. С. Мухиной, позволяют объяснить процесс становления экологического патриотизма.

Следует также отметить, что особую роль играют сакральные природные объекты. В культурах народов Северного Кавказа, Прибайкалья, Алтая, Памира и других горных и озерных регионов природный ландшафт нередко выступает одновременно пространством хозяйственной жизни, коллективной памяти, культурного и духовного опыта. Сакральность природы усиливает эмоциональную значимость места, связывает индивидуальный опыт с историей рода и народа, задает нормы ограничения и само-

ограничения, превращает заботу о природе в нравственную обязанность. Однако сакральный статус сам по себе не гарантирует сохранности природной территории. В условиях массового туризма, урбанизации и коммерциализации традиционные запреты могут ослабевать или превращаться в формальные символы. Поэтому современное воспитание должно не воспроизводить предписания буквально, а раскрывать их ценностное основание и соединять с актуальными экологическими практиками. Т. Ц. Дугарова связывает эффективность воспитания не только с рациональными знаниями, но и с эмоциональной памятью, чувством принадлежности, этническими эмоциями, базирующимися на традиционных ценностях, а также с учетом мифологии, игр и фольклора [1]. Сказания, мифы и легенды позволяют увидеть природное пространство во временной перспективе, представить его существование до рождения конкретного человека и после него. Через повествование ребенок осваивает мысль о том, что он является не владельцем, а временным участником общего природно-культурного мира.

Показательным материалом для анализа является опыт памирцев, исторически проживающих в высокогорных районах Памира Таджикистана. В беседах и интервью с памирцами, переехавшими в Россию, обращает на себя внимание высокая эмоциональная насыщенность рассказов о природе Памира. Респонденты подробно описывают горы, реки, долины, особенности времен года, при этом природа включается в повествование о семье, образе жизни, испытаниях, гостеприимстве, труде и нравственных качествах людей. Находясь вдали от родных мест, участники исследования говорят о тоске по горам и одновременно стремятся познакомить собеседников с красотой родного пейзажа, вызвать интерес и уважение к Памиру.

В пилотажной части исследования этнического самосознания памирцев, проживающих в России, использовалась ассоциативная процедура, основанная на методе П. Вержеса. Респондентам предлагалось назвать пять ассоциаций к понятию «родной дом». Метод Вержеса применяется в рамках структурного подхода к социальным представлениям и позволяет учитывать частоту появления ассоциаций и их субъективный ранг, выделяя предполагаемые центральные и периферические элементы представления. В полученных ответах образ родного дома часто соотносится с природой, горами, воздухом, водой. Данный результат позволяет предположить, что природный ландшафт входит в смысловое ядро представлений о доме. Дом предстает не только как предметно-пространственная культура, но и как единство семьи, культуры и природной реальности. Так образ Памира включается в психологическое время личности, социальное пространство и эмоционально-ценностное содержание Я.

Таки образом, этнокультурные традиции могут выступать ресурсом в воспитании экологического патриотизма, поскольку связывают природный ландшафт с образом дома, памятью поколений и социальными нормами. Воспитательная работа, основанная на этнокультурном материале, должна включать семейные рассказы о родных местах, изучении легенд, обсужде-

нии нравственного содержания традиционных запретов, а также непосредственно экологическую деятельность. Только соединение этнокультурной памяти, научного экологического знания, рефлексии и практической ответственности позволяет перевести привязанность к родной природе в экологически значимую позицию личности, где результатом является не только любовь к природе родного края, но и внутренняя готовность отвечать за ее сохранение, уважать природное наследие других народов и передавать экологические ценности другим поколениям.

Литература

1. Дугарова Т. Ц. Идентификация как механизм развития этнического самосознания // Наука и школа. 2009. № 3. С. 59–61.

2. Мухина В. С., Дугарова Т. Ц. Ментальные особенности современных бурят России // Развитие личности. 2010. № 2. С. 164–175.

3. Мухина В. С. Из прошлого в настоящее: родовые традиции – изначальная основа менталитета народов мира // Развитие личности. 2009. № 4. С. 137–144.

4. Мухина В. С. Из прошлого в настоящее: родовые традиции – изначальная основа менталитета народов мира // Развитие личности. 2010. № 1. С. 193–210.

5. Мухина В. С. Человек на пересечении созданных им реалий // Развитие личности. 2012. № 4. С. 56–85.

The Role of Ethnic Traditions in the Development of Ecological Patriotism

O. A. Ryzhova
Moscow State Pedagogical University, Moscow

Abstract. The article examines the educational potential of ethnic traditions in the development of ecological patriotism. The methodological framework of the study is based on V. S. Mukhina's concept of the realities of existence and the structural components of self-consciousness. Ecological patriotism is understood as an emotional and value-based attachment to the natural environment of one's native land, combined with a sense of responsibility for its preservation. Drawing on the results of a pilot study of Pamiri people who migrated to Russia, the article demonstrates that the image of one's native home is closely associated with the natural landscape, particularly with the mountains. The study substantiates the need to integrate ethnic memory with environmental knowledge, reflection, and nature conservation practices.

Keywords: ecological patriotism, self-consciousness, ethnic traditions.

РАЗДЕЛ 8

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧНОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Юридическая ответственность за «гринвошинг» в рекламе и на упаковке

И. А. Резанов

(Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, Иркутск)

Аннотация. Рассматривается юридическая ответственность за «гринвошинг» (ложные заявления об охране окружающей среды) в рекламе и упаковке продукции в Российской Федерации. Анализ охватывает нормативную базу, включая антимонопольное законодательство и законодательство о рекламе, а также закон об органических продуктах. Особое внимание уделяется деятельности Федеральной антимонопольной службы, в том числе ее рекомендациям от 2024 г. по предотвращению «зеленой» рекламы в маркетинговых коммуникациях. В отчете определены виды административной ответственности за ложные экологические заявления, проблема недостаточных штрафов, отсутствие обязательной предварительной проверки экомаркировки и отсутствие уголовной ответственности за систематические нарушения. Предлагаются перспективы совершенствования российского законодательства, такие как увеличение штрафов, введение обязательной проверки и развитие систем экологической сертификации. Результаты исследования призваны способствовать формированию надежного правового механизма защиты потребителей.

Ключевые слова: экологическая чистка, юридическая ответственность, антимонопольное законодательство, закон о рекламе, экологическая маркировка, ФАС России, административная ответственность, недобросовестная конкуренция, органические продукты, заявления, вводящие в заблуждение.

В условиях растущего спроса на «зеленые» товары и услуги многие компании используют экологическую риторику для привлечения потребителей. Однако нередко эта риторика оказывается не более чем маркетинговой уловкой – гринвошингом. Термин «гринвошинг» был введен американским экологом Джеем Вестервельдом и происходит от англ. green (зеленый, экологичный) и whitewashing («отбеливание», сокрытие неприятной правды). Под ним понимается распространение недостоверных или некорректных экологических заявлений, вводящих потребителя в заблуждение относительно экологических характеристик товаров, работ или услуг [3, с. 1096–1099].

Актуальность темы обусловлена тем, что, согласно опросам, около 42 % россиян готовы платить больше за товары и услуги компаний, которые заботятся о природе. Эту тенденцию используют недобросовестные производители: по оценкам экспертов, порядка 23 % российских организаций прибегают к гринвошингу. При этом 87 % потребителей знают о существовании экологической маркировки, но далеко не все умеют отличать настоящую экопродукцию от подделки [15, с. 34–35].

Гринвошинг может проявляться в различных формах: использование на упаковке неопределенных экотерминов («эко», «био», «натуральный») без должного обоснования; указание информации об экономии природных ресурсов или внедрении «зеленых» технологий без подтверждающих дан-

ных; создание ложного впечатления о наличии экологической сертификации и др. [4]. Особую опасность представляет тот факт, что гринвошинг наносит ущерб не только потребителям, но и добросовестным производителям, которые действительно вкладывают средства в «зеленые» технологии [13, с. 113].

В российском праве ответственность за гринвошинг наступает по нескольким основаниям в рамках различных отраслей законодательства.

Антимонопольное законодательство. Федеральный закон «О защите конкуренции» рассматривает распространение недостоверных сведений об экологических характеристиках товара как форму недобросовестной конкуренции, если такие действия направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности [8]. При этом антимонопольный орган – Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) – вправе возбуждать дела о нарушении антимонопольного законодательства и привлекать нарушителей к административной ответственности [6, ст. 14.33].

Законодательство о рекламе. В соответствии с Федеральным законом «О рекламе», реклама, содержащая недостоверные сведения об экологических характеристиках товара, признается ненадлежащей. За ее распространение предусмотрена административная ответственность [9, ст. 5, ч. 1, ст. 38].

Законодательство об органической продукции. Ключевым нововведением в сфере борьбы с гринвошингом является Федеральный закон от 24.07.2023 № 367-ФЗ (с изменениями, внесенными Федеральным законом от 31.07.2025 № 349-ФЗ), которым установлены требования к маркировке органической продукции [7]. С 1 сентября 2025 г. на органическую продукцию необходимо наносить надписи, содержащие слово «органический», его сокращения или производные слова, а также слова «биодинамический», «биологический», «экологический», «экологически чистый», «зеленый» или сходные по значению слова, их сокращения либо обозначения «эко», «био» [10, ст. 7]. Однако использование таких обозначений допускается только при условии подтверждения соответствия продукции требованиям законодательства об органической продукции и внесения производителя в Единый государственный реестр Минсельхоза России [7].

Важную роль в предотвращении гринвошинга играют национальные стандарты в области экологической маркировки: ГОСТ Р ИСО 14026-2023 «Экологические маркировки и заявления. Принципы, требования и руководящие указания по обмену информацией об экологическом следе», ГОСТ Р ИСО 14021-2023 «Экологические маркировки и заявления. Самодекларируемые экологические заявления (экологическая маркировка типа II)» и др.

В российском праве за гринвошинг предусмотрена, прежде всего, административная ответственность. Уголовная ответственность за данный вид нарушений в настоящее время не установлена [15, с. 36].

Нарушение антимонопольного законодательства в виде недобросовестной конкуренции влечет наложение административного штрафа. Максимальный размер штрафа для юридических лиц составляет до 500 тыс. руб. [6, ст. 14.33]. При этом как отмечается в правовой литературе, для крупных компаний такой размер штрафа не всегда является достаточным сдерживающим фактором [2, с. 145–147].

За нарушение законодательства о рекламе, в том числе за размещение рекламы с недостоверными экологическими заявлениями, также предусмотрена административная ответственность в виде штрафов. В соответствии со ст. 14.3 КоАП РФ, штрафы за недобросовестную рекламу могут составлять от 300 тыс. до 800 тыс. руб. [6, ст. 14.3].

За нарушение правил маркировки товаров, в том числе за незаконное использование экотерминов при отсутствии соответствующей сертификации, предусмотрена административная ответственность по ст. 15.12 КоАП РФ, которая влечет наложение штрафа до 100 тыс. руб. [6, ст. 15. 12].

Помимо административной ответственности, компании, уличенные в гринвошинге, могут столкнуться с репутационными потерями и судебными исками со стороны потребителей. Однако судебная практика по таким делам в России только начинает формироваться, и количество реальных административных дел и крупных штрафов остается незначительным [11].

Деятельность ФАС России по противодействию гринвошингу. Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) является ключевым органом, осуществляющим контроль за соблюдением законодательства в сфере недобросовестной конкуренции и рекламы в части экологических заявлений. В октябре 2024 г. ФАС России разработала и представила Рекомендации по недопущению гринвошинга в маркетинговой коммуникации [5]. Данный документ содержит общие принципы, виды и требования к экологическим заявлениям, а также последствия несоблюдения указанных критериев. В соответствии с рекомендациями, любые экологические заявления должны соответствовать двум основным принципам: принципу надежности (достоверности) и принципу ясности [5, п. 2. 1–2. 3].

ФАС активно выявляет случаи гринвошинга в различных сферах. Так, УФАС по Республике Карелия возбудило дело в отношении продукции с маркировкой «Живой, био и не разрушает озоновый слой» по факту недостоверных экологических заявлений [12]. Эксперты отмечают, что по сравнению с прошлым годом на 19 % выросла доля респондентов, встречающих гринвошинг на практике, а 57 % опрошенных идентифицируют его по факту присвоения «экосертификатов» при отсутствии официальной процедуры экологической сертификации продукта [4].

Несмотря на предпринимаемые меры, российское законодательство о противодействии гринвошингу сталкивается с рядом системных проблем, препятствующих эффективной борьбе с данным явлением.

В отличие от зарубежных подходов, в России предварительная проверка экологических заявлений не является обязательной [15, с. 37–38].

Недостаточный размер штрафных санкций. Максимальный штраф за гринвошинг в размере 500 тыс. руб. является незначительным для крупных компаний и не создает достаточного сдерживающего эффекта [2, с. 150]. В российском уголовном законодательстве отсутствует специальная норма, предусматривающая ответственность за систематическое введение потребителей в заблуждение относительно экологических характеристик продукции [15, с. 38–39]. Ключевой проблемой является отсутствие четких юридических определений и сложности в доказывании нарушений. Для решения этой проблемы необходима выработка единых подходов [14, с. 89–91].

На основе выявленных проблем можно предложить следующие направления совершенствования российского законодательства в сфере противодействия гринвошингу [1; 2; 15]:

1. Законодательное закрепление понятия и требований к экологическим заявлениям.

2. Введение обязательной верификации экологических заявлений.

3. Увеличение размера административных штрафов до 1–2 % годовой выручки компании.

4. Введение уголовной ответственности за систематический гринвошинг.

5. Развитие системы экологической сертификации (в частности, «Листок жизни»).

6. Создание механизма групповых исков потребителей.

Проблема гринвошинга в рекламе и на упаковке товаров представляет собой серьезный вызов для российского права. В 2024–2025 гг. законодателем и правоприменительными органами предприняты важные шаги: разработаны рекомендации ФАС [5], с 1 сентября 2025 г. вступают в силу новые правила экологической маркировки [7; 10]. Однако сохраняются системные проблемы – разрозненность регулирования, низкие штрафы, отсутствие обязательной верификации и уголовной ответственности [1; 2; 15]. Только комплексный подход позволит создать надежную правовую защиту потребителей и обеспечить справедливую конкуренцию на рынке «зеленых» товаров и услуг.

Литература

1. Агафонов В. Б. ESG-принципы и гринвошинг: правовые проблемы дифференциации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 9. С. 132–141.

2. Воронина Н. П., Агафонов В. Б. Правовые механизмы противодействия гринвошингу : монография / под ред. В. Б. Агафонова. М. : Проспект, 2024. 256 с.

3. Гринвошинг как институциональная ловушка // Региональная экономика: теория и практика. 2024. Т. 22, № 6. С. 1096–1109.

4. Бордачева А. В. Гринвошинг: разоблачение «зеленого» обмана / науч. рук. Ю. А. Жук // Экология. Человек. Бизнес : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 14 нояб. 2024 г. Минск, 2024.

5. Информация ФАС России «Рекомендации по недопущению гринвошинга в маркетинговой коммуникации». URL: https://fas.gov.ru (дата обращения: 20.05.2026).

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.05.2026).

7. О внесении изменения в статью 7 Федерального закона «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : федер. закон от 24.07.2023 № 367-ФЗ (ред. от 31.07.2025 № 349-ФЗ). URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.05.2026).

8. О защите конкуренции : федер. закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 31.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 20.05.2026).

9. О рекламе : федер. закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 31.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 20.05.2026).

10. Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 03.08.2018 № 280-ФЗ (ред. от 31.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304017/ (дата обращения: 20.05.2026).

11. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Карелия о возбуждении дела в отношении продукции с маркировкой «Живой, био и не разрушает озоновый слой». URL: https://rk.karelia.ru (дата обращения: 20.05.2026).

12. Шинькарюк А. В. Гринвошинг как вызов корпоративной социальной ответственности: этические и репутационные риски // Молодой ученый. 2025. № 24 (523). С. 112–115.

13. Экоклиматические и ESG-споры. Мировая практика : монография. М. : Проспект, 2025.

14. Юридическая ответственность за ложную экомаркировку в России и зарубежных странах. // Закон и право. 2024. № 5. С. 34–39.

Legal liability for greenwashing in advertising and packaging

I. A. Rezanov

East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Irkutsk

Abstract. This report examines the legal liability for greenwashing (false environmental claims) in advertising and product packaging within the Russian Federation. The analysis covers the regulatory framework, including antimonopoly and advertising legislation, as well as the law on organic products. Special attention is given to the activities of the Federal Antimonopoly Service (FAS Russia), including its 2024 recommendations on preventing greenwashing in marketing communications. The report identifies types of administrative liability for misleading environmental claims, the problem of insufficient fines, the lack of mandatory pre-verification of eco-labels, and the absence of criminal liability for systematic violations. Prospects for improving Russian legislation are proposed, such as increasing fines, introducing mandatory verification, and developing environmental certification systems. The findings aim to contribute to the formation of a reliable legal mechanism for protecting consumers from dishonest green claims and ensuring fair competition in the green market.

Keywords: greenwashing, legal liability, antimonopoly legislation, advertising law, environmental labeling, FAS Russia, administrative liability, unfair competition, organic products, misleading claims.

Экологический компонент курса «Основы российской государственности» как инструмент политической социализации студенческой молодежи

Д. А. Бровченко

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Анализируется представленность экологической проблематики в содержании курса «Основы российской государственности» как одного из инструментов политической социализации студенческой молодежи. Исследование выполнено на основе контент-анализа федерального учебно-методического комплекса по дисциплине и рабочих программ образовательных организаций высшего образования Иркутской области. Выделены прямые, косвенные и ценностно-смысловые формы включения экологического компонента в курс. Показано, что экологическая проблематика в ОРГ редко выступает самостоятельным предметом изучения, однако включается в структуру курса через темы глобальных вызовов, национальных ресурсов, стратегического развития, ответственности, гражданского участия и образа малой Родины. Сделан вывод о том, что курс «Основы российской государственности» формирует не столько специализированное экологическое знание, сколько мировоззренческие основания экологической ответственности, связывая ее с гражданственностью, патриотизмом, сохранением национального наследия и политической идентичностью студентов.

Ключевые слова: основы российской государственности, экологическая ответственность, политическая социализация, студенческая молодежь, традиционные российские духовно-нравственные ценности, Байкал, Иркутская область.

Введение в 2023 г. дисциплины «Основы российской государственности» стало одним из заметных этапов институционализации ценностного компонента в системе высшего образования. Данный курс был предложен как междисциплинарный образовательный модуль, объединяющий элементы истории, политологии, социологии, философии и культурологии. Его появление связано не только с обновлением гуманитарной подготовки студентов, но и с более широкой задачей формирования у молодежи гражданской идентичности, представлений о российской государственности и ответственности за будущее страны. В этом смысле курс ОРГ выступает не обычной учебной дисциплиной, а важным инструментом политической социализации студенческой молодежи [1; 2].

Актуальность исследования определяется тем, что экологическая проблематика в современной России все чаще выходит за пределы специального природоохранного знания и становится частью общественно-политической повестки. Вопросы климата, рационального использования ресурсов, технологических рисков, сохранения природного наследия и ответственности перед будущими поколениями включаются в обсуждение национального развития, стратегического планирования и молодежной политики. Для Иркутской области эта проблематика имеет особое значение в связи с символическим и практическим статусом Байкала, который воспринимается не только как природный объект, но и как элемент регио-

нальной идентичности, культурного образа территории и гражданской ответственности жителей региона.

В политико-психологическом отношении экологическая ответственность может рассматриваться как результат политической социализации. Политическая социализация предполагает усвоение личностью норм, ценностей и моделей поведения, через которые формируется ее отношение к государству, обществу, территории, коллективному благу и будущему политического сообщества [3; 4]. Если рассматривать экологическое поведение только как следствие экологического просвещения, то за пределами анализа остается важный ценностный слой: человек бережет природное наследие не только потому, что знает экологические правила, но и потому, что связывает природу с Родиной, малой родиной, исторической памятью, ответственностью и личной причастностью к судьбе общества.

В этой логике государственная политика традиционных российских духовно-нравственных ценностей задает нормативную рамку, в которой экологическая ответственность может быть осмыслена как форма гражданского поведения. В Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей закреплены патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, историческая память, коллективизм, преемственность поколений, ответственность за судьбу страны и приоритет духовного над материальным [5]. Экология как самостоятельная ценность в данном перечне прямо не названа, однако ряд перечисленных ценностей содержательно связан с сохранением природного и культурного наследия, ответственным отношением к территории и заботой о будущих поколениях.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении места экологического компонента в содержании курса «Основы российской государственности» и определении его политико-психологического значения для формирования экологической ответственности студенческой молодежи. Объектом исследования выступает курс «Основы российской государственности» как элемент государственной ценностной политики в высшей школе. Предметом исследования является представленность экологической проблематики в федеральном учебно-методическом комплексе и рабочих программах дисциплины ОРГ в образовательных организациях высшего образования Иркутской области.

Источниковую базу исследования составили: учебно-методический комплекс «Основы российской государственности», размещенный на портале ФГОС ВО и зарегистрированный письмом Минобрнауки России № МН-11/1610-ОП от 11.08.2023 г. [6]; рабочая программа дисциплины ОРГ Педагогического института ИГУ 2023 г. [7]; рабочая программа дисциплины ОРГ Байкальского государственного университета 2025 г. [8]; рабочая программа дисциплины ОРГ Иркутского национального исследовательского технического университета 2025 г. [9]. Метод исследования – качественный контент-анализ. Единицами анализа выступали тематиче-

ские блоки, формулировки целей и результатов обучения, темы лекций и семинаров, вопросы текущего контроля, задания для самостоятельной работы и перечни примерных докладов.

Для анализа были выделены четыре группы индикаторов. Первая группа – прямые экологические маркеры: «экологические вызовы», «климатические проблемы», «природные богатства», «ресурсная политика», «национальные ресурсы». Вторая группа – политико-управленческие маркеры: «стратегическое развитие», «национальные проекты», «государственные программы», «суверенитет», «глобальные вызовы». Третья группа – ценностные маркеры: «ответственность», «солидарность», «служение», «патриотизм», «гражданственность», «преемственность поколений», «историческая память». Четвертая группа – идентификационные маркеры: «образ малой Родины», «многообразие российских регионов», «географические факторы», «природные богатства России». Такой набор категорий позволяет увидеть не только прямое упоминание экологии, но и косвенные способы ее включения в ценностно-политическую рамку курса.

Контент-анализ федерального УМК показал, что экологическая проблематика в курсе ОРГ присутствует прежде всего в разделе «Вызовы будущего и развитие страны». В федеральном документе данный раздел связывает глобальные тренды, техногенные риски, экологические вызовы и экономические шоки с вопросами суверенитета страны и сценариями перспективного развития российской цивилизации [6]. При этом экологическая тема не выделена как самостоятельное направление ценностного воспитания. Она включается в более широкую рамку глобальных вызовов, на которые российское общество должно отвечать через солидарность, ответственность, миссию, стабильность и представление о неразрывности личного успеха и благосостояния Родины [6].

Особенно важным является то, что федеральный УМК прямо связывает содержание завершающего раздела с ценностной схемой. В документе отмечается, что через лекционные и практические занятия раздела «Вызовы будущего и развитие страны» должна проходить воспитательная схема, согласно которой ценностные принципы российского общества выступают фундаментом ответа на вызовы настоящего и будущего [6]. Более того, климатические и экологические проблемы в этом разделе интерпретируются как проявление дефицита справедливости и солидарности, а атомизация общества – как утрата мотива ответственности [6]. Следовательно, экологическая проблематика получает в курсе ОРГ не техническое, а политико-психологическое содержание: она становится поводом для разговора о справедливости, ответственности, солидарности и роли самого студента в ответе на вызовы будущего.

Рабочая программа дисциплины ОРГ Педагогического института ИГУ в целом воспроизводит федеральную логику курса, но делает экологический компонент более заметным. В разделе «Вызовы будущего и развитие страны» прямо названы глобальные проблемы «естественного» ха-

рактера, включая климатические и экологические проблемы [7]. Далее программа выводит студентов к обсуждению роли России в международном сотрудничестве по борьбе с глобальными вызовами, а также к анализу внутренних вызовов общественного развития [7]. В блоке вопросов для контроля и самостоятельной работы содержатся задания, прямо связанные с изменением климата, климатической и ресурсной политикой, сохранением и воспроизводством национальных ресурсов, а также личным вкладом студента в решение проблем, порожденных вызовами и угрозами [7].

Таким образом, в рабочей программе ИГУ экологическая проблематика не остается на уровне общего упоминания. Она переводится в форму вопросов, требующих личной позиции студента: «современные проблемы изменения климата: реальность или миф?», «основные тренды технологической, климатической и ресурсной политики», «способы, инструменты и технологии сохранения, воспроизводства и осознанного использования национальных ресурсов», «личный вклад в решение проблем через будущую профессиональную деятельность» [7]. Для политической психологии это существенно, поскольку такие формулировки переводят экологическую тему из режима внешнего знания в режим самоопределения, личной ответственности и гражданского выбора.

Дополнительное значение имеет блок примерных тем докладов в рабочей программе ИГУ. В нем представлены темы «Общие природно-географические и социально-политические характеристики современной России», «Многообразие российских регионов», «Образ моей малой Родины», «Техногенные риски, экологические вызовы и экономические шоки современности» [7]. Эти темы позволяют соединить экологическую проблематику с региональной идентичностью. Для Иркутской области такая связка особенно продуктивна, поскольку образ малой Родины неизбежно соприкасается с образом Байкала как ключевого природного и символического ресурса региона.

Рабочая программа БГУ демонстрирует более обобщенную модель включения экологического компонента. В ней дисциплина ОРГ имеет объем 72 часа и направлена на формирование у обучающихся системы знаний, навыков, компетенций, а также ценностей, правил и норм поведения, связанных с принадлежностью к российскому обществу, патриотизмом, гражданственностью и духовно-нравственным фундаментом личности [8]. В тематическом плане присутствует раздел «Вызовы будущего и развитие страны», в том числе тема «Россия в глобальном пространстве: вызовы будущего и развитие страны», а также тема «Социокультурные угрозы российской государственности» [8]. Прямого экологического блока в представленном фрагменте программы БГУ не обнаружено, однако через категории стратегического планирования, устойчивого долгосрочного развития и ценностных принципов российской цивилизации создается пространство для обсуждения экологических вопросов как части глобальных вызовов.

Рабочая программа ИРНИТУ, напротив, достаточно явно фиксирует экологический компонент в содержании курса. В разделе «Вызовы будущего и развитие страны» указаны глобальные тренды, техногенные риски, экологические вызовы и экономические шоки, а также связь этих вызовов с суверенитетом страны и сценариями перспективного развития мира и российской цивилизации [9]. В той же программе отдельно обозначены ценностные ориентиры развития и процветания России: солидарность, единство, стабильность, компромисс, альтруизм и взаимопомощь [9]. Далее в теме о сценариях развития российской цивилизации названы ответственность и миссия как ориентиры личностного и общественного развития [9].

Сравнительный анализ источников позволяет представить результаты исследования в виде следующей обобщающей таблицы (табл.).

Таблица

Формы представленности экологического компонента в источниках курса «Основы российской государственности»

Источник	Прямые экологические маркеры	Ценностные связки	Политико-психологическое значение
Федеральный УМК ОРГ	Экологические вызовы, климатические проблемы, природные богатства	Солидарность, ответственность, справедливость, миссия, благосостояние Родины	Экология встроена в рамку глобальных вызовов и ответа гражданина на будущее страны
Рабочая программа ИГУ	Климатические и экологические проблемы; климатическая и ресурсная политика; национальные ресурсы	Личный вклад, малая Родина, многообразие регионов, коллективизм	Экологическая тема переводится в плоскость личной позиции и региональной идентичности
Рабочая программа БГУ	Прямые экологические маркеры выражены слабее; акцент на глобальных вызовах и устойчивом развитии	Патриотизм, гражданственность, духовно-нравственный фундамент личности	Экологический компонент представлен косвенно через стратегическое развитие и ценностные основания государственности
Рабочая программа ИРНИТУ	Техногенные риски, экологические вызовы, экономические шоки; природные богатства	Солидарность, единство, стабильность, ответственность, миссия	Экология связана с суверенитетом, стратегическим развитием и профессиональным самоопределением студента

Полученные результаты позволяют сделать несколько промежуточных выводов. Во-первых, экологическая проблематика в курсе ОРГ не является самостоятельной доминантой. Она включается преимущественно в завершающий раздел, посвященный вызовам будущего и развитию страны. Во-вторых, экологический компонент чаще всего соединяется не с природоохранной терминологией, а с политическими категориями: суверенитет,

стратегическое развитие, национальные проекты, государственные программы, глобальные вызовы. В-третьих, экологические вопросы связываются с ценностными категориями: ответственность, солидарность, миссия, служение, коллективизм, личный вклад, малая Родина. Именно эта связка делает курс ОРГ значимым для политико-психологического анализа.

Главная особенность выявленного материала состоит в том, что курс ОРГ формирует не экологическую компетентность в узком смысле, а мировоззренческие основания экологической ответственности. Студенту предлагается не столько набор знаний о состоянии окружающей среды, сколько способ включить экологическую проблематику в понимание будущего страны, национального развития, роли гражданина и собственной профессиональной ответственности. Это отличает курс ОРГ от специальных экологических дисциплин и позволяет рассматривать его как инструмент политической социализации.

В политико-психологическом плане можно выделить несколько механизмов, через которые экологический компонент курса работает на формирование ценностных установок. Первый механизм – идентификация. Через темы географических факторов, природных богатств, многообразия регионов и образа малой Родины студент соотносит себя с конкретной территорией и более широким пространством страны. Второй механизм – интериоризация ответственности. Вопросы о личном вкладе, профессиональной роли и способах преодоления вызовов переводят проблему из внешнего описания в сферу личного выбора. Третий механизм – символизация. Природные объекты и ресурсы начинают восприниматься как элементы национального достояния, а не только как экономические или географические факторы. Четвертый механизм – включение в гражданское участие: экологические вызовы рассматриваются в контексте гражданского общества, общественных инициатив и практик коллективного действия.

Для Иркутской области особое значение имеет символический ресурс Байкала. Хотя в проанализированных программах Байкал прямо не выделяется как самостоятельный тематический блок, структура курса создает возможность его включения через темы малой Родины, природно-географических характеристик России, многообразия регионов, национальных ресурсов и экологических вызовов. Байкал может выступать не только примером природного богатства страны, но и политико-психологическим символом, через который студент осмысляет связь между регионом, государством, гражданской ответственностью и экологическим поведением.

В этом отношении экологическая ответственность студенческой молодежи может пониматься как одна из практических форм реализации традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Если патриотизм трактуется не только как эмоциональная привязанность к Родине, но и как готовность действовать в интересах ее сохранения и развития, то забота о природном наследии становится частью патриотической и граждан-

ской позиции. Если преемственность поколений предполагает передачу будущим поколениям не только культурного, но и природного наследия, то экологическая ответственность получает прямое ценностное основание. Если коллективизм и солидарность выступают ценностями российского общества, то экологическое поведение перестает быть сугубо индивидуальным выбором и становится частью коллективной ответственности.

При этом исследование показывает и методическое ограничение курса ОРГ. Экологическая проблематика в большинстве случаев присутствует в нем как часть более широкого блока глобальных вызовов. Это создает риск ее растворения среди других тем: технологических, экономических, демографических, социокультурных. Для усиления воспитательного потенциала курса целесообразно более отчетливо связывать экологические вызовы с традиционными ценностями, региональной идентичностью и конкретными практиками гражданского участия студентов. В условиях Иркутской области это может быть реализовано через кейсы Байкала, экологического волонтерства, региональной природоохранной политики и студенческих проектов, направленных на сохранение природного наследия.

Таким образом, проведенный контент-анализ показал, что экологический компонент курса «Основы российской государственности» имеет преимущественно интегрированный характер. Он не представлен как самостоятельная ценностная категория, однако включен в курс через темы глобальных вызовов, стратегического развития, национальных ресурсов, гражданского участия, ответственности и образа малой Родины. Это позволяет рассматривать ОРГ как дисциплину, формирующую мировоззренческие основания экологической ответственности студенческой молодежи. В отличие от специальных экологических курсов, ОРГ задает политико-психологическую рамку, в которой экологическое поведение связывается с гражданской идентичностью, патриотизмом, солидарностью, сохранением национального наследия и личным вкладом студента в будущее страны.

В заключение необходимо подчеркнуть, что выявленная модель имеет значение для дальнейшего исследования государственной политики традиционных российских духовно-нравственных ценностей в высшей школе. Экологическая ответственность оказывается не внешней по отношению к данной политике темой, а одним из возможных направлений ее практического раскрытия. На примере курса «Основы российской государственности» видно, что ценностная политика государства реализуется не только через прямое перечисление традиционных ценностей, но и через образовательные сюжеты, позволяющие студенту соотносить личную позицию с общественным благом, региональной принадлежностью и будущим страны. Для Иркутской области данная логика может быть особенно продуктивной, поскольку Байкал выступает одновременно природным объектом, символом малой Родины и ресурсом формирования гражданской ответственности молодежи.

Литература

1. С 1 сентября запущен курс «Основы российской государственности» // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 01.09.2023. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/72464/ (дата обращения: 03.06.2026).

2. Основы российской государственности : учеб.-метод. комплекс по дисциплине для образоват. организаций высш. образования / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, Л. Г. Титова, С. А. Кудрина. М. : Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2023.

3. Easton D., Dennis J. Children in the Political System: Origins of Political Legitimacy. New York : McGraw-Hill, 1969.

4. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton : Princeton University Press, 1963.

5. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809.

6. О направлении учебно-методического комплекса дисциплины «Основы российской государственности» : письмо М-ва науки и высш. образования РФ от 11.08.2023 № МН-11/1610-ОП

7. Основы российской государственности : рабочая программа дисциплины / ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Пед. ин-т. Иркутск, 2023.

8. Основы российской государственности : рабочая программа дисциплины Б1.О.9 / ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет». Иркутск, 2025.

9. Основы российской государственности : рабочая программа дисциплины / ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет». Иркутск, 2025.

10. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся : федер. закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ.

11. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

12. Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р.

13. Расторгуев С. В. Смыслы традиционных духовно-нравственных ценностей в официальном дискурсе // Власть. 2025. Т. 33, № 2. С. 161–166.

14. Цветкова И. В., Иванова Т. Н. Социальные критерии экологической ответственности молодежи // Интеграция образования. 2017. Т. 21, № 4. С. 723–735.

15. Зуляр Ю. А. Политическое воспитание студентов – актуальная задача современности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2022. Т. 41. С. 3–6.

16. Зуляр Р. Ю. Государственная молодежная политика и воспитание: проблемное поле // Одиннадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения : в 2 т. : материалы. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. Т. 1. С. 130–135.

Ecological component of the course “Fundamentals of Russian statehood” as an instrument of political socialization of student youth

D. A. Brovchenko
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the representation of environmental issues in the content of the course “Fundamentals of Russian Statehood” as an instrument of political socialization of student

youth. The study is based on a content analysis of the federal educational and methodological complex for the discipline and working programs of higher education institutions in the Irkutsk Region. Direct, indirect and value-semantic forms of including the ecological component in the course are identified. It is concluded that the course forms not specialized environmental knowledge, but the worldview foundations of environmental responsibility, linking it with citizenship, patriotism, preservation of national heritage and students' political identity.
Keywords: Fundamentals of Russian Statehood, environmental responsibility, political socialization, student youth, traditional Russian spiritual and moral values, Baikal, Irkutsk Region.

Грантовая поддержка экологических молодежных проектов как инструмент политической социализации молодежи

К. Г. Бастова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматривается грантовая поддержка экологических молодежных проектов как один из современных механизмов политической социализации молодежи. Анализируются возможности участия молодых граждан в экологических инициативах, реализуемых при поддержке государственных грантовых конкурсов. Показано, что экологические проекты способствуют формированию гражданской ответственности, развитию проектной культуры, вовлечению молодежи в решение общественно значимых проблем и освоению практик взаимодействия с государственными институтами. Сделан вывод о том, что грантовая поддержка экологических инициатив выступает не только инструментом финансирования общественно полезной деятельности, но и важным ресурсом формирования активной гражданской позиции молодежи.
Ключевые слова: молодежная политика, грантовая поддержка, политическая социализация, экологические проекты, гражданская активность, молодежь, экологическое воспитание.

В современных условиях экологическая проблематика занимает все более значимое место в системе общественного и государственного развития. Изменение климата, сокращение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды и необходимость перехода к принципам устойчивого развития обусловливают рост внимания к вопросам экологического воспитания и формирования экологически ответственного поведения граждан. Особое значение в данном процессе имеет молодежь, поскольку именно молодое поколение в перспективе будет определять направления социального, экономического и политического развития государства.

В Российской Федерации экологическая повестка все чаще рассматривается через призму государственной молодежной политики. Одним из наиболее востребованных механизмов вовлечения молодежи в общественно значимую деятельность выступает грантовая поддержка молодежных инициатив. Благодаря деятельности Федерального агентства по делам молодежи, Фонда президентских грантов и других институтов поддержки молодые люди получают возможность реализовывать собственные проекты, направленные на решение социальных, культурных, образовательных и экологических проблем.

Вместе с тем грантовая поддержка представляет интерес не только как инструмент финансирования молодежных инициатив. Участие в грантовой деятельности способствует формированию гражданской ответственности, развитию лидерских качеств, освоению практик общественного участия и взаимодействия с государственными институтами. В связи с этим грантовые конкурсы могут рассматриваться как один из механизмов политической социализации молодежи.

Политическая социализация традиционно определяется как процесс усвоения индивидом политических знаний, ценностей, норм и моделей поведения, обеспечивающих его включение в общественно-политическую жизнь. Согласно концепциям Г. Алмонда и С. Вербы, а также Д. Истона и Дж. Денниса, политическая социализация способствует формированию гражданской идентичности и готовности к участию в общественных процессах. Современные исследователи отмечают, что наряду с традиционными агентами социализации важную роль начинают играть различные формы общественной активности, включая добровольчество, волонтерство и социальное проектирование.

Цель исследования состоит в выявлении места экологической проблематики в системе грантовой поддержки молодежных инициатив и определении ее значения как инструмента политической социализации молодежи.

Объектом исследования выступает грантовая поддержка молодежных инициатив в Российской Федерации.

Предметом исследования является экологическая повестка в системе грантовой поддержки молодежных инициатив.

Источниковую базу исследования составили Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации», Стратегия реализации молодежной политики Российской Федерации на период до 2030 года, методические материалы конкурса «Росмолодежь. Гранты», а также материалы экологических проектов, поддержанных в рамках грантовых конкурсов.

Метод исследования – качественный контент-анализ.

Для анализа были выделены четыре группы индикаторов.

Таблица 1

Категории контент-анализа

Группа индикаторов	Категории анализа
Экологические маркеры	Экологическое просвещение, охрана природы, устойчивое развитие, углеродный след, экологическая культура
Гражданские маркеры	Добровольчество, общественное участие, развитие сообществ, инициативность
Ценностные маркеры	Ответственность, патриотизм, сохранение природного наследия, служение обществу
Социализирующие маркеры	лидерство, командная работа, проектная деятельность, взаимодействие с институтами

Проведенный анализ нормативно-правовых документов показал, что экологическая проблематика занимает устойчивое место в системе государственной молодежной политики. Несмотря на отсутствие самостоятельного экологического направления в ряде стратегических документов, экологическая деятельность регулярно связывается с добровольчеством, гражданской активностью, развитием территорий и формированием ответственности за будущее страны.

Результаты анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2

Формы представленности экологической повестки
в документах молодежной политики

Источник	Экологические маркеры	Ценностные связки	Политико-социализирующее значение
Стратегия реализации молодежной политики РФ до 2030 года	экологическая культура, развитие территорий	ответственность, гражданская активность	вовлечение молодежи в общественную деятельность
Федеральный закон «О молодежной политике»	поддержка молодежных инициатив, добровольчество	гражданственность, социальная ответственность	формирование активной жизненной позиции
Росмолодежь. Гранты	экологическое просвещение, экологическое волонтерство	добровольчество, общественное участие	развитие практик гражданского участия
Методические материалы грантовых конкурсов	устойчивость проектов, социальный эффект	лидерство, инициативность	развитие проектных компетенций

Таким образом, экологическая деятельность включается в более широкий контекст формирования социально активного гражданина. Экологические проекты рассматриваются не только как средство решения природоохранных задач, но и как инструмент развития добровольчества, лидерства и гражданской активности.

Для более глубокого анализа был проведен контент-анализ четырех экологических проектов, получивших грантовую поддержку: «Станция «Зеленая Ладья»«, «Широко шагая», «Имею право снизить углеродный след» и «Космо-просвещение: химия, экология и производство» (табл. 3).

Проект «Станция “Зеленая Ладья”» представляет собой экологический медиапроект, направленный на создание серии подкастов по вопросам охраны окружающей среды. Особенностью проекта является использование медиакоммуникации как инструмента экологического просвещения. Молодежь выступает не только объектом экологического воспитания, но и субъектом распространения общественно значимой информации.

Таблица 3

Характеристика исследуемых проектов

Проект	Размер гранта	Основная цель
«Станция „Зеленая Ладья“«	175 696 руб.	Экологическое медиапросвещение
«Широко шагая»	852 000 руб.	Развитие экотуризма и экологического волонтерства
«Имею право снизить углеродный след»	180 000 руб.	Экологическое и правовое просвещение
«Космо-просвещение: химия, экология и производство»	500 000 руб.	Популяризация науки и экологической культуры

Проект «Широко шагая» был направлен на развитие экологического туризма и экологического волонтерства. В ходе реализации проекта участниками было очищено около 130 тыс. м^2 природных территорий и собрано более 20 м^3 отходов. Кроме того, были организованы образовательные мероприятия, экскурсии и экологические акции.

Проект «Имею право снизить углеродный след» ориентирован на развитие экологической грамотности и правовой культуры. В рамках проекта было проведено 31 мероприятие с участием почти 600 чел., а информационные материалы получили более 30 тыс. просмотров.

Проект «Космо-просвещение: химия, экология и производство» направлен на популяризацию экологических знаний среди школьников и формирование интереса к современным технологиям. В проекте приняли участие более 300 школьников из десяти образовательных организаций.

Таблица 4

Количественные результаты проектов

Проект	Количественные показатели
«Станция „Зеленая Ладья“»	Серия экологических подкастов
«Широко шагая»	Очищено 130 000 кв. м территории, собрано 20,5 куб. м отходов
«Имею право снизить углеродный след»	31 мероприятие, 594 участника, более 30 000 просмотров материалов
«Космо-просвещение»	Более 300 школьников, 10 школ, 20 уроков, 150 экспериментов

Для выявления политико-социализирующего потенциала проектов была проведена дополнительная категоризация полученных данных (табл. 5). Полученные данные показывают, что экологическая составляющая во всех проектах сочетается с задачами гражданского воспитания молодежи. Ни один из рассмотренных проектов не ограничивается исключительно природоохранной деятельностью. Экологическая повестка используется как инструмент вовлечения молодежи в общественную активность, развитие лидерских качеств и формирование ответственности за состояние окружающей среды.

Таблица 5

Контент-анализ политико-социализирующего потенциала проектов

Проект	Экологический эффект	Гражданский эффект	Социализирующий эффект
«Станция „Зеленая Ладья“«	распространение экологических знаний	вовлечение молодежи в общественную коммуникацию	развитие медиакомпетенций и публичной активности
«Широко шагая»	очистка природных территорий	развитие волонтерства	опыт коллективных действий и ответственности
«Имею право снизить углеродный след»	повышение экологической грамотности	участие в общественных дискуссиях	формирование правовой культуры
«Космо-просвещение»	популяризация экологических знаний	работа со школьным сообществом	профессиональная ориентация и развитие лидерства

Для оценки распространенности выявленных маркеров была проведена их сравнительная группировка (табл. 6).

Таблица 6

Частота встречаемости маркеров в исследуемых проектах

Маркер	Количество проектов
Экологическое просвещение	4
Формирование экологической культуры	4
Развитие гражданской активности	4
Взаимодействие с экспертами и институтами	4
Командная работа	3
Лидерство	3
Волонтерская деятельность	2
Формирование территориальной идентичности	2

Результаты анализа позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, наиболее распространенными маркерами выступают экологическое просвещение, формирование экологической культуры и развитие гражданской активности. Они присутствуют во всех исследованных проектах. Во-вторых, экологические инициативы создают условия для формирования навыков коллективной деятельности, лидерства и взаимодействия с различными общественными институтами. В-третьих, экологические проекты способствуют формированию чувства ответственности за территорию проживания и общественное благо, что особенно важно в контексте развития гражданской идентичности молодежи.

Таким образом, экологическая повестка в системе грантовой поддержки молодежных инициатив выполняет как минимум четыре функции: просветительскую, мобилизационную, коммуникативную и социализирующую. Просветительская функция реализуется через распространение экологических знаний и формирование экологической культуры. Мобили-

зационная функция выражается во вовлечении молодежи в практическую деятельность. Коммуникативная функция связана с взаимодействием участников проектов с образовательными организациями, экспертным сообществом, органами власти и общественными объединениями. Социализирующая функция проявляется в формировании гражданской ответственности, лидерских качеств и опыта коллективного решения социальных проблем.

Проведенное исследование показало, что экологическая повестка занимает значимое место в системе грантовой поддержки молодежных инициатив в Российской Федерации. Анализ нормативных документов и материалов экологических проектов позволяет сделать вывод о том, что государственная поддержка экологических инициатив направлена не только на решение природоохранных задач, но и на формирование активной гражданской позиции молодежи. Экологические проекты способствуют развитию добровольческой активности, освоению практик социального проектирования и взаимодействия с государственными институтами. Через участие в грантовой деятельности молодые люди приобретают опыт общественного участия и осознают собственную ответственность за развитие территории проживания и общества в целом.

Таким образом, экологическая повестка в системе грантовой поддержки молодежных инициатив выступает важным инструментом политической социализации молодежи. Поддерживаемые государством экологические проекты позволяют не только решать актуальные проблемы окружающей среды, но и формировать поколение социально активных граждан, готовых участвовать в развитии общества и государства.

Литература

1. О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003 (дата обращения: 05.06.2026).

2. Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р // Правительство РФ. URL: http://government.ru/docs/52447/ (дата обращения: 05.06.2026).

3. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (дата обращения: 05.06.2026).

4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001 (дата обращения: 05.06.2026).

5. Росмолодежь. Гранты : офиц. сайт. URL: https://grants. myrosmol.ru (дата обращения: 05.06.2026).

6. Добро. РФ : экосистема социального развития. URL: https://dobro.ru (дата обращения: 05.06.2026).

7. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963. URL: https://archive.org/details/ civicculturepoli0000almo (дата обращения: 05.06.2026).

8. Easton D., Dennis J. Children in the Political System: Origins of Political Legitimacy. New York : McGraw-Hill, 1969. URL: https://archive.org/details/childreninpoliti0000east (дата обращения: 05.06.2026).

9. Цветкова И. В., Иванова Т. Н. Социальные критерии экологической ответственности молодежи // Интеграция образования. 2017. Т. 21, № 4. С. 723–735. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-kriterii-ekologicheskoy-otvetstvennosti-molodezhi (дата обращения: 05.06.2026).

10. Зуляр Ю. А. Политическое воспитание студентов – актуальная задача современности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2022. Т. 41. С. 3–6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-vospitanie-studentov-aktualnaya-zadacha-sovremennosti (дата обращения: 05.06.2026).

11. Зуляр Р. Ю. Государственная молодежная политика и воспитание: проблемное поле // Одиннадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Иркутск, 2018. С. 130–135.

12. Луков В. А. Гражданская активность молодежи в современной России. URL: https://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/ (дата обращения: 05.06.2026).

13. Расторгуев С. В. Смыслы традиционных духовно-нравственных ценностей в официальном дискурсе // Власть. 2025. Т. 33, № 2. С. 161–166. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smysly-traditsionnyh-duhovno-nravstvennyh-tsennostey-v-ofitsialnom-diskurse (дата обращения: 05.06.2026).

14. Экологическое волонтерство в России: тенденции и перспективы развития // Ассоциация волонтерских центров. URL: https://авц.рф (дата обращения: 05.06.2026).

15. Национальный проект «Экологическое благополучие» // Правительство Российской Федерации. URL: http://government.ru/rugovclassifier/ 614/events/ (дата обращения: 05.06.2026).

16. Цели устойчивого развития Организации Объединенных Наций // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/ sustainable-development-goals/ (дата обращения: 05.06.2026).

17. Экологическое просвещение молодежи как фактор формирования гражданской ответственности // Научная электронная библиотека КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 05.06.2026).

Grant support for youth environmental projects as an instrument of political socialization of young people

K. G. Bastova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines grant support for youth environmental projects as one of the modern mechanisms of political socialization of young people. The possibilities of youth participation in environmental initiatives implemented with the support of state grant competitions are analyzed. It is shown that environmental projects contribute to the formation of civic responsibility, the development of project culture, the involvement of young people in solving socially significant problems and the acquisition of experience in interaction with public institutions. It is concluded that grant support for environmental initiatives acts not only as a financial mechanism, but also as an important resource for the formation of active citizenship among young people.

Keywords: youth policy, grant support, political socialization, environmental projects, civic activity, youth, environmental education.

К вопросу о субъективном экономическом благополучии как факторе тревоги и депрессии личности в условиях экономического кризиса

В. А. Москалёв, Т. Ц. Тудупова

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова Улан-Удэ)

Аннотация. Поднимается проблема взаимосвязи субъективного экономического благополучия с уровнем тревоги и депрессии у человека в условиях экономического кризиса. В современной социальной ситуации именно субъективное восприятие экономической нестабильности, неопределенности будущего и дефицита ресурсов все чаще выступает значимым психологическим фактором эмоционального неблагополучия. В отечественной психологии накоплен значительный материал, посвященный исследованию субъективного благополучия, экономического сознания, финансового стресса, тревоги и депрессии, однако данные направления нередко существуют обособленно. Отмечается, что субъективное экономическое благополучие следует рассматривать не как частную оценку дохода, а как многокомпонентный психологический конструкт, включающий когнитивные и ценностно-смысловые элементы. Обосновывается положение о том, что в условиях экономического кризиса ключевую роль в детерминации тревожно-депрессивной симптоматики играют не столько объективные показатели материального положения, сколько субъективно переживаемые экономическая тревожность, финансовая депривированность, восприятие незащищенности и нарушение чувства контролируемости жизненной ситуации. На основе анализа работ отечественных исследователей уточняются психологические механизмы влияния экономической нестабильности на эмоциональное состояние взрослого населения. Делается вывод о необходимости интеграции подходов клинической и экономической психологии для более глубокого понимания тревоги и депрессии в условиях кризиса.

Ключевые слова: субъективное экономическое благополучие, экономический кризис, тревога, депрессия, финансовая тревожность, финансовая депривированность, взрослое население, психологическое благополучие.

В современной психологии все более очевидным становится положение о том, что переживание человеком собственного благополучия не сводится только к объективным условиям его жизни. Даже при сходных социально-экономических обстоятельствах люди существенно различаются по уровню тревоги, устойчивости, удовлетворенности жизнью и по характеру интерпретации жизненных событий. Особенно отчетливо это проявляется в периоды экономической нестабильности, когда усиливаются неопределенность, ожидание потерь, переживание снижения жизненных возможностей и ощущение уязвимости перед внешними обстоятельствами. В этих условиях особое значение приобретает анализ не только объективного уровня дохода или занятости, но и того, каким образом личность воспринимает свое материальное положение, перспективы его изменения и собственную способность справляться с экономическими вызовами. Именно поэтому категория субъективного экономического благополучия приобретает в настоящее время не только экономико-психологическое, но и клинико-психологическое значение [4; 8].

В отечественной психологии проблема благополучия разрабатывалась в русле исследований субъективного благополучия, психологического благополучия, качества жизни, жизненной удовлетворенности и отношения личности к условиям собственной жизнедеятельности. Обзор отечественных исследований показывает, что благополучие рассматривается как сложный интегративный феномен, включающий эмоциональную оценку собственной жизни, когнитивное осмысление жизненной ситуации и регуляторный потенциал личности. При этом благополучие не является лишь отражением внешних обстоятельств; оно опосредовано ценностями, ожиданиями, системой социальных сравнений и субъективной интерпретацией происходящего. В этом контексте субъективное экономическое благополучие выступает как частная, но чрезвычайно значимая форма общего субъективного благополучия, поскольку материальная обеспеченность и представления о ней затрагивают базовые аспекты безопасности, автономии, жизненного планирования и социального статуса [4].

Одним из наиболее разработанных в отечественной психологии подходов к анализу данного феномена является концепция В. А. Хащенко. Он определяет субъективное экономическое благополучие как интегральный психологический показатель жизни человека, выражающий отношение к собственному актуальному и будущему материальному благосостоянию. Особую значимость имеет то, что данный конструкт не редуцируется к удовлетворенности доходом. Он включает систему взаимосвязанных компонентов, среди которых выделяются экономический оптимизм или пессимизм, экономическая тревожность, субъективная адекватность дохода, финансовая депривированность и текущее благосостояние семьи. В. А. Хащенко подчеркивает, что аффективные переживания относительно материальной обеспеченности являются обязательной частью структуры субъективного экономического благополучия, а его надежное измерение требует системного, а не одномерного подхода. Практическая востребованность такого подхода особенно велика именно в критические и кризисные периоды общественного развития [8–10].

Принципиально важным для данной проблемы является положение о том, что субъективное экономическое благополучие формируется не только в прямой оценке достатка, но и социального сравнения, ожиданий будущего и эмоциональной реакции на предполагаемые жизненные ограничения. Иными словами, человек переживает изменения экономического положения как ситуацию возможности или невозможности поддерживать привычный образ жизни, реализовывать жизненные цели, сохранять автономию и позитивный образ себя. Вследствие этого, субъективное переживание экономической нестабильности может оказываться более значимым, чем формальные показатели дохода. Такой вывод особенно важен применительно ко взрослому населению, поскольку в зрелом возрасте финансовая сфера тесно связана с обязательствами, профессиональной идентичностью, статусными ожиданиями и долгосрочным планированием [8–10].

Рассмотрение данного вопроса невозможно вне более общего контекста исследований тревоги и депрессии. В современной отечественной психологии тревожность трактуется как сложный психологический феномен, связанный с переживанием угрозы, неопределенности, ожиданием неблагоприятного развития событий и снижением чувства контролируемости ситуации. Подчеркивается, что тревога усиливается в условиях социального дискомфорта и нестабильности, когда человек не располагает достаточными основаниями для прогнозирования будущего. В свою очередь, депрессивные состояния в психологическом плане сопряжены с переживанием утраты опоры, бессилия, снижения субъективной эффективности и невозможности изменить значимые жизненные обстоятельства. Следовательно, кризисные экономические условия создают благоприятную почву для нарастания тревожно-депрессивной симптоматики постольку, поскольку они подрывают субъективное переживание безопасности, предсказуемости и жизненной перспективы [6; 7].

Важным теоретическим основанием для объяснения этой связи выступает транзакционная теория стресса Р. Лазаруса, согласно которой решающее значение имеет не сам по себе стрессор, а его когнитивная оценка субъектом. Применительно к экономическому кризису это означает, что ухудшение эмоционального состояния зависит не только от объективного снижения ресурсов, но и от того, воспринимается ли ситуация как угроза, как утрата, как вызов или как состояние, с которым субъект способен справиться. В условиях экономической неопределенности именно субъективная оценка доступности ресурсов, риска утраты дохода, ограничения потребностей и социального понижения может порождать устойчивый фон тревоги. Если же ситуация начинает осмысляться как хронически неконтролируемая и безысходная, возрастает вероятность депрессивных переживаний. Поэтому экономическая тревожность и финансовая депривированность можно рассматривать как важнейшие психологические посредники между макроэкономическим кризисом и индивидуальным эмоциональным неблагополучием [5].

Показательно, что в современных отечественных публикациях финансовая тревожность все чаще рассматривается как самостоятельный предмет исследования. Отмечается, что обеспокоенность финансовыми вопросами имеет разнообразные причины: от субъективного восприятия макроэкономических и политических явлений до личностных особенностей и оценки собственного материального положения. Экономический кризис влияет на эмоциональное состояние не напрямую, а через систему субъективных интерпретаций, ожиданий и переживаний [3].

Следует рассмотреть различение нескольких механизмов, через которые субъективное экономическое благополучие может быть связано с тревогой и депрессией. Во-первых, это механизм оценки ресурсной обеспеченности. Недостаточность воспринимаемых ресурсов усиливает чувство уязвимости, повышает чувствительность к рискам и способствует хрони-

ческому напряжению. Во-вторых, это механизм социального сравнения. Субъективная неудовлетворенность материальным положением часто определяется не абсолютным доходом, а сравнением себя с референтной группой, что ведет к переживанию ущемленности и неполноценности. В-третьих, это механизм утраты контролируемости. Когда человек не видит реальных способов повлиять на свою экономическую ситуацию, повышается риск перехода от тревоги как мобилизации к депрессии как состоянию бессилия и отказа от активного преодоления. В-четвертых, это механизм временной перспективы. Экономический пессимизм, ориентированный на ожидание ухудшения, подрывает чувство будущего и тем самым усиливает депрессивную симптоматику. Эти механизмы образуют единую динамическую систему [2; 4; 8–10].

В рамках отечественной психологии важным является также разграничение объективного экономического статуса и субъективного экономического благополучия. Данное разграничение методологически существенно, поскольку позволяет понять, почему одинаковые внешние условия могут по-разному переживаться разными людьми. Более того, некоторые исследования прямо указывают на то, что экономическая тревожность и финансовая депривация связаны не только с объективными характеристиками статуса, но и с более широким комплексом личностных и межличностных феноменов. Это подтверждает мысль о том, что субъективное экономическое благополучие занимает промежуточное положение между социальной ситуацией и эмоциональным состоянием личности, выполняя функцию психологического медиатора [8–10].

При этом следует отметить, что в отечественной литературе пока сохраняется определенная фрагментарность исследований. Работы по экономической психологии подробно анализируют структуру субъективного экономического благополучия и связанные с ней установки, однако сравнительно редко рассматривают данный фактор в прямой связи с тревожно-депрессивной симптоматикой взрослого населения в условиях социальной нестабильности. Исследования тревожности и депрессии, напротив, часто изучают общие стрессовые, личностные и клинико-психологические факторы, но реже включают в модель специфические экономико-психологические переменные. Отсюда сегодня особенно востребован междисциплинарный синтез, в котором субъективное экономическое благополучие рассматривалось бы как психологически содержательный фактор риска эмоционального неблагополучия [3; 6–10].

Таким образом, теоретический анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, субъективное экономическое благополучие представляет собой самостоятельный и многомерный психологический феномен, который не сводится к оценке дохода или материального положения. Во-вторых, в условиях экономического кризиса его аффективные компоненты, прежде всего экономическая тревожность и ощущение финансовой ограниченности, приобретают особую значимость, поскольку непосредственно

связаны с переживанием угрозы, дефицита и нестабильности. В-третьих, тревога и депрессия в ситуации экономической нестабильности следует рассматривать как результат не только внешних стрессоров, но и особенностей субъективной оценки ресурсов, жизненных перспектив и контролируемости происходящего. В-четвертых, интеграция подходов экономической и клинической психологии открывает возможности для более точной психологической диагностики лиц группы риска и для разработки программ профилактики эмоционального неблагополучия у взрослого населения [2; 3; 8–10].

Таким образом, проблема взаимосвязи субъективного экономического благополучия с тревогой и депрессией у взрослого населения в условиях экономического кризиса имеет выраженное теоретическое и прикладное значение. Проведенный анализ показывает, что экономическая нестабильность воздействует на психическое состояние не только через объективное ухудшение жизненных условий, но и через изменение субъективного отношения личности к собственным ресурсам, возможностям и будущему. Субъективное экономическое благополучие выступает в этом контексте важнейшим звеном, связывающим макросоциальные изменения и индивидуальное эмоциональное состояние. Наиболее значимыми в данной структуре оказываются экономическая тревожность, финансовая депривированность, восприятие недостаточности дохода и экономический пессимизм. Именно они образуют психологическую основу для усиления тревожно-депрессивной симптоматики.

Литература

1. Бендюков М. А. Эмоциональное переживание кризиса занятости // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. № 19. С. 179–190.

2. Гришина Н. В. Трудные жизненные ситуации: новые вызовы, новые решения // Социальная психология и общество. 2025. Т. 16, № 4. С. 5–17.

3. Дробышева Т. В. Предикторы финансовой тревожности в ситуации выхода на пенсию // Социальная психология и общество. 2025. Т. 16, № 4. С. 133–152.

4. Карапетян Л. В. Исследование благополучия в отечественной психологии // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 2. С. 15–20.

5. Lazarus R. S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. NewYork : Springer-PublishingCompany, 1984. 445 p.

6. Сидоров К. Р. Тревожность как психологический феномен // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 1–1. С. 177–183.

7. Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации пандемии COVID-19 // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9, № 2. С. 18–40.

8. Хащенко В. А. Модель субъективного экономического благополучия // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 3. С. 38–49.

9. Хащенко В. А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4, № 1. С. 106–127.

10. Хащенко В. А. Экономико-психологическая модель субъективного экономического благополучия // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 4. С. 5–19.

On Subjective Economic Well-Being as a Factor in Anxiety and Depression in Individuals During an Economic Crisis

V. A. Moskalov, T. Ts. Tudupova
Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Abstract. This article examines the relationship between subjective economic well-being and anxiety and depression in individuals during an economic crisis. In today's social climate, the subjective perception of economic instability, uncertainty about the future, and resource scarcity is increasingly becoming a significant psychological factor in emotional distress. Russian psychology has accumulated significant research on subjective well-being, economic consciousness, financial stress, anxiety, and depression; however, these areas often exist in isolation. It is noted that subjective economic well-being should not be viewed as a specific assessment of income, but rather as a multicomponent psychological construct that includes cognitive and value-based elements. The article substantiates the proposition that, in the context of an economic crisis, the key role in determining anxiety-depressive symptoms is played not so much by objective indicators of financial situation, but by subjectively experienced economic anxiety, financial deprivation, perceived insecurity, and a loss of control over one's life situation. Based on an analysis of the work of Russian researchers, the psychological mechanisms by which economic instability influences the emotional state of the adult population are clarified. It is concluded that it is necessary to integrate approaches from clinical and economic psychology to better understand anxiety and depression in times of crisis.

Keywords: subjective economic well-being, economic crisis, anxiety, depression, financial anxiety, financial deprivation, adults, psychological well-being.

Физическая культура и спорт как инструмент социальной работы в сельских поселениях Прибайкалья: вовлечение молодежи и развитие локальных инициатив

А. Д. Яблоков
Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматриваются особенности организации физкультурно-оздоровительной работы с населением в сельских поселениях Прибайкалья. Анализируются основные проблемы доступности спортивных услуг, влияние территориальной специфики региона на эффективность программ физического воспитания, а также локальные практики вовлечения молодежи в спорт. Особое внимание уделяется межведомственному взаимодействию, развитию мобильных форм организации спортивных мероприятий и роли местных сообществ в процессе социальной адаптации и формирования здорового образа жизни.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, сельские поселения, Прибайкалье, доступность спортивных услуг, социальная работа, локальные инициативы, социальная адаптация.

Физическая культура и спорт в сельских поселениях Прибайкалья представляют собой одно из наиболее актуальных направлений современной социальной политики Российской Федерации. Привлечение сельского населения к систематическим занятиям физической активностью требует

комплексной системы социальной поддержки, включающей организационную, ресурсную, образовательную и мотивационную помощь. Однако специфика сельских территорий Прибайкалья существенно осложняет реализацию данных мер поддержки. Значительная удаленность населенных пунктов, ограниченность инфраструктуры, кадровый дефицит и низкая доступность спортивных объектов формируют дополнительные барьеры для получения услуг в сфере физического воспитания сельской молодежью и представителями других возрастных групп. В этих условиях особую роль начинают играть локальные практики, основанные на взаимодействии органов местного самоуправления, образовательных учреждений, общественных организаций и самих сельских сообществ.

В условиях социально-экономических трансформаций проблема организации содержательного досуга и формирования здорового образа жизни на селе становится одной из центральных задач государственной социальной политики. Приобщение молодежи к занятиям физической культурой сопровождается необходимостью развития волевых качеств, укрепления физического здоровья, переосмысления жизненных установок и адаптации к современным условиям социальной реальности через коллективную активность. Для жителей сельских территорий данные процессы осложняются объективными социально-экономическими и инфраструктурными ограничениями, характерными для большинства районов Прибайкалья.

Прибайкалье представляет собой территорию с большой протяженностью и низкой плотностью населения. Многие сельские поселения расположены на значительном расстоянии от районных и областных центров, где сосредоточены основные учреждения спортивной инфраструктуры, стадионы и специализированные секции. В отдельных северных районах Иркутской области транспортное сообщение между населенными пунктами осуществляется нерегулярно, что существенно ограничивает возможность регулярного посещения спортивных секций. Для участия в соревнованиях или тренировках гражданам нередко приходится преодолевать сотни километров, что становится серьезным препятствием для людей с низким уровнем дохода или отсутствием личного транспорта.

Одной из наиболее значимых проблем остается недостаточная оснащенность сельских территорий современными спортивными объектами. Значительная часть сельских поселений сталкивается с износом спортивного инвентаря, отсутствием теплых раздевалок и специализированных покрытий для площадок. При этом в сельской местности наблюдается острый дефицит квалифицированных тренеров, инструкторов-методистов по физической культуре. В большинстве муниципальных образований спортивные мероприятия организуются педагогами общего профиля, которые не всегда обладают достаточным опытом работы с профессиональными спортивными дисциплинами. Это снижает эффективность тренировочного процесса и уменьшает мотивацию молодежи к регулярным занятиям.

Серьезное значение имеет и проблема кадрового обеспечения системы спортивно-массовой работы. Во многих сельских районах специалисты вынуждены одновременно выполнять широкий круг функций, связанных с организацией школьных уроков физкультуры, проведением праздничных соревнований, содержанием инвентаря и ведением документации. Высокая нагрузка и низкий уровень обеспеченности кадрами приводят к формальному характеру части спортивных мероприятий и ограничивают возможности индивидуального сопровождения талантливых детей. Особенно остро кадровый дефицит ощущается в удаленных сельских поселениях, где отсутствуют возможности привлечения молодых специалистов и профессионального повышения квалификации работников сферы спорта.

Дополнительным фактором социальной уязвимости молодежи в сельской местности является ограниченность условий для самореализации. После окончания школы многие молодые люди испытывают трудности с доступом к качественной спортивной подготовке, особенно в условиях отсутствия профильных секций и клубов. Отсутствие возможностей для развития спортивных навыков негативно влияет на мотивацию к ведению здорового образа жизни и повышает риск социальной дезадаптации. В связи с этим важным направлением социальной работы становится организация секций по доступным видам спорта, поддержка дворового спорта и развитие школьных спортивных клубов.

В ряде районов Прибайкалья начинают реализовываться локальные инициативы по спортивной интеграции сельской молодежи. Муниципальные администрации совместно с общественными советами организуют массовые спортивные праздники, направленные на популяризацию традиционных и доступных видов спорта, таких как волейбол, лыжные гонки, футбол и настольный теннис. Дополнительной мерой поддержки может стать предоставление площадок для самостоятельных тренировок, грантовая поддержка инициатив по обустройству универсальных спортивных площадок в сельской местности.

Особую роль в системе продвижения физической культуры играют местные сообщества и волонтерские объединения. В сельских поселениях традиционно сохраняется высокий уровень межличностных связей и взаимопомощи, что способствует формированию локальных практик организации досуга. Волонтеры, советы молодежи, религиозные организации и инициативные группы жителей оказывают помощь в подготовке спортивных трасс, организации турниров, доставке инвентаря и судействе соревнований. Подобные формы гражданской солидарности позволяют частично компенсировать недостаток официальной спортивной инфраструктуры.

В ряде муниципальных образований Иркутской области и Республики Бурятия активно развиваются практики общественного шефства над сельскими спортивными площадками. За объектами закрепляются общественные контролеры из числа местных жителей, которые следят за состоянием инвентаря, организуют субботники и способствуют взаимодействию

с государственными структурами. Подобная практика способствует снижению социальной напряженности и позволяет более оперативно выявлять потребности населения в развитии спортивной среды.

Важным направлением совершенствования физкультурно-оздоровительной работы становится развитие мобильных форм обслуживания населения. В условиях удаленности сельских территорий особую эффективность демонстрируют выездные спортивные бригады, включающие тренеров, спортивных врачей и организаторов мероприятий. Такие мобильные группы позволяют организовывать мастер-классы, фестивали ГТО Тужерума и соревнования непосредственно в поселениях, что особенно важно для жителей труднодоступных районов. Развитие мобильной спортивной работы способствует повышению доступности услуг и снижает уровень социальной исключенности сельского населения.

Дополнительные возможности создает внедрение цифровых технологий в сферу физической культуры. Использование онлайн-платформ для регистрации на соревнования, дистанционного методического сопровождения тренеров и популяризации спорта в социальных сетях позволяет охватить большую аудиторию. Вместе с тем эффективность цифровизации в сельской местности ограничивается низким уровнем цифровой грамотности части населения и недостаточным качеством интернет-соединения в отдаленных населенных пунктах. Для решения данной проблемы необходима организация специальных программ обучения и расширение инфраструктуры связи в сельских территориях.

Существенное значение имеет межведомственное взаимодействие в процессе развития сельского спорта. Эффективная работа требует координации деятельности органов образования, социальной защиты, культуры, муниципальных администраций и общественных объединений. Отсутствие единой системы планирования календарных планов мероприятий нередко приводит к накладкам, снижению массовости и усложнению процедуры использования имеющихся ресурсов. Создание единых координационных советов на уровне муниципальных районов позволит повысить эффективность взаимодействия и обеспечить комплексный подход к развитию спортивной инфраструктуры.

Не менее важным направлением является повышение профессиональной подготовки организаторов спорта. Работа в сельских условиях требует знаний в области менеджмента массовых мероприятий, психологии спорта и методики адаптивной физической культуры. Организация специализированных образовательных программ, семинаров и курсов позволит улучшить качество работы и повысить уровень доверия населения к институтам развития физической культуры.

Перспективным направлением развития физической культуры в сельских поселениях Прибайкалья может стать создание системы долгосрочного сопровождения спортивных инициатив. Такая система должна включать мониторинг потребностей населения, поддержку школьных и сельских лиг,

содействие в обустройстве простых спортивных объектов и вовлечение ветеранов спорта в наставничество. Особое внимание необходимо уделять профилактике вредных привычек и формированию среды для активного участия молодежи в жизни местных сообществ.

Таким образом, развитие физической культуры и спорта в сельских поселениях Прибайкалья представляет собой сложный и многоуровневый процесс, требующий комплексного подхода и учета региональной специфики. Территориальная удаленность, кадровый дефицит, ограниченность инфраструктуры и проблемы доступности спортивных услуг существенно осложняют процесс вовлечения населения в занятия спортом. Вместе с тем развитие локальных инициатив, мобильных форм работы, межведомственного взаимодействия и цифровых технологий создает предпосылки для формирования устойчивой системы физического воспитания. Повышение эффективности данной работы в сельских территориях Прибайкалья является важным условием успешной социальной адаптации молодежи и укрепления здоровья региона.

Литература

1. Министерство спорта РФ. URL: https://minsport.gov.ru (дата обращения: 01.06.26).

2. Федеральный проект «Спорт – норма жизни». URL: https://sport.minport.gov.ru (дата обращения: 01.06.2026).

3. Аналитический доклад «Развитие физической культуры и массового спорта в сельских территориях Российской Федерации. URL: https://www.rsport.ru (дата обращения: 01.06.2026).

4. Железняк Ю. Д. Теория и методика обучения предмету «Физическая культура» : учебник. М. : Академия, 2023.

5. Социальные аспекты физической культуры и спорта на селе / под ред. В. В. Кузина. М. : Сов. спорт, 2022.

Physical culture and sports as a tool for social work in rural settlements of the Baikal region: youth involvement and development of local initiatives

A. D. Yablokov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Physical culture and sports in rural settlements of the Baikal region are one of the most relevant areas of modern social policy in the Russian Federation. Attracting the rural population to systematic physical activity requires a comprehensive support system including organizational, resource, educational and motivational assistance. However, the specific features of rural territories in the Baikal region significantly complicate the implementation of these support measures. Long distances between settlements, limited infrastructure, staff shortages and low accessibility of sports facilities create additional barriers to receiving services in the sphere of physical education by rural youth and other age groups. Under these conditions, local practices based on cooperation between municipal authorities, educational institutions, public organizations and rural communities become especially important.

Keywords: physical culture, sports, rural settlements, Baikal region, accessibility of sports services, social work, local initiatives, social adaptation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Pavlov Daniel – PhD, доцент Института бизнеса и менеджмента Университета (Русенски университет Ангел Кънчев), Русы, Болгария, e-mail: daniel_pavlov@abv. bg

Азатян Татевик Давитовна – магистрант 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: tatevikazatyan95@gmail. com

Акулова Валерия Игоревна – магистрант 2-го курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Россия, e-mail: vgurshpon@mail.ru.

Алексеева Александра Николаевна – магистрант 1-го курса обучения по направлению 37.04.01 Психология, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: alekseevaalexandra07@mail.ru

Апанина Алена Владимировна – аспирант 1-го курса, кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: aapanina7@gmail. com.

Ардашев Роман Георгиевич – доктор философских наук, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: ardashev. rg@bk.ru

Бадмаева Сэсэг Дымбрыловна – Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: seseg. badmaevauu@mail.ru

Баев Павел Анатольевич – кандидат социологических наук, доцент, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: bayev.pa@mail.ru

Баранкова Надежда Викторовна – магистрант Института педагогики и психологии Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: nvbarankova@mil.ru

Бастова Кристина Георгиевна – магистрант 1-го курса направления «Политология» исторического факультета Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: k.bastova02@mail.ru

Батуев Матвей Жаргалович – студент 1-го курса Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Россия, e-mail: psiblady@mail.ru

Башкатова Татьяна Борисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: t416070@yandex.ru

Белкина Кристина Вадимовна – магистрант 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: belkina.kristina2003@yandex.ru

Белоусов Дмитрий Валерьевич – студент 2-го курса магистратуры направления «Государственно-муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: belousov. dmitriy38@mail.ru; Totalwoin2001@gmail. com

Богачева Инна Геннадьевна – кандидат психологических наук, доцент по специальности «Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика», преподаватель-практик, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: Inna.bogacheva20@yandex.ru

Бодиева Нарана Баировна – магистрант 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: sunbodieva@gmail. com

Борисов Никита Владимирович – магистрант 2-го курса направления «Информационные технологии и мониторинг в образовании» Педагогического института Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: mr. bnv2000@gmail. com

Бровченко Дарья Александровна – магистрант 1-го курса направления «Политология» исторического факультета Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: okpvd@isu.ru

Бухарова Екатерина Анатольевна – старший преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: k.buharowa@yandex.ru

Быкова Елена Геннадьевна – магистрант 2-го курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: vgurshpon@mail.ru

Варнакова Елена Вадимовна – студент 4-го курса Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: t416070@yandex.ru

Гольцова Евгения Викторовна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: jeny1963@bk.ru

Горковенко Василий Юрьевич – магистрант 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: Vasya.gorkovenko.00@mail.ru

Дамдинов Батор Алдарович – аспирант Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: dashitsyrenova.erzhena@yandex.ru

Дугарова Туяна Цыреновна – доктор психологических наук, профессор, заместитель руководителя Центра воспитания и развития личности Российской академии образования, Москва, Россия, e-mail: raodugarova@yandex.ru

Журавлева Ирина Александровна – кандидат философских наук, доцент, директор Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: irlend@list.ru

Забанова Вероника Андреевна – магистрант 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: zabanovaveronika@gmail. com

Ибрагимбекова Рена Фуад кызы – доктор философии (психология), профессор, заведующая кафедрой «Гендер и прикладная психология» Бакинского государственного университета, Баку, Азербайджан, e-mail: ibrrena@gmail.com

Иванов Роман Викторович – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: history2002@bk.ru

Карнышев Александр Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, руководитель междисциплинарного центра «Байкал: ресурсы социальной экологиии и психологического здоровья» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: ale3441@yandex.ru

Карнышева Ольга Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и развития личности Педагогического института Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: borisovvla@yandex.ru

Кишинская Татьяна Александровна – преподаватель цикловой комиссии общеобразовательных дисциплин Колледжа им. И. А. Рубленко Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: KishinskayaTA@bgu.ru

Кобец Максим Александрович – руководитель военно-патриотического центра Иркутского национального исследовательского технического университета, Иркутск, Россия, e-mail: maksim-kobets@mail.ru

Ковалева Диана Александровна – студент 2-го курса бакалавриата юридического факультета Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, Иркутск, Россия, e-mail: killlerrrrr00@mail.ru

Кожаев Денис Сергеевич – студент 2-го курса бакалавриата юридического факультета Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, Иркутск, Россия, e-mail: deniskozhaev220@gmail. com

Копылова Анна Владимировна – магистрант 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: akopylova0303@mail.ru

Корелин Михаил Николаевич – преподаватель кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД, Иркутск, Россия, e-mail: korelinmn@mail.ru

Королев Сергей Александрович – специалист по социальной работе Иркутского областного психоневрологического диспансера, Иркутск, Россия, e-mail: seriyw2011@mail.ru

Кравченко Татьяна Викторовна – магистрант 1-го курса программы «Клиническая психология» Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: t96747486@gmail. com

Кузнецова Екатерина Александровна – ассистент преподавателя кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: kuznecova. ea2023@bk.ru

Лавыгина Маргарита Александровна – преподаватель Колледжа ИГУ, студент 1-го курса магистратуры по направлению подготовки «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: margo.lav31.05@gmail.com

Лажили Лолита-Хайят Бент Сабер – психолог-стажер ГБОУ «Школа № 1514», Москва, Россия, e-mail: nauckarao@yandex.ru

Лашко Анастасия Андреевна – студент 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: anastasyalashko2020@mail.ru

Марчукова Александра Дмитриевна – магистрант 2-го курса Школы журналистики и коммуникации Университета Шанхая, Китай, e-mail: kastyes@yandex.ru

Миронов Даниил Валерьевич – ассистент кафедры психологии управления Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, e-mail: mimarik17@gmail.com

Миронова Татьяна Львовна – доктор психологических наук, профессор Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: mironouvat@yandex.ru

Михеев Игорь Анатольевич – аспирант 1-го года обучения Российской академии образования, Москва, Россия, e-mail: nauckarao@yandex.ru

Москалёв Владимир Андреевич – магистрант кафедры общей и клинической психологии Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: Moskalev-2004@bk.ru

Мурзина Юлия Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент департамента психологии и дефектологии Школы образования Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия, e-mail: y.s.murzina@utmn.ru.

Наумов Никита Олегович – магистрант 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: ntazheev@bk.ru

Ненартович Никита Николаевич – магистрант 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: nnenartovic192@gmail.com

Палащенко Егор Викторович – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: ypalashchenko@list.ru

Полюшкевич Оксана Александровна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: okwook@mail.ru

Попова Владлена Владимировна – доцент кафедры клинической, социальной психологии и гуманитарных наук Иркутского государственного медицинского университета Минздрава РФ, Иркутск, Россия, e-mail: 900320@mail.ru

Пухова Анна Сергеевна – магистрант 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: 4227887@mail.ru

Радкова Ангелина Даниловна – магистрант 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: radkova.angelina13@gmail.com

Резанов Иван Александрович – студент 2-го курса бакалавриата, юридического факультета Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, Иркутск, Россия, e-mail: rezanovivan259@gmail.com

Решетникова Екатерина Владимировна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы Института социальных наук

Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: eresh80@mail.ru

Рыжова Ольга Анатольевна – аспирант кафедры развития личности им. академика РАО В. С. Мухиной Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия, e-mail: ryzhovaola@yandex.ru

Салонин Арсений Романович – магистрант, кафедра политологии, истории и регионоведения исторического факультета Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: salonin-arseniy@bk.ru

Старцев Евгений Алексеевич – магистрант 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: starcevrussia@mail.ru

Стоюхина Наталья Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии управления Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, e-mail: natast0@rambler.ru

Терехова Татьяна Александровна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной, экстремальной и пенитенциарной психологии Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: terehovata@mail.ru

Титова Ольга Ивановна – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России; доцент кафедры психологии Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, Красноярск, Россия, e-mail: 944058@mail.ru

Третьякова Рамила Рамисовна – магистрант 1-го курса направления «Психологическое консультирование» факультета психологии Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: ramila. tretyakova@mail.ru

Трофимова Елена Леонидовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной, экстремальной и пенитенциарной психологии Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: trofimova-bgy@mail.ru

Тудупова Туяна Цибановна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и клинической психологии Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: tuyanatu@mail.ru

Хохлова Ольга Михайловна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: chochlovaolga-17@mail.ru

Чекулаев Василий Олегович – магистрант направления «Политология» исторического факультета Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: vasiliy.chekulaev.05@mail.ru

Чуняева Юлия Дмитриевна – магистрант 2-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: julia.chunyaeva6@mail.ru

Яблоков Алексей Дмитриевич – магистрант 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: yablokoff.alekseu@gmail.com

Научное издание

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ПСИХОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЭКОСООБЩЕСТВ И ЭКОТЕРРИТОРИЙ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ И МЕНТАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
Иркутск, 10–13 сентября 2026 г.

ISBN 978-5-9624-2514-6

Материалы публикуются в авторской редакции.
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2026 г. Поз. 73
Уч.-изд. л. 26,2

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. +7 (3952) 51-19-00
Издательство ИГУ, 664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел. +7 (3952) 52-18-53; e-mail: izdat@law.isu.ru

Подписано к использованию 08.09.2026
Тираж 13 экз. Объем 19,8 Мб

Тип компьютера, процессор, частота:	32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше
Оперативная память (RAM):	256 МБ
Необходимо на винчестере:	320 МБ
Операционные системы:	ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или ОС Mac OS X
Видеосистема:	Разрешение экрана 1024×768
Акустическая система:	Не требуется
Дополнительное оборудование:	Не требуется
Дополнительные программные средства:	Adobe Reader 6 или выше